

**Материалы
XIV Международной
научно-практической конференции**

**«ТАТИЩЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ПРАКТИКИ»**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

**г. Тольятти
20-21 апреля 2017 г.**

**Министерство образования и науки
Самарской области
Мэрия г.о. Тольятти Самарской области
Частное учреждение «Академия «Болашак» (Казахстан)
ОАНО ВО «Волжский университет имени В.Н. Татищева»**

**Материалы
XIV Международной научно-практической конференции**

**«ТАТИЩЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ПРАКТИКИ»**

В 4-х томах

Том 2

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

**г. Тольятти
20-21 апреля 2017 г.**

Материалы XIV Международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» // Актуальные проблемы юридической науки. В 4-х томах. Том 2. - Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2017. - 329 с.

20-21 апреля 2017 года в Волжском университете имени В.Н. Татищева г. Тольятти состоялась XIV Международная научно-практическая конференция «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики».

В настоящем издании публикуются выступления участников конференции.

Материалы представлены в авторской редакции.

Ответственные редакторы:

д.ю.н, профессор Якушин В.А.;
Галеева Г.Р.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

**ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕЛИГИИ
В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПОДХОДЕ К ТИПОЛОГИИ ОБЩЕСТВ
А. ТОЙНБИ**

*Агафонова Г.Ю., ст. преподаватель
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
г. Самара, Россия, tigr63@mail.ru*

А. Тойнби традиционно считают основоположником цивилизационного подхода в типологии. Общеизвестно, что система оснований в данном случае носит весьма условный характер. Термин «цивилизация» был интерпретирован автором как такие типы человеческих обществ, которые вызывают ассоциации и в сфере религии, и области архитектуры, живописи, нравов, обычаев и т.д., словом, в области культуры.¹ Тем не менее, два критерия типологии определялись исследователем достаточно точно: во-первых, это религиозный фактор, во-вторых, географический, т.е. степень удаленности или распространенности цивилизации (государства) от места первоначального зарождения.

Многочисленные работы А. Тойнби включают научные монографии, в том числе один из наиболее известных трудов – 12-томное исследование «Постижение истории» (A Study of History, 1934-1961); несколько томов очерков, а также прочитанные в различных университетах и затем опубликованные лекции. В числе последних, на наш взгляд, несомненный интерес представляют Гиффордские лекции «Подход историка к религии» (An Historian's Approach to Religion), состоявшиеся в 1952-1953 гг. в Эдинбургском университете, а затем изданные в 1956 г.

Выводы, содержащиеся в лекциях, были сформулированы А. Тойнби после 15-летнего творческого перерыва, обусловленного личностным и научным кризисом. Особенность подхода автора заключалась в отказе от первоначально сформулированной им в основной монографии типологии цивилизаций.

А. Тойнби считал, что в его жизни наступил такой этап, когда вопрос об отношении и осмыслении религии не может быть проигнорирован, когда есть понимание, что религия имеет не только личную духовную значимость, но является одной из основополагающих характеристик какой бы то ни было цивилизации, и пришло время развенчать устоявшиеся догмы и

---

¹ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник / Пер. с англ. — М.: Рольф, 2002. С. 133

«взглянуть в глаза реальной Вселенной»¹.

Лекции содержали не только анализ конкретного исторического материала, но и философско-мировоззренческие рассуждения автора.

Систематизируя типы организации общества в зависимости от форм религии, Тойнби выделил три культовых объекта: природу, человека и Бога, произвел типологию в зависимости от объектов поклонения.

Первый тип обществ, который был обозначен – это общества, поклоняющиеся стихиям природы. Данный тип характеризовался атрибутивной обрядовостью, жертвоприношениями, абсолютизацией значимости окружающего мира по отношению к человеку, минимальной ценностью человеческой жизни².

Второй тип – общества культа человека. Автор условно разделил их на три вида. Первый вид - общества, следующие культу коллективной человеческой власти (то есть культу общинной власти) и поклоняющиеся силам природы. В данном случае значительной разницы с первым типом не наблюдалось, коллективная общинная власть заняла место лишь представителя божества, его посредника, а в качестве объекта поклонения по-прежнему выступали силы природы и всевозможные стихии³.

Второй вид (в рамках второго типа) – это общества, следующие общей объединяющей религиозной концепции, к которым исследователь отнес «вселенские империи». В качестве примеров таких обществ Тойнби приводит Римскую и Шумерскую империи. Но даже общая религия, подчеркивает Тойнби, не может быть приемлема для всех людей, поэтому требуется новая эволюционная универсальная форма⁴.

Для третьего вида обществ культа человека в качестве религиозной основы выступил культ философов, например, в истории Греции новым идеалом стал Сократ, в Индии – Будда, а в Китае – Конфуций. По мнению автора, общество на данном этапе подошло к такому моменту, когда отдельная человеческая душа смогла быть поднята до наивысших божественных высот⁵. Анализируя все формы «человекопоклонства» Тойнби подчеркивал два противоречия: во-первых, человек, безусловно, не является богом; во-вторых, эти религии не давали ответ на важнейший вопрос о причинах страданий и средствах их преодоления. Тойнби обращал внимание, что именно страдание является сущностным проявлением жизни, оно

---

¹ Arnold Toynbee, *An Historian's Approach to Religion*, Oxford university press, Inc., 1956, p. Vi. [Электронный ресурс] // Internet Archive. URL: <http://www.archive.org/stream/historiansapproa012799mbp#page/n7/mode/2up> (дата обращения 07.09.2016)

² Ibid., p.18-28.

³ Ibid., p.31.

⁴ Ibid., p.44,56.

⁵ Ibid., p.63-70.

– неизбежный продукт противоречий, порожденных эгоцентризмом¹.

Наконец, третий тип обществ – это общества «высших религий», религий человеческого богопроявления. Так, сопоставляя буддизм и христианство, Тойнби сравнивал их с двумя линзами, через которые буддизм вглядывается внутрь человеческой души, а христианство смотрит во вне, на Бога.² Обе религии, отвечая на вопрос о смысле человеческих страданий, принимают их в виде результата любви.

Представленная типология обществ, к сожалению, была оставлена без внимания отечественными исследователями, тем не менее, вызвала заслуженный интерес в рядах представителей зарубежной научной общности. Она позволяет причислить А. Тойнби не только к родоначальникам признанного цивилизационного подхода в типологии государств и обществ, но и к основоположникам религиозной типологии, в которой религия выступает определяющим единственным основанием и выполняет стимулирующую функцию в генезисе и эволюции различных форм организации общества, его типов и институтов.

Библиографический список

1. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник / Пер. с англ. — М.: Рольф, 2002 - 592 с.

2. Arnold Toynbee, An Historian's Approach to Religion, Oxford university press, Inc., 1956, p. Vi. [Электронный ресурс] // Internet Archive. URL: <http://www.archive.org/stream/historiansapproa012799mbp#page/n7/mode/2up> (дата обращения 07.09.2016).

К ВОПРОСУ О ДИСКРЕЦИОННЫХ ПОЛНОМОЧИЯХ КАК ПРОЯВЛЕНИИ ДИСПОЗИТИВНОСТИ В ПРАВЕ*

*Демин А.В., д.ю.н., доцент
Сибирский федеральный университет
г. Красноярск, Россия, demin2002@mail.ru*

Проблематика дискреционного усмотрения в праве исключительна актуальна, прежде всего, из-за неизбежных рисков и угроз, которые оно объективно продуцирует. При этом мы рассматриваем дискрецию (дискреционную власть, дискреционные полномочия) в качестве *особой разновид-*

---

¹ Ibid., p.77.

² Ibid., p.86.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта проведения научных исследований «Диспозитивность в налоговом праве и “партнерская” модель налогового администрирования», основной конкурс 2016 года, проект № 16-03-00044.

ности диспозитивности. В этом контексте «актуальным представляется преодоление сложившегося в правовой теории и практике стереотипа, в соответствии с которым диспозитивность все еще рассматривается в качестве принципа, присущего исключительно частным субъектам. Такое восприятие диспозитивности уже не соответствует реалиям современного развития»¹.

Полагаем, следует поддержать постановку вопроса о существовании в праве «автономии в широком смысле этого слова, т. е. установленной законом возможности действовать в той или иной конкретной сфере монопольно, самостоятельно и независимо от других лиц», что ведет к признанию того факта, что «автономия в широком смысле свойственна не только субъектам частного права, но и субъектам публичного права»².

Вместе с тем отдельные авторы полагают, что диспозитивность как правовая технология применима лишь в отношении частных лиц, но не к государству и его органам, а административный акт не может являться средством реализации диспозитивных начал, так как он основан на компетенции и не позволяет властным субъектам «уклоняться» от реализации предусмотренных полномочий³. Вряд ли такая позиция заслуживает поддержки, ведь дискреция как особая форма управленческой деятельности как раз и означает возможность властного субъекта действовать по своему усмотрению в зависимости от складывающейся ситуации, нередко включая и «право на бездействие».

Таким образом, диспозитивность характеризуется *универсальным характером* не только в отношении нормативных сегментов системы права (отрасли, подотрасли, институты, нормативно-логические конструкции), но и в отношении различных категорий субъектов.

Как соотносятся между собой категории «дискреция» и «усмотрение»? Полагаем, они имеют общую природу, и могут использоваться как *взаимозаменяемые*. Многое зависит от позиции конкретного автора. В настоящей работе мы рассматриваем категорию «усмотрение» как более *широкий концепт*, характеризующий феномен диспозитивности в целом и универсально применимый ко всем участникам правового общения. Что же касается терминов «дискреция», «дискреционный» и производных от них, то он будет применяться исключительно для характеристики статуса властных субъектов, чтобы подчеркнуть специфику применения диспози-

---

¹ Валиев Р.Г. О двойственной природе и специфике диспозитивности в судебном юрисдикционном процессе // [Экономика, социология и право](#). – 2015. – № 12. – С. 104.

² См.: Сапожников С.А. Принцип диспозитивности в гражданском процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 18.

³ См.: Брюхов Р.Б. Диспозитивность в гражданском праве России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – С. 18.

тивных начал в отношении последних. Разумеется, такое «разграничение» достаточно условно. В конце концов «дискреция» в подавляющем большинстве трудов определяется именно через «усмотрение», т. е. категория «усмотрение» выступает здесь *родовым понятием*.

Заметим, что элементы усмотрения как возможность проявления активности, инициативы, творчества, нестандартного подхода к решению вопроса властными субъектами могут (и должны) сопровождать любые процессы правотворчества, толкования и правоприменения. В этом смысле можно говорить о дискреции в *широком смысле слова*, т. е. о дискреции, которая не требует официальной легализации и в большинстве своем сопровождает любую интеллектуально-волевою деятельность людей.

Что же касается дискреции в *узком значении*, как особого юридического инструментария, то отечественными и зарубежными авторами разработаны многочисленные (и разнообразные) подходы и дефиниции. При этом в зарубежной правовой науке проблематика дискреции активно исследуется, прежде всего, в контексте судебного усмотрения и при общем доминировании социологических и логико-семантических правовых школ и традиций¹. Основные дискуссии разворачиваются не о допустимости дискреции как таковой в административных практиках – она фактически не оспаривается современными авторами, но вокруг пределов и объема (диапазона) осуществления дискреционных полномочий. Конкретные подходы и дефиниции зависят от исходного правопонимания конкретных авторов.

Наиболее известным исследователем является Кеннет Дэвис (Kenneth Davis), по мнению которого «должностное лицо обладает усмотрением всякий раз, когда допустимые пределы его полномочий оставляют его свободным осуществлять выбор между возможными направлениями действия либо бездействием»². Для израильского проф. Аарона Барака (Aharon Barak), дискреция – это «полномочие, данное лицу, которое обладает властью выбирать между двумя или более альтернативами, когда каждая из альтернатив законна»³. Как полагает американский проф. Гарольд Пепински (Harold Pepinsky), дискреция вытекает из подотчетности (accountability), которая, в свою очередь, означает «необходимость отвечать за свои действия (или бездействие). ... Ведь привлекать к ответственности имеет

---

¹ См. об этом: Антропов В.Г. Правоприменительное усмотрение: понятие и формирование (логико-семантический аспект): Дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 1995. – С. 27-33.

² Discretionary Justice in Europe and America / by K.C. Davis. – Urbana, Chicago, and London: University of Illinois Press. 1976. – P. 4.

³ Барак А. Судейское усмотрение. – М.: Норма, 1999. – С. 13.

смысл лишь того, у кого есть выбор поступить иначе»¹.

В русском дореволюционном правоведении к проблематике усмотрения в праве обращались Ю.С. Гамбаров, В.М. Гессен, А.Д. Градовский, Д.Д. Grimm, А.И. Елистратов, Н.М. Коркунов, М.К. Лемке, С.А. Муромцев, Ф.В. Тарановский, Б.Н. Чичерин, Г.Ф. Шершеневич и др. Современные российские авторы в целом продолжают отечественные и зарубежные традиции дефинирования понятия «дискреция», используя термины «усмотрение», «полномочие», «выбор», «решение», «пределы», «альтернатива» и т. п.

Таким образом, в правовой науке сложилось в целом *единое* понимание сущности дискреции как общеправового феномена. Ее предназначение заключается в том, чтобы в ситуации полной или относительной неопределенности в законе правоприменитель мог выбрать из ряда правомерных альтернатив оптимальное решение, которое позволит наиболее эффективно и справедливо реализовать намерение (цель) законодателя.

Как мы установили, дискреция – одна из форм диспозитивности в праве. Поэтому *причины обращения* к дискреции в целом совпадают с общими факторами, детерминирующими обращение к диспозитивности в праве. Это – применение телеологического толкования; необходимость конкретизации (и даже более того – индивидуализации) абстрактных нормативных моделей, сформированных посредством типизации общих признаков социальных взаимодействий; преодоление излишнего консерватизма и формализма позитивного права, и, как следствие, – его коллизионности и фрагментации.

Атрибутивные *признаки дискреции* в целом также совпадают с признаками диспозитивности как общеправового феномена и включают в себя: наличие правовых оснований; реализацию дискреционных полномочий строго в рамках компетенции и предметов ведения; альтернативность выбора, где каждая из возможных альтернатив является правомерной; учет конкретной обстановки и свободное усмотрение при принятии дискреционного решения; творческий характер; дискреционное решение принимается под воздействием как объективных, так и субъективных факторов; наличие правовых и внеправовых пределов, ограничивающих дискрецию; результатом осуществления дискреционного полномочия выступает принятие оптимального решения по делу.

Дискреция, прежде всего, должна иметь под собой *правовые основания*, т. е. дискреционные полномочия должны явно (эксплицитно) предусматриваться законом либо неявно (имплицитно) вытекать из системного и

---

¹ Pepinsky H.E. Better Living Through Police Discretion // Law and Contemporary Problems. 1984. Vol. 47, № 4. P. 249-250.

иною толкования правовых норм (напр., при аналогии закона и аналогии права). Таким образом, официальная легализация дискреционных правомочий может носить как прямой, так и косвенный характер.

Принимая дискреционные нормы, законодатель сознательно регламентирует социальные взаимодействия с «поправкой» на усмотрение правоприменителя. Нормативная основа дискреции охватывает как *материально-правовой* аспект (содержание права на усмотрение), так и *формально-процессуальный* (процедура реализации права на усмотрение). Но даже самые определенные нормы и нормативные конструкции всегда оставляют правоприменителю пространство для их творческой интерпретации и развития.

Дискреция должна осуществляться исключительно в рамках установленной законом компетенции властных субъектов и по соответствующим предметам ведения. Таким образом, границы компетенции одновременно составляют и границы дискреционного усмотрения. Многими авторами дискреция рассматривается именно как *субъективное правомочие* правоприменителя, т. е. как элемент правового статуса (правосубъектности) последнего. Помимо компетенции и предметов ведения, дискреционное усмотрение должно соответствовать и *функционально-целевому назначению* правовой нормы, в рамках которой оно реализуется.

Важнейший признак дискреционного полномочия – возможность *альтернативного выбора* при принятии решения на основании некоторых исходных данных. Наличие в законе абсолютно-определенной нормативной модели, предписывающей жесткий и однозначный алгоритм определенной деятельности, исключает возможность дискреционных проявлений.

Дискреционные полномочия дают право властным субъектам в рамках закона принимать решения по своему усмотрению и исходя из конкретной обстановки. Чем сложнее и уникальнее ситуация, тем более творческий и даже нестандартный подход требуется для ее разрешения. Таким образом, обязательный признак дискреции – проявление *творческого начала* в процессе интеллектуально-волевого поиска (и обоснования) оптимального индивидуализированного решения. При этом в рамках дискреционного усмотрения каждая альтернатива должна быть правомерной, а выбор одной из них – обусловлен требованиями *целесообразности*, но не законности.

К атрибутивным признакам дискреции следует отнести ограничение дискреционных полномочий *определенными пределами*, т. е. правовыми и внеправовыми границами, в рамках которых закон допускает осуществление дискреции, а выбранная правоприменителем модель поведения должна признаваться правомерной. Такие пределы могут включать как *формализованные*, т. е. прямо предусмотренные законом, ограничения, так и огра-

ничения *подразумеваемые*, требующие творческой интерпретации правовых текстов. Кроме того, пределы дискреции могут включать как правовые, так и внеправовые факторы (нравственные ценности, политические установки, доктринальные источники, религиозные нормы, национальные и культурные традиции, общественное мнение, индивидуальный и корпоративный социальный опыт, здравый смысл, логика, прогнозируемые социальные последствия принимаемого решения).

Подводя итоги, резюмируем, что актуальность и своевременность теоретико-прикладных исследований проблемы дискреции в праве не вызывает сомнений. Разумеется, практика использования столь сложного юридического инструментария как дискреция может продуцировать произвол, коррупцию, ошибки, злоупотребления властью, и задача налогового сообщества – если не искоренить их полностью, то совместными усилиями попытаться свести к минимуму. Для этого нормативными средствами, включая законодательство и прецеденты, необходимо сбалансировать свободу правоприменительной деятельности и ее детальную формализацию, найти здесь «золотую середину». Очевидно, что полностью отказаться от использования дискреции невозможно, да и не нужно. В конце концов, *ab abusu ad usum non valet consequential* – злоупотребление при пользовании не довод против самого пользования.

Библиографический список

1. Антропов, В.Г. Правоприменительное усмотрение: понятие и формирование (логико-семантический аспект): Дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 1995. – 180 с.
2. Барак, А. Судейское усмотрение. – М.: Норма, 1999. – 376 с.
3. Брюхов, Р.Б. Диспозитивность в гражданском праве России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – 26 с.
4. Валиев, Р.Г. О двойственной природе и специфике диспозитивности в судебном юрисдикционном процессе // Экономика, социология и право. – 2015. №12. – С. 103-109.
5. Сапожников, С.А. Принцип диспозитивности в гражданском процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 24 с.
6. Discretionary Justice in Europe and America / by K.C. Davis. – Urbana, Chicago, and London: University of Illinois Press. 1976. – 203 pp.
7. Pepinsky H.E. Better Living Through Police Discretion // Law and Contemporary Problems. – 1984. – Vol. 47, № 4. – pp. 249-267.

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО СОХРАНЕНИЮ МЕСТНОГО ОБЫЧНОГО ПРАВА ПРИСОЕДИНЕННЫХ В XVII-XIX ВВ. НАРОДОВ

Диулина О.А., аспирант

*Сибирский институт управления — филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
г. Новосибирск, Россия, orabbe@yandex.ru*

Актуальность настоящей работы вызвана тем, что в ней рассматривается исторически сложившаяся традиция отношения России к праву присоединенных народов, опыт применения которой насчитывает почти три столетия. Анализ применявшихся средств и подходов интеграции права народов с учетом их результатов можно использовать для совершенствования современной политики в отношении права народов России.

В рассматриваемый период в состав Российской Империи вошли народы Малороссии, Прибалтики (Эстляндия, Курляндия и Лифляндия), Финляндии, Молдавии и Валахии, а также ряд иных. Российское правительство проводило комплексную политику, направленную на создания для указанных народов автономного национально-территориального статуса. Одним из правовых средств достижения поставленной цели стало не просто сохранение местного обычного права, которое являлось основным правовым регулятором для указанных народов, но его интеграция в систему имперского права как подчиненной части (в статусе партикулярного права).

Предпосылками для избрания именно этой модели политико-правовой связи являлось несколько факторов.

1. В силу развития в России особой имперской схемы управления окраинами политика имела четко выраженный автономистский характер, сочетающий элементы центрального и местного управления с единым политико-правовым пространством. Существовала ассиметричная система государственных и региональных властных учреждений. Несхожие между собой социальные традиции и жизненные уклады различных народов не уравнивались, а создавались разнообразные механизмы управления и адаптации местных обычаев¹. Именно это создавало специфику России как империи, и определило нормативно-правовой подход в строительстве институтов регионального управления и сохранении непубличной сферы права.

2. Целью российского правительства было упрочение связи центра и окраин, сохранение безопасности и мира на всех рубежах. Как указывал

---

¹ Красняков Н.И. Опыт исследования имперской проблематики: направления и содержание. // Вестник Алтайской академии экономики и права. - 2013. - № 4. - С. 81-85.

Н.М. Коркунов, Россия «постепенно овладела своими окраинами и на западе, и на востоке в силу чисто политических побуждений, как необходимым условием обеспечения своего могущества и независимости»¹.

При этом, историком права М.Ф. Владимирским-Будановым подчеркивалось, что «развитие русского права с древнейших времен до XIX в. рассматривалось как цельный неразрывный естественно-исторический процесс совершенствования правовых форм на национальной основе, когда последующие нормы и институты зиждились на предшествующих»². Как в отношении совершенствования своей системы права считалось верным придерживаться консервативно-либерального пути, так и развитие права присоединенных народов в качестве части российской системы представлялось невозможным без учета их собственных правовых традиций.

3. Признание российским юридическим сообществом и законодателем обычного права народов важным источником права. Под местным обычаем в исследуемый период понимали такое юридическое правило, которое не выражено в законе, но которому постоянно подчиняются жители известной местности, признавая его для себя обязательным. «Обычай слагается путем частного и однообразного применения», как следует из ст. 9 Устава гражданского судопроизводства³.

Примерно с сороковых годов XIX в. предмет истории права стал расширяться благодаря вовлечению в сферу интересов правоведов норм обычного права и проблем создания их сборников. Кистяковский А.И. так говорил об этом: «ученый юрист, изучая законы, управляющие обществом, должен начинать с простейших социальных форм»⁴, имея в виду важность анализа традиционных форм права для развития действующего права. Высшая судебная инстанция осуществляла контроль четкого соблюдения судами веления Императора – сохранять местное обычное право народов.

Российский законодатель признавал за обычаями юридическую силу наравне с писаными законами. Манифест от 19.02.1861г. «О Всемилошвейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей, и об устройстве их быта» с целью сохранения и поддержания

---

¹ Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 2. - СПб., 1897. – С.147.

² Проф. М.Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону, Изд-во «Феникс», 1995. – С.14.

³ Устав гражданского судопроизводства с объяснениями по решениям Гражданского кассационного департамента и общего собрания Кассационных и I и II департаментов Правительствующего сената / Сост. А.Л. Боровиковский; Испр. и доп. П.Н. Гуссаковский. - 6-е изд. неофиц. изд. - Санкт-Петербург: тип. А.С. Суворина, 1908. – С. 48.

⁴ Кистяковский А.Ф. Собрание и разработка материалов обычного права. - Киев, 1876. – С.5.

своеобразных начал юридической жизни крестьян (на которой был построен быт и социально-экономические отношения большей части населения), закон от 12 июля 1889г. «Временные правила о Волостном Суде в местностях, в которых введено Положение о Земских Участковых Начальниках» сохранили особый суд (волостной), который руководствуется исключительно обычаями как источниками права. В п.21 Общего Положения о крестьянах, вышедших из зависимости, указывается, что в отношении свободных крестьян действуют местные их обычаи.

Рядом законов закреплено признание волостного суда и местных обычаев, как основного источника права сибирских инородцев, кочевых народов Восточной Сибири, самоедов, народов Якутии и Дальнего Востока. На законодательном уровне было закреплено не только признание обычаев, но и установлено их соотношение с общими государственными законами, которые подлежали применению исключительно в случае недостаточности местных источников. Согласно разъяснениям Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената (решения №839 от 1875г., №225 от 1878г., №№173, 324 от 1879г., №174 от 1870г., №116 от 1896г. и др.)¹, «общие судебные места обязаны руководствоваться в решениях своих обычаем вообще и крестьянским обычаем в особенности в той мере, в какой сила обычая допущена законом». Налицо конкретность позиции имперского правительства в отношении границ действия обычных норм, очерченных только законом.

Аналогичный подход действовал в отношении признания юридической силы обычаев всех присоединенных народов.

Таким образом, в качестве важных факторов, предопределивших дальнейший ход интеграции обычного права, выбор способов ее осуществления, а также отношение законодателя к тому, какое место будет занимать местное обычное право в системе источников имперского права, можно назвать особенности государственного устройства России, цель, которую преследовал отечественный законодатель, и исторически сложившееся отношение к обычной форме права в нашем государстве.

Библиографический список

1. Полное Собрание Законов Российской Империи. 1649-1913. Собрания I-III. / Электронный фонд Российской национальной библиотеки// http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content.html
2. Устав гражданского судопроизводства с объяснениями по решени-

---

¹ Систематический указатель вопросов, разрешенных определениями общего собрания кассационных и с участием I и II департаментов Правительствующего сената, с 1866 по 1 января 1900 г. / Сост. обер-секретарь общ. собр. кассац. деп. Правительствующего сената Н.Н. Быстров. - Санкт-Петербург: М-во юст., 1901 – 998с.

ям Гражданского кассационного департамента и общего собрания Кассационных и I и II департаментов Правительствующего сената / Сост. А.Л. Боровиковский; Испр. и доп. П.Н. Гуссаковский. - 6-е изд. неофиц. изд. - Санкт-Петербург: тип. А.С. Суворина, 1908.

3. Систематический указатель вопросов, разрешенных определениями общего собрания кассационных и с участием I и II департаментов Правительствующего сената, с 1866 по 1 января 1900 г. / Сост. обер-секретарь общ. собр. кассац. деп. Правительствующего сената Н.Н. Быстров. - Санкт-Петербург: М-во юст., 1901. - 998с.

4. Кистяковский А.Ф. Собрание и разработка материалов обычного права. - Киев, 1876. - 28с.

5. Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 2. - СПб., 1897. - 540с.

6. Проф. М.Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. - Ростов-на-Дону, Изд-во «Феникс», 1995. - 640с.

7. Красняков, Н.И. Опыт исследования имперской проблематики: направления и содержание. // Вестник Алтайской академии экономики и права. - 2013. - № 4. - С. 81-85

СООТНОШЕНИЕ ФУНКЦИЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

*Кабанов П.А., к.ю.н., доцент
Волжский университет имени В.Н. Татищева
г. Тольятти, Россия, rkabanov14@mail.ru*

Исследование взаимосвязей и соотношения регулятивной и карательной функции позволяет глубже вникнуть в суть правового института юридической ответственности, определить место карательной функции юридической ответственности среди других функций и выявить единство негативного и позитивного аспектов юридической ответственности.

Регулятивная функция юридической ответственности призвана закрепить, упорядочить и оформить динамику общественных отношений. Она отражает и формирует стержень, основу юридической ответственности. Без регулятивной функции юридической ответственности не возможна реализация других функций. Так, если соответствующие общественные отношения не будут закреплены в правовых нормах, если на правовой основе не разовьется динамика общественных отношений, то нечего будет предупреждать. Ведь предупредительная функция направлена на недопущение нарушения общественных отношений, урегулированных посредством регулятивного воздействия юридической ответственности. Соответственно,

без правовой закреплённости тех или общественных отношений не возможно и совершение правонарушения, т.к. правонарушение посягает на уже урегулированные и охраняемые общественные отношения.

Как известно регулятивная функция права и одно из ее проявлений регулятивная функция юридической ответственности образуются из регулятивно-статической и регулятивной динамической функций [1, с. 96-97; 3, с. 138-139; 5, с. 124; 7, с. 120], а точнее будет сказать подфункций, которые и образуют регулятивную функцию. Регулятивно-статическая функция закрепляет в правовых нормах, предусматривающих юридическую ответственность как разрешенный, так и запрещенный вариант поведения и юридически значимые последствия, которые могут наступить как в случае совершения правомерных поступков, так и в случае совершения противоправных поступков.

Таким образом, получается, что возможность осуществления карательной функции юридической ответственности, суть которой заключается в разнообразных правоограничениях, которые она несет для правонарушителей, закрепляется именно регулятивно-статической функцией юридической ответственности. В связи с чем возникает вопрос, а с чем связано такое значение регулятивной функции юридической ответственности? Думается, что ответ на этот вопрос кроется в свойствах права в целом. Как отмечает М.И. Байтин: «По характеру воздействия на общественные отношения у права выступает на передний план главная, определяющая смысл его существования как особой нормативной системы функция правового регулирования, кратко именуемая регулятивной..... Данная функция получает практическое воплощение в трех общих, основных, собственно юридических функциях права, распространяемых на действующую систему права в целом: регулятивно-статической, регулятивно-динамической и регулятивно-охранительной» [2, с. 13]. Следовательно, регулятивные возможности существуют и у карательной функции юридической ответственности, которая является одним из проявлений охранительной функции права, но это не означает, что регулятивная функция «растворяется» в других функциях юридической ответственности, а лишь подчеркивает аспекты взаимосвязей функций юридической ответственности.

Как уже отмечалось, с момента совершения правонарушения у правонарушителя появляется обязанность, вытекающая из факта совершения правонарушения. Если обратиться к содержанию этой обязанности то оно будет заключаться в претерпевании им осуждения лишения личного, имущественного и неимущественного характера, т.е. правоограничений. Данные правоограничения, закреплённые в своей статике в санкции правовой нормы, в результате регулятивно-статического воздействия юридической ответственности реализуются уже в отношении правонарушителя при по-

мощи карательного воздействия, но сами по себе без деятельности правоприменителя они не могут реализоваться, а деятельность правоприменителя является урегулированной посредством регулятивной функции.

Таким образом, отвечая на поставленный выше вопрос, приходишь к выводу: правоотношение юридической ответственности складывается как под воздействием карательной функции, так и под воздействием регулятивной функции, а карательная функция не может возникнуть и тем более реализоваться без регулятивного воздействия. В содержание правоотношений юридической ответственности входят не только обязанности правонарушителя, но и его права, которые закрепляются посредством регулятивно-статического воздействия, а их реализация этих прав обусловлена регулятивно-динамическим воздействием. Следует отметить, что правоотношение юридической ответственности одно, но складывается оно под воздействием различных функций юридической ответственности.

Регулятивное назначение права заключается не только в регулировании общественных отношений не связанных с совершением правонарушения. Как уже указывалось карательное воздействие ограничивает правовой статус правонарушителя. Правовой статус правонарушителя представляет собой совокупность прав и обязанностей, куда входят права и обязанности как свойственные всем субъектам, так и права и обязанности, характерные только для правонарушителя. Реализация прав и обязанностей (реализация правового статуса), характерных только для правонарушителя выражается в его поведении (юридически значимом действии или бездействии) и сопряжено с ограничением других прав. Такое поведение является волевым и урегулированным. Оно складывается под воздействием карательной функции и не смотря на то, что карательная функция ограничивает права и свободы она одновременно и регулирует поведение правонарушителя, а, следовательно, и общественные отношения, одним из участников которых выступает правонарушитель.

Кара заключается не только в претерпевании субъектом неблагоприятных ограничений, но и в регулировании его поведения. Обычно в юридической литературе утверждают, что поведение субъекта до момента совершения правонарушения является правомерным. Но если субъект после совершения правонарушения не нарушает режим в местах лишения свободы, не скрывает свое имущество от описи и конфискации, добровольно уплачивает штраф, разве его поведение не является правомерным? Безусловно, это правомерное поведение, которое уже складывается не под воздействием дозволений, предписаний, позитивных обязываний, а под воздействием ограничений, которые являются неблагоприятными для правонарушителя. Смысл карательной функции заключается не только в ограничении поведения правонарушителя, но и в формировании его право-

мерного поведения как в период претерпевания неблагоприятных правоограничений, так и в будущем. В этом проявляется еще один аспект взаимосвязи кары и регулирования.

Сформированное правомерное поведение субъектов общественных отношений, следствием чего выступает упорядоченное, нормальное функционирование общественных отношений в юридической литературе рассматривают как результат воздействия регулятивной функции юридической ответственности [7, с. 6,9; 5, с. 133]. Указанный результат воздействия связывают исключительно с регулятивной функцией юридической ответственности. Как было указано выше карательная функция, осуществляемая в отношении правонарушителя также приводит к социально полезному результату – к конкретным правовым ограничениям и сформированному правомерному поведению. Сформированное правомерное поведение как результат воздействия карательной функции приводит к упорядочиванию общественных отношений. Регулятивная функция тоже приводит к упорядочиванию общественных отношений, но это отношения, которые функционировали до момента совершения правонарушения и функционирование которых было нарушено противоправным поведением. Таким образом, юридически значимые последствия карательной функции и регулятивной функции юридической ответственности схожи, по своей внешней форме – создание упорядоченного состояния общественных отношений, но различны по своему внутреннему содержанию. Если для регулятивной функции юридической ответственности это отношения не связанные с совершением правонарушения, то для карательной функции это отношения, вытекающие из юридического факта правонарушения.

Выявляя взаимосвязи карательной и регулятивной функции юридической ответственности, мы неизбежно сталкиваемся с противоречиями, когда устанавливаем возможность регулирования общественных отношений, как при помощи карательной функции, так и при помощи регулятивной функции. Это объясняется взаимопроникновением функций юридической ответственности, их одновременным осуществлением использованием схожих правовых средств и общими свойствами права – быть средством правового регулирования общественных отношений. Получается, что при осуществлении карательной функции юридической ответственности происходит: во-первых, ограничение прав и свобод правонарушителя; во-вторых, регулирование общественных отношений; в-третьих охрана общественных отношений от возможных будущих нарушений.

Взаимодействие карательной и регулятивной функций юридической ответственности можно проследить и на основе способов их осуществления. Способы осуществления карательной функции можно рассмотреть и с позиции обязанностей. Ведь, сужая имущественную сферу, осуждая пра-

вонарушителя и т.п. правоприменитель реализует появившуюся у него обязанность, а правонарушитель, претерпевая осуждение, ограничения, в свою очередь реализует, появившуюся у него новую обязанность, которой не существовало до юридического факта правонарушения.

Таким образом, получается, что обязанности выступают как способами осуществления карательной, так и способами осуществления регулятивной функций юридической ответственности, но содержание этих обязанностей различно и эти обязанности не тождественны друг другу.

Такое соотношение карательной и регулятивной функции, обусловлено тем, что они вступают парными юридическими категориями. Между обязанностями, которые используются для осуществления карательной и регулятивной функций юридической ответственности есть как общие, так и отличительные черты. Общее заключается в том, что они выступают составляющими частями правового регулирования и юридическими средствами правового регулирования. В них отражается властная природа юридической ответственности.

Различия состоят в следующем. Первая обязанность, характерная для осуществления регулятивной функции выступает сдерживающим средством от совершения правонарушения и несет в себе информацию о разрешенном и одобряемом поведении, и об отсутствии неблагоприятных последствий в случае соблюдения этой обязанности. Вторая обязанность, характерная для осуществления карательной функции является следствием несоблюдения первой и несет в себе информацию о неблагоприятных последствиях, которые должен претерпеть правонарушитель.

Соотношение карательной и регулятивной функции можно рассмотреть и на основе других способов их осуществления. Способами осуществления регулятивной функции выступает не только обязанности, но и поощрения, а противовес поощрения – наказание, осуждение и другие неблагоприятные последствия, которые обязан претерпевать правонарушитель.

Регулятивная функция направлена на недопущение развития карательной функции юридической ответственности. Выгоднее и целесообразнее закрепить и урегулировать отношения таким образом, чтобы исключить правовые условия, способствующие совершению правонарушений. Поэтому в криминологической литературе особое внимание уделяется правовым условиям, способствующим совершению правонарушений [4, с. 220]. Отсутствие урегулированности общественных отношений, некачественное регулирование общественных отношений выступают условиями совершения правонарушений, которые увеличивают возможность совершения общественно опасных деяний, а, следовательно, и возможность развития карательной функции юридической ответственности.

Взаимосвязь и соотношение карательной функции с регулятивной функцией можно выявить и на основе соотношения тех целей, которые они преследуют. Наличие общих целей у карательной и регулятивной функции свидетельствуют о едином механизме осуществления юридической ответственности, о целостности этого сложного правового института.

В качестве перспективных целей юридической ответственности указывают и на цели формирования гражданского общества и построения правового государства[7, с. 12-15]. В достижении этих целей принимают участие все функции юридической ответственности (в том числе карательная и регулятивная). Как известно признаком правового государства является неотвратимость ответственности и взаимная ответственность субъектов общественных отношений. За общественно опасные деяния юридическая ответственность должна неотвратимо закрепляться в правовых нормах (проявление регулятивно-статической функции), а за нарушение, урегулированных и охраняемых общественных отношений, неотвратимо должна развиваться и реализовываться карательная функция юридической ответственности (проявление карательного воздействия). Таким образом, достижение неотвратимости юридической ответственности возможно только при взаимодействии регулятивной и карательной функции, а, следовательно, без этого взаимодействия не возможно и достижение целей построения правового государства и гражданского общества.

Как ни парадоксально, но невольно напрашивается вывод о существовании у регулятивной функции юридической ответственности цели кары. Точнее будет сказать, что регулятивная функция преследует не саму цель кары, а цель обеспечения кары, т.к. если юридическая ответственность не будет закреплена в правовых нормах, то соответственно, не возможна и осуществление карательной функции в случае нарушения этих норм. Естественно, что цель обеспечения цели кары будет выступать для регулятивной функции не в качестве основной, а в качестве дополнительной. Основная же цель данной функции – создание упорядоченного состояния общественных отношений, что отражает еще один аспект взаимосвязи этих функций юридической ответственности.

Карательная функция юридической ответственности преследует не только цель кары, но и цель воспитания. Данная цель может реализовываться в отношении различных субъектов. Во-первых, тех субъектов, которые непосредственно претерпевают меры юридической ответственности, и во-вторых, иных субъектов, в отношении которых имеется информационное воздействие со стороны практики применения юридической ответственности. Регулятивная функция, также преследует цель воспитания. Сам факт установления юридической ответственности должен оказывать воспитательное воздействие на всех субъектов юридической ответственно-

сти. Это положение подчеркивает еще один аспект взаимосвязи регулятивной и карательной функции юридической ответственности.

Решение задач защиты общественных отношений, укрепления законности предполагает установление юридической ответственности и целенаправленное воздействие на поведение ее субъектов, а в случае нарушения, установленных предписаний воздействие должно носить карательный характер. Тем самым воплощается в реальность принцип неотвратимости юридической ответственности во всех его проявлениях, которые заключается не только в привлечении субъекта к юридической ответственности, но и в обязательном установлении юридической ответственности и соблюдении ее предписаний [6, с. 11].

Библиографический список

1. Алексеев, С.С. Проблемы теории права Т. 1 – Свердловск, 1972. – С. 96-97.
2. Байтин, М.И. О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение. 2000. № 3. С. 13.
3. Байтин, М.И. Сущность права (Современное нормативное правовое понимание на грани двух веков). – Саратов: СГАП, 2001. С. 138-139.
4. Долгова, А.И. Криминология. – М., 1997. С. 220.
5. Липинский, Д.А. Юридическая ответственность. – Тольятти: Изд-во ВУиТ, 2002. С. 124, С. 133.
6. Мироненко, М.Б. Принципы юридической ответственности. – Тольятти: Изд-во ВУиТ. 2001. С. 11.
7. Трофимова, М.П. Функции юридической ответственности: Дис.... кан. юрид. наук. – Самара, 2000. С. 120, С. 6, 9, С. 12-15.

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ САНКЦИИ В НАЛОГОВОЙ СФЕРЕ

Кабанова Л.Н., аспирант

Тольяттинский государственный университет

Кабанов П.А., к.ю.н., доцент

Волжский университет имени В.Н. Татищева

г. Тольятти, Россия

Определяя имущественно-правовую санкцию как меру воздействия на отношения в сфере экономической деятельности, рассмотрим специфику таких санкций в налоговой сфере.

При рассмотрении имущественно-правовых санкций в налоговой сфере (в рамках отрасли финансового права) следует уточнить, что понятие «финансовые санкции» шире понятия «имущественные санкции», по-

скольку финансовые санкции в зависимости от последствий воздействия могут быть имущественными, организационными, заключаться в разовом порицании или в поощрении.

В настоящем исследовании определим специфику последствий воздействия исключительно имущественного характера на примере имущественных санкций в налоговой сфере.

Ученые, исследовавшие проблемы правовой природы финансовых санкций, выделяли ряд признаков, которые определяют специфику финансово-правовых санкций: они носят имущественный характер.

Так, О.И. Юстус отмечал, что финансовые санкции характеризуются следующими признаками: данные санкции имеют имущественный (денежный) характер; основание их применения – совершение финансового правонарушения; санкции применяются как к физическим лицам, так и к организациям; денежные средства, изъятые у правонарушителя путем наложения финансовых санкций, зачисляются в соответствующий бюджет или иной централизованный фонд; специфика финансово-правовых санкций состоит в том, что правосстановительная и штрафная функции санкций в достаточной степени могут совпадать, что объясняется имущественным характером финансовых правоотношений, с одной стороны, и обеспечением доходной части бюджета как основной целью принуждения – с другой¹.

Схожие признаки финансовых санкций определяют М.В. Карасева, Г.А. Тосунян, А.Ю. Викулин². Однако не все финансово-правовые санкции носят денежный характер, они могут быть организационными, могут заключаться в разовом порицании и т.д. Именно поэтому, как нам представляется, в связи с тем, что имущественный характер санкций, особенно в налоговой сфере, преобладает, следует обратиться к анализу их правовой природы.

«Своеобразие финансовой деятельности заключается в том, что данные имущественные отношения регулируются методом властных предписаний»³.

Таким образом, имущественные санкции в налоговой сфере можно определить, как применяемые в особом процессуальном порядке уполномоченными органами государства меры воздействия (как негативного, так и поощрительного характера), имеющие денежный характер.

Социально-экономические условия в стране оказывают существенное

---

¹ Юстус О.И. Финансово-правовая ответственность налогоплательщика-организации: Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов. 1997 г. – С. 48-49.

² См.: Финансовое право / Отв. ред. М.В. Карасева. – М.: Юрист, 2002. С. 176; Тосунян Г.А., Викулин А.Ю. Финансовое право. М.: Дело, 2002. – С.58.

³ Разгильдиева М.Б. Налоговая ответственность в системе юридической ответственности. - С. 135.

влияние на содержание имущественных санкций, их характер и объем карательного или поощрительного воздействия.

Так, с января 2017 года вступили в силу изменения налогового законодательства, которые указывают на тенденцию увеличения ответственности мер по взысканию имущественных санкций: налоговой недоимки, задолженности и т.д.

Федеральным законом 401-ФЗ от 30.11.2016г., в частности в ст. 75 Налогового кодекса, которая регулирует пени, внесены существенные, на наш взгляд, изменения. Для организаций (п. 4 ст. 75 НК РФ) вдвое увеличена ставка пени, то есть на сегодняшний день она составляет одну трехсотую действующей ставки рефинансирования ЦБ РФ, а для недоимки, возникшей после 1 октября 2017г., будут действовать новые правила: до 30 дня просрочки действует старая ставка пени (1/300), а с 31 дня ставка удваивается.

Еще в 1996г. было разъяснено в Постановлении КС Ф от 17.12.1996 № 20-П по жалобе юридического лица о законодательной возможности, на тот момент, органам налоговой полиции, производить взыскание недоимки по налогам, а также сумм штрафов и иных предусмотренных законодательством имущественных санкций с юридических лиц в бесспорном порядке.

Налоговый кодекс не зря предусматривает два последствия налоговой недоимки – пени и штрафы. Взыскание налога не может расцениваться как производное лишение собственника своего имущества, - оно представляет собой законное изъятие части имущества, вытекающее из конституционной публично-правовой обязанности. Наделение налогового органа полномочием действовать властно-обязывающим образом при бесспорном взыскании налоговых платежей правомерно в той степени, в какой такие действия, во-первых, остаются в рамках именно налоговых имущественных отношений, а не приобретают характер гражданско-правовых, административно-правовых или уголовно-правовых санкций, и, во-вторых, не отменяют и не ущемляют права и свободы человека и гражданина. В связи с этим налогового обязательства, равно как соответствующие требования налогового органа об уплате налога в случае несогласия с ним налогоплательщика не может быть временно прекращено или приостановлено, если это не предусмотрено законом. В п. 5 указанного Постановления сказано, что неуплата налога в срок должна быть компенсирована погашением задолженности по налоговому обязательству, полным возмещением ущерба, понесенного государством в результате несвоевременного внесения налога. Поэтому к сумме собственно не внесенного в срок налога (недоимки) законодатель вправе добавить дополнительный платеж – пеню как компенсацию потерь государственной казны в результате недополучения налого-

вых сумм в срок в случае задержки уплаты налога. Иного рода меры, а именно взыскание всей суммы сокрытого или заниженного дохода (прибыли), а также различного рода штрафов, по своему существу выходят за рамки налогового обязательства как такого. Они носят восстановительный, а не карательный характер и являются наказанием за налоговые правонарушения, последствием чего будет взыскание штрафа.

Таким образом, анализ положений Постановления, показывает, что штраф – это ответственность за налоговое правонарушение, а пени – это компенсационная мера, мера, которая призвана компенсировать бюджету те потери, которые были причинены в результате ненадлежащего исполнения налогоплательщиком своих налоговых обязательств. Компенсационная мера – это некое восполнение финансовых потерь. Однако изменения, вступающие в силу с 1 октября 2017г. по взиманию пени с юридических лиц в двойном размере после 31 дня просрочки, на наш взгляд, противоречит практике и толкованию КС РФ, так как получается это уже не компенсирующая, а стимулирующая мера, взыскательная мера, как минимум, не только компенсация. Во-вторых, указанные изменения применяются только для организаций; по недоимке физических лиц и индивидуальных предпринимателей, все правила остаются старыми, что возможно и является обоснованным с точки зрения обеспечения бюджетных интересов, но не с точки зрения права. Соглашаясь с авторами, исследовавшими данный вопрос, здесь прослеживается нарушение принципа равенства налогоплательщиков, одного из двух фундаментальных принципов, на которые сейчас обращает внимание КС РФ применительно к налоговым правоотношениям.

В санкции могут быть закреплены как меры негативного воздействия, применяемые в случае совершения финансового правонарушения, так и меры позитивной ответственности, применяемые в случае соблюдения предписаний финансово-правовой нормы.

Одна из наиболее обсуждаемых в настоящее время льготы, которая введена в НК РФ, позволяющая освободить от налогообложения движимое имущество, принятое на учет после 1 января 2013г. Оценивать данную льготу можно по-разному, но понятно одно, что с точки зрения пополнения бюджета – это радикальная льгота. Под движимым имуществом понимают, как известно, не только автомобили и компьютеры, но и многочисленное оборудование, оргтехнику. Здесь у налогоплательщиков выступают огромные суммы, подпадающие под действие данной льготы. Правда, в 2015 году в норму о льготе были введены поправки: исключили объекты, которые были приобретены у взаимозависимых лиц в результате сделки купли-продажи либо в результате реорганизации. Данные поправки были введены с целью, свести к минимуму схемы злоупотреблений, которые

естественно стали возникать: старое движимое имущество искусственно принять после 1 января 2013г. через реорганизацию или путем продажи взаимозависимому лицу, а затем через договор аренды осуществлять пользование имуществом на льготной основе, с точки зрения налогообложения. Но уже с 2018г. сфера действия данной льготы существенно сократится, если ее введение не станет бессмысленным для налогоплательщика. Налог на имущество – это региональный налог, и доходы от него берут субъекты Федерации. В 2018 году эта федеральная льгота по движимому имуществу будет применяться только в том случае, если регионы прямо заявят о ее применении в соответствующем региональном законе. Т. е. можно ожидать, что вряд ли здесь многие субъекты воспользуются этой возможностью и предоставят такие льготы, либо будет формироваться ситуации конкуренции регионов, что также повлечет стремление налогоплательщиков воспользоваться льготой, будет ли это злоупотреблением или «тенденцией необоснованной налоговой выгодой, покажет судебная практика.

Анализируя имущественно-правовые нормы в налоговой сфере, определяющие последствия позитивного характера, возникает вопрос: «Являются ли льготы, нормами поощрения?» Отвечая на данный вопрос, следует согласиться с мнением А.Д. Бубенщикова, который отмечал, что в публичном праве следует говорить о преобладании в законодательстве льготных, а не поощрительных норм. «Налоговое и бюджетное законодательство, по мнению автора, пошло по пути развития норм-льгот, а не норм поощрений»¹. Существующие нормы-льготы в зависимости от финансового правоотношения можно разделить на следующие виды: а) налоговые льготы; б) инвестиционный налоговый кредит; в) специальный налоговый режим; г) бюджетные ассигнования и др. Финансовые нормы – льготы по своему содержанию отличаются от норм поощрения тем, что не связаны с финансово-правомерным поведением. Первая разновидность норм призвана компенсировать положение субъектов финансового права. «Льготы – аванс за будущее правомерное поведение, а поощрение назначается по итогам определенной деятельности»².

Таким образом, сфера действия имущественных санкций в области налогового права специфична – это область налоговых отношений, отношений по формированию и исполнению бюджета. Имущественные санкции регулируются методом властных предписаний, большинство санкций выступают содержащиеся в них указания неблагоприятный характер последствий. Процессуальный порядок применения имущественных санкций

---

¹ См.: Бубенщиков А.Д. Финансово-правовые стимулы инвестиционной деятельности // [http: www.Sin.bis.ru](http://www.Sin.bis.ru)

² Дьяченко Е.В. Поощрительные санкции как позитивные санкции нормы права: общетеоретический аспект Дис. ...канд.юрид.наук. – Краснодар.2011г. - С. 130.

в налоговой сфере определяется исключительно на федеральном уровне и зависит от условий социально-экономического развития в стране, что существенно снижает степень прогнозирования и планирования участников экономических отношений.

Библиографический список

1. Арсланбекова, А.З. [Текст] Налоговые санкции в системе мер финансово-правовой ответственности. – С. 85.
2. Бубенчиков, А.Д. [Электронный ресурс] Финансово-правовые стимулы инвестиционной деятельности // [http: www.Sin.bis.ru](http://www.Sin.bis.ru)
3. Дьяченко, Е.В. [Электронный ресурс] Поощрительные санкции как позитивные санкции нормы права: общетеоретический аспект Дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар.2011г. - С. 130 // [http: diss.rsl.ru](http://diss.rsl.ru)
4. Теория государства и права [Текст]: учебник / [А.А. Гогин и др.]; под ред. А.В. Малько и Д.А. Липинского. – Москва: Проспект, 2016. – 324 с.

ОБ ОСНОВНЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ И ПОЗИТИВИСТСКИХ ПОДХОДОВ В РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

*Крылов А.Д., аспирант
Сибирский институт управления,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
г. Новосибирск, Россия, chfudokankryloff@mail.ru*

Исследование наследия творчества философов и юристов прошлого и анализ достижений современных исследователей в различных областях науки, изучающей механизмы регулирования правоотношений членов человеческого общества и их основания, позволяют сделать вывод об актуальности проблемы соотношения естественных и позитивистских подходов к природе прав и свобод человека и их роли в современной жизни¹.

На определенных этапах развития человеческого общества и, соответственно, в различных государствах возникали периоды преобладания сторонников естественной теории прав и свобод человека, либо приверженцев позитивизма в философии права. Подтверждением этому тезису могут служить многочисленные публикации современных исследователей. Более

---

¹ В.В. Невинский. Естественные права человека на весах современного конституционализма. – Журнал «Конституционное и муниципальное право» № 8. – 2016. - С.29.

того, по мнению Г.С. Працко, рассматриваемая проблема соотношения естественного и позитивного всегда находилась в центре доктрины естественного права¹.

Вызывает интерес существующие методологические подходы к рассмотрению поставленного вопроса отечественными правоведами, на исследовании которых мы остановимся в данном выступлении. По мнению большинства авторитетных специалистов в основе современной правовой теории лежит два основных положения, соответствующих двум основным теориям юридической науки – естественно-правовой и позитивистской. Однако, в результате определения границы действия основных положений обеих теорий, появились мнения, которые обоснованно можно отнести к третьему подходу. Например, В.М. Шафиров полагает, что пройдя ступени естественно-правовой и позитивной теорий, право достигло нового уровня формирования и обоснования. Он считается основателем школы естественно-позитивного права или позитивного права в человеческом измерении. По мнению В.М. Шафирова и этот уровень развития правовой теории был достигнут в два этапа. Первоначально он говорит о позитивно-естественном праве, появившемся на основе положений естественно-правовой теории, в рамках которых сформулированы идеи неотчуждаемых естественных прав человека. И лишь затем сформировалась система естественно-позитивного права. По мнению автора, сформулировавшего и обосновавшего свой взгляд на развитие правовой науки, естественно-позитивное право есть ни что иное, как возведенная в высшую степень, т.е. закрепленная все видами действующих нормативных источников, воля большинства людей, провозглашающая человека, его права и свободы высшей ценностью². Данный подход специалисты относят к так называемому интеграционному подходу, к возможности применения которого скептически относились и относятся многие авторитетные правоведы. К ним можно отнести, в первую очередь В.С. Нерсесянца, Г.С. Працко, В.А. Четвернина, О.Э. Лейста и других.

Подобные подходы к упрощенному, на их взгляд, правопониманию, сводящиеся к объединению во многих случаях противоречащих друг другу позиций, не позволяет согласиться с мнением сторонников данного подхода. Однако, считаю справедливым отметить, что подходы, сформулированные В.М. Шафировым, имеют большое значение для понимания границ

---

¹ Г.С. Працко. Особенности соотношения естественного и позитивного права в условиях становления и развития гражданского общества. - Журнал «Философия права», № 2 (63). – 2014. - С.38.

² Г.С. Працко. Особенности соотношения естественного и позитивного права в условиях становления и развития гражданского общества. - Журнал «Философия права», № 2 (63). – 2014. - С.39.

действия естественно-правовой и позитивистской теорий.

В одном ряду с этим направлением А.В. Корнев рассматривает и либертарно-юридическую концепцию В.С. Нерсесянца, коммуникативную теорию права А.В. Полякова, диалоговую концепцию И.Л. Честнова, социократическую концепцию Г.В. Мальцева и обменную теорию Л.С. Мамута.

В контексте рассматриваемой проблемы вызывает интерес эволюция представлений о праве и его толковании в работах отечественных специалистов в этой области, опирающихся на опыт классиков философской и юридической мысли. По мнению профессора А.В. Корнева, в России, не смотря на существование различных подходов в понимании права, как краеугольного камня юридической науки, основные размышления велись непосредственно вокруг этого понятия.¹

Русский философ Б.А. Кистяковский в начале XX века сетовал на недостаточность участия русских ученых в развитии этой науки, хотя многие из них рассматривали в своих трудах проблемы, близкие правоведению, в частности о правах и свободах человека. Вместе с тем, «ни Чичерин, ни Соловьев не создали чего-либо значительного в области правовых идей»². Анализируя причины сложившейся ситуации, Б.А.Кистяковский указывал, что русские ученые достаточно поздно обратили серьезное внимание на вопросы права, в частности ими принимались как должное результаты рассуждений европейцев по вопросам свобод и прав человека, а многое просто заимствовалось. Результатом стало то, что «правосознание русской интеллигенции никогда не было охвачено всецело идеями прав личности и правового государства... Нет единых и одних и тех же идей свободы личности, правового строя, конституционного государства, одинаковых для всех народов и времен»³.

По мнению современных российских исследователей в правовой науке конца XIX - начала XX веков, к которым можно отнести А.Ф. Черданцева, А.В. Смирнова, А.В. Корнева и Т.Я. Харабриеву, получили серьезное развитие: государственно-правовая теория, ярким приверженцем которой автор считает Г.Ф. Шершеневича; психологическая школа права, положений которой в своих трудах придерживался Л.И. Петражицкий; а также социологическая школа (социологический позитивизм), весомый вклад в разработку которой внесли С.А. Муромцев и Б.А. Кистяковский.

А.В. Корнев, опираясь на наследие Н.А. Алексеева, выделил некоторые характерные черты нормативной школы (выше названа государствен-

---

¹ Корнев А.В. Толкование права в контексте различных типов правопонимания. – Журнал «Журнал российского права», № 8 (236). – 2016. – С.30.

² Б.А. Кистяковский, В защиту права (интеллигенция и правосознание), Сборник статей русской интеллигенции «Вехи». - М, 1990. - С.129.

³ Там же, с.130.

но-организационной), как наиболее представленной в российской юридической науке того периода, позволяющей выделить три основных ее направления. По их мнению, необходимо различать этический нормативизм (наиболее яркий представитель П.И. Новгородцев), логический нормативизм (И.А. Ильин) и юридический нормативизм (последователи американского ученого австрийского происхождения Г. Кельзена)¹.

В основе этих школ главными были размышления о сущности правовых норм и их роли в системе права. Так, в своих работах по теории права Б.А. Кистяковский выделял три основных подхода к правовым нормам. Так, последователи немецкой школы философского идеализма считали, что предназначение норм состоит в установлении и разграничении свободы членов общества. По мнению Р.Ф. Иеринга и С.А. Муромцева предназначение правовых норм в защите интересов участников правоотношений. Последователи А.Меркеля, которым относил себя и Б.А. Кистяковский, видели роль норм в создании различного рода компромиссов между различными социальными группами общества². Свое мнение последователи различных школ аргументировали с помощью достаточно широкого круга доводов, однако ценным было то, что независимо от множества школ понимание права в своей основе было единым. Единым было и утверждение о том, что свое выражение право находит в юридических нормах.

В целом, по мнению Председателя Конституционного суда Российской Федерации В.Д. Зорькина, которое он сформулировал в своем диссертационном исследовании о позитивистской теории права в России в 1978 году, юридический позитивизм господствовал не только в общей теории права, но и в юридических теориях в различных его отраслях. Размышления последователей данного направления были посвящены проблеме первичности в соотношении права и государства. Поражает широта допускаемых сторонниками юридического позитивизма высказываний по одним и тем же положениям. Например, в результате проведенного анализа, А.В. Корнев обнаружил, что даже понятие права, как такового, трактуется последователями школы достаточно противоречиво. В качестве подтверждения своих наблюдений он приводит высказывания Г.Ф. Шершеневича, С.В. Пахмана, А. Рождественского, Д.Д. Гримма, Е.В. Васьковского и других³.

Представители психологической теории, которых было значительно меньше, размышляли о волевом факторе в системе права. Л.И. Петражицкий и П.А. Сорокин считали, что разрешение большинства проблем юри-

---

¹ Корнев А.В. Толкование права в контексте различных типов правопонимания. – Журнал «Журнал российского права», № 8 (236). – 2016. – С.30.

² Там же, с.31.

³ Там же, с.33.

дической науки лежит в присущей праву императивно-атрибутивной природе и необходимости выработки шаблона правовых норм, содержащим как можно более полное содержание.

С.А. Муромцев, как представитель социологического позитивизма, в отличие от упомянутых выше исследователей, оценивал право как совокупность правоотношений (юридических отношений). А непосредственно нормы права в его системе представляются как атрибут существующего порядка¹. Как указывает А.В. Корнев, имея значительный практический опыт, С.А. Муромцев призывал активнее использовать при принятии правовых решений не только юридический закон, обычай, правовую доктрину и другие юридические источники, но и задействовать положения из вне-юридической сферы социальной и общественной жизни. В этом он видел путь к повышению оригинальности и эффективности юридической деятельности и развития правовой науки.

Размышляя над этапами развития позитивистской теории, может создаться впечатление, что мы забыли о естественно-правовой теории. Однако, в российской правовой науке рассматриваемого исторического периода трудно выделить приверженцев этого направления. К этому выводу приходят и А.В. Корнев и Г.А. Гаджиев². Видимо дело в том, что на самом деле, каждый из правоведов, несмотря на провозглашаемое отрицание основных положений естественной теории права, в своих размышлениях, безусловно, обращается к ним³. В частности, к определениям прав и свобод человека. Кроме того, как утверждает С.С. Яценко, критика естественно-правовой теории при рассмотрении позитивного права не покидает основ первой теории и остается в ее пределах. По его мнению, нет двух различных прав. Естественная и позитивная теории являются лишь различными точками зрения на общий предмет – действительное право⁴. В развитие этой мысли можно привести мнение И.А. Покровского, считавшего, что нельзя разделять естественное и позитивное право как неразрывные части одного целого. П.И. Новгородцев также соглашался с тезисом о том, что любое нормативное рассмотрение есть скрытое предположение естественно-правовой школы.

---

¹ Липень С.В. Е.В.Васьковский как представитель юридического позитивизма в отечественной юридической науке. - Журнал «Журнал российского права», № 8 (236). – 2016. – С.67.

² Гаджиев Г.А. Е.В. Васьковский и современная цивилистическая методология. – Журнал «Журнал российского права», № 8 (236). – 2016. – С.57.

³ Фальшина Н.А. Понятие и генезис концепции естественных прав человека. - Журнал «Философия права», № 6 (73).- 2015. – с. 59.

⁴ Корнев А.В. Толкование права в контексте различных типов правопонимания. – Журнал «Журнал российского права», № 8 (236). – 2016. – С.36.

По мнению А.В. Корнева современные дискуссии по вопросу границ естественной и позитивистской теории права уступают прениям дореволюционного периода России. Вместе с тем, вклад российских ученых в юридическую науку нельзя недооценивать. С.С. Алексеев, М.И. Байтин, В.М. Горшенев, В.Д. Зорькин, Д.А. Керимов, Е.А. Лукашева, Г.В. Мальцев, Л.С. Мамут, Н.И. Матузов, В.С. Нерсисянц, Ю.А. Тихомиров, А.Ф. Черданцев, В.А. Четвернин и многие другие внесли серьезнейший вклад в развитие самых разнообразных течений правовой теории, позволяющий дальнейшим поколениям российских юристов совершенствовать не только российскую правовую систему, но и оказывать плодотворное влияние на зарубежную юридическую науку.

Подводя некоторый итог размышлениям о состоянии границ естественно-правовой и позитивистской теорий права, справедливо выделить несколько основных моментов.

Первый из них о том, что обе теории, во всем многообразии школ и направлений, их существование и развитие является подтверждением незыблемости понятий и закономерностей, положенных в их основу.

Границы действия обеих теорий определяются действующей в конкретном государстве правовой системой, а также уровнем развития сложившихся доминирующих подходов философской, юридической и общественных наук. Здесь также уместно упомянуть и о взаимозависимости уровня развития науки и состояния гражданского общества, а также эффективности взаимодействия его с государственным аппаратом.

Следующий вывод указывает на то, что движущей силой эволюции правовых теорий, безусловно, являются процессы, происходящие в человеческом обществе. Однако, применение современных достижений во всех областях науки применительно к юридическим закономерностям, должно основываться на незыблемости основных понятий теории права и использовании научно обоснованных и приемлемых юриспруденцией методов. Применение неправильных методов, даже справедливых для других областей науки, может оказать негативное влияние на результат, который невозможно будет объективно применять для описания юридических механизмов.

И, в заключение, хочется отметить, что наличие различных подходов, их многообразие, в юридической науке является питательной средой не только самой теории права, но и философии, политологии, социологии, и других.

Применительно к теме нашего рассуждения можно применить высказывание А.В. Корнева о том, что «юриспруденция – наука точная... Привнесение в юридическую науку сомнительных достижений из других областей знания грозит усилением метафизических спекуляций... Велико желание их заменить, но, увы, пока не получается. Ибо с практической точки

зрения иные варианты понимания права просто несостоятельны»¹.

Библиографический список

1. История философии: учеб. пособие для студентов вузов/ пер. с англ. В.И. Кузнецова; Под ред. С.Б. Крымского. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2008. – 799 с.
2. Шафиров, В.М. Естественно-позитивное право. Введение в теорию. Монография. - Красноярск: ИЦ КрасГУ, 2004. - 260 с.
3. Невинский, В.В. Естественные права человека на весах современного конституционализма. – Журнал «Конституционное и муниципальное право» № 8. – 2016. - С.29.
4. Працко, Г.С. Особенности соотношения естественного и позитивного права в условиях становления и развития гражданского общества. - Журнал «Философия права», № 2 (63). – 2014. - С.38.
5. Корнев, А.В. Толкование права в контексте различных типов правопонимания. – Журнал «Журнал российского права», № 8 (236). – 2016. – С.30.
6. Кистяковский, Б.А., В защиту права (интеллигенция и правосознание), Сборник статей русской интеллигенции «Вехи». - М, 1990. - С.129.
7. Липень С.В. Е.В. Васьковский как представитель юридического позитивизма в отечественной юридической науке. - Журнал «Журнал российского права», № 8 (236). – 2016. – С.67.
8. Гаджиев, Г.А. Е.В. Васьковский и современная цивилистическая методология. – Журнал «Журнал российского права», № 8 (236). – 2016. – С.57.
9. Фальшина. Н.А. Понятие и генезис концепции естественных прав человека. - Журнал «Философия права», № 6 (73).- 2015. – с. 59.
10. Працко, Г.С., Тирацуйан Р.Х. Естественное право – ценностный компонент правовой основы гражданского общества. – Журнал «Философия права», № 5 (60).- 2013. – с. 29.
11. Зелинский, В.Е. Отражение концепции естественного права в философско-исторических взглядах В.Н. Татищева. – Журнал «Философия права», № 6 (67).- 2014. – с. 7.
12. Зелинский, В.Е. Естественное право и принцип личности в философской мысли П.И. Новгородцева. – Журнал «Философия права», № 5 (66). - 2014. – с. 7.

---

¹ Корнев А.В. Толкование права в контексте различных типов правопонимания. – Журнал «Журнал российского права», № 8 (236). – 2016. – С.42.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ МАТЕРИАЛЬНОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОМПОНЕНТОВ В ПРАВЕ

Кутько В.В., к.ю.н., доцент

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

г. Белгород, Россия, kutko@bsu.edu.ru

Современный этап государственного строительства характеризуется наличием тенденции процессуализации законодательства России, которая становится господствующей не только в связи с появлением новых видов государственной работы и равновеликих массивов норм и институтов процессуального права, но и увязывается с укреплением требований законности при осуществлении функций государства и его органов, гарантированностью реализации прав граждан. Это актуализирует интерес ученых и практиков к исследованию многогранной и сложной проблемы теории права – соотношению материального и процессуального права.

Взгляды на данную проблему разделяют ее исследователей на сторонников двух противоположных позиций.

Согласно первой из них взаимосвязь материального и процессуального права рассматривается через категории «содержание» и «форма». Такое решение вопроса во многом обусловлено необходимостью теоретического уяснения природы материального и процессуального права: что является первичным, определяющим, что – производным, зависимым.

Второй взгляд состоит в том, что тесная связь отраслей материального и процессуального права не выражается в виде соотношения содержания, а процессуального как формы будет означать отказ от признания за процессуальными отраслями самостоятельного значения. Так, А.А. Мельников утверждает, что «тесная связь отраслей материального и процессуального прав несомненна, но она не выражается в виде соотношения содержания и формы. Процессуальные отрасли являются самостоятельными даже основными в системе современного права и имеют свои собственные форму и содержание»¹.

Материальное и процессуальное право, имея различные предметы правового регулирования, обладают своим специфическим содержанием и своей специфической формой. С этой точки зрения А.А. Мельников и его сторонники, безусловно, правы.

Вместе с тем, следует заметить и то, что никто из авторов, рассматривающих взаимосвязь материального и процессуального права в диалектике содержания и формы, еще не отрицал самостоятельного значения за процессу-

---

¹ Мельников, Ю.И. О процессуальном в юридической деятельности / Ю.И. Мельников, Ю.Д. Рудкин. Сб. научн. трудов. – Ярославль, 1989. - С.73.

альными отраслями права. Они всегда подчеркивают, что материальное и процессуальное право находятся в той же диалектической связи, которая характерна для содержания и формы вообще. Материальное право может быть реализованным только в присущих, необходимых ему процессуальных формах, закрепляемых процессуальным правом. В тоже время процессуальное право в отрыве от права материального не имеет никакой самостоятельной ценности и существует лишь постольку, поскольку существует материальное право, нуждающееся в реализации.

Ряд ученых подчеркивают недостаточность оснований для утверждения с полной уверенностью, что процессуальных отраслей будет столько, сколько существует отраслей материального права. Они считают, что нельзя утверждать, что нашему праву присущи такие процессуальные отрасли и подотрасли, как государственное, административное, семейное, земельное, трудовое и финансовое процессуальное право.

Кроме того, в общей теории права на уровне ее современной разработки разграничение норм материального и процессуального права прямо связывается с различными функциями юридических норм в правовом регулировании. Наиболее обобщенно это выразил П.М. Рабинович. По его мнению, «материальные нормы, раскрывающие содержание прав и обязанностей и фиксирующие дозволения и запреты, устанавливают «конструкцию» поведения, а процессуальные, указывающие как реализовать и применять первые, закрепляют «технологии поведения». Вместе с тем П.М. Рабинович отрицательно относился к делению всех норм на процессуальные и материальные, указывая на определенную двойственность многих правовых норм, которые могут выполнять как материальную, так и процессуальную функции в зависимости от того, в связи с какими иными нормами регулируются определенные отношения¹.

Иногда деление права на материальное и процессуальное связывают с выделением в системе права регулятивных и охранительных норм, относя процесс к способу реализации последних.

По мнению Н.М. Костровой, связи, складывающиеся у процессуальной отрасли с соответствующими материальными отраслями права, можно представить как «вертикальные», так как процессуальное регулирование общественных отношений носит, в известной степени, надстроечный характер. Взаимные связи, возникавшие в процессуальной сфере, выстраиваются по «горизонтали». Речь идет об отношениях субординации между нормами материального и процессуального права. Однако нормы одной отрасли права не могут находиться в отношениях власти и подчинения по отношению к нормам другой отрасли права, тем более что нормы материального и процессуального права, имея разно-

---

¹ Теория юридического процесса / Под общей ред. проф. В.М. Горшенева. - Харьков: Вища школа, 1985. - С.177.

субъектный характер, регулируют различные общественные отношения¹.

В юридической литературе материальное право рассматривается как специфическое юридическое понятие, которое обозначает те правовые нормы, которые упорядочивают поведение индивидов, организаций в различных социальных сферах путем непосредственного правового регулирования. Материальное право с учетом предмета правового регулирования принято подразделять на соответствующие отрасли и институты права. Имеются в виду такие отрасли, как конституционное, гражданское, трудовое, административное, уголовное и др., и институты права - избирательное, пенсионное, право собственности, освобождения от уголовной ответственности и др. Объектом материального права выступают имущественные, трудовые, семейные и иные отношения.

Применительно к таким отношениям нормы материального права определяют взаимные права и обязанности их участников. Особенность в следующем: материальное право - совокупность общеобязательных, исходящих от государства, правил, включающая и материальные регулятивные нормы, и материальные охранительные нормы.

Первые из названных прямо влияют на определенную сферу общественных отношений, регулируют ее, закрепляют исходные права и обязанности соответствующих субъектов, обеспечивают регулятивную функцию права.

Вторые - предусматривают различные меры принуждения, юридической ответственности, меры защиты нарушенных прав и др. В целом можно еще раз подчеркнуть, что объектом материального права являются имущественные, трудовые, семейные отношения, отношения, связанные с возложением юридической ответственности, и т.д. Главное здесь в том, что нормы материального права определяют взаимные права и обязанности участников регулятивных и охранительных правоотношений.

В отличие от материального, процессуальное право, традиционно рассматривается как совокупность правовых норм, определяющих процедуры, процессы применения материального права. Имеются в виду те нормы, которые регламентируют порядок рассмотрения и разрешения уголовных, гражданских, арбитражных дел, а также дел об административных правонарушениях и дел, рассматриваемых в порядке конституционного судопроизводства.

При исследовании природы процессуального права и определения его места в общей структуре права, как правило, исходят из того, что его практическое назначение исчерпывается регламентацией общественных отношений, складывающихся в процессе принудительного осуществления прав и обязанностей, установленных нормами материальных отраслей.

Общеупотребимость понятий «материальное» и «процессуальное право» не дает, однако четкого представления о разграничении этих категорий и не

---

¹ Там. же. – С. 179.

позволяет сделать вывод о содержании понятий «процессуальное право», «юридический процесс», «юридическая процедура».

На наш взгляд проблему соотношения категорий «материальное» и «процессуальное» право следует рассматривать с позиции сторонников «широкого подхода», согласно которой материальное право определяет процесс, а процессуальное закрепляет процессуальные формы необходимые для реализации норм материального права, регулирует отношения, складывающиеся в области их применения.

Процессуальное право является наукой, изучающей юридический процесс во всех его проявлениях. Процессуальное право, как и право в целом, нацелено на позитивное регулирование общественных отношений, но в отличие от права материального, реализация которого возможна без вмешательства специально созданных государственных органов и должностных лиц, обладающих государственно-властными полномочиями, путем соблюдения установленных нормами материального права запретов или правил поведения, реализация норм процессуального права невозможна без подобного вмешательства. Таким образом, процессуальное право направлено на обеспечение нормального хода и развития социальных отношений и разрешение возникающих в обществе конфликтных ситуаций.

Материальное и процессуальное право как общетеоретические конструкции в юридической науке употребляются в неразрывной связи друг с другом. Существование процессуального права рассматривается как необходимая форма реализации права материального.

Традиционный подход к определению соотношения материального и процессуального заключается в следующем: «Различают нормы материального права (определяющие содержание прав, обязанностей и запретов, непосредственно направленных на регулирование общественных отношений) и нормы процессуального права (определяющие порядок, процедуру, форму реализации норм материального права)».

Соотношение материального и процессуального права состоит в следующем.

Материальное право регулирует организуемые отношения, в которых субъекты отвечают на вопрос «что делать?», «что не делать?».

Процессуальное право регулирует организационные отношения и отвечает на вопрос «как делать?», «в каком порядке (последовательности) совершать действия?».

Материальное право и процессуальное право в ходе реализации характеризуется неодинаковым составом участников (субъектов). В процессуальных правоотношениях, например, всегда в качестве лидирующих присутствуют субъекты – носители властных полномочий.

Неодинаковыми для материального и процессуального права являются

средства принудительного обеспечения. В первом блоке норм, институтов, отраслей действуют гражданско-правовые, административно-правовые и другие санкции норм материального права. Во втором – действуют процессуальные санкции – признание юридически ущербным принятого решения, изменения решения, отмена и др.

«О материальном праве, материальной норме, материальном правоотношении говорят только тогда, когда надо отделить и не смешивать их с процессуальным правом, процессуальной нормой, процессуальным правоотношением... Необходимость в дополнительном эпитете «материальное» появляется только при обращении к процессу»¹.

В литературе можно встретить и несколько иную точку зрения, согласно которой процессуальное право является абсолютно производной от материального права категорией и без него не существует и существовать не может, а следовательно нельзя рассматривать процессуальное право как самостоятельный институт, поскольку оно существует только благодаря наличию в системе права материальных отраслей, институтов и норм².

С подобным подходом к определению природы процессуального права отчасти можно согласиться, поскольку на первоначальном этапе формирования правовой системы процессуальное право действительно выступает как «надстройка» материального права, имеющее только одну цель - реализовать материальные нормы. Но с дальнейшим развитием правовой системы и в условиях построения правового государства процессуальное право трансформируется, приобретая все большую самостоятельность и независимость от материального права и постепенно складывается в отдельный правовой блок. Подобной точки зрения придерживается к примеру А.А. Мельников, который не отрицает связь отраслей материального процессуального права, но при этом рассматривает процессуальные отрасли как самостоятельные и основные в системе права³.

Термины «производный» и «вторичный» на наш взгляд, на сегодняшний день не могут объективно характеризовать процессуальное право. Нет необходимости выяснять, что является «базисом» или «надстройкой» материальное право или процессуальное, поскольку они являются равнозначными и равноправными правовыми блоками российской правовой системы и выполняют сходные функции.

---

¹ См.: Борисов, Г.А. Теория государства и права: учебник. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. - С.167.

² Шакарян, М.С., Сергун, А.К. К вопросу о теории так называемой «юридической процессуальной формы» // Труды Всесоюзного заочного юридического института. Проблемы соотношения материального и процессуального права. – М., 1998. - С.64.

³ Мельников, Ю.И. О процессуальном в юридической деятельности / Ю.И. Мельников, Ю.Д. Рудкин. Сб.научн.трудов. – Ярославль, 1989. - С.79.

Нельзя согласиться с утверждением, что содержание материальных норм в процессуальных актах и наоборот, является следствием несовершенства законодательной техники.

По мнению В.М. Горшенева процессуальное право по отношению к материальному праву носит производный вспомогательный характер. Оно обеспечивает нормальную реализацию норм материального права.

Подводя итог, можно прийти к закономерному выводу, что «механическое» разделение этих двух взаимосвязанных компонентов права невозможно. Наличие в материальных отраслях процессуальных норм и самостоятельных процессуальных институтов позволяет сделать вывод о возрастающей роли процессуального права в регулировании общественных отношений. Трудно не согласиться с утверждением, что если в одном нормативном акте часто объединяются материальные и процессуальные нормы, то это обстоятельство объясняется двумя причинами: либо тем, что законодатель руководствовался интересами удобства пользования таким нормативным актом, либо тем, что не найдены еще более удобные формы объективизации процессуальных норм. Но можно указать и еще одну причину возникновения подобной ситуации – процессуализация всех направлений правового регулирования, трансформация материальных и процессуальных отраслей права в целях более эффективного упорядочивания социальных связей.

Библиографический список

1. Борисов, Г.А. Теория государства и права: учебник. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007.
2. Мельников, Ю.И. О процессуальном в юридической деятельности / Ю.И. Мельников, Ю.Д. Рудкин. Сб.научн.трудов. – Ярославль, 1989.
3. Теория юридического процесса / Под общей ред. проф. В.М. Горшенева. - Харьков: Вища школа, 1985.
4. Шакарян, М.С., Сергун, А.К. К вопросу о теории так называемой «юридической процессуальной формы» // Труды Всесоюзного заочного юридического института. Проблемы соотношения материального и процессуального права. – М., 1998.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ГОСУДАРСТВА Ф.Ф. КОКОШКИНА

Лапаева А.В., к.ю.н.

*Тамбовский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
г. Тамбов, Россия, anlapaeva83@mail.ru*

Ф.Ф. Кокошкин (1871–1918) – выдающийся российский правовед,

блестящий политический деятель, один из основателей Конституционно-демократической партии. Совместно с Б.Н. Чичериным, С.А. Муромцевым, П.Н. Милюковым, С.А. Котляревским, Ф.Ф. Кокошкин создал оригинальную модель правового государства в условиях возможной модернизации России. Кокошкин считал, что конституционное государство являлось практическим осуществлением идеи правового государства: «государство, подчинение которого праву гарантировано, есть конституционное государство»¹. Он указывал, что государство должно было рассматриваться одновременно как субъект права и фактор правообразования. Под правовым государством Кокошкин понимал такое государство, члены которого по отношению к нему имели не только обязанности, но и права, являлись не только подданными, но и гражданами².

Государствовед выступал за обоснование необходимости существования сильной, но действующей в рамках права власти, являющейся выражением национальной воли к модернизации традиционных социальных институтов и проведению демократических реформ. Ученый указывал, что государство считалось правовым, если подчинение праву было обеспечено определенной суммой гарантий, которые должны были содержаться в конституции.

Критически анализируя основные теории происхождения государства (патриархальную, теократическую, органическую, экономическую), подчеркивая их односторонность, Кокошкин отстаивал социологический подход в исследовании проблем государства. По его мнению, государство рассматривалось не как территория или совокупность людей, а как общественное явление³.

Ф.Ф. Кокошкин в отношении исследования государства являлся сторонником разработанной Г. Еллинеком концепции государства как юридического лица. Согласно данной теории государство рассматривалось как совокупность правовых институтов, в целом, включая монарха и основные ветви власти. Кокошкин считал, что если государственная власть принадлежала государству, то только к государству как юридическому лицу могло быть отнесено такое свойство государственной власти как суверенитет. По мнению государствоведа, конституционное государство характеризовалось тем, что в нем подчинение государства праву было обеспечено совокупностью таких гарантий, как участие народа и народных представителей в законодательстве и разделение властей⁴.

Исследуя теорию права, Кокошкин, как и Муромцев, придерживался

---

¹ Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 1912. С. 261.

² Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву... С. 261.

³ Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву... С. 262.

⁴ Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву... С. 267.

социологической школы права, согласно которой общественная и государственная власть происходила из личной власти человека над человеком, а ее природа выяснялась путем интерпретации психологии господства и подчинения. Государствовед утверждал, что право должно было находиться во взаимосвязи с народным правосознанием, залогом которого являлось участие народа или народных представителей в законодательной деятельности. Между тем участие народа или его представителей в осуществлении законодательной власти еще не достаточно гарантировало подчинение государства праву. Необходимо было, чтобы государство не только создавало юридические нормы в соответствии с народным правосознанием, но и действовало в конкретных случаях согласно данным нормам¹.

В качестве дополнительных гарантий со стороны законодательной власти в отношении подчинения государства праву Кокошкин называл образование двухпалатного народного представительства, совместное осуществление законодательной власти народным представительством и народом, участие в законодательной деятельности главы исполнительной власти. С другой стороны, гарантиями против нарушений со стороны исполнительной власти Ф.Ф. Кокошкин считал право народного представительства ежегодно определять бюджет и численность армии, ответственность министров перед народным представительством.

Применительно к российским политическим реалиям, Кокошкин считал, что идея конституционного государства могла быть осуществлена в двух основных формах: конституционной монархии или республики, отличительными признаками которых выступали наследственность правительственной власти в монархии и ее выборность – в республике. Законодательная власть должна была принадлежать народному представительству. Идея создания права самим народом всего полнее и последовательнее осуществлялась там, где все полноправные граждане непосредственно участвовали в законодательстве в форме плебисцитов (референдума) и так называемой народной инициативы.

Подводя итоги, отметим, Ф.Ф. Кокошкин отстаивал социологический подход в исследовании проблем государства, считая его продуктом общественного развития. Ученый рассматривал государство с позиции юридического лица, наделенного возможностью вступать в правовые отношения с обществом. Кокошкин исследовал проблему соотношения государства и права в качестве совокупности общественно-признанных норм, обеспечивающих удовлетворение интересов людей с помощью взаимодействия их волей. Право должно было находиться во взаимосвязи с народным правосоз-

---

¹ Кокошкин Ф.Ф. Об основаниях желательной организации народного представительства в России. М., 1906. С. 4 – 5.

знанием, залогом которого являлось участие народа или народных представителей в законодательной деятельности. Конституционное государство являлось практическим осуществлением идеи правового государства, в котором его подчинение праву было гарантировано основным законом государства.

Библиографический список

1. Корнев, В.Н. Правовая мысль в дореволюционной России. М., 2003.
2. Кокошкин, Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 1912.
3. Кокошкин, Ф.Ф. Об основаниях желательной организации народного представительства в России. М., 1906. С. 4 – 5.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИЙ ПРАВореАЛИЗАЦИОННОЙ НОТАРИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Моисеева О.В., старший преподаватель

*Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
г. Тамбов, Россия, moiseewaolga@yandex.ru*

Функции нотариальной правореализационной практики отражают ключевые перспективные направления нотариальной деятельности, демонстрируя при этом сущность правовой позиции нотариата в обществе. Кроме того, правореализационная практика является одним из тех каналов, который позволяет раскрыть потенциальные возможности права, а функции правореализационной практики нотариата неразрывно связаны с функциями права¹. Важно отметить, что функции нотариальной правореализационной практики обладают отличительными особенностями, проявляя тем самым специфику деятельности нотариата и отражая его роль в сфере регулирования гражданского оборота. Особенности функций правореализационной практики нотариата обусловлены спецификой его правовой природы, характеризующейся оригинальным сочетанием частного и публично-правового начала, заложенного в основу создания данного института, индивидуальным проявлением направленности правового воздействия на общественные отношения и своеобразием поля правового существования,

---

¹ Моисеева, О.В. Функции правореализационной нотариальной практики как направления воздействия на общественные отношения // Вестник ПАГС. 2010. №4 (25). С. 100.

обозначенного как бесспорная гражданская юрисдикция.

Правореализационная нотариальная практика является многосложной системой, в силу чего важно дифференцировать ключевые направления ее воздействия на реальную действительность¹. В этой связи систематизация функций правореализационной нотариальной практики позволит организовать накопленные знания о направлениях ее влияния на общественные отношения, определить правовую позицию каждого из направлений в ходе реализации правового регулирования этих отношений, а также раскрыть содержание каждой из функций.

В современной юридической науке неоднократно предпринимались попытки систематизировать функции правореализационной практики по различным критериям, например, по значимости для общества можно выделить основные и неосновные функции; по времени действия – постоянные и временные; в зависимости от сферы распространения задач, которые решает правореализационная практика, – внутренние и внешние². Однако разработку области функционального назначения правореализационной практики нотариата проводили немногие исследователи, среди которых Е.Н. Палагина и О.В. Моисеева. Ввиду особенностей правового воздействия на общественные отношения и специфику структурного устройства института нотариата функции правореализационной нотариальной практики можно рассматривать в рамках двух фундаментальных групп: 1) организационной (социальной) – внешне ориентированные функции правореализационной нотариальной практики, характеризующее правовое положение в системе органов гражданской юрисдикции; и 2) материальной (содержательной) – внутренне ориентированные функции, отражающие особенности нотариальной деятельности.

Внешние социально ориентированные функции правореализационной нотариальной практики находят свое отражение через непосредственно предупредительно-профилактическую (пропедевтическую), фискальную правореализационную и правоохранительную функции.

Предупредительно-профилактическое (пропедевтическое) направление правореализационной практики нотариата сложилось исторически и функционально связано с процессом гражданского судопроизводства. Анализируя правовые позиции ключевых субъектов - нотариуса и судьи – можно сделать вывод о наличии сходных характерных черт: публично-правовой основе профессиональной деятельности, легитимности, беспристрастности, независимости, несмотря на то, что действуют указанные

---

¹ Палагина, Е.Н. Функции юридической практики: дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 2003. С. 88.

² Карташов, В.Н. Теория правовой системы общества: учебное пособие в 2 томах. – Ярославль: ЯрГУ, 2005. Т.1. С. 308.

субъекты в кардинально противоположных сферах юрисдикции по своему воздействию: нотариус действует в зоне бесспорной юрисдикции, а судья – правового конфликта. Однако совершенно очевидно, что одна из основополагающих идей развития и функционирования современной правовой системы – это не разрешение, а противодействие возникновению спора. Именно поэтому развитие системы нотариата в целом и ориентирование его правореализационной практики в частности является частью масштабного плана по реформированию судебной системы с целью исключения из зоны действия судебных органов правовых вопросов, способных быть разрешенными без участия суда, и, таким образом, разгрузить суды. Для этого важно наладить процесс полноценного использования позитивного потенциала нотариата в гражданском обороте¹: предотвращать возникновение конфликтов уже на стадии согласования условий в рамках совершаемых сделок; упростить процесс доказывания в суде за счет признания доказательственной силы нотариального акта, что позволяет выявить истинную волю в судебном процессе; вывести дела бесспорного характера за рамки судебного производства, что сократит общую численность дел в суде. Предупредительная функция правореализационной нотариальной практики обусловлена общей характеристикой функциональной направленностью нотариата в гражданском обороте². Если основная задача судьи разрешить спор, то ключевая цель нотариуса – обеспечить выполнение публичной функции по созданию доказательств³.

Фискальная функция правореализационной нотариальной практики обусловлена публично-правовой составляющей природы института нотариата и нацелена на содействие осуществлению ряда государственных задач. Во многих странах латинского нотариата нотариусы содействуют осуществлению фискальной функции государства, фиксируя случаи перехода права собственности и устанавливая налогоплательщиков. Фискальная функция приобретает специфическое значение в современной системе функционирования государства, учитывая возрастающую роль налоговых отчислений в формировании государственного бюджета.

Правореализационная функция нотариальной практики отражает ее сущность посредством исполнения, использования, соблюдения и применения права. Правореализационная практика нотариата складывается через обеспечение условий правомерного поведения участников гражданского

---

¹ Решетникова, И.В., Ярков, В.В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России. – Екатеринбург, М.: Норма, 1999. С. 227.

² Жуйков, В.М. Нотариат как институт предупредительного правосудия: единство и различие с судебными органами // Нотариальный вестник. 1998. № 9. С. 28-31.

³ Пиепу, Ж.-Ф., Ягр, Ж. Профессиональное нотариальное право / Пер. И.Г. Медведева. - М.: Юристъ, 2001. С. 205.

оборота в рамках совершения нотариальных действий; через исполнение, использование и соблюдение нормативно-правовых предписаний материального и процедурного характера в рамках предоставленных нотариусу полномочий; а также через осуществление правоприменительной деятельности нотариусов в ряде ограниченных случаев, когда ему делегировано право разрешать юридические дела относительно конкретных фактических ситуаций¹.

Правоохранительная функция традиционно присуща публично-правовым институтам в целях обеспечения законности и правомерности юридически значимых действий участников гражданского оборота. В рамках осуществления правореализационной нотариальной практики правоохранительная функция нотариата позволяет решить комплекс задач: снизить уровень криминальности в обороте недвижимости; повысить раскрываемость преступлений; обеспечить правовую безопасность субъектов права. Правоохранительная функция нотариальной правореализационной практики обусловлена строгим регламентом процедуры совершения нотариальных действий и широким кругом доказательств, подлежащих исследованию в рамках нотариальной деятельности, а легитимность ее гарантирована делегированием институту нотариата государственных полномочий с соответствующим уровнем гражданско-правовой ответственности за негативные последствия деятельности нотариуса.

Внутренние функции правореализационной нотариальной практики, отражающие специфику нотариальной деятельности, обладают особыми свойствами: правоустанавливающими, удостоверительными, охранительными и юрисдикционными.

Правоустанавливающая функция правореализационной нотариальной практики обусловлена необходимостью определения значительных групп юридических фактов, взаимосвязанных между собой в фактические составы различной степени сложности². В целях установления истинности волеизъявления и правомочий лиц, обратившихся или участвующих в совершении нотариального действия, на нотариусе лежит обязанность установления и проверки фактического состава в рамках конкретных правоотношений.

Удостоверительная функция имеет ключевое значение для характеристики правореализационной практики нотариата и сводится к делегированию нотариусу государственно-властных полномочий по наделению реальных действий участников гражданского оборота особым правовым

---

¹ Настольная книга нотариуса: в 4 т. Т. 1. Организация нотариального дела / Под ред. И.Г. Медведевой. – М.: Статут, 2015. С. 34-35.

² См.: Ярков, В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1992.

характером. Удостоверение является одной из основополагающих процедур среди целого спектра нотариальных действий и позволяет установить необходимый фактический состав и принять грамотное правовое решение. При этом удостоверительная деятельность позволяет одновременно реализовать и контрольные, и правозащитные полномочия нотариуса.

Охранительная функция правореализационной нотариальной практики характеризуется возложением на нотариат полномочий по охране прав и законных интересов участников нотариальной деятельности посредством содействия реализации прав и исполнению обязанностей. При этом универсальный характер охранительной функции позволяет ей реализовываться практически в любом из существующих нотариальных действий.

Юрисдикционная функция правореализационной практики нотариата обусловлена многосложностью форм юрисдикционной деятельности, которые осуществляет нотариус: правоустановительная, оперативно-исполнительная, правоприменительная. При этом, как было указано выше, нотариус, прежде всего, нацелен на предупреждение конфликтов, а не на их разрешение, в том числе в роли медиатора.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что функции правореализационной нотариальной практики следует рассматривать в тесной взаимосвязи и через призму системного воздействия на процесс правового регулирования общественных отношений в сфере гражданского оборота. Кроме того, именно в функциях наглядно проявляется способность практики связывать в единое целое разнообразные элементы правовой системы общества, формировать эффективную нормативную базу, детализировать правовые предписания и обеспечивать их дальнейшую реализацию, контролировать осуществление прав и обязанностей субъектами нотариальных правоотношений, создавать предпосылки для удовлетворения общественных и частных интересов. Функции позволяют в большей степени выявить сущность правореализационной нотариальной практики, позволяя выражаться ее правовой природе.

Библиографический список

1. Жуйков, В.М. Нотариат как институт предупредительного правосудия: единство и различие с судебными органами // Нотариальный вестник. 1998. № 9. С. 28-31.
2. Карташов, В.Н. Теория правовой системы общества: учебное пособие в 2 томах. – Ярославль: ЯрГУ, 2005. Т.1. – 547 с.
3. Моисеева, О.В. Функции правореализационной нотариальной практики как направления воздействия на общественные отношения // Вестник ПАГС. 2010. №4 (25). С. 99-105.
4. Настольная книга нотариуса: в 4 т. Т. 1. Организация нотариального

дела / Под ред. И.Г. Медведевой. – М.: Статут, 2015. – 414 с.

5. Палагина, Е.Н. Функции юридической практики: дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 2003.

6. Пиепу, Ж.-Ф., Ягр, Ж. Профессиональное нотариальное право / Пер. И.Г. Медведева. - М.: Юристъ, 2001. – 224 с.

7. Решетникова, И.В., Ярков, В.В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России. – Екатеринбург, М.: Норма, 1999. – 312 с.

8. Ярков, В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1992. – 523 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВ ГРАЖДАН В СИСТЕМЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Романова Г.В., к.ю.н.

Конституционный суд Республики Татарстан

г. Казань, Россия

В настоящее время существующая и закреплённая нормами права система отношений в сфере защиты прав потребителя претерпела существенные изменения: разграничены работы и услуги, закреплены самостоятельные типы договоров на выполнение работ и оказание услуг, публичные договоры.

Вместе с тем отсутствие единых принципов правового регулирования в системе защиты прав потребителей приводит к проблемам реализации прав граждан.

Например, организация - производитель окон информирует потребителя о том, что на продаваемое окно не дается гарантия, если организация-продавец не выполняет работу по монтажу (установке) этого окна. С точки зрения гражданина, как потребителя в данном случае имеется нарушение его права. Но с другой точки зрения, производитель (продавец), воспользовавшись на основании п. 6 ст. 18 Закона РФ «О защите прав потребителей»¹, и не установив гарантийный срок на товар, имеет шанс избежать какой-либо ответственности. Ведь обязанность доказывания возникновения недостатков товара для потребителя достаточно сложная как в силу причин экономического, так и специального характера.

С учетом изложенного возникает проблема в механизме защиты права гражданина. В целях устранения данного законодательного пробела нам

---

¹ Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 03.07.2016)) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ, 1996, № 3, ст. 140

представляется возможным закрепить на законодательном уровне презумпции установления гарантийного срока, а также принципов независимости гарантий на товары, работы (услуги) и запрета на установление каких-либо ограничений в действии гарантии на товар в зависимости от выбора исполнителя.

На сегодняшний день в России получает развитие дистанционный способ продажи товара. В развитие данного направления законодательство содержит некоторые правила (ст. 497 ГК РФ, ст. 26.1 Закона РФ «О защите прав потребителей», Постановление Правительства РФ от 27 сентября 2007 г. № 612 «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом»¹).

Вместе с тем имеются существенные отличия российского правового регулирования дистанционного способа продажи товара от европейского. Во-первых, российский законодатель регулирует заключение на расстоянии только договоров купли-продажи (оставляя без внимания договоры об оказании услуг и иные). Во-вторых, дистанционный способ продажи товара налицо тогда, когда заключение договора осуществляется способами, исключающими возможность непосредственного ознакомления потребителя с товаром либо образцом товара при заключении такого договора (п. 2 ст. 497 ГК РФ, п. 1 ст. 26.1 Закона РФ «О защите прав потребителей»).

Таким образом, российский закон придает решающее значение тому обстоятельству, что покупатель не видит перед собой приобретаемого товара и поэтому не может оценить его. Европейский же законодатель под дистанционной торговлей понимает коммерческую деятельность, подразумевающую различные маркетинговые методы, осуществляемые посредством широкого ряда (интерактивных) способов коммуникации (через интернет-сайт, мобильные коммуникации и др.)².

На наш взгляд, достоинство российского регулирования в том, что очерченная законодателем сфера применения соответствующих правил позволяет с легкостью воссоздать *ratio legis* (потребителя защищают, так как он не может оценить товар путем его осмотра), давая тем самым правоприменителю основу для толкования закона, его применения по аналогии, телеологической редукции.

Таким образом, потребитель вправе отказаться от товара в любое время до его передачи, а после передачи товара - в течение семи дней.

В настоящее время одним из основных инструментов защиты потре-

---

¹ Постановление Правительства РФ от 27.09.2007 N 612 (ред. от 04.10.2012) "Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом" // Собрание законодательства РФ, 2007, N 41, ст. 4894

² Европейская конвенция о международной и дистанционной торговле от 27.03.2002 // КонсультантПлюс.2017

бителя является императивная фиксация в законе минимального набора прав и обязанностей сторон (особенно прав потребителя и обязанностей производителя) для определенных – «потребительских» - договорных типов.

Поскольку цель такого правового регулирования - не позволить сторонам ухудшить правовое положение потребителя по сравнению с тем, как оно закреплено в законе, соответствующие предписания приобретают характер «полуимперативных» или «односторонне императивных» норм, отступление от которых возможно только в пользу потребителя.

Как правило, императивно предписывая сторонам минимальный набор прав и обязанностей, законодатель действует в рамках определенных договорных типов или видов. Потребитель и производитель, оформляющие свое сотрудничество с использованием «потребительского» договорного типа, связаны императивным регулированием. Однако в выборе договорного типа они по-прежнему свободны. Пользуясь этой свободой, стороны могут сконструировать свои отношения так, чтобы они не отвечали признакам тех договорных типов, в рамках которых законодатель предоставляет защиту потребителю, и таким образом уйти от применения к их договору соответствующих императивных норм.

В частности, предписание такого рода содержится в абз. 1 п. 1 ст. 16 Закона РФ «О защите прав потребителей»: «Условия договора, ущемляющие права потребителя по сравнению с правилами, установленными законами или иными правовыми актами Российской Федерации в области защиты прав потребителей, признаются недействительными».

На практике возникает проблема реализации данной нормы. По своему буквальному смыслу норма, предусмотренная абз. 1 п. 1 ст. 16 Закона РФ «О защите прав потребителей» делает односторонне императивными все нормы потребительского законодательства. Судебная практика идет дальше - вплоть до распространения этого общего правила на все нормы (гражданского) законодательства, даже если для них установлена диспозитивная оговорка.

Например, банк обратился в суд с заявлением о признании недействительным постановления органа Роспотребнадзора о привлечении к административной ответственности, предусмотренной частью 2 статьи 14.8 КоАП РФ, за включение в договор условий, ущемляющих установленные законом права потребителей.

Суд установил, что оспариваемым постановлением банк был привлечен к административной ответственности за включение в кредитный договор, заключенный с гражданином-заемщиком, условия о том, что в случае просрочки уплаты очередной части кредита банк вправе выдать заемщику без дополнительных заявлений со стороны последнего новый кредит в

сумме задолженности по возврату соответствующей части кредита и уплате процентов по нему. Суд отказал в удовлетворении требования банка, поскольку спорное условие кредитного договора в совокупности с условиями договора банковского счета фактически направлено на установление обязанности заемщика в случае просрочки уплачивать новые заемные проценты на уже просроченные заемные проценты (сложный процент), тогда как из положений пункта 1 статьи 809 и пункта 1 статьи 819 ГК РФ вытекает, что по договору кредита проценты начисляются только на сумму кредита. Таким образом, спорное условие кредитного договора направлено на обход положений закона, следовательно, противоречит им и является ничтожным. Включение в кредитный договор условия, ущемляющего права потребителя, образует состав административного правонарушения, установленного частью 2 статьи 14.8 КоАП РФ. При названных условиях банк был правомерно привлечен к административной ответственности¹.

В заключение хотелось бы отметить, что защита прав граждан как потребителей законодательством регулируется, но имеются недостатки. Остается надеяться, что в законодательство о защите прав потребителей в ближайшем будущем будут внесены необходимые изменения, позволяющие усовершенствовать взаимоотношения между потребителями и производителями (продавцами) товаров и внести в них больше ясности и однозначности для последующей реализации на практике.

Библиографический список

1. Европейская конвенция о международной и дистанционной торговле от 27.03.2002 // КонсультантПлюс.2017
2. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 03.07.2016)) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ, 1996, № 3, ст. 140
3. Постановление Правительства РФ от 27.09.2007 N 612 (ред. от 04.10.2012) "Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом" // Собрание законодательства РФ, 2007, N 41, ст. 4894
4. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 N 146 Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с применением к банкам административной ответственности за нарушение законодательства о защите прав потребителей при заключении кредитных договоров // Вестник ВАС РФ, N 11, ноябрь, 2011.

---

¹ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 N 146 Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с применением к банкам административной ответственности за нарушение законодательства о защите прав потребителей при заключении кредитных договоров // Вестник ВАС РФ, N 11, ноябрь, 2011

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ

*Солдатов Я.В., к.и.н., доцент
УВО «Университет управления «ТИСБИ»
Солдатова А.В., к.ю.н., доцент
УВО «Университет управления «ТИСБИ»
г. Казань, Россия*

Правовое поведение в теории государства и права рассматривается, как правило, в двух аспектах: правомерное и противоправное. Представляется справедливым выделение так называемого промежуточного типа правового поведения - неправомерного, формально соответствующего нормам действующего законодательства, однако, по сути, являющегося внеправовым, иногда отождествляемого с противоправным поведением, однако, на наш взгляд, представляющего самостоятельный тип.

Речь идет о маргинальном поведении, которое, как общеправовая категория, была введена в юридическую науку в 90-х годах прошлого столетия В.В. Оксамытным в диссертационном исследовании на соискание ученой степени доктора юридических наук «Правомерное поведение личности» (Киев, 1990 г.). Необходимость выделения самостоятельного понятия, отличающегося от традиционных форм (правомерное – противоправное) была продиктована неполнотой критериев, различающих данные юридически значимые виды поведения, а также наличием проблем в позитивистской теории права и государства, не предполагающей иных (кроме отмеченных) типов жизнедеятельности (поведения), урегулированных / неурегулированных действующим на тот период законодательством.

Наиболее полное и научное объяснение маргинального поведения изложено в диссертационном исследовании на соискание ученой степени доктора юридических наук Р.Ф. Степаненко «Общеправовая теория маргинальности» (Казань, 2015) и ряде публикаций автора, где под изучаемым понятием подразумевается специфический, «пограничный» - правомерный по форме и внеправовой по содержанию способ жизнедеятельности субъектов правовых отношений, характеризующихся конформистским, индифферентным, нигилистическим, а в крайних формах – агрессивным отношением к правовым предписаниям.¹ Безусловно, такое поведение не может игнорироваться законодателем, прежде всего с позиций превенции право-

---

¹ См. подробнее: Степаненко Р.Ф. *Общеправовая теория маргинальности: основные подходы и цели* / Степаненко Р.Ф. // *Государство и право.* – 2015. - № 5. – С. 30-39; Степаненко Р.Ф. *Правовое положение маргинальной личности: теоретико-методологические вопросы.* // [Право и государство: теория и практика.](#) 2014. № 5 (113). С. 66-77.

нарушаемости.

Исторические особенности правового регулирования маргинального поведения, прежде не вызывавшие широкого научного интереса теоретического правоведения, становятся сегодня одними из актуальных сфер познания, прежде всего, с позиций непредсказуемости глобализационных процессов, вызванных политическими, экономическими, культурными и иными преобразованиями национальных и международных государственных устройств.

Обращаясь к истории в формировании и становления российского законодательства в сфере регулирования процессов маргинализации необходимо, прежде всего, выделить определенную хронологическую последовательность исследования. Первым, на наш взгляд, можно обозначить этап самого правообразования с конкретизацией обстоятельств, характеризующих отношение к маргинальным проявлениям как участников обычных межличностных взаимодействий, так и представителей властных структур, начиная с зарождения древнерусского государства до реформ Петра I. Второй этап, по нашему мнению, имеет хронологические рамки с конца XVII в. по 1917 г. В качестве третьего этапа представляется значимым период с 1917 по 90-ые годы XX столетия, отображающий сложности и противоречия в функционировании правовых механизмов в сфере предупреждения маргинального поведения. В рамках данной работы нам бы хотелось остановиться на кратком анализе первого этапа.

В рассматриваемый первый период происходят фундаментальные процессы образования централизованного государства, преобразования в формах правления – от раннефеодальной к сословно-представительной и далее к абсолютной монархии, сопровождавшиеся созданием мощного государственного аппарата.

Начальные стадии правогенеза, опосредованные через эволюцию политической, социально-экономической, духовно-нравственной сфер жизни общества, взаимодействуя между собой, порождают необходимость установления одних видов общения, отказ от других, воспроизводство новых способов жизнедеятельности, таким образом, формируя необходимые и целесообразные модели поведения в определенном исторически закономерном времени и пространстве.

Истоки процессов правообразования у восточных славян представляют интерес с точки зрения изучения форм и способов общения людей, в рамках которого они начинают осознавать взаимные права и обязанности, достигать соглашений и устранять противоречия, возникающие в ходе этого взаимодействия.

Маргинальное поведение, являясь одним из элементов социального взаимодействия, в различных формах его проявления (бродяжничество,

попрошайничество, нищенство, беспризорность, проституция, миграция, совершение правонарушений и т.д.) в древнерусской истории изначально относится к сфере регулирования обычного права, не зафиксированным в правовых установлениях.

Историческим источником, позволяющим исследовать обычное право, помимо Русской Правды, являются древнерусские летописи. В них описывается характер взаимодействия участников общественных отношений рассматриваемого периода, в том числе в сфере правообразования.

Понимание маргинального поведения в этот период, в первую очередь, связано с содержанием противоречий в отношениях низших групп и институтов политической и экономической власти, объясняемых развитием различных форм феодальных отношений. Во вторую очередь, на отчужденность положения одних групп от других влияли этнорелигиозные различия, которые с конца X в., с принятием христианства как господствующей религии, вошли в перечень критериев маргинализации. В XVII в. в российской истории произошли события, приведшие к расколу русской православной церкви и появлению такого маргинального феномена как старообрядчество. В-третьих, правообразование в области регулирования маргинального поведения тесно связано и с формированием многонационального российского государства, происходящего в процессе колонизации Поволжья, Урала и Сибири в XVI и XVII вв., одним из последствий которой стало развитие такого вида маргинального поведения, как бродяжничество.

Таким образом, в современных условиях актуальными являются исследования исторических особенностей правового регулирования неправомерного, маргинального поведения, как одного из источников совершения противоправных деяний. Анализ начального этапа правогенеза в данной области показал, что подобного рода жизнедеятельность оценивалась и регулировалась обычаями. Государство начинает регулировать данный тип поведения нормами права, лишь тогда, когда он приобретает массовый характер и представляет угрозу для политической элиты, общественного и государственного порядка в целом.

Библиографический список

1. Оксамытный, В.В. Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы): диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Оксамытный В.В.- Киев, 1990. – 374 с.
2. Степаненко, Р.Ф. Общеправовая теории маргинальности: основные подходы и цели / Степаненко Р.Ф. // Государство и право. – 2015. - № 5. – С. 30-39.

3. Степаненко, Р.Ф. Правовое положение маргинальной личности: теоретико-методологические вопросы. // Право и государство: теория и практика. 2014. № 5 (113). С. 66-77.

ИСТОЧНИКИ КАНОНИЧЕСКОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА КАК СРЕДСТВА ГЛОБАЛЬНОГО И АДДИТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Спирин М. Ю., к.ю.н., доцент

Самарский национальный исследовательский университет

им. С. П. Королёва

г. Самара, Россия, smy@samaradom.ru

При осуществлении научного анализа категории «источник права» необходимо выделять два типа (уровня) данных средств выражения правовых норм: источники национального (территориально-государственного) права и источники наднационального (трансграничного) права. При этом источники второго типа выступают в качестве глобализирующих и, одновременно, суммирующих (аддитивных) средств правового регулирования по отношению к источникам первого типа. По своему регулятивному смыслу и логике юридических норм, входящих в их состав, источники трансграничного права существуют в следующих плоскостях: как источники «глобального права» (источники глобальных или наднациональных правовых систем: романо-германские etc.) и как источники «своего права» (*sui iuris*), локализованные в пространстве и в отношении субъектного состава участников регулируемых отношений.

Рассматривая источники *sui iuris*, следует специально остановиться на двух основных типах их выражения: источники канонического права и источники международного права (в части источников *ius cogens* или форм выражения средств общего международного правопорядка *erga omnes*).

Определяя особенности источников канонического права, следует иметь в виду их принципиальное отличие от источников права церковного. При этом некоторые специалисты, руководствуясь известной концепцией симфонии Церкви и государства, практически отождествляют эти системы нормативного регулирования, апеллируя тем, что абсолютное большинство значимых источников правовой информации в церковной сфере сопряжено с активным воздействием на них органов государственной власти, которые, так или иначе, санкционируют их¹. В то же время обычно опре-

---

¹ См.: Смыкалин А. С. Каноническое право (на примере Русской православной церкви XI – XXI вв.). М., 2016.-С. 31 – 40, 267.

деляется разница между внутренним (внутрицерковным) и внешним (государственным) каноническим правом¹.

На основании формально-логических и исторических критериев следует установить принципиальное различие этих нормативных систем.

Каноническое право (*ius canonicum*) является глобальной системой регулирования духовно и социально значимых отношений людей в рамках единой Вселенской церкви в отличие от церковного права (*ius ecclesiasticum*) как нормативной системы церковного (организационного) управления и распоряжения имущественными ресурсами в пределах земного (материального) мира.

Отличие наблюдается и в вопросе определения субъектов создания соответствующего типа права: в первом случае главным источником канонического права мы определяем Божественное откровение посредством деятельности Церкви как сообщества людей одной веры; во втором же аспекте нормы церковного права создают и вводят в действие институционализированная церковная организация и само государство, которое может определять характер и предметы ведения этой организации².

Исходя из указанных особенностей, очевидно различие в предмете регулирования данных нормативных систем; и, следовательно, стоит иметь в виду различия между системой источников канонического права как права *sui iuris* и системой нормативных актов внутреннего церковного регулирования как элемента территориально-государственного права.

Система источников канонического права определяется особенностями имманентной системности самого канонического права, поскольку *ius canonicum* (особенно его центральная часть *ius divinum*) обладает производной, внутренней системностью по отношению к теологии, частью системы которой оно является. Таким образом, система источников канонического права объективно включена в более значительную и универсальную систему теологических источников³. В этом смысле можно согласиться с мнением А. А. Вишневого, который определяет канонические источники как «юридическое выражение систематизированной теологии»⁴.

Исходя из такой принципиальной особенности канонических источников, рассмотрим их основные разновидности.

Первоисточником (истоком) всего канонического права выступает Божественная воля Основателя Церкви.

---

¹ Там же.-С. 8, 10 – 11; Цыпин В. Каноническое право. 2-е изд. М., 2012.-С. 22 – 23.

² См.: Цыпин В. Церковное право. М., 1996.-С. 12.

³ См.: Вишневский А. А. О системе канонического права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 4.-С. 47 – 59; Вишневский А. А. Системность канонического права в свете его природы // Вопросы правоведения. 2014. № 4.-С. 274 – 287.

⁴ Вишневский А. А. О системе канонического права.-С. 54 – 55.

Все иные виды канонических источников носят производный характер; их можно разделить на иерархические группы в соответствии с уровнем нормативного регулирования, который, в свою очередь, определяется критерием природы (силы), порождающей их действие:

а) Священное писание (Библия как каноническое собрание книг Ветхого и Нового Завета, среди которых особое значение имеет Четвероевангелие, в качестве средства Божественного Откровения и источника установления универсальных догматов);

б) Священное предание через зафиксированную проповедь (Правила святых апостолов; Деяния, труды и проповеди Отцов Церкви (Святых Отцов); Символ (Правило) веры и жития святых);

в) примыкающие источники 1 уровня (акты Апостольского собора 49 г. и семи (с точки зрения православия) либо двадцати одного (с позиции римско-католической церкви) Вселенского собора, в том числе - догматические конституции, содержащие в себе общие и частные догматы);

г) примыкающие источники 2 уровня (акты главы церковной организации (акты Святого Престола: апостольские конституции, энциклики (окружные послания) и декреталии (эпистолы); акты Вселенского патриархата Константинополя: канонические послания и ответы);

д) примыкающие источники 3 уровня или партикулярные источники первой группы (акты поместных соборов (церкви *sui iuris*), в том числе акты Архиерейских соборов (Соборов архипастырей) и Священного синода);

е) примыкающие источники 4 уровня или партикулярные источники второй группы (акты глав автокефальных церквей (церквей *sui iuris*): акты Святейшего Патриарха (епископа-предстоятеля) Московского и Всея Руси);

ж) статутарные источники (внутренние уставы церковных инстанций и другие церковные локальные нормативные акты: монастырские уставы, общежительные и литургические правила, правила и статусы церковных братств и обществ)¹;

з) авторизованные богослужебные тексты священо-богослужебного типа (Псалтирь) и церковно-богослужебного типа (Типикон, Служебник, Часослов, Требник, Канонник);

и) обычаи Церкви;

к) мнения авторитетных учёных-канонистов.

Нетрудно заметить, что по своим типологическим свойствам источники канонического права напоминают основные типы светских локальных источников правовой регламентации, с учётом разделения этих источников на первичные (социально-экономические, культурные, нравственные, идеологические и другие генетические) и вторичные (формально-юридические).

---

¹ См.: Смыкалин А. С. Указ. соч.-С. 30.

Международное право, выступая в качестве надгосударственной (межгосударственной) системы правового регулирования¹, закрепляет обязательность своих норм в источниках «общего международного права», к которым относятся:

а) общепризнанные международно-правовые обычаи, обязательной составной частью которых выступает *opinio iuris* (признанная субъектами международных отношений юридическая обязательность таких обычаев);

б) общие и специальные международные договоры (конвенции), часто условно подразделяемые на нормоустанавливающие договоры (правотворческие соглашения «на будущее», *law-making treaties*, *Vereinbarungen*, *traites-lois*) и договоры-сделки (частные соглашения «для настоящего», *contract treaties*, *Rechtsgeschäfte*, *traites-contrats*)²;

в) общепризнанные основные принципы международного права;

г) судебные решения Международного Суда ООН как вспомогательные источники 1 уровня;

д) правотворческие акты международных межправительственных организаций как вспомогательные источники 2 уровня (источники *soft law*);

е) наиболее авторитетные элементы доктрины международного права как вспомогательные источники 3 уровня³.

При этом необходимо учитывать наличие сложной и разветвлённой системы источников отраслевого международного права, которое по своим регулятивным свойствам также следует относить к особому виду *sui iuris*.

На основании сравнительного анализа выделенных групп формальных источников двух категорий *sui iuris* можно сделать принципиальный вывод об особом типологическом и, одновременно, аддитивном (i.e. дополняющем и обогащающем внутригосударственное правовое регулирование) характере таких источников, которые в своей сумме и в дополнение к действующим источникам территориально-государственного права могут помочь в определении глобальной категории *ius universum*.

Библиографический список

1. Вишневский, А.А. О системе канонического права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 4.

2. Вишневский, А.А. Системность канонического права в свете его природы // Вопросы правоведения. 2014. № 4.

3. Международное право. В 2 ч. Ч. 1 / под ред. А. Н. Вылегжанина. 3-е

---

¹ См.: Шумилов В. М. Международное право. 2-е изд. М., 2012.-С. 21, 41.

² См.: Тункин Г. И. Теория международного права. М., 2017.-С. 76 – 81.

³ См.: Международное право. В 2 ч. Ч. 1 / под ред. А. Н. Вылегжанина. 3-е изд. М., 2016.-С. 50 – 58; Сафронова Е. В. Международное публичное право: теоретические проблемы. М., 2013.-С. 97 – 104.

изд. М., 2016.

4. Сафронова, Е.В. Международное публичное право: теоретические проблемы. М., 2013.

5. Смыкалин, А.С. Каноническое право (на примере Русской православной церкви XI – XXI вв.). М., 2016.

6. Тункин, Г.И. Теория международного права. М., 2017.

7. Цыпин, В. Церковное право. М., 1996.

8. Цыпин, В. Каноническое право. 2-е изд. М., 2012.

9. Шумилов, В.М. Международное право. 2-е изд. М., 2012.

ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО КАК ОСОБАЯ ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА (ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ)

*Степаненко Р.Ф., д.ю.н., профессор
Университет управления «ТИСБИ»
г. Казань, Россия, Stepanenkorf@yandex.ru*

Система организации юридической науки, значительным образом эволюционирующая в постсоветский период, в основе своего развития ощутила заметное влияние общенаучной рациональной мысли, выражением которой стала методология практической деятельности. Данное направление, создаваемое в 60 – 70 – х годах XX века в формате работы Московского методологического кружка (А. Зиновьев, Г. Щедровицкий, Б. Грушин, М. Мамардашвили и др.) обосновывало новый способ организации научного знания. В российской науке этот период ознаменован серьезным поворотом к «теории деятельности», субъектом осуществления которой является человек. Соответственно, в структуре данной теории сегодня в правоведении развиваются различные частно – научные концепции деятельности, одной из которых, на наш взгляд, должна стать сфера исследований деятельности законодателя в реализации его права на нормотворчество¹.

Законотворчество и правореализация в системо – мыследеятельност-

---

¹ См.: Степаненко Р.Ф. Методологические проблемы общеправовой теории В сборнике: SOLUTION OF A SOCIAL REQUIREMENTS AND OBJECTIVE REALITY ISSUES IN ECONOMICAL AND JURIDICAL SCIENCES. Materials digest of the XXXIV International Research and Practice Conference and the III stage of the Championship in jurisprudence, economic sciences and management. (London, October 11 – October 16, 2012). 2013. С. 149-151; Степаненко Р. Ф. Проблемы правопонимания в исследовательских практиках общеправовой теории маргинальности: опыт методологии междисциплинарности В сборнике: Право и государство: теория и практика. 2015. №6 (126). С. 25 - 33

ной методологии (СМД - методология) на наш взгляд представляют собой взаимосвязанные и коррелирующие процессы интеллектуальной и поведенческой форм деятельности человека. В первом случае (законотворчество) это компетентностно – интеллектуальная деятельность законодателя по созданию, изменению и отмене нормативно – правовых актов (норм). Во – втором, это исполнение, использование, соблюдение, применение закона, т.е. деятельностное опосредование общественных, в том числе правовых отношений всеми субъектами права (индивидуальными и коллективными), реализующееся в их правомерном поведении. В полной мере эти положения относятся к поведенческо – деятельностным формам реализации права его специальными субъектами – законодателем и правоприменителем.

Здесь, классифицируя специальный субъектный состав правореализаторов по профессиональным основаниям, мы выделяем законодателя, не всегда к сожалению, имеющего юридическое образование и правоприменителя, для которого принципиально важным является получение профессии юриста в российской высшей юридической школе.

Именно по основаниям классификации всех субъектов, осуществляющих правореализацию в целом (отдельные ее виды) можно выделить такой ее отдельный вид как законотворчество и особый *юридический* вид реализации права – правоприменение. Однако, классическая теория реализации права, допускает, на наш взгляд логическую погрешность, сужая объем понятия «правореализация», т.к. не включает в него такой важнейший элемент как деятельность законодателя.

«В ходе правотворчества происходит нормативное правовое регулирование, устанавливаются, изменяются и отменяются нормы права. Реализация же права охватывает *поведение людей* и их организаций по претворению норм права в жизнь. Это позволяет размежевать правотворчество и правореализацию»,¹ отмечает Ю.С. Решетов.

Между тем, если реализация права, в соответствии с этим положением, опосредуется через поведение людей и юридических лиц, то законотворчество опредмечивается через правовую деятельность, в т.ч. правомерное поведение законодателя и тех юридических лиц, к ведению которых относится его деятельность (Государственная Дума, Совет Федерации).

В том случае, если правотворчество рассматривается в проблемном поле соотношения реализации права и правового регулирования, то это

---

¹ Решетов Ю.С. Проблемы методологии реализации права и правоприменения в научных традициях Казанской юридической школы / Казанские юридические школы: эволюция образовательных и научных традиций в современной юриспруденции // под ред. И.А. Тарханова, Д.Х. Валеева, З.А. Ахметьяновой. – М: Статут, 2016. – С. 82

иные основания для классификации действия права и механизмов его осуществления.

Позитивизм и юспозитивизм, различающие законотворчество (правотворчество) и правореализацию, как правило, не связывают деятельность законодателя и тем более его поведенческие правомерные / неправомерные (противоправные) закономерности и особенности, взаимосвязанные непосредственно с реализацией их прав с процедурным или процессуально – деятельностным аспектом. Между тем это могут быть «правовые иллюзии», «правовой идеализм», «правовой романтизм», «правовой фетишизм», злоупотребления правом, шикана и т.д.

В основу неправомерной или неправомерной деятельности (поведения) законодателя могут быть положены субъективные и объективные факторы, такие как карьеризм, волюнтаризм и др., а также излишне ангажированное следование политическим, экономическим, идеологическим целям и воле государства, а не согласованным общим интересам всех субъектов правоотношений. По этим причинам, возникают, в том числе, пробельность (дефектность) нормативно – правовой сферы, могут приниматься нормы, отчужденные (маргинализированные) по смыслу от идей и ценностей права, деятельность законодателя и правоприменителя может приобретать свойства правовой маргинальности¹.

В этой связи может обсуждаться и другая проблема правоведения, а именно – несовершенство процессуальных видов юридической ответственности, доктринально исследованной Д.А. Липинским в работе «Общая теория юридической ответственности» (Саратов 2004). Одним из недостатков юридической ответственности автор называет отсутствие норм об ответственности за нарушение законодательного процесса. Если юридическая ответственность это нормативная, гарантированная и обеспеченная государственным принуждением, убеждением или поощрением обязанность, реализующаяся в правомерном поведении всех субъектов правоотношений, и в случае ее (обязанности) нарушения, обязанность всех претерпевать осуждение или ограничения прав имущественного или личного неимущественного характера², то, в соответствии с принципом законности адресатами данного положения должны являться и субъекты законотвор-

---

¹ См.: Степаненко Р.Ф. Институциональное содержание общеправовой теории маргинальности. Монография / под редакцией О.Ю. Рыбакова. Казань, 2015. – 172с; Степаненко Р.Ф. О практиках внедрения результатов исследования общеправовой теории маргинальности в правоприменительную деятельность. В сборнике: Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Материалы XIII Международной научно – практической конференции: в 5 – и томах. 2016. С. 52-55

² См.: Д.А. Липинский. Общая теория юридической ответственности. Автореферат на соиск. уч. степ. докт. юрид. наук. Саратов, 2004. – 46с.

чества.

Принципиально важным является то, что правотворчество не может быть квазизаконодательной сферой деятельности всех субъектов нормотворчества, осуществляться вне правовых рестрикций и императивов. Начиная с процедур законодательных инициатив, законотворчество должно являть собой действительно особо важную, базовую, *исходную*¹ (по В.В. Лазареву) форму реализации права.

В то же самое время, законотворческую деятельность предваряют исторические процессы правообразования, складывающиеся, как известно, в результате возникающих интересов и потребностей участников общественных отношений еще на этапе становления государственности. Перманентность процессов образования права имеет атемпоральный характер. Отсюда становится очевидной еще одна проблема, являются ли правообразование и правотворчество автономными и самостоятельными процессами и не становится ли законотворчество процедурным этапом юридического оформления сложившихся в обществе правил поведения при помощи юридической техники. Во – вторых, всегда ли процедуры законотворчества завершают процессы образования права, ведь последние могут развиваться и вне законотворческой деятельности вне компетенций государства, хотя и с его одобрения.

Например, в статье 5 Гражданского кодекса обычай делового оборота признается правилом поведения, не предусмотренным законодательством.

Вообще, исходя из современного плюралистического правопонимания, различающего право и закон, (законотворчество и правотворчество), постулирующего наличие правовых и неправовых законов и др., актуализируется множество проблемных вопросов, с одной стороны вносящих ясность, с другой – инициирующих новые исследования в рассматриваемой сфере. Соответственно и сама теория правореализации, а также феномен правомерного поведения, который являет собой конечный позитивный результат реализации права (закона) приобретают новейший научный смысл и требуют современных фундаментальных исследований в сфере теоретического правоведения и общенаучном контексте.

Библиографический список

1. Лазарев, В.В. Проблемы общей теории *jus*: учебник для магистрантов юридических вузов / В.В. Лазарев, С.В. Липень, А.Х. Саидов; отв. ред. В.В. Лазарев. – М.: Норма: ИНФРА – М, 2017. – С. 111-113

---

¹ См.: Проблемы общей теории *jus*: учебник для магистрантов юридических вузов / В.В. Лазарев, С.В. Липень, А.Х. Саидов; отв. ред. В.В. Лазарев. – М.: Норма: ИНФРА – М, 2017. – С. 251

2. Липинский, Д.А.. Общая теория юридической ответственности. Автореферат на соиск. уч. степ. докт. юрид. наук. Саратов, 2004. – 46с.

3. Решетов, Ю.С. Проблемы методологии реализации права и правоприменения в научных традициях Казанской юридической школы / Казанские юридические школы: эволюция образовательных и научных традиций в современной юриспруденции // под ред. И.А. Тарханова, Д.Х. Валеева, З.А. Ахметьяновой. – М: Статут, 2016. – С. 82

4. Степаненко, Р.Ф. Методологические проблемы общеправовой теории В сборнике: SOLUTION OF A SOCIAL REQUIREMENTS AND OBJECTIVE REALITY ISSUES IN ECONOMICAL AND JURIDICAL SCIENCES. Materials digest of the XXXIV International Research and Practice Conference and the III stage of the Championship in jurisprudence, economic sciences and management. (London, October 11 – October 16, 2012). 2013. С. 149-151

5. Степаненко, Р.Ф. Проблемы правопонимания в исследовательских практиках общеправовой теории маргинальности: опыт методологии междисциплинарности В сборнике: Право и государств: теория и практика. 2015. №6 (126). С. 25 – 33

6. Степаненко, Р.Ф. Институциональное содержание общеправовой теории маргинальности. Монография / под редакцией О.Ю. Рыбакова. Казань, 2015. – 172с; Степаненко Р.Ф. О практиках внедрения результатов исследования общеправовой теории маргинальности в правоприменительную деятельность. В сборнике: Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Материалы XIII Международной научно – практической конференции: в 5 – и томах. 2016. С. 52-55

СТАДИИ ПРАВОИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Терехов Е.М., к.ю.н., доцент

Саратовская государственная юридическая академия

Балаковский филиал

г. Балаково, Саратовская область, Россия, terehov1989@yandex.ru

В условиях глобализации вслед за усложнением социально-экономической и политической жизни, усложняется и правовая жизнь общества. В рамках последней, особое место занимает юридическая деятельность, которая в самом общем виде подразделяется на правотворческую, правоинтерпретационную и правоприменительную. Среди всех ее разновидностей, правоинтерпретационный вид в отечественной правовой науке исследован меньше других. Вместе с тем с уверенностью можно сказать, что без нее невозможно качественное и результативное правоприменение.

Постоянные дополнения и изменения в российском законодательстве, а также рост числа принимаемых нормативных правовых актов иногда приводят к увеличению неопределенности смысла отдельных положений закона, что ставит вопрос правоинтерпретационной деятельности все острее.

В изучении правоинтерпретационной деятельности важное место должно быть отведено ее структуре, которую образуют: объект, субъект, цели, признаки, принципы, стадии, уровни реализации, пределы.

Стадии правоинтерпретационной деятельности представляют собой совокупность следующих друг за другом этапов, раскрывающих ее содержание. В юридической науке к большому сожалению, традиционно исследуются стадии правотворческой и правоприменительной деятельности, обходя вниманием такую важную составляющую, как стадии правоинтерпретационной деятельности.

Первоначально, исследование получили лишь стадии толкования права.

Е.В. Васьковский в своих работах отмечал, что стадиями толкования норм права являются «словесное толкование (имеет цель определить содержание нормы права на основании смысла слов, из которых она состоит) и реальное толкование (имеет цель раскрыть действительный, внутренний смысл нормы права с помощью всех данных, способных пролить свет на действительную мысль законодателя)»¹.

И.В. Михайловский считал, что стадиями толкования права служат: словесное толкование (установление словесного смысла закона, в котором воплотилась мысль законодателя) и реальное, логическое толкование (раскрытие истинного смысла нормативного правового акта)².

С.С. Алексеев связывает стадии толкования права с его способами и говорит о наличии: анализа буквального текста (обязательная ступень толкования, которой достаточно для уяснения смысла закона), догматического анализа, социально-политического анализа (факультативные элементы, которые предполагают раскрытие особенностей и установление их смысла учитывая социально-политические факторы)³.

Эволюция толкования норм права привела к тому, что объектом исследования ученых стали уже стадии правоинтерпретационной деятельности.

Н.Н. Вопленко выделяет следующие стадии правоинтерпретационной деятельности: праворазъяснительная инициатива; проверка необходимости в даче разъяснения; разработка проекта интерпретационного акта; утверждение и опубликование интерпретационного акта⁴.

---

¹ Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. М., 1997. С. 37.

² См.: Михайловский И.В. Очерки философии права. Т. 1. Томск, 1914. С. 417-418.

³ См.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. М., 1982. С. 301.

⁴ См.: Вопленко Н.Н. Официальное толкование норм права. М., 1976. С. 74.

Б.П. Спасов рассматривал такие стадии правоинтерпретационной деятельности, как: реализация инициативы правоинтерпретационной деятельности; подтверждение необходимости в правоинтерпретационной деятельности; уяснение смысла нормы права; издание акта толкования права; опубликование интерпретационного акта¹.

С учетом специфики осуществления правоинтерпретационной деятельности, последовательность ее стадий должна выглядеть следующим образом:

1. Сбор (направление) интерпретационного материала;
2. Уяснение интерпретационного материала;
3. Разъяснение интерпретационного материала;
4. Совершенствование полученного интерпретационного материала.

Под интерпретационным материалом предлагаем понимать смысл норм права, который требуется установить в ходе правоинтерпретационной деятельности.

Сбор (получение) интерпретационного материала является первой стадией, поскольку невозможно уяснить, разъяснить, совершенствовать то, чего нет. Она предполагает осуществление субъектом правоинтерпретационной деятельности действий, направленных на появление в его ведении норм права, смысл которых требуется раскрыть. Здесь принципиально важно различать два момента – сбор и направление.

Сбор интерпретационного материала имеет место тогда, когда субъект правоинтерпретационной деятельности самостоятельно получает сведения о нормах права, требующих раскрытия смысла. Этот метод используется Государственной Думой РФ.

Постановлением Государственной Думы РФ от 26 мая 2000 года объявлена амнистия в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне². В свою очередь, раскрывались эти условия и случаи их применения в разъяснении Государственной Думы РФ от 26 мая 2000 года³. К примеру, осужденные, которые без уважительных причин не оплатили назначенный приговором суда штраф в отведенные сроки, являются злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания и не подлежат амнистии.

Направление интерпретационного материала имеет место тогда, когда субъект правоинтерпретационной деятельности получает сведения о нормах

---

¹ См.: Спасов Б.П. Закон и его толкование / Пер. с болгарского. М., 1986. С. 178.

² См.: Постановление ГД ФС РФ от 26.05.2000 г. № 398-3 ГД (с изм.) «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» // СЗ РФ. 2000. № 22. Ст. 2286.

³ См.: Постановление ГД ФС РФ от 26.05.2000 г. № 399-3 ГД «О порядке применения постановления ГД ФС РФ «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов»» // СЗ РФ. 2000. № 22. Ст. 2287.

права, требующих установления смысла от иных субъектов юридической деятельности. Этот метод характерен для работы Конституционного Суда РФ.

В соответствии со ст. 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ» поводом к рассмотрению дела в Конституционном Суде Российской Федерации является «обращение в Конституционный Суд Российской Федерации в форме запроса, ходатайства или жалобы, отвечающее требованиям настоящего Федерального конституционного закона»¹.

На стадии уяснения субъект правоинтерпретационной деятельности толкует нормы права для себя, чтобы понять, какой смысл заложен в нее законодателем. Однако этот процесс не так прост, на первый взгляд, как кажется. Все дело в том, какое мышление использует субъект правоинтерпретационной деятельности в этот момент, ведь от того, в каком ключе уяснен смысл нормы права, зависит итог разъяснения и дальнейшего совершенствования полученного результата.

К примеру, на уяснение советского закона оказывали воздействие такие факторы, как используемая, на тот момент в обществе, марксистко-ленинская теория познания действительности, а ключевым методом познания был методом диалектического материализма².

Стадия уяснения тесно связана с таким методом правоинтерпретационной деятельности, как текстуализм, который показывает каким образом текст закона может быть использован для определения его значения.

Еще в 1952 году метод текстуализма был затронут в решении Верховного Суда США по делу «Лисопрокатная и трубопрокатная компания Янгстауна против Сойера»³. Суть спора заключалась в том, что Президент США издал Указ о введении государственного управления на предприятиях сталелитейной промышленности, который впоследствии был признан незаконным. В рамках судебного разбирательства некоторые судьи при толковании текста Указа обратили внимание на то, какой смысл вложен в него. Текстуальное толкование вышеуказанного документа позволило уяснить, что его смысл противоречит системе действующего законодательства, а значит не подлежит использованию в работе.

Методу текстуализма противопоставляется метод конструктивизма, когда субъект правоинтерпретационной деятельности уясняет значение нормы права с учетом определенных факторов (смежной правоприменительной практики; специфики развития правовых отношений в обществе;

---

¹ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ (с изм.) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Российская газета. 1994. 23 июля.

² См.: Васюк А.В. Герменевтическая проблематика юридических текстов в трудах советских ученых // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 4. С. 167.

³ См.: Youngstown Sheet & Tube Co. v. Sawyer (1952) // www.casebriefs.com (дата обращения 28.11.2016 г.).

изменения ценностных ориентиров), вкладывая в нее смысл, ранее не заложенный законодателем.

В 1973 году Верховный Суд США провел разбирательство по делу «Роу против Уэйда»¹, суть которого заключалась в том, что в Штате Техас действовал закон, согласно которому женщинам запрещено делать аборт по своей инициативе, без рекомендации врача. В нарушение требований нормативного правового акта, жительница Техаса осуществила искусственное прерывание беременности, за что была привлечена к уголовной ответственности местным судом. Судьи Верховного Суда, осуществив уяснение смысла норм указанного закона и действующей Конституции, пришли к выводу, что все гражданки Америки, в том числе жительницы Техаса, имеют право в течение первых трех месяцев после беременности сделать аборт по своей инициативе, поскольку это охватывается смыслом принципа неприкосновенности личной жизни, закрепленного в Основном законе США. Очевидно, что суть уяснения судей Верховного Суда США сводится не только к установлению смысла норм права, заложенных законодателем, но и учету меняющейся жизни в обществе, связанной с переосознанием моральных ценностей.

Разъяснение представляет собой результат уяснения субъектов правоинтерпретационной деятельности, закрепленный в форме интерпретационного акта, адресованный широкому кругу лиц.

Как только субъект правоинтерпретационной деятельности завершил уяснение смысла конкретных норм права, ему требуется осуществить следующее их разъяснение. Данная стадия воплощается в издании актов толкования права.

Разъяснения субъектов правоинтерпретационной деятельности должны быть подразделены на два ключевых блока:

1) Разъяснения, сложившиеся в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ.

Верховный Суд РФ ежегодно издает постановления Пленума, которые содержат ответы на наиболее неоднозначные правовые вопросы, раскрывают смысл сложных норм права. Их специфика в том, что они адресованы неопределенному кругу лиц и рассчитаны на многократное применение. ;

2) Разъяснения, сложившиеся при рассмотрении индивидуальных дел субъектами правоинтерпретационной деятельности.

Верховный Суд РФ предоставил ценные разъяснения, касающиеся всех автомобилистов, которые заключаются в том, что за вынесенное незаконно постановление о нарушении водителем транспортного средства правил дорожного движения, последний вправе претендовать на компенса-

---

¹ См.: Roe v. Wade (1973) // www.caselaw.findlaw.com (дата обращения 29.11.2016 г.).

цию, в том числе взыскание морального вреда с соответствующего органа государственной власти.

Одна из ключевых проблем, имеющих на стадии разъяснения – это вопрос об обязательности опубликования результатов правоинтерпретационной деятельности в соответствующем источнике.

С.Н. Братусь и А.Б. Венгеров считают, что к интерпретационной практике следует относить не любые судебные правовые акты, а лишь те, которые официально опубликованы¹.

Для правоинтерпретационной деятельности законодательно перечень общих официальных источников опубликования не установлен. Исключение из этого правила - источники официального опубликования правовых актов отдельных субъектов правоинтерпретационной деятельности. К примеру, судебные правовые акты Конституционного Суда РФ публикуются в «Вестнике Конституционного Суд РФ», а при необходимости «в иных изданиях»². В Федеральном конституционном законе «О Верховном Суде РФ» сказано, что «печатным органом Верховного Суда РФ является «Бюллетень Верховного Суда РФ»», без ссылки на обязательность и перечня судебно-правовых актов, подлежащих опубликованию³.

Поскольку результаты правоинтерпретационной деятельности должны подлежать доведению до неограниченного круга лиц, но на практике с этим имеются проблемы, следует вести речь о необходимости законодательного закрепления опубликования итогов правоинтерпретационной деятельности, путем выбора единого источника опубликования и определения круга субъектов правоинтерпретационной деятельности для него.

На стадии разъяснения происходит согласование правовых позиций субъектов правоинтерпретационной деятельности.

Наконец, последней стадией правоинтерпретационной деятельности является совершенствование полученного интерпретационного материала.

В 2012 году Верховным Судом РФ было издано 5 постановлений Пленума, вносивших изменения (дополнения) в уже действующие интерпретационные акты. В 2015 году этот показатель составил 6 постановлений Пленума. В 2016 году этот показатель составил 4 постановления Пленума⁴.

Причинами, которые заставляют субъектов правоинтерпретационной

---

¹ См.: Судебная практика в советской правовой системе / Под ред. С.Н. Братуся. М., 1975. С. 8

² См.: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ (с изм.) «О Конституционном Суде РФ» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

³ См.: Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 г. № 3-ФКЗ (с изм.) «О Верховном Суде РФ» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

⁴ См.: www.vsrfr.ru (дата обращения 24.12.2016 г.).

деятельности вносить изменения (дополнения) в акты толкования права, могут являться как изменение отдельных норм права (принятие новых, изменение либо отмены старых), так и необходимость корректировки правоприменительной практики. В любом случае, при наступлении любого из этих двух условий очевидным становится тот факт, что старые разъяснения утратили актуальность в части, поэтому требуется их доработка.

Еще в 2006 году Пленум Верховного Суда РФ вынес постановление «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел»¹. Однако в 2012 и 2015 годах в уголовный закон были внесены изменения, что подтолкнуло Верховный Суд скорректировать вышеуказанный интерпретационный акт, поскольку актуальность прежних разъяснений была утрачена. В таких условиях, правоинтерпретационная деятельность не достигает своей главной цели. Именно поэтому в данный интерпретационный акт были внесены дополнения в 2012 году² и 2015 году³.

Таким образом, стадии правоинтерпретационной деятельности - это совокупность следующих друг за другом этапов, раскрывающих ее содержание. Среди них следует выделять: сбор (направление) интерпретационного материала; уяснение интерпретационного материала; разъяснение интерпретационного материала; совершенствование полученного интерпретационного материала.

Библиографический список

1. Алексеев, С.С. Общая теория права. Т. 2. М., 1982.
2. Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. М., 1997.
3. Васюк, А.В. Герменевтическая проблематика юридических текстов в трудах советских ученых // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 4.
4. Вопленко, Н.Н. Официальное толкование норм права. М., 1976.
5. Михайловский, И.В. Очерки философии права. Т. 1. Томск, 1914.

---

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 г. № 60 (с изм.) «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Российская газета. 2006. 20 декабря.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2012 г. № 10 «О внесении изменения в пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка разбирательства уголовных дел» // Российская газета. 2012. 14 июня.

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 59 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам» // Российская газета. 2015. 29 декабря.

6. Спасов, Б.П. Закон и его толкование / Пер. с болгарского. М., 1986.
7. Судебная практика в советской правовой системе / Под ред. С.Н. Братуся. М., 1975.

ВОПРОСЫ ПРАВОПОНИМАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПРАВА

*Юн Л.В., ассистент, аспирант
УВО «Университет управления «ТИСБИ»
г. Казань, Россия, ун.lara@yandex.ru*

Проблеме правопонимания свое внимание уделяют известные российские правоведы такие как В.С. Нерсесянц, В.В. Лазарев, М.Н. Марченко, В.М. Сырых и многие другие.

В.В. Лазарев выделяет такие теории права как: позитивистская, метафизическая, социологическая, психологическая, интегративная. Выделяя среди них юридический позитивизм, автор подчеркивает, что эта концепция правопонимания, оставаясь в целом базовым методологическим подходом для разработки многих тем теории права и учебных курсов по отраслевым юридическим дисциплинам, признает роль за традиционными источниками права, но не только за ними. Автором обосновывается осуществление разнообразных социологических исследований, изучение психологических механизмов принятия правовых решений, рассмотрение юридических феноменов в более широком контексте; как социально – правовых явлений.

В разные времена дискуссии о сущности права и его природе проводились различными направлениями гуманитарной науки. В отечественной юридической литературе понятие права обсуждалось в первые годы советской власти. В 30 – е, 70 – е и 90 – гг. XX века полемика принимала характер общенаучной, в которой принимали участие представители философии, истории, политологии, политэкономии и др.

В.В. Лазарев считает, что в основе разнообразия подходов к пониманию права лежат следующие причины:

- человеческое сообщество первоначально формировалось по - разному (отсутствие универсальности в социальной организации);
- исследователи по - своему изучают социальные отношения, делают различные акценты на определенных факторах жизнедеятельности, а некоторые не замечают их совсем (гносеологические причины);
- отдельно необходимо выделить разные способы познания (это эпистемологические расхождения, связанные с такими проблемами, как природа и пределы получения знания о праве, законы и общая достоверность

интересов познающего разума);

- исследователи обязательно, и с точки зрения *de lege lata*, и с позиции *de lege ferenda*, в силу своего опыта и интеллекта могут расходиться во мнениях относительно исходных оценок социальных реалий (непримиримые посылки, лежащие в фундаменте разных теорий);

- социальные науки не свободны от идеологии, и поэтому естественны разные идеологические основания предлагаемых подходов к пониманию права;

- политическая реальность в разной степени понуждает исследователей к определенному изложению правовой теории и т.д.¹.

Юридический позитивизм обычно отождествляют с нормативистским типом правопонимания, что не совсем верно. Позитивистский подход не рассматривает природу и сущность явлений, ограничиваясь описательной стороной происходящего. Позитивистская методология используется в юридических, социологических, психологических и иных теориях. Однако, именно нормативизм и, в частности, «чистое учение о праве» Г. Кельзена, диктовал необходимость отделения права от политики, психологии, экономики и др. наук, объясняя сущность права в том смысле, какое оно есть без рассуждений о том, каким оно должно быть. Право в данной концепции это воля государства, долженствование, закрепленное в норме и изложенное в законе.

Юридический позитивизм в своем классическом понимании также отождествляет право с государственной волей, выраженной в нормативно – правовых актах, которые издаёт государство. Именно воля государства является главенствующей в регулировании общественных отношений в данном подходе.

М. Н. Марченко, рассуждая о проблеме правопонимания, отмечает то, что нахождение единой позиции в правопонимании весьма важно, и вместе с тем сложно, в первую очередь, в связи с познанием смежных, неразрывно связанных с пониманием права явлений. Это и политика и экономика, и нравственность и мораль и многое другое².

Рассматривая проблемы правопонимания, например, в связи с изучением источников (форм) права, следует остановить свое внимание на анализе правовых систем, в целом изучаемых отечественной и зарубежной юридической литературой с использованием множества подходов которые применялись ранее и сегодня. Например, в советский период проблемы

---

¹ См.: Лазарев В.В. Проблемы общей теории *jus*: учебник для магистрантов юридических вузов / В.В. Лазарев, С.В. Липень, А.Х. Саидов; отв. ред. В.В. Лазарев. – М.: Норма: ИНФРА – М, 2017. – С. 111-113

² См.: М.Н. Марченко Современное правопонимание: курс лекций / отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: Норма: ИНФРА – М, 2016. – С. 155

правопонимания разрешались, как отмечено ранее, «с нормативистско – позитивистских» этатистских, легистских и др. позиций.

Сегодня проблемы правопонимания продолжают сохраняться, есть мнение о «симптомах кризиса» теоретического правопонимания. На самом деле существует множество определений права и разнообразие взглядов на этот феномен, изучение которых свидетельствует скорее не о кризисе, а о развитии этих концепций, связанных, в том числе, с доктриной правового государства.

М.Н. Марченко отмечает, что правовое государство в процессе своего существования и функционирования, равно как и любое другое государственное образование, наряду с другими видами деятельности будет заниматься правотворческой деятельностью, будет творить свое право. И это право будет, если не вдаваться в утопию и иллюзии по поводу природы и характера правового государства как института – «социальной силы, обладающей верховной властью», ничем иным как позитивным правом со всеми его традиционными признаками и вытекающими из этого последствиями, что не означает важности исследования права в более широком контексте¹.

Весьма важным при изучении проблем правопонимания представляется не ограничиваться только единственным, как было ранее подходом, нужно использовать все методологические и теоретические средства, выработанные и предлагаемые сегодня юридической наукой. Сегодня современное теоретическое правоведение, расширяя границы позитивистского правопонимания говорит о плюрализме и толерантности объяснения этого сложного феномена.

Так, в своих работах Р.Ф. Степаненко, наряду с позицией многих известных современных теоретиков права (В.Н. Жуков, В.В. Лазарев, М.В. Немытина, А.В. Поляков, О.Ю. Рыбаков и многие другие) обосновывает необходимость использования междисциплинарного подхода, при помощи которого возможно более предметное изучение сущностных характеристик и вообще существа права². По мнению автора, право существует в трех ипостасях: позитивное, естественное и идеальное право, где последнее является мерой справедливости, равенство свободы и, как правило, формаль-

---

¹ См.: М.Н. Марченко Современное правопонимание: курс лекций / отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: Норма: ИНФРА – М, 2016. – С. 160

² См.: Степаненко Р.Ф. Методология междисциплинарности в общеправовой теории маргинальности / Гармонизация подходов в исследованиях и обучении праву. // Жидковские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции. Российский университет дружбы народов; Институт государства и права. РАН. 2015. С. 110 – 117; Степаненко Р.Ф. Общеправовая теория маргинальности: основные подходы и цели // Государство и право. – 2015. № 5. С. 30-39.

но определяется в правовых принципах и идеях, излагаемых законодателем. Например, положение о правовом государстве, закреплённое в статье 1 Основного закона Российской Федерации, является, по мнению Р.Ф. Степаненко, как раз выражением идеального права. Правовое государство это идея к достижению которой нужно стремиться¹. Вместе с тем, соглашаясь с мнением авторитетных теоретиков права, Р.Ф. Степаненко указывает на одно из ведущих мест позитивистского правопонимания в синтезирующем плюралистическом подходе или интегративной юриспруденции. При этом современное правовое исследование не может обходиться одним только монистическим представлением о праве, носить сугубо прикладной характер. Отсюда следует необходимость обращения к общенаучным сферам познания права в междисциплинарном единстве, имеющем важное значение для юридической практики².

Таким образом, современное правопонимание должно изучаться не только юридической наукой, необходимо дополнение данной теории знаниями из общенаучной сферы, что может приблизить нас к более объективному пониманию и объяснению этого сложного социального явления.

Библиографический список

1. Лазарев, В.В. Проблемы общей теории jus: учебник для магистрантов юридических вузов / В.В. Лазарев, С.В. Липень, А.Х. Саидов; отв. ред. В.В. Лазарев. – М.: Норма: ИНФРА – М, 2017. – С. 111-113.
2. Марченко, М.Н. Современное правопонимание: курс лекций / отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: Норма: ИНФРА – М, 2016. – С. 155.
3. Марченко, М.Н. Современное правопонимание: курс лекций / отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: Норма: ИНФРА – М, 2016. – С. 160
4. Степаненко, Р.Ф. Методология междисциплинарности в общеправовой теории маргинальности / Гармонизация подходов в исследованиях и обучении праву. // жидковские чтения. Материалы всероссийской научной конференции. Российский университет дружбы народов; Институт государства и права. РАН. 2015. С. 110 – 117; Степаненко Р.Ф. Общеправовая теория маргинальности: основные подходы и цели // Государство и право. – 2015. 5: С. 30-39.
5. Степаненко, Р.Ф. Проблемы правопонимания в исследовательских

---

¹ См.: Степаненко Р.Ф. Проблемы правопонимания в исследовательских практиках общеправовой теории маргинальности: опыт методологии междисциплинарности. Право и государство: теория и практика. 2015. 6 (126). С. 25-33.

² См.: Степаненко Р.Ф. О практиках внедрения результатов исследований общеправовой теории маргинальности в правоприменительную деятельность // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Материалы XIII Международной научно – практической конференции: в 5 –и томах. 2016. С. 52-55

практиках общеправовой теории маргинальности: опыт методологии междисциплинарности. Право и государство: теория и практика. 2015. 6 (126). С. 25-33.

6. Степаненко, Р.Ф. О практиках внедрения результатов исследований общеправовой теории маргинальности в правоприменительную деятельность // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Материалы XIII Международной научно – практической конференции: в 5 –и томах. 2016. С. 52-55.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
КОНСТИТУЦИОННОГО, МЕЖДУНАРОДНОГО,
АДМИНИСТРАТИВНОГО, МУНИЦИПАЛЬНОГО
И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА**

**АКТУАЛЬНЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ И СОХРАНЕНИЯ
МИРОВОГО ОКЕАНА**

*Валиуллина К.Б., старший преподаватель
Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Россия, ksenia801@list.ru*

Исследования Мирового океана началось в XVI веке, когда путешествия известного мореплавателя Фернана Магеллана и экспедиции Джеймса Кука позволили сформировать первые представления о водных просторах, их величине и исключительной важности для всего человечества. Были созданы первые карты мира, в общих чертах определены очертания континентов.

В 1650 г. увидел свет уникальный труд гениального ученого XVII столетия Бернхардуса Варениуса «География Генеральная» («Всеобщая география»), где впервые была предпринята попытка определить объем Мирового Океана, рассмотрены морские течения, было проведено разделение Мирового океана на 5 частей. Однако, современное понятие «Мировой океан» было сформулировано в начале XX в. ученым географом, океанографом и картографом Юлием Шокальским. В своем многолетнем труде «Океанография», академик Шокальский определил все океаны Индийский, Атлантический, Северный Ледовитый, Тихий – частями Мирового океана. С этого момента начинается интенсивное изучение глубин Океана.

Мировой океан – это водная оболочка земного шара, поделившая сушу на материка и острова. Океан – это основной поставщик кислорода планеты, источник получения пресной воды, поставщик полезных ископаемых, гигантский резервуар соли. Жизнь многих прибрежных государств полностью зависит от Океанов и Морей, так как их экономика строится на развитии рыболовства и морской торговли. Тем не менее, именно Мировой океан ежедневно подвергается загрязнению из различных источников: это и сточные воды промышленных организаций, различные химические вещества, моющие средства, реагенты, нефть и нефтепродукты, бытовой мусор, пластмассы, балластные воды и др. Существовавшая миллионы лет способность Мирового океана к самоочищению, на сегодняшний день, уже неспособна самостоятельно справиться с имеющимся масштабом загрязнения.

Понимание факта необходимости принятия срочных мер по обеспечению защиты и сохранения Мирового океана от загрязнения повлекло за собой начало, со второй половины XX века, стремительного процесса издания и подписания ряда многосторонних конвенций. Особо значимыми среди них являются: Международная конвенция относительно вмешательства в открытом море в случаях аварий, приводящих к загрязнению нефтью от 29 ноября 1969г; Конвенция о предотвращении загрязнения сбросами отходов и других материалов 1972 г. (Лондонская конвенция о дампинге)[1]. В 1982 году была принята Конвенция ООН по морскому праву, которая, как предполагалось, должна была стать заключительным этапом интенсивной работы государств по созданию целостной системы кодифицированных универсальных норм в отношении охраны Мирового океана. «Развитие морского права, - отмечено в Преамбуле Конвенции по морскому праву 1982 г.,- выступает в качестве основного гаранта в процессе укрепления мира, дружественных отношений и сотрудничества между всеми государствами в решении глобальных, общезначимых вопросов» [2].

Тем не менее, продолжающийся стремительный процесс загрязнения Мирового океана позволяет сделать вывод о том, что существующих мер по его защите недостаточно. Лишь на основе ранее принятых положений Конвенций уже невозможно справиться с процессом стремительного загрязнения вод Мирового океана. Те нормы, которые ранее считались реализуемыми, в настоящее время едва ли могут быть применимы. Это обусловлено рядом причин:

1. Затянутость процесса подписания ряда международных конвенций, которые вызваны: во-первых, нестабильным экономическим состоянием некоторых развивающихся стран, а именно, отсутствием финансовой возможности обеспечения и оснащения судов и портов новейшим качественным оборудованием по очистке вод и утилизации отходов. Во-вторых, масштабом целей, преследуемых развитыми странами, тогда как подписание тех или иных договоров обозначает некоторые, порой невыгодные, границы возможных действий в Океане.

2. Непрерывная, нелимитированная эксплуатация Мирового океана, использование его в качестве «гигантской свалки», ведет к загрязнению из всевозможных источников: органические - нефть и нефтепродукты (парафины, циклопарафины), сточные воды (минеральные, биогенные элементы), жиры, масла, смазочные материалы, которые образуют на поверхности воды пленку и препятствуют проникновению в глубины вод солнечного света; неорганические - соединения мышьяка, свинца, кадмия, ртути, хрома, меди и т.д.; пестициды; синтетические поверхностно – активные вещества; соединения с канцерогенными свойствами; тяжелые металлы и пр.

3. Отсутствие четких ограничительных мер в отношении дампинга, то

есть размещения на морском дне отходов, включая радиоактивные (устаревшие ядерные объекты, отработавшее ядерное топливо), химические вещества, нефтепродукты. По имеющимся оценкам, эксплуатация АЭС всего мира приведет к накоплению 200 тыс. тонн отработанного топлива уже в начале третьего тысячелетия. А по данным «Росбизнесконсалтинга» этот объем возрастет до 500 тыс. тонн уже к 2030 году [3].

4. Наличие существенных недостатков в правовом режиме открытого моря. Устранение их возможно лишь путем внесения изменений в Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г.

5. Недостаточность в возможностях научного мониторинга океанов и прибрежных районов.

6. Необходимость в наращивании нормативно – правовой базы по обеспечению максимально быстрого урегулирования вопроса, касающегося проблем, связанных с распространением водных инвазивных биологических видов;

7. Отсутствие системы согласованных действий учреждений системы ООН в решении глобальной проблемы обеспечения защиты и сохранения Мирового океана.

Многие из перечисленных явлений уже существовали ранее, однако в настоящее время усугубляются по причине таких нагрузок, как изменение климата, интенсификация хозяйственной деятельности, недостаточный уровень исследования глубоководных районов и т.д.

Защита и сохранение Мирового океана – это комплексная задача, требующая как нормативно–правового подкрепления, так и формирования правильного общественного сознания о её ценности для всего человечества.

Библиографический список

1. Convention on the Prevention of Marine Pollution by Dumping of Wastes and Other Matter / 13 November 1972 // Международное экологическое право в документах. Тургай Гусейнов. Баку: Изд-во. «Чашыоглу». – 2007. – Ст.893.

2. The United Nations Convention on the Law of the Sea/Montego Bay, 10 December 1982 / United Nations International organization/ URL:http://www.un.org/Depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_e.pdf

3. Ильин, А.В. // Проблемы геоэкологии: о захоронении радиоактивных отходов на дне океана / Инженерная геология/№5/2000г/С. 5-25.

ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО КАК ИСТОЧНИК ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ

*Полякова С.В., старший преподаватель
Южно-Уральский государственный университет
г. Челябинск, Россия, vip.polyakovasv@mail.ru*

Проблемы обеспечения безопасности дорожного движения являются актуальными как с научной точки зрения разработанности понятий и их отражения в законодательстве, так и в судебной практике. «В комментариях ряда ученых, безопасность дорожного движения на всех уровнях системы рассматривается, как сфера обеспечения общественной безопасности, имеющая целевое назначение: «Федеральным законом «О безопасности дорожного движения» определена общая цель ... – защита участников дорожного движения от дорожно-транспортных происшествий и их последствий»¹.

В настоящее время вопрос о признании автомобиля источником повышенной опасности остается актуальным. В Правилах дорожного движения законодатель определяет транспортное средство как «устройство, предназначенное для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем». Обстоятельства, позволяющие признать транспортное средство источником повышенной опасности, законодательно не закреплены, таким образом по поводу определения «источник повышенной опасности» мнения разделяются.

Судебная практика источником повышенной опасности признает деятельность, которая создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека, а также деятельность по использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и иных объектов производственного, хозяйственного или иного назначения, обладающих такими же свойствами.

Ни в одном из вышеприведенных определений не содержится указания на какие-либо свойства или признаки автомобиля, которые можно расценивать как опасные для жизни человека. Тем не менее, В.И. Майоров отмечает, что «согласно законам физики движение механических транспортных средств потенциально опасно при любой скорости, и вероятность его неблагоприятного разрешения существует в любой момент времени участия в дорожном движении, т.е. участие в дорожном движении есть де-

---

¹ Денисович В.В., Майоров В.И., Полякова С.В. Дорожное движение как сфера общественных отношений // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 17 (372). – С. 30–37

тельность в условиях постоянного риска, степень опасности которой возрастает по мере того, как реализуется интерес минимизации времени»¹.

Имущественная ответственность за вред, причиненный действием таких источников, должна наступать как при целенаправленном их использовании, так и самопроизвольном проявлении их вредоносных свойств. Вред возмещается в порядке ст. 1079 ГК РФ, если он возникает в процессе деятельности, характеризующейся более высокой степенью опасности, чем необходимо для применения правил генерального деликта (ст. 1064 ГК РФ)².

Сами эти объекты в недействующем состоянии не признаются источником повышенной опасности; такая опасность возникает лишь в случае проявления ими своих потенциально опасных свойств (к примеру, движение автомобиля, морского судна и др.). При этом деятельность по использованию таких объектов отнюдь не является противоправной. Основанием ответственности по ст. 1079 ГК является не деятельность по использованию источника повышенной опасности как таковая, а факт причинения вреда в процессе ее осуществления, причем этот факт должен лежать в причинной связи с проявлением вредоносных свойств объекта при его эксплуатации.

Деятельность, связанная с повышенной опасностью для окружающих, может вестись на основании гражданско-правового договора, в ходе исполнения которого причинен вред. В п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ дается следующее определение: «источником повышенной опасности надлежит признать любую деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека, а также деятельность по использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и иных объектов производственного назначения, обладающих такими же свойствами».

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что российский законодатель, устанавливая основания и пределы ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, пользуется двумя близкими, но не тождественными понятиями:

- а) деятельность, связанная с повышенной опасностью для окружающих;
- б) источник повышенной опасности.

Если обратится к ретроспективному анализу, то определение источ-

---

¹ Майоров В. И. Содержание понятия «безопасность дорожного движения»: теоретические основы // Вестник ЮУрГУ. – 2012. – №7. – С. 99–101.

² «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 23.05.2016) // СЗ РФ 1996 г. № 5 ст. 410

ника повышенной опасности в гражданском праве не является новшеством, так в прежнем законодательстве ст. 454 ГК РСФСР 1964г., ст. 90 «Основ гражданского законодательства» 1961г., ст. 128 «Основ гражданского законодательства» 1991г. именовались «Ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности», ст. 1079 ГК именуется «Ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих».

Именно в этом, полагаем, выразилось желание законодателя отдать предпочтение одному из всевозможных толкований понятия источника повышенной опасности, являющегося предметом теоретического спора, в котором можно выделить три различные позиции.

Согласно **первой позиции** под источником повышенной опасности понимается деятельность, которая, будучи связана с использованием определенных вещей, не поддается непрерывному и всеобъемлющему контролю человека, вследствие чего обуславливает высокую степень вероятности причинения вреда.

Согласно **второй позиции** под источником повышенной опасности понимаются свойства вещей или силы природы, которые при достигнутом уровне развития техники не поддаются полностью контролю человека и, не подчиняясь полностью контролю, создают высокую степень вероятности причинения вреда жизни или здоровью человека либо материальным благам. Указанная позиция имеет и иные варианты. Например, в качестве источника повышенной опасности предлагается рассматривать предметы материального мира, обладающие особыми специфическими количественными и качественными состояниями, в силу которых владение (пользование, хранение и т. д.) ими связано с повышенной опасностью для окружающих.

Согласно **третьей позиции**, под источником повышенной опасности понимаются предметы, вещи, оборудование, находящиеся в процессе эксплуатации и создающие при этом повышенную опасность для окружающих.

Отмеченные теоретические разногласия получили отражение и в судебной практике, которая рассматривает источники повышенной опасности одновременно и как вид деятельности, создающей повышенную опасность для окружающих, и как определенные предметы материального мира, создающие такую опасность. При этом судебная практика следует принципу, что имущественная ответственность за вред, причиненный действием источников повышенной опасности, должна наступать как при целенаправленном их использовании, так и при самопроизвольном проявлении их вредоносных свойств (например, в случае причинения вреда вследствие самопроизвольного движения автомобиля).

Приведенные теоретические позиции не исключают друг друга. Их различия заключаются скорее в том, что каждая из них берет в качестве определяющего один из характерных признаков источника повышенной опасности. Поэтому источниками повышенной опасности следует считать определенные предметы материального мира (механизмы, устройства, автомашины и т. д.), проявляющие в процессе деятельности по их использованию (эксплуатации) вредоносность, не поддающуюся или не в полной мере поддающуюся контролю человека, в результате чего они создают опасность для окружающих.

Вне деятельности субъектов по использованию (эксплуатации) источников повышенной опасности сами источники не создают угрозы причинения вреда. Такая деятельность правомерна. Неправомерно лишь причинение вреда в процессе ее осуществления. Данный тезис можно проиллюстрировать следующим утверждением. Стоящий автомобиль, не находящийся в эксплуатации, не создает угрозы причинения вреда. Деятельность по эксплуатации автомобиля сама по себе правомерна. Неправомерно только причинение вреда в процессе его эксплуатации.

Причиной возникновения любого дорожно-транспортного происшествия, В.И. Майоров указывает «потерю управляемости и устойчивости автомобиля»¹. Из вышеизложенного понятно, что в качестве источника повышенной опасности транспортное средство выступает лишь во время его эксплуатации.

Библиографический список

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 23.05.2016) // СЗ РФ 1996 г. № 5 ст. 410
2. Денисович, В.В., Майоров, В.И., Полякова, С.В. Дорожное движение как сфера общественных отношений // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 17 (372). – С. 30–37
3. Майоров, В. И. Содержание понятия «безопасность дорожного движения»: теоретические основы // Вестник ЮУрГУ. – 2012. – №7. – С. 99 –101.
4. Майоров, В.И. Правовой режим в сфере безопасности дорожного движения // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – №22. – С. 85 –89.

---

¹ Майоров В. И. Правовой режим в сфере безопасности дорожного движения // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – №22. – С. 85 –89.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ ИНВАЛИДОВ И ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

*Пынчук В.А., преподаватель
Волжский университет имени В.Н. Татищева
г. Тольятти, Россия, ppinchukea@mail.ru*

Общемировая тенденция расширяет понятие доступности образования для особых групп населения. Получение инвалидами и гражданами с ограниченными возможностями здоровья (далее по тексту — ОВЗ) качественного общего и профессионального образования является одним из основных и неотъемлемых условий их успешной социализации, обеспечения их полноценного участия в жизни общества, эффективной самореализации в различных видах профессиональной и социальной деятельности.

Для России является насущной необходимостью интеграция в решение глобальных проблем, в том числе в сфере образования. Оно провозглашено одним из приоритетов внутренней политики государства. В Конституции Российской Федерации закреплено право каждого на общедоступное и бесплатное образование. Однако, реализация социальных прав существенно зависит от конкретных экономических условий и тесно связана с развитием юридического механизма их осуществления. Исходя из того, что право на образование выполняет особую социальную роль, его можно рассматривать как конституционно-правовое явление сферы взаимоотношений государства и личности. Поэтому в современной России, в первую очередь инвалидам и гражданам с ОВЗ, необходима помощь государства в реализации их прав в сфере образования. Следовательно, без правового регулирования возможность реализации инвалидами и лицами с ОВЗ своего права на образование практически стремится к нулю.

Нормативно-правовую базу в данной сфере общественных отношений государство формирует системно, в том числе на основе международных правовых актов, ратифицированных Российской Федерацией, на всех уровнях: федеральном, правительственном, ведомственном и региональном.

Основу составляет Всеобщая декларация прав человека, провозгласившая историческое «Все люди рождаются свободными и равными в своём достоинстве и правах».² Но самым значимым международным документом в области защиты прав инвалидов остаётся Конвенция о правах инвалидов³, признающая, что человек является инвалидом не только в силу имеющихся у него ограничений, но и по причине тех барьеров, которые существуют в обществе. В связи с этим Конвенция призывает мировое сообщество обеспечить инвалидам инклюзивное образование на всех уровнях и обучение в течение всей жиз-

ни⁴.

В основе инклюзивного (или включённого) образования лежит идеология равного отношения ко всем людям и создания необходимых условий для людей с особыми образовательными потребностями. Инклюзия, в отличие от интеграции, предполагает не только пространственное помещение инвалида или лица с ОВЗ в общий класс или группу. Ведь если человек не справляется с образовательной программой, то, с точки зрения интеграции, - это проблема человека, а инклюзия делает эту проблему проблемой образовательной среды. Успешность инклюзии ставится в прямую зависимость от изменений среды.

Россия ратифицировала Конвенцию о правах инвалидов Федеральным законом от 3 мая 2012 года № 46-ФЗ и приняла на себя обязательства, в том числе, по предоставлению эффективных мер индивидуальной поддержки инвалидов в общей системе образования, облегчающих процесс обучения⁵.

Право лиц с ОВЗ и инвалидов на получение качественного образования в соответствии с имеющимися у них потребностями и возможностями закрепляет Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации».⁶ Закон устанавливает общедоступность, адаптивность системы образования к уровням и особенностям развития и подготовки обучающихся и воспитанников. Также гарантирует оказание психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи обучающимся, испытывающим трудности в освоении основных общеобразовательных программ, развитии и социальной адаптации⁷ и устанавливает условия организации получения образования обучающимися с ОВЗ.⁸

Закон «Об образовании в РФ» определяет обучающегося с ОВЗ как «физическое лицо, имеющее недостатки в физическом и (или) психологическом развитии, подтвержденные психолого-медико-педагогической комиссией и препятствующие получению образования без создания специальных условий». В первую очередь, для таких обучающихся Закон требует разработки индивидуального учебного плана и адаптированной образовательной программы, учитывающих особенности их психофизического развития, индивидуальных возможностей и, при необходимости, обеспечивающих коррекцию нарушений развития и социальную адаптацию указанных лиц.⁹

Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу о гражданах с ограниченными возможностями здоровья» конкретизирует определение лиц с ОВЗ как имеющих недостатки в физическом и (или) психическом развитии.¹⁰

Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» устанавливает гарантии получения образования инвалидами и лицами с ОВЗ. Образовательные учреждения совместно с органами социальной защиты населения и органами здравоохранения обеспечивают воспитание и образование в соответствии с индивидуальной программой реабилитации ин-

валида.¹¹ Детям-инвалидам дошкольного возраста предоставляются необходимые реабилитационные меры и создаются условия для пребывания в детских дошкольных учреждениях общего типа. Для детей-инвалидов, состояние здоровья которых исключает возможность их пребывания в детских дошкольных учреждениях общего типа, создаются специальные дошкольные учреждения.

При невозможности осуществлять воспитание и обучение детей-инвалидов в общих или специальных дошкольных и общеобразовательных учреждениях органы управления образования и образовательные учреждения обеспечивают с согласия родителей обучение детей-инвалидов на дому. Порядок воспитания и обучения детей-инвалидов на дому, в дошкольных и общеобразовательных учреждениях определяются нормативными актами субъектов Российской Федерации. При этом, размеры компенсации затрат родителей на эти цели являются расходными обязательствами бюджетов субъектов Российской Федерации. Это дополнительно подчёркивает и Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ»: «Ребенку от рождения принадлежат и гарантируются государством права и свободы человека и гражданина».¹²

Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа» ещё в 2010 году нацелила каждое образовательное учреждение на создание универсальной безбарьерной среды, позволяющей обеспечить полноценную инклюзию инвалидов.¹³ На разрешение этой проблемы была направлена и государственная программа «Доступная среда». Постановление Правительства РФ «О продлении государственной программы «Доступная среда» до 2020 года»¹⁴ позволит обеспечить доступность приоритетных объектов и услуг в важнейших сферах жизнедеятельности инвалидов и других маломобильных групп населения, сформировать систему комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе в сфере образования. Ту же цель преследует и Указ Президента РФ «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы».¹⁵

В целях дальнейшей реализации данных законодательных инициатив Министерство образования и науки РФ среди рекомендаций по организации деятельности по созданию условий для дистанционного обучения детей-инвалидов, нуждающихся в обучении на дому, в субъекте Российской Федерации, предлагает органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющим управление в сфере образования, создавать на местах Центры дистанционного образования детей-инвалидов.¹⁶

Условия дистанционного обучения представляют инвалидам и лицам с ОВЗ возможности освоения профессиональных образовательных программ высшего и среднего профессионального образования непосредственно по месту жительства или временного пребывания. На региональном уровне в Самарской области, например, разработан и утверждён Межведомственный ком-

плексный план мероприятий по организации инклюзивного образования и созданию специальных условий для получения профессионального образования инвалидами и лицами с ограниченными возможностями здоровья на 2015 — 2020 годы.¹⁷ С целью повышения эффективности данных мероприятий в Самарской области в 2016 году также разработан портал информационной и методической поддержки инклюзивного среднего профессионального образования в информационно-коммуникационной сети «Интернет».¹⁸

Нацеленность регионов, в том числе Самарской области, на высокий уровень реализации прав инвалидов и лиц с ОВЗ на получение профессионального образования подтверждает и успешный опыт внедрения инноваций в данной сфере. Адаптированные программы направлены на организацию внедрения информационных технологий по дистанционному обучению инвалидов, содействие в организации обучения родителей детей-инвалидов практике применения дистанционных технологий при обучении на дому, организацию инклюзивного образования на базе государственных учреждений образования. Ресурсные центры профессионального образования¹⁹ в том числе, проводят мероприятия для родителей и учащихся общеобразовательных школ и коррекционных школ-интернатов, а также других образовательных организаций города и региона по обсуждению вопросов создания доступной среды для детей-инвалидов в г.о. Тольятти и получения профессионального образования детьми с ОВЗ.

В России закреплено право каждого на образование, а инвалид и лицо с ОВЗ являются равноправными членами общества и должны иметь равные с остальными возможности и условия обучения. И решаются эти сложные задачи, исходя из законодательных основ правового регулирования сферы образовательного пространства в Российской Федерации.

Проблемы юридического механизма реализации права инвалидов и лиц с ОВЗ на образование являются для России актуальными. Это связано как с общемировой тенденцией расширения понятия доступности различных социальных услуг (в том числе образования) для особых групп населения, так и с реальным положением людей с ОВЗ в нашей стране.

Российское законодательство закрепляет основные гарантии реализации права инвалидов и лиц с ОВЗ на образование. В ряде регионов России, в том числе и в Самарской области, приняты законодательные акты, включающие нормы об инклюзивном образовании. Органы управления системой образования нарабатывают опыт обеспечения дополнительных гарантий для детей с ОВЗ на муниципальном уровне. В области в определенном количестве школ и колледжей введена система инклюзивного образования.

В сфере реализации прав инвалидов и лиц с ОВЗ на образование следует отметить положительные моменты: в общеобразовательных школах принимаются локальные акты об инклюзивном образовании, разрабатываются адап-

тированные программы для каждого инвалида, отслеживаются индивидуальные достижения, внедряется система дистанционного обучения, обучения на дому, обучается педагогический состав.

В целом, необходимость дальнейшего развития системы нормативной базы и конкретизации исполнения законодательных актов федерального и регионального уровня в вопросах реализации права инвалидов и лиц с ОВЗ на образование остаётся актуальной и требует дальнейшей разработки и конкретизации.

Примечания

¹Конституция Российской Федерации на 2017 год / ред. Меркурьева А., М.: Эксмо- Пресс, 2017, с.23

²Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения 12.01.2017)

³Конвенция о правах инвалидов от 13 декабря 2006 года: <http://www.ohchr.org/RU/HRBodies/CRPD/Pages/ConventionRightsPersonsWithDisabilities.aspx> (дата обращения 16.01.2017)

⁴Там же, Ст. 2

⁵Федеральный закон Российской Федерации «О ратификации Конвенции о правах инвалидов» от 3 мая 2012 года № 46-ФЗ: <http://base.garant.ru> (дата обращения 02.02.2017)

⁶Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 года №273-ФЗ: <http://base.garant.ru> (дата обращения 02.02.2017)

⁷Там же, Ст. 42

⁸Там же, Ст. 79

⁹Там же, Ст. 1

¹⁰Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу о гражданах с ограниченными возможностями здоровья» от 30 июня 2007 года № 120-ФЗ: <http://base.garant.ru> (дата обращения 17.02.2017)

¹¹Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ: <http://base.garant.ru> (дата обращения 17.02.2017)

¹²Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ» от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ: <http://base.garant.ru> (дата обращения 17.02.2017)

¹³Указ президента Российской Федерации «Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа» от 04 февраля 2010 года Пр-271: <http://минобрнауки.рф> (дата обращения 17.02.2017)

¹⁴Постановление правительства РФ от 1 декабря 2015 года №1297 «О продлении государственной программы «Доступная среда» до 2020 года»:

<http://government.ru> (дата обращения 17.02.2017)

¹⁵Указ президента Российской Федерации «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы» от 01 июня 2012 года №761: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения 17.02.2017)

¹⁶Письмо департамента государственной политики в сфере воспитания, дополнительного образования и социальной защиты детей Министерства образования и науки РФ «О направлении рекомендаций по организации деятельности по созданию условий для дистанционного обучения детей-инвалидов, нуждающихся в обучении на дому, в субъекте РФ от 30 сентября 2009 года N06-1254: <http://минобрнауки.рф> (дата обращения 18.02.2017)

¹⁷Распоряжение губернатора Самарской области «Об утверждении Межведомственного комплексного плана мероприятий по организации инклюзивного образования и созданию специальных условий для получения профессионального образования инвалидами и лицами с ограниченными возможностями здоровья в Самарской области на 2015 — 2020 годы» от 05 ноября 2015 года № 644-р: <http://www.educat.samregion.ru> (дата обращения 18.02.2017)

¹⁸Письмо министерства образования и науки Самарской области «О работе Портала информационной и методической поддержки инклюзивного среднего профессионального образования инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья <http://spo.wil.ru>» от 24 марта 2016 года №МО-16-09-01/289-ту: <http://www.educat.samregion.ru> (дата обращения 18.02.2017)

¹⁹Распоряжение министерства образования и науки Самарской области «О создании ресурсных учебно-методических центров по обучению лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов на базе государственных профессиональных образовательных организаций Самарской области» от 11 ноября 2015 года № 736-р: <http://www.educat.samregion.ru> (дата обращения 18.02.2017)

ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

*Сюбарева И.Ф., д.пед.н., к.ю.н., главный научный сотрудник
Федеральный центр образовательного законодательства
г. Москва, Россия, SiubIF40863@rambler.ru*

В современный период научный интерес вызывают вопросы, связанные с финансовым обеспечением деятельности образовательных организаций, особенностями правового регулирования экономической деятельности, привлечением дополнительных финансовых ресурсов и многие другие, от успешного решения которых зависит эффективность развития образовательных организаций. Вопросы финансового обеспечения деятельно-

сти различных учреждений регулируются Бюджетным Кодексом РФ от 31.07.1998 № 145-ФЗ (далее – БК РФ) [1]. Комплексный нормативно-правовой акт - Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (далее – Закон об образовании) имеет специальный характер и устанавливает особенности правового регулирования отношений в сфере образования [2].

В бюджетах бюджетной системы Российской Федерации предусматриваются субсидии бюджетным и автономным учреждениям на финансовое обеспечение выполнения ими государственного (муниципального) задания (п. 1 ст. 78.1 БК РФ). Выделенные средства в виде субсидии направляются бюджетным либо автономным учреждениям на реализацию целей и задач, указанных в государственном (муниципальном) задании, которое формируется и утверждается учредителем в соответствии с видами основной деятельности (ст. 4 Федерального закона «Об автономных учреждениях» [3], п. 3 ст. 9.2 Федерального закона «О некоммерческих организациях» [4]). Законом предусматриваются субсидии и некоммерческим организациям, не являющимся государственными (муниципальными) учреждениями (п. 2 ст. 78.1 БК РФ). Так, например, в сфере образования предусмотрены субсидии на возмещение затрат частным организациям, осуществляющим образовательную деятельность по реализации основных общеобразовательных программ, финансовое обеспечение которых осуществляется за счет бюджетных ассигнований бюджетов субъектов Российской Федерации, и по профессиональным образовательным программам, финансовое обеспечение которых осуществляется за счет бюджетных ассигнований бюджетов различных уровней (п. 5 ст. 99 Закона об образовании). Безусловно, государственная поддержка частных учреждений, которые полностью или частично финансируются собственником его имущества (п. 1 ст. 123.23 ГК РФ), имеет большое значение в современных условиях. Что касается еще одного вида учреждений – казенных, то субсидии им не предоставляются (п. 10 ст. 161 БК РФ), а финансовое обеспечение их деятельности осуществляется за счет средств соответствующего бюджета бюджетной системы РФ на основании бюджетной сметы (п. 2 ст. 161 БК РФ).

Вопросы финансового обеспечения оказания государственных и муниципальных услуг в сфере образования регулируются главой 13 Закона об образовании, которая состоит из шести статей. Кроме названных вопросов, она также регулирует распределение контрольных цифр приема граждан на обучение за счет средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, осуществление образовательной деятельности за счет средств физических и юридических лиц, общие положения об имуществе, создание образовательными организациями высшего образо-

вания хозяйственных обществ и хозяйственных партнерств, деятельность которых заключается в практическом применении (внедрении) результатов интеллектуальной деятельности, образовательное кредитование. Как видим, в главу включены нормы, регулирующие различные виды правоотношений, о которых будет сказано ниже.

Нормативные затраты на оказание государственной или муниципальной услуги в сфере образования регламентируются ст. 99 Закона об образовании. Так, они определяются по каждому уровню образования в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами, с учетом форм обучения и федеральных государственных требований, типа образовательной организации, сетевых форм организации образовательного процесса и образовательных технологий, а также иных особенностей в расчете на одного обучающегося. Нормативные затраты также включают затраты на оплату труда педагогических работников с учетом учебной (преподавательской) и другой работы, а также с учетом обеспечения уровня средней заработной платы педагогических работников.

В Законе об образовании определены положения о контрольных цифрах приема граждан на обучение за счет бюджетных ассигнований бюджетов различных уровней (ст. 100). За счет бюджетных средств финансируется обучение по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам высшего образования не менее чем 800 студентов на 10 тысяч человек населения в возрасте от 17 до 30 лет. Эти цифры распределяются по результатам публичного конкурса, и обязательны для организаций, имеющих государственную аккредитацию образовательных программ. Порядок установления контрольных цифр приема утверждается Правительством Российской Федерации, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления соответственно. Например, сегодня такой порядок определен Постановлением Правительства РФ от 27.03.2015 № 285 [5]. Организации, осуществляющие образовательную деятельность по реализации основных профессиональных образовательных программ, вправе осуществлять в пределах установленных им контрольных цифр целевой прием по направлениям органов государственной власти или органов местного самоуправления в целях содействия им в подготовке кадров.

Закон об образовании устанавливает принципы государственной политики в сфере образования (ст. 3). Обратим внимание на принцип информационной открытости и публичной отчетности образовательных организаций. Нормы, регламентирующие информационную открытость образовательной организации, объединены в законе в отдельной статье 29. Образовательные организации обеспечивают открытость и доступность информации о поступлении финансовых и материальных средств и об их расходо-

вании по итогам финансового года, об объеме образовательной деятельности, финансовое обеспечение которой осуществляется за счет бюджетных ассигнований бюджетов различных уровней бюджетной системы Российской Федерации, а также по договорам об образовании за счет средств физических и (или) юридических лиц.

С целью обеспечения финансовой устойчивости образовательных учреждений им предоставлена широкая возможность осуществления экономической деятельности, виды (подвиды) которой, как и понятие, принципы, границы, в действующем законодательстве не определены, что позволяет включать в уставы образовательных организаций все виды деятельности, не запрещенные законом, но с большой долей условности соответствующие уставной. Это приводит к «чрезмерной коммерциализации деятельности образовательных организаций в современных условиях» [6. с. 34]. Законом об образовании предусмотрено осуществление образовательной деятельности за счет средств физических и юридических лиц по договорам. В связи с этим в законе определено понятие «платные образовательные услуги», раскрывается его содержание, что, безусловно, заслуживает положительной оценки. Так, в статье 101 под платными образовательными услугами понимается осуществление образовательной деятельности по заданиям и за счет средств физических и (или) юридических лиц по договорам об оказании платных образовательных услуг. Указывается, что доход от такой деятельности должен использоваться организацией в соответствии с уставными целями. В этой связи нужно отметить, что в Российской Федерации осуществляется государственная поддержка образовательного кредитования граждан, обучающихся по основным профессиональным образовательным программам (ст. 103). Образовательные кредиты являются целевыми и предоставляются банками и иными кредитными организациями гражданам, поступившим в образовательную организацию для обучения по соответствующим образовательным программам. Они могут быть направлены на оплату обучения в образовательной организации в размере стоимости обучения (основной образовательный кредит) и (или) на оплату проживания, питания, приобретения учебной и научной литературы и другие бытовые нужды в период обучения (сопутствующий образовательный кредит).

Сложившийся правовой механизм финансового обеспечения деятельности образовательных организаций в виде субсидий имеет сложный характер и специфику в отношении различных видов учреждений (основной организационно-правовой формы образовательных организаций), которые сегодня учреждаются в форме автономных, бюджетных, казенных. Есть еще и негосударственные учреждения. Основной недостаток сложившегося механизма – субсидии, которые могут иметь непостоянный (нерегуляр-

ный) характер. Вот почему в современных условиях большое значение имеют экономическая самостоятельность и автономия образовательных организаций, которые позволяют обеспечивать финансовую устойчивость образовательных организаций в сложных экономических условиях.

Библиографический список

1. Бюджетным Кодексом РФ от 31.07.1998 № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
2. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // СЗ РФ. 2012. 3 53 (ч. 1). Ст. 7598.
3. Об автономных учреждениях: федеральный закон от 03.11.2006 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 45. Ст. 4626.
4. О некоммерческих организациях: федеральный закон от 12.01.1996 №7-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
5. Об утверждении Правил установления организациям, осуществляющим образовательную деятельность, контрольных цифр приема по профессиям, специальностям и направлениям подготовки и (или) укрупненным группам профессий, специальностей и направлений подготовки для обучения по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, а также о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации»: Постановление Правительства РФ от 27.03.2015 № 285 // СЗ РФ. 2015. № 14. Ст. 2128.
6. Сябарева, И.Ф. Правовое регулирование финансово-экономического механизма сферы образования: соотношение публичного и частного. Журнал российского права. 2013. №10. С. 28-34.

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

*Талимончик В.П., д.ю.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия, talim2008@yandex.ru*

Международно-правовая охрана интеллектуальной собственности относится к исторически сложившимся институтам международного частного права.

Международная охрана интеллектуальной собственности стала формироваться в конце XIX в. Характерно, что именно в этот период были заложены стабильные основы международного сотрудничества в сфере ин-

теллектуальной собственности. В отношении авторского права была принята Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 г., патентные права стали охраняться посредством Парижской конвенции об охране промышленной собственности 1883 г.

Для развития правовой охраны интеллектуальной собственности на универсальном уровне характерен консерватизм. С появлением новых технологий существующие международные договоры пересматривались в незначительной степени и приспособлялись к регулированию новых технологий. Так, например, при пересмотре Бернской конвенции в 1908 г. в Берлине круг объектов охраны был расширен за счет произведений хореографии, пантомимы, кинематографии, архитектуры и фотографии; Римская конференция 1928 г. признала за автором право на трансляцию произведения по радио и внесла соответствующие изменения в Бернскую конвенцию¹.

Сам термин «интеллектуальная собственность» используется в Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности от 14 июля 1967 г., и ТРИПС.

В смысле Конвенции 1967 г. «интеллектуальная собственность» включает права, относящиеся к:

- литературным, художественным и научным произведениям,
  - исполнительской деятельности артистов, звукозаписи, радио- и телевизионным передачам,
  - изобретениям во всех областях человеческой деятельности,
  - научным открытиям,
  - промышленным образцам,
  - товарным знакам, знакам обслуживания, фирменным наименованиям и коммерческим обозначениям,
  - защите против недобросовестной конкуренции,
- а также все другие права, относящиеся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях.

ТРИПС более ограниченно толкует понятие интеллектуальной собственности. Для целей Соглашения термин «интеллектуальная собственность» относится ко всем категориям интеллектуальной собственности, которые являются предметом разделов 1 - 7 части II. По буквальному смыслу ТРИПС эта категория охватывает авторское право и смежные права, товарные знаки, географические указания, промышленные образцы, патенты, топологии (топографии) интегральных микросхем, охрану закрытой

---

¹ Сиджанский Д., Кастанос С. Международная охрана авторского права. М., 1958. С. 27.

информации.

Однако в деле United States – Section 211 Omnibus Appropriations Act of 1998 группа по разрешению спора пришла к выводу о том, что фирменное наименование не входит в предмет регулирования ТРИПС, не являясь интеллектуальной собственностью в понимании, которое придаётся этому термину п. 2 ст. 1 ТРИПС, потому что оно не относится к тем «категориям», «которые являются предметом разделов 1-7 части II», хотя и является предметом регулирования ст. 8 Парижской конвенции (1967 г.). Апелляционный орган не согласился с позицией группы по разрешению спора и разъяснил ошибочность понимания термина «интеллектуальная собственность», которая заключается в следующем: группа по разрешению спора неверно интерпретировала п. 2 ст. 1, отнеся к интеллектуальной собственности только те категории, которые содержатся в заголовках разделов 1-7 части II и проигнорировав чёткий текст п. 2 ст. 1, в соответствии с которым объектами охраны являются относящиеся к «предмету разделов 1-7 части II» ТРИПС права, а не только те, что указаны в заголовках разделов.

Следует отметить, что на сегодняшний день на универсальном уровне складывается единообразное понимание категории «интеллектуальная собственность».

Согласно Парижской конвенции объектами охраны промышленной собственности являются патенты на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, товарные знаки, знаки обслуживания, фирменные наименования и указания происхождения или наименования места происхождения, а также пресечение недобросовестной конкуренции. В дальнейшем понятие «промышленной собственности» было дополнено в ТРИПС (географические указания, топологии (топографии) интегральных микросхем, закрытая информация).

При этом Парижская конвенция использует категорию «патента» как аналог любого охранного документа на промышленную собственность.

Характерно, что более поздние так называемые «регистрационные соглашения» содержат отсылку к Парижской конвенции (ст. 2 Женевского акта Гаагского соглашения о международной регистрации промышленных образцов (принят 02.07.1999 г. Дипломатической конференцией по принятию нового Акта Гаагского соглашения о международном депонировании промышленных образцов); ст. ст. 2, 3, 4, 5, 9 ter Мадридского соглашения о международной регистрации знаков от 14 апреля 1891 года; ст. 4 Лиссабонского соглашения о защите наименований мест происхождения товаров и их международной регистрации от 31 октября 1958 г.).

Общие закономерности охраны литературных и художественных произведений изложены в ст. 5 Бернской конвенции. В отношении произведений, по которым авторам предоставляется охрана в силу Бернской конвен-

ции, авторы пользуются в странах Союза, кроме страны происхождения произведения, правами, которые предоставляются в настоящее время или могут быть предоставлены в дальнейшем соответствующими законами этих стран своим гражданам, а также правами, особо предоставляемыми настоящей Конвенцией. Пользование этими правами и их осуществление не связаны с выполнением каких бы то ни было формальностей; такое пользование и осуществление не зависят от существования охраны в стране происхождения произведения. Следовательно, помимо установленных настоящей Конвенцией положений, объем охраны, равно как и средства защиты, представляемые автору для охраны его прав, регулируются исключительно законодательством страны, в которой истребуется охрана.

Последующие международные договоры в области авторского права учитывают нормы Бернской конвенции. Статья XVII Всемирной конвенции об авторском праве от 06 сентября 1952 года устанавливает, что настоящая Конвенция ни в чем не затрагивает постановлений Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений и принадлежности к Союзу, образованному этой Конвенцией. Для применения предшествующего пункта к настоящей статье прилагается Декларация. Договор ВОИС по авторскому праву от 20 декабря 1996 года является специальным соглашением в смысле ст. 20 Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений в отношении Договаривающихся Сторон, которые являются странами Союза, учрежденного этой Конвенцией.

ТРИПС устанавливает, что члены соблюдают статьи 1 - 21 Бернской конвенции (1971 г.) и приложение к ней (п. 1 ст.9); программы для электронно-вычислительных машин, как исходный текст, так и объектный код охраняются как литературные произведения в соответствии с Бернской конвенцией (1971 г.) (п. 1 ст.10): ничто в частях с I по IV Соглашения не умаляет существующих обязательств, которые члены могут иметь по отношению друг к другу в соответствии с Парижской конвенцией, Бернской конвенцией, Римской конвенцией и Договором об интеллектуальной собственности в отношении интегральных микросхем (п. 2 ст.2).

Статья 11.bis Бернской конвенции устанавливает, что авторы литературных и художественных произведений пользуются исключительным правом разрешать:

- передачу своих произведений в эфир или сообщение для всеобщего сведения этих произведений любым другим способом беспроводной передачи знаков, звуков или изображений;

- любое сообщение для всеобщего сведения по проводам или средствами беспроводной связи переданного в эфир произведения, если такое сообщение осуществляется иной организацией, нежели первоначальная.

Определение Верховного Суда РФ от 14.10.2008 N 86-В08-18 содержит правовую позицию, согласно которой в случае, когда автор разрешает телерадиовещательной организации использовать свое произведение путем передачи в эфир, это не означает, что тем самым он санкционирует любое последующее использование его произведения (ретрансляцию, сообщение в публичных местах с помощью громкоговорителя, последующую запись переданного в эфир произведения и т.д.), для правомерного использования которого в каждом отдельном случае необходимо дополнительное разрешение автора.

Право на передачу в эфир было признано в государствах общего права с появлением радиовещания. Историю его происхождения связывают с судебным прецедентом 1927 года, когда суд усмотрел нарушение авторского права в действиях Би-Би-Си, осуществившей трансляцию по радио закрытой постановки¹. Следует констатировать, что охрана авторского права в телевидении и Интернете обладает преемственностью в отношении авторского права в радиовещании, однако с развитием научно-технического прогресса возникла объективная потребность в специальном регулировании телевидения и Интернета, обусловленном его техническими особенностями.

Следует отметить, что интеллектуальная собственность тесно связана с информацией. В связи с наличием запретов и ограничений свободы информации всю информацию следует подразделить на свободно обращающуюся информацию, информацию, для распространения которой установлен специальный правовой режим, и информацию, распространение которой запрещено. Запреты на распространение информации и специальные правовые режимы распространения отдельных видов информации существуют на универсальном, региональном и национальном уровнях. В частности, в течение длительного периода с момента появления Интернета оставались актуальными проблемы охраны авторского права в компьютерных сетях. Более того, в доктрине международного права высказывалось мнение о том, что с распространением информационных технологий действующие ограничения теряют свою необходимость и эффективность². Еще в начале 1996 г. было высказано мнение о неэффективности действия авторского права в отношении Интернета³, но уже в конце года на дипломатической конференции, проходившей в Женеве с 2 по 20 декабря, были

---

¹ Бентли Л., Шерман Б. Право интеллектуальной собственности: Авторское право. Intellectual property law: Copyright. СПб., 2004. С. 242.

² Sussman L. Exit the censor, enter the regulator // Report and Papers on Mass Communication. 1991. N 106. P. 10.

³ Handa S. Copyright liability when browsing on the information highway // Law technology. 1996. V. 29. N 1. P. 34.

одобрены тексты договоров, предусматривающих ограничения свободы информации в компьютерных сетях с целью защиты авторских прав.

Наличие отдельных международных договоров в сфере информации в условиях развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) обуславливает постановку проблемы о месте норм, регулирующих информацию, ее передачу и распространение, в системе международного права.

Следует отметить, что договоры в сфере обмена информацией (экономической, правовой, архивной и т.п.), как правило, связаны с существующими институтами международного права. При этом в каждом институте правовой режим информации различен.

Однако Конвенцию об информации и правовом сотрудничестве относительно «услуг информационного общества» от 4 октября 2001 г. и Европейскую конвенцию о правовой защите услуг, предполагающих ограниченный доступ, от 24 января 2001 г., сложно отнести к сложившимся институтам международного права.

На наш взгляд, развитие ИКТ обусловило постановку вопроса о формировании международного информационного права.

ИКТ применяются во всех сферах международных отношений — политической, экономической, социальной, культурной, научной. Соответственно, нет сферы международно-правового регулирования, которая не трансформировалась бы вследствие развития ИКТ.

Международное информационное право является формирующимся межинституциональным образованием, нормы которого присутствуют во всех институтах международного права. На данном этапе развития международное информационное право не может быть выделено в самостоятельный институт ввиду недостаточного объема нормативного материала, незавершенности процесса формирования специальных принципов, а также нецелесообразности искусственного выделения норм, регулирующих информационный обмен, из структуры существующих институтов.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ДОГОВОРУ ОБ ОКАЗАНИИ ТРАНСПЛАНТАЦИОННЫХ УСЛУГ

*Алсынбаева Э.М., к.ю.н., старший преподаватель
Институт права Башкирского государственного университета
г. Уфа, Россия, institutprava@yandex.ru*

Основной формой ответственности в гражданском праве, если иное не предусматривается договором или законом, является возмещение убытков¹. Однако особенностью договора об оказании трансплантационных услуг является то, что неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей влечет за собой причинение вреда жизни или здоровью пациента и в данном случае закон оперирует специальным понятием «возмещение вреда». При этом убытки названы в качестве способа возмещения вреда наряду с возмещением вреда в натуре.

Основным принципом института возмещения убытков является принцип их полного возмещения. При этом убытки могут возникать как у исполнителя, так и у потребителя трансплантационной услуги. Применительно к договору об оказании трансплантационных услуг убытки исполнителя могут составлять суммы неполученного, недополученного или полученного с просрочкой вознаграждения за оказанную медицинскую услугу и упущенную выгоду. Убытки заказчика – это затраты на неоказанную, несвоевременно оказанную или ненадлежаще оказанную медицинскую услугу, расходы, связанные с восстановлением нарушенных прав, и упущенная выгода.

Кроме того, в ст. 30 Закона РФ «О защите прав потребителей» установлены специфические способы возмещения убытков при оказании услуг: безвозмездное устранение недостатков оказанной услуги; соответствующее уменьшение цены оказанной услуги; безвозмездное повторное оказание услуги; возмещение понесенных расходов, связанных с устранением недостатков оказанной услуги; право расторгнуть договор об оказании услуг и полное возмещение причиненных в связи с недостатками оказанной услуги убытков. Следует отметить, что в отношении недостатков трансплантационных услуг применимы все изложенные выше способы.

Вместе с тем, когда неисполнение или ненадлежащее исполнение ме-

---

¹ Иоффе О.С. Обязательственное право.- М.: Юрид. лит., 1975. - С. 97.

дицинской услуги влечет вред здоровью пациента или его смерть, согласно положениям главы 59 ГК РФ, в качестве убытков возмещению подлежат утраченный заработок (доход); дополнительные расходы на лечение, питание, приобретение лекарств, протезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение, приобретение специальных транспортных средств, подготовка к другой профессии; необходимые расходы на погребение.

Не менее распространенной формой гражданско-правовой ответственности является уплата неустойки (штрафа, пени). Обязанность ее уплаты для должника носит дополнительный характер¹.

Специальными нормами, регламентирующими данную меру ответственности в сфере трансплантационных услуг, выступают нормы Закона РФ «О защите прав потребителей»², которые позволяют воспользоваться данной санкцией только либо в случае нарушения сроков выполнения работ (оказания услуг) (ст. 28 Закона), либо удовлетворения требований потребителя, связанных с обнаружением недостатков оказанной или оказываемой услуги (ст. 29 Закона).

Обычно пациент свои требования о возмещении вреда, связанного с ненадлежащим оказанием медицинской услуги, сопровождает и требованием о компенсации морального вреда. В.П. Мозолин в этой связи, отмечает, что в понятии вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, необходимо различать две составляющих: имущественный вред и моральный вред³.

Вместе с тем возникновение таких обязательств характеризуется определенной спецификой. Так, обязательства из компенсации морального вреда возникают только при совокупности следующих условий: претерпевание морального вреда, противоправное поведение причинителя вреда, причинная связь между наступившим вредом и противоправным поведением причинителя вреда, вина причинителя вреда⁴.

Действия являются противоправными, если медицинские услуги осуществляются с отступлением от законных и договорных условий. Под противоправным бездействием следует понимать несовершенство тех действий, которые работник медицинского учреждения обязан был совершить. Про-

---

¹ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. - М., 1997. - С. 387.

² Закон Российской Федерации от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (в ред. от 03.07.2016 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

³ Мозолин В.П. Гражданско-правовая ответственность в системе российского права // Журнал российского права. - 2012. № 1. - С. 37.

⁴ Ключков А.В. Компенсация морального вреда как мера гражданско-правовой ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. - С. 5.

тивоправное поведение медицинского работника рассматривается как неисполнение или ненадлежащее исполнение своих должностных обязанностей. Неправомерное действие (бездействие) должно являться главной причиной, которая влечет причинение морального вреда.

Гражданское законодательство предусматривает наступление разных правовых последствий в зависимости от формы неосторожности – простой или грубой. Все эти понятия вины и ее форм необходимо четко различать медицинским работникам, поскольку юридическая квалификация содеянного чаще всего отвергает добросовестное заблуждение медицинского работника, с одной стороны, и может свидетельствовать об отсутствии его вины – с другой стороны. Однако, доказывание потерпевшим вины ответчика – сложная задача, так как из-за реакции организма на медицинское вмешательство не всегда очевидна причина ухудшения здоровья пациента – из-за небрежности врача или в силу естественных причин¹. Соответственно, пациент поставлен в положение, при котором предъявлению требования о возмещении вреда должно предшествовать проведение сложных процедур установления связей между характером медицинского вмешательства и наступившими неблагоприятными последствиями. В этом отношении представляется целесообразным допустить отступление от общего правила, касающегося необходимости пациенту самому доказывать наличие причинной связи между оказанной трансплантационной услугой и наступившими последствиями.

Библиографический список

1. Иоффе, О.С. Обязательственное право. - М.: Юрид. лит., 1975. - ... С. 97.
2. Брагинский, М.И., Витрянский, В.В. Договорное право. Общие положения. - М., 1997. - С. 387.
3. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (в ред. от 03.07.2016 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.
4. Мозолин, В.П. Гражданско-правовая ответственность в системе российского права // Журнал российского права. - 2012. № 1. - С. 37.
5. Клочков. А.В. Компенсация морального вреда как мера гражданско-правовой ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Волгоград, 2004. - С. 5.
6. Ломакина, И.Г. Гражданско-правовое регулирование отношений по

---

¹ Ломакина И.Г. Гражданско-правовое регулирование отношений по оказанию медицинских услуг в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2006. С. 34.

оказанию медицинских услуг в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2006. С. 34.

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ КОНСУЛЬТАЦИОННОЙ УСЛУГИ КАК ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ

Ахтямова Е.В., к.ю.н., доцент

*Институт права Башкирского государственного университета
г. Уфа, Россия, institutprava@yandex.ru*

В современном гражданском праве России услуги признаются в качестве одной из ведущих категорий в системе объектов гражданских прав, которые получили свое закрепление в ст. 128 ГК РФ. Вместе с тем, в теории гражданского права вопросы о сущности услуги, типология услуг и их дальнейшая классификация являются одними из самых спорных вопросов. Следует отметить, что большинство российских ученых, определяют услугу как продукт труда, полезный эффект которого выступает не в форме вещи, а в форме деятельности, направленной на вещь и (или) на человека¹.

Определяя понятие и признаки консультационных услуг, следует отметить их тесную взаимосвязь с информационными услугами. Понятие «информация» весьма близко к понятию «консультация», и в целом можно предположить, что они тождественны, однако нельзя забывать о воле законодателя, который в п. 2 ст. 779 ГК РФ информационные и консультационные услуги перечисляет как «однопорядковые» категории.

Большинством ученых консультирование определяется как деятельность, осуществляемая профессиональными консультантами и направленная на обслуживание потребностей коммерческих и некоммерческих организаций, физических лиц в консультациях, обучении, исследовательских работах по проблемам их функционирования и развития².

В этой связи можно сказать, что оказание консультационной услуги, как процесс, делится на два этапа. Первоначальным здесь является информация, на которую ссылается консультант (исполнитель услуги), а на основании имеющихся у него данных делаются, различные заключения с использованием логических выводов. Результатом же консультации выступает переработанная (интерпретированная) информация - знание, получа-

---

¹ Кабалкин А.Ю. Договор возмездного оказания услуг // Законодательство и экономика. 1997. № 17-18. С. 19; Степанов Д.И. Услуги как объект гражданских прав. М.: Статут, 2005. С. 170; Санникова Л.В. Услуги в гражданском праве России. М.: Волтерс Клувер, 2006. С.131.

² Мородумов, Р.Н. Договор возмездного оказания информационных и консультационных услуг: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. С. 100.

емое заказчиком. Таким образом, содержанием консультации является знание. При этом следует разграничивать понятия «знание» и «информация», поскольку знание - это осознанная информация, полученная в результате практической деятельности и профессионального опыта¹.

Можно выделить следующие характерные черты свойственные консультации:

- во-первых, знания (интерпретированная информация), выработанные применительно к заданному объекту на основе исходной информации;
- во-вторых, знания связаны с персонификацией их создателя;
- в-третьих, знания передаются конкретно заданному субъекту.

Выделенные свойства позволяют сформулировать определение понятия «консультация». Консультация - это интерпретированная информация, предоставляемая профессиональными консультантами в виде знаний, как на возмездной, так и безвозмездной основе (в установленном законом порядке), в форме дачи советов, рекомендаций и экспертиз клиентам в различных сферах деятельности².

В этой связи можно сформировать определение понятия «консультационная услуга», под которой следует понимать - действия (деятельность) по предоставлению потребителям (клиентам) консультаций в форме дачи советов, рекомендаций и экспертиз в различных сферах деятельности.

Таким образом, учитывая, что консультационная деятельность носит профессиональный характер, а действия консультанта направленные на обслуживание потребностей клиентов могут включать в себя не только дачу советов, рекомендаций и экспертиз в различных сферах деятельности, но также в определенных случаях и действия по их реализации, то необходимо дать определение консультационной деятельности, под которой следует понимать - совокупность профессиональных действий консультантов, направленных на обслуживание потребностей клиентов.

Библиографический список

1. Кабалкин, А.Ю. Договор возмездного оказания услуг // Законодательство и экономика. 1997. № 17-18.- С. 19.
2. Степанов, Д.И. Услуги как объект гражданских прав. - М.: Статут, 2005. - С. 170.
3. Санникова, Л.В. Услуги в гражданском праве России. - М.: Волтерс Клувер, 2006. - С.131.
4. Мородумов, Р.Н. Договор возмездного оказания информационных и

---

¹ Санникова Л.В. Услуги в гражданском праве России. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 103.

² Кныш М.И. Консалтинговые услуги в условиях реформирования экономики России. СПб.: Элмор, 2010. С. 16.

консультационных услуг: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. С. 100.

5. Кныш, М.И. Консалтинговые услуги в условиях реформирования экономики России. - СПб.: Элмор, 2010. - С. 16.

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ ТЕЛЕМАТИЧЕСКИХ УСЛУГ СВЯЗИ

*Балякина Е.Б., старший преподаватель
Институт права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный
университет»
г. Уфа, Россия, elena_f@ufanet.ru*

Услуги доступа к сети Интернет являются одной из наиболее востребованных услуг связи: переписка в социальных сетях и программах-«мессенджерах» замещают телефонную связь в виду относительно невысокой стоимости услуг связи по передаче данных и телематических услуг связи, которые на практике обозначаются как услуги доступа к сети Интернет.

Оказание телематических услуг связи регулируется договором, заключенным между оператором связи и абонентом (пользователем), положениями Федерального закона «О связи»¹ и Правилами оказания телематических услуг связи².

Так, пунктом 52 Правил оказания телематических услуг связи закреплено, что действие договора прекращается, если абонент утратил право владения или пользования помещением, в котором установлено пользовательское (оконечное) оборудование. Полагаем, что данное положение нарушает права абонента, поскольку абонент вправе перенести пользовательское (оконечное) оборудование в новое помещение, например, в случае переезда. Пункт 51 названных Правил также предусматривает возможность создания новой абонентской линии, в случае если внесение изменений в договор об оказании телематических услуг связи повлекло необходимость выполнения оператором связи соответствующих работ, и эти работы подлежат оплате стороной, по инициативе которой были внесены изменения в договор. Представляется необходимым законодательно закрепить норму, согласно которой на период времени, в течение которого осуществляется перенос пользовательского (оконечного) оборудования,

---

¹ Федеральный закон от 7 июля 2003 года № 126-ФЗ «О связи» (ред. от 06.07.2016г.) // Российская газета. 2003. 10 июля.

² Постановление Правительства РФ от 10 сентября 2007 года № 575 (ред. от 03.02.2016) «Об утверждении Правил оказания телематических услуг связи» // Российская Бизнес-газета. 2007. 25 сентября.

действие договора на оказание телематических услуг связи приостанавливается по заявлению абонента.

Современное состояние сферы оказания телематических услуг связи позволяет абоненту получить телематические услуги связи по заключенному им договору с оператором связи с использованием присвоенных ему оператором связи идентификационных данных, но с использованием чужой сети передачи данных. Так, например, операторы связи предоставляют услуги связи по передаче данных через открытые сети – путем установки точек доступа (wi-fi-роутеров) в публичных местах, в которых абонент при подключении сети, вводит назначенные ему оператором связи логин и пароль, получая тем самым телематические услуги связи в рамках своего договора.

Следующим проблемным вопросом при оказании телематических услуг связи является их объем, учитываемый исключительно оборудованием оператора связи. Согласно пункта 38 Правил оказания телематических услуг связи, основанием для выставления счета абоненту или списания средств с лицевого счета за предоставленные телематические услуги связи являются данные, полученные с помощью оборудования, используемого оператором связи для учета объема оказанных им телематических услуг связи. Доступ до этих сведений абонент (пользователь) не имеет. Ни Правилами оказания телематических услуг связи, ни ФЗ «О связи» не предусмотрено представление оператором связи детализации абоненту (пользователю) по оказанным телематическим услугам связи, что на наш взгляд, существенно нарушает права потребителя, которому известен лишь тариф оказываемых услуг.

Оказание телематических услуг связи регулируется также положениями главы 39 ГК РФ «Возмездное оказание услуг»¹. Преимущественно нормы указанной главы носят отсылочный характер на общие положения о подряде (статьи 702 - 729) и положения о бытовом подряде (статьи 730 - 739). Но в отличие от работы результат услуги всегда имеет неовещественный характер. Если по договору подряда заказчик оплачивает фактически выполненные работы, которые имеют овеществленный характер, то по договору оказания услуг оплачивается такой результат, который невозможно увидеть.

Если абонентом (пользователем) выбран повременный тариф для учета и оплаты оказываемых услуг, то, безусловно, подсчитать объем оказанных услуг возможно. Однако, если тариф зависит от объема полученной и переданной информации (трафика), то не каждый абонент (пользователь)

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 23.05.2016) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5, ст. 410.

обладает специальными навыками и программным обеспечением, позволяющим определить объем полученной услуги. Абонент (пользователь) полагается на добросовестность оператора связи и оплачивает выставленный оператором связи счет.

Таким образом, полагаем, что отдельные положения Правил оказания телематических услуг связи требуют детальной проработки и пересмотра в целях устранения выявленных в ходе настоящего исследования нарушений прав и законных интересов потребителей.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ)// Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 23.05.2016) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5, ст. 410.

3. Федеральный закон от 7 июля 2003 года № 126-ФЗ «О связи» (ред. от 06.07.2016г.) // Российская газета. 2003. 10 июля.

4. Постановление Правительства РФ от 10 сентября 2007 года № 575 (ред. от 03.02.2016) «Об утверждении Правил оказания телематических услуг связи» // Российская Бизнес-газета. 2007. 25 сентября; Российская газета. 2008. 05 марта.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ НОТАРИАЛЬНОГО УДОСТОВЕРЕНИЯ ЗАВЕЩАНИЯ

*Бурдаева В.Н., аспирант
Волжский университет имени В.Н. Татищева
г. Тольятти, Россия, V001016@yandex.ru*

Наследование по завещанию регламентируется главой 62 Гражданского кодекса РФ (далее – кодекс). Завещание представляет собой одностороннюю сделку по воплощению последней воли гражданина относительно своего имущества. Удостоверение завещания, как одно из нотариальных действий, занимает значительное место в деятельности нотариуса. Гражданская правоспособность, помимо прочего, включает в себя право каждого гражданина на составление завещания и право наследования. В соответствии с п. 2 ст. 17 кодекса, «правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью». По общему правилу ч. 1 ст. 1125 кодекса завещание мо-

жет быть составлено самим гражданином либо записано нотариусом с его слов.

Рассмотрим некоторые проблемные вопросы, возникающие в нотариальной практике при удостоверении завещания. Совершить завещание вправе лишь полностью дееспособный гражданин (ч. 2 ст. 1118 кодекса), исходя из этого, на нотариуса возлагается обязанность по выявлению дееспособности лица, желающего составить завещание. Примечательно, что данная законодательная регламентация по вменению обязанности исчерпывается. Для нотариального удостоверения завещания лицо должно обладать полной дееспособностью, то есть на момент составления завещания достигнуть возраста совершеннолетия, либо быть признанным эмансипированным в силу вступления в брак до достижения возраста восемнадцати лет, либо в соответствии с решением суда. Вместе с тем, нотариус проводит беседу с гражданином, в ходе которой выясняет возможность понимания значения совершаемого нотариального действия и способность руководства своими действиями. По-видимому, у нотариуса не должно возникать трудностей при удостоверении завещания. Тем не менее, судебная практика свидетельствует о том, что удостоверение завещания нотариусом представляет интерес при рассмотрении дел судами.

Ч. 1 ст. 29 кодекса трактует определение недееспособного гражданина как «...вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими, может быть признан судом недееспособным». Тем самым подчеркивается исключительная прерогатива суда при определении дееспособности лица. Как указывала в своей научной работе к.ю.н. Татьяна Борисовна Фабричная, «Сложность совершения данного нотариального действия состоит в том, что лицо, хотя и является недееспособным, но не признано таковым в установленном законом порядке, то в таком случае оно обладает всем комплексом предоставленных законом прав в полном объеме.»¹ На практике возникают достаточно проблемные ситуации, когда завещание желает совершить лицо, хотя и не признанное недееспособным, но находящееся в данный момент в такой жизненной ситуации, что вызывает сомнения относительно возможности совершения данного нотариального действия, то есть недееспособный в определенный момент времени. В частности это лица, которые страдают тяжелыми заболеваниями и вынуждены принимать сильнодействующие, в некоторых случаях даже наркотические препараты, а также те лица, которые в недавнем времени перенесли инсульт, помимо прочего, люди преклонного возраста.

Трудности возникают при составлении завещания глухонемыми лицами,

---

¹ Т.Б. Фабричная. Удостоверение завещания нотариусом: теория и практика. Проблема недействительности завещания. // Приволжский научный вестник. 2016. № 12-2. С. 52.

которые не владеют навыками общения, а также лицами, имеющими проблемы с речью, либо лишившимися возможности говорить. Однако вышеуказанные заболевания речевого аппарата не свидетельствует о том, что можно усомниться в дееспособности лица, это лишь создает технические трудности. В предложенных ситуациях у нотариуса возникают сомнения в полной дееспособности таких граждан. Нотариусы действуют исходя из собственных соображений, создавая тем самым различную практику. Некоторые отказывают в совершении нотариального действия, другие напротив, стараются выяснить волю лица, обратившегося за удостоверением завещания. Однако происходят и другие ситуации, когда нотариус просит написать гражданина содержание будущего завещания, которое он желает составить, либо проводит видеосъемку происходящего, с согласия лица. В конечном счете, нотариус встает перед выбором: отказать в совершении нотариального действия и быть привлеченным к ответственности, либо удостоверить завещание, которое возможно будет признано недействительным в будущем.

Сделав вывод из вышеизложенного можно сказать, что нотариус ограничен в возможности уяснения дееспособности завещателя, он может лишь по документу, удостоверяющему личность, паспорту, узнать возраст завещателя, и, пообщавшись с ним, в ходе личной беседы, выявить способность завещателя руководить своими действиями и поступками. В связи со спецификой нотариальной работы, нотариусы имеют представление о наиболее часто встречающихся серьезных заболеваниях, их последствиях для психики и принимаемых препаратов во время реабилитации, исходя из этого нотариус, вправе потребовать справку о сделкоспособности гражданина, которую можно получить, обратившись в психоневрологический диспансер. В ходе обращения гражданина в лечебное учреждение, врач установит, возможно ли совершение гражданином юридически значимых действий.

Несмотря на то, что нотариус в первую очередь призван защищать права и законные интересы граждан, недостаточное законодательное регламентирование порядка действий нотариуса в противоречивых ситуациях, может привести к возникновению судебных споров относительно законности удостоверенного завещания. Речь идет об исках в соответствии с ч. 1 ст. 177 кодекса, которая гласит, «Сделка, совершенная гражданином, хотя и дееспособным, но находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признана судом недействительной по иску этого гражданина либо иных лиц, чьи права или охраняемые законом интересы нарушены в результате ее совершения.» Т.В. Ярошенко пишет: «Поскольку наследственное законодательство несовершенно, посредством грамотных действий нотариуса можно избежать дальнейших трудностей при открытии наследственного дела и в после-

дующем ведении наследственного дела.»¹ Не стоит забывать о том, что возникновение данных споров обосновано не ошибкой нотариуса, а действиями недобросовестных наследников, доля наследства которых ограничена завещанием. Такие наследники, не желая мириться с последней волей умершего, в ходе судебного заседания доказывают неспособность завещателя понимать значение своего волеизъявления, путем предоставления доказательств и привлекая свидетелей. Суд при выяснении действительности завещания, должен установить причину признания его таковым в силу невозможности завещателя руководить своими действиями или понимать их значение.

Для обеспечения гарантированной возможности исполнения завещания, необходимо законодательно расширить полномочия нотариуса при определении дееспособности гражданина, ликвидировав тем самым возникающие на практике проблемы. В соответствии со ст. 41 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, утв. ВС РФ 11 февраля 1993 года № 4462-1 (далее – Основы), при возникновении у нотариуса сомнения в осознании завещателем существа происходящего, при том, что отсутствуют сведения о признании данного лица недееспособным, нотариус вправе отложить совершение нотариального действия до выяснения того, выносилось ли решение суда о признании гражданина недееспособным.² Следует дополнить данную статью возможностью нотариуса подавать иск в суд для выяснения дееспособности гражданина, при возникновении сомнений при обращении за совершением нотариального действия. Стоит заметить, что само применение данной нормы на практике представляется проблематичным, так как неизвестно в какой именно суд необходимо сделать запрос. Данное решение имел возможность вынести любой суд по месту жительства заинтересованного лица, а завещатель, в свою очередь, мог переезжать по разным адресам неизвестное количество раз, перед тем, как обратиться к нотариусу с целью удостоверения завещания. Следует также иметь ввиду, что нотариус не вправе запрашивать информацию из лечебных учреждений, так как это является врачебной тайной, и такие сведения не могут быть выданы без согласия самого лица либо его законного представителя.

Необоснованный отказ нотариуса в совершении нотариального действия, так же может быть чреват возможностью его судебного обжалования. Предложение о законодательном введении возможности нотариусом запрашивать сведения из медицинских учреждений, скорее всего, не приведет к желаемому результату на практике, так как гражданин может быть не признан недееспособ-

---

¹ Т.В. Ярошенко. Проблематика нотариального удостоверения завещания: определение дееспособности гражданина. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 9. С. 61.

² Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, утв. ВС РФ 11 февраля 1993 года № 4462-1.

собным, однако на протяжении неопределенного времени уже не руководит своими действиями и не понимает их значение. Исходя из этого, предполагаемое получение нотариусом данных из медицинского учреждения о дееспособности лица, не дает гарантий о возможности совершения нотариального действия в виде завещания.

Подводя итог по вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что на практике возникают трудности при определении психического состояния лица, обратившегося в нотариальную контору для удостоверения завещания. Это связано с недостаточной проработанностью данного вопроса в гражданском законодательстве. Мы вынуждены признать, что нотариус не может точно осуществить определение дееспособности в строгом смысле этого слова. При возникновении ситуации, в ходе которой у нотариуса возникают сомнения в дееспособности обратившегося гражданина, при отсутствии каких-либо юридически обоснованных оснований для отказа, нотариальное действие должно состояться в связи с тем, что нотариальный отказ в удостоверении завещания, не может основываться на предположении. К сожалению, появляется вероятность признания завещания ничтожным либо оспоримым. Для решения указанной проблемы, которая состоит в снижении количества оспариваемых завещаний, необходимо устранить пробелы в гражданском законодательстве путем расширения полномочий нотариуса и взаимосвязи нотариусов между собой. Тем самым, нуждается в доработке существующая на данный момент «Единая Информационная Система нотариата Российской Федерации», надлежит добавить автоматизированную общероссийскую базу граждан, ограниченных в дееспособности, признанных в судебном порядке недееспособными, с момента вступления решения суда в законную силу, в разумный срок (Реестр лиц, признанных судом недееспособными). Также следует добавить в компетенцию нотариуса возможность по привлечению специалистов, обладающих определенными навыками и умениями, при определении дееспособности, которые вправе сделать вывод о способности понимать значение действий граждан, обратившихся за удостоверением завещания, и руководить ими, тем самым устранив сомнения. Однако заключение специалиста будет иметь лишь рекомендательный характер и не всегда обязательно должно учитываться нотариусом. Представляется допустимым добавление такой законодательной конструкции, согласно которой нотариус будет вправе назначать психиатрическую экспертизу, по заключению которой возможно было бы уяснить, исходя из каких побуждений, гражданин решил составить завещание, и осознает ли он последствия совершаемого нотариального действия.

Стоит отметить, что нотариус должен прибегать к привлечению специалиста либо назначению экспертизы лишь в случаях, в которых невозможно обойтись другими способами определения дееспособности гражданина, а также данные новеллы будут иметь место с согласия самого обра-

тившегося лица. В случае же отказа лица от прохождения психиатрической экспертизы, нотариус сможет на законном основании осуществить отказ в совершении нотариального действия.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации, принятый 21 октября 1994 года Государственной Думой.
2. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, утв. ВС РФ 11 февраля 1993 года № 4462-1.
3. Иванова, Ж.Б. Особенности нотариальной деятельности при удостоверении завещания // Нотариус. 2015. N 4. С. 33 - 36.
4. Кузьменко, Т.В., Савченко, С.А. Нотариально удостоверенная форма завещания и завещания, приравненные к нотариально удостоверенным завещаниям // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. XLIV междунар. науч.-практ. конф. № 12(43). – Новосибирск: СибАК, 2014.
5. Фабричная, Т.Б.. Удостоверение завещания нотариусом: теория и практика. Проблема недействительности завещания. // Приволжский научный вестник. 2016. № 12-2. С. 52.
6. Эриашвили, Н.Д. Нотариат: Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности "Юриспруденция" / Под ред. Г.Б. Мирзоева, Н.Д. Эриашвили, Н.М. Илюшиной. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2015. С. 295.
7. Ярошенко, Т.В. Проблематика нотариального удостоверения завещания: определение дееспособности гражданина. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 9. С. 61.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗАКАЗЧИКА В ДОГОВОРАХ ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ С ПРИМЕНЕНИЕМ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Горбунова О.В., аспирант

Волжский университет имени В.Н. Татищева

г. Тольятти, Россия

старший преподаватель

Ульяновский государственный педагогический университет

г. Ульяновск, Россия, gorbunova@mail.ru

На уровне законодательства и права России такие понятия как репродукция и репродуктивные права, появились относительно недавно. То, что долгое время оставалось за рамками правового регулирования, а именно

«тайнство рождения», сегодня приобретает все более яркие черты отношений, регулируемых правом. Следует отметить, что причинами для этого послужили две группы факторов: с одной стороны – это общее ухудшение репродуктивного здоровья современного человека (не только физического, но и психолого- психиатрического)¹, а с другой стороны – это развитие медицинских технологий, которые позволяют, с определенной долей уверенности, преодолевать проблемы бесплодия. Таким образом, в «тайнство» вовлекаются фактически посторонние люди (врачи, медицинский персонал, агенты, суррогатные матери), которые дают надежду, вынуждают нести материальные издержки, рисковать своим здоровьем ради заветной цели – иметь своего ребенка. Многие процедуры в рамках решения репродуктивных проблем влекут за собой дополнительные риски для общего состояния здоровья пациентов².

Именно вовлечение в данные отношения «третьего участника», который не связан с потенциальными родителями личными отношениями, приводит к необходимости правового регулирования возникающих отношений. Несвязанность этого третьего участника с потенциальными родителями личными отношениями – приводят к его естественной заинтересованности в получении материальной выгоды. Процедуры вспомогательных репродуктивных технологий являются относительно дорогостоящим, а также носящими рисковый характер – успешный результат зависит от множества факторов как подконтрольных так и неподконтрольных медицинскому персоналу. Однако, сегодня, данный рынок медицинских услуг активно развивается.

Показателем востребованности данного вида медицинских услуг являются сведения Российской ассоциации репродукции человека: так в 2004 году в России было проведено 14751 циклов ВРТ, в 2014 году – этот показатель уже составил 621283 циклов ВРТ. Таким образом, количество циклов ВРТ за 10 лет в России выросло в 42 раза³. И потенциал роста количе-

---

¹ Уровень развития современного общества приводит к таким новым явлениям как «социальное бесплодие» (когда человек испытывает проблемы с деторождением не по медицинским показаниям, а по социальным причинам, например, из-за отсутствия партнера, или в силу собственных убеждений – добровольная бездетность, т. н. «чайлд-фри») / Гнеушева Е.Б. Некоторые проблемы правового регулирования искусственных методов репродукции//Вестник Бурятского государственного университета № 2, 2014, с. 285-289

² Так в процедуре ЭКО женщинам предлагается искусственно сделать маточные трубы непроходимыми, без возможности их функционального восстановления, что лишает в будущем всяких надежд на самостоятельную беременность. Так называемые «протоколы ЭКО» - приводят к синдрому гиперстимуляции яичников, следствием чего является ускоренная выработка исчерпаемого ресурса организма, женщина имеет все шансы на ускоренное старение.

³ Отчеты регистра ВРТ за 2004, 2014 годы// http://www.rahr.ru/registr_otchet.php

ства циклов ВРТ значителен – государство оценивает данные правоотношения как одну из возможностей решения демографических проблем, не говоря о высокой социальной значимости решения проблем бесплодия.

Этим объясняется введение ЭКО в программу общего медицинского страхования (ОМС) в России с 2013 года¹. Правовое регулирование медицинских услуг с применением вспомогательных репродуктивных технологий осуществляется законодателем в большей степени хаотично, обрывисто, что может быть обусловлено отсутствием единого системного подхода на уровне федерального закона к регулированию данных вопросов. Однако, опыт международный, накапливаемая практика в нашей стране должны, в итоге, привести к прозрачному и системному правовому регулированию сложных медицинских отношений, обладающих сегодня еще и повышенной социальной значимостью.

В правоотношении по применению ВРТ (для рождения биологически своего ребенка) уже сейчас можно говорить о выделении двух групп правоотношений: 1. Отношения между потенциальными родителями; 2. Отношения между потенциальными родителями и исполнителями услуг.

Фактически данная классификация отношений выявляет сложности, требующие правового регулирования. Сложности возникают в первую очередь из особенностей субъектного состава на стороне Заказчика - когда имеют место оба потенциальных родителя (возможно, состоящих в зарегистрированном браке), т.е. «множественность лиц в обязательстве». И хотя именно вероятность иметь ребенку обоих родителей является приоритетной задачей – судебная практика показывает сложность и неопределенность, а подчас и несправедливость в законодательном регулировании подобных отношений². Наиболее громким делом, связанном с разногласиями потенциальных родителей между собой в программе ВРТ, является дело Эванс против Соединенного Королевства³. Однако, и судебная практика России уже накапливает тот опыт, который заставит теоретиков права пе-

---

¹ Мосесова Ю. Комментарий эксперта //Здоровье, № 6 , 2014. С 33. С. 33.

² На поверхностный характер рассмотрения вопросов множественности лиц в обязательстве обращает внимание С.В. Сарбаш. См. напр. Сарбаш С.В. Обязательства с множественностью лиц и особенности их исполнения. – М.: Статут, 2004, с. 3.

³ Напомним, в указанном деле Истица обратилась в Европейский суд по правам человека с жалобой на законодательства Соединенного Королевства, которое позволило ее бывшему партнеру в одностороннем порядке отозвать свое согласие на хранение их общих эмбрионов. Поскольку Истица прибегала к данной программе в связи с раком яичников, и они были удалены, то к моменту отзыва согласия на хранение эмбрионов ее бывшим партнером – она была полностью лишена возможности иметь биологически связанного с ней ребенка когда-либо. /Постановление Большой палаты Европейского суда по правам человека от 10 апреля 2007 года. Жалоба № 6339/05. //www.europecancourt.ru

реосмыслить некоторые нормы отечественного законодательства. Так, например, жительница Красноярского края в 2015 году обратилась в суд с требованием о взыскании части расходов, понесенных ею в программе ВРТ с ее бывшего сначала партнера, а затем и мужа¹. В материалы дела были представлены договор, заключенный Истицей как Заказчицей, и информированные добровольные согласия Истицы и Ответчика. Суд, отказал Истице во взыскании 50% понесенных ею расходов указав, «что М. (ответчик) не заключал с Центром (исполнителем медицинской услуги) договор на предоставление платных медицинских услуг, а только выразил согласие на применение ВРТ, которое не порождает у него обязательства по оплате услуг в равных долях с истцом, так как он стороной договора не являлся и заказчиком услуг не выступал». Таким образом, женщина, к слову сказать, болезненно перенесшая протокол ЭКО, сама заплатившая за процедуру ЭКО, потом и за привлечение суррогатной матери, в итоге осталась и без ребенка, и без денег, и даже без мужа. Понятно, что в данном случае судебный акт можно оправдать тем, что это были ее проблемы с ее репродуктивным здоровьем. Но можно также поставить вопрос иначе: а если бы она не состояла в отношениях с этим мужчиной – пошла бы она на эти же самые жертвы? Думается, что нет.

Пункт 2 статьи 35 Семейного кодекса РФ предусматривает: при совершении сделки по распоряжению общим имуществом супругов, предполагается, что он действует с согласия другого супруга.

При заключении же договора на оказание медицинских услуг, следуя логике законодателя – услуга приобретается для одного (больного) заказчика. Действительно, некоторые медицинские услуги, можно согласиться, направлены на приобретение только одним из супругов каких-либо благ, поэтому деньги должны быть личными – того супруга, который приобретет эти блага (например – дорогостоящие коронки, протезы, пластические операции) – это дало бы какое-то оправдание приведенному выше примеру. Но в случае, когда два лица, преследуя одну цель – иметь общего ребенка, подписывают добровольное информированное согласие, а в последующем оказывается, что платить должен только один из них (у которого были проблемы с репродуктивной функцией) – это не кажется нормальным. Полагаем, что данный законодательный пробел является не только несправедливым, но и выступает в роли сдерживающего фактора, который поддерживает давно устоявшееся (но сомнительное) правило о том, что проблема репродукции – это проблема только одного больного пациента, а никак не его партнера.

Представляется, что возможность разрешения этой ситуации есть. И при

---

¹ Решение Норильского городского суда по делу № 2-3460/2015 от 07.12.2015 года.//www.norilsk—krk.sudrf.ru

желании законодателя она может быть разрешена, вероятно, посредством установления следующей презумпции: «Если человек желает быть родителем ребенка, рожденного посредством вспомогательных репродуктивных технологий и выражает свое письменное добровольное информированное согласие на это, обязанности Заказчика по договору оказания соответствующих медицинских услуг возникают у него вне зависимости, указан ли он в этом договоре в таком качестве. Если иное не установлено соглашением между лицами, желающими стать родителями, обязанность по оплате медицинских услуг по применению ВРТ возникает у каждого из них в равном объеме».

Библиографический список

1. Гнеушева, Е.Б. Некоторые проблемы правового регулирования искусственных методов репродукции // Вестник Бурятского государственного университета № 2, 2014, с. 285-289
2. Мосесова, Ю. Комментарий эксперта // Здоровье, № 6 , 2014. С 33. С. 33.
3. Сарбаш, С.В. Обязательства с множественностью лиц и особенности их исполнения. – М.: Статут, 2004, 112 с.
4. Постановление Большой палаты Европейского суда по правам человека от 10 апреля 2007 года. Жалоба № 6339/05. //www.europeancourt.ru
5. Решение Норильского городского суда по делу № 2-3460/2015 от 07.12.2015 года.//www.norilsk—krk.sudrf.ru
6. Отчеты регистра ВРТ за 2004, 2014 0 годы// http://www.rahr.ru/registr_otchet.php

ОБОРОТ ЭМБРИОНАЛЬНЫХ СТВОЛОВЫХ КЛЕТОК: ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Демкина Е.А., соискатель

Саратовская государственная юридическая академия

г. Саратов, Россия, elenadyomkina@yandex.ru

Человеческое здоровье всегда являлось высшей ценностью общества. Оно занимает приоритетное положение в медицине и одновременно касается и неких аспектов в правовой сфере. Следует отметить. Что значимую роль оказывает концепция «параллельной взаимосвязанности и противоречия», если одна сторона обретает, то другая утрачивается.

Биомедицина быстро развивающаяся сфера, в особенности в области клеточных технологий. Медики и ученые возлагают большие надежды на анализ и дальнейшее изучение стволовых клеток, потому как именно благодаря им возможны новые открытия в лечении и профилактике многих неизлечимых заболеваний.

Небольшая справка: стволовые клетки – это незрелые клетки, имеющиеся у многих видов многоклеточных организмов, такие клетки способны самообновляться, образуя новые стволовые клетки¹. Таким образом, все клетки нашего организма образуются из стволовых клеток, утраченные клетки в результате каких-либо повреждений обновляются и замещают стволовые клетки.

Самой значимой особенностью эмбриональных стволовых клеток является тотипотентность (от лат. totus — весь, целый и potentia — сила), т.е. способность отдельных клеток в процессе реализации заключенной в них генетической информации не только к дифференцировке, но и к развитию в целый организм. В настоящее время тотипотентные стволовые клетки получают только в лабораторных условиях, производя оплодотворение яйцеклетки сперматозоидом и выращивая эмбрион до нужного размера. Эмбриональные тотипотентные клетки используются в основном для экспериментов на животных и для выращивания искусственных органов².

По мнению А.А. Мохова³ могут использоваться в трансплантологии, иммунологии, геронтологии. В настоящее время существуют методики, позволяющие получать из эмбриональных клеток нейроны (основные клетки нервной системы), кардиомиоциты (клетки сердца), клетки печени и поджелудочной железы

Лечение эмбриональными стволовыми клетками затрагивает не только медицину, но и экономическую сферу, поскольку стоимость процедуры составляет от 700 000 тыс. руб.⁴

Главным источником получения эмбриональных стволовых клеток на сегодняшний день является:

- извлечение эмбриональных стволовых клеток путем использования abortивных материалов (фетальные стволовые клетки);
- использование «запасных» эмбрионов, оставшихся после репродуктивных технологий;
- применение искусственно созданных эмбрионов, полученных путем переноса ядра соматической клетки – терапевтическое клонирование.

Многие ученые против применения эмбриональных стволовых клеток человека. Уже существующие стволовые клетки – самый распространенный способ получения, потому как исследователи полагают, что речь об

---

¹ URL: <http://www.bibliotekar.ru> Библиотекарь.ру. Электронная библиотека. (Дата обращения: 04.02.2017).

² URL: <http://megabook.ru/> Мегабук.ру. Электронная библиотека. (Дата обращения: 04.02.2017).

³ Мохов А.А. Клетки как объекты гражданских и иных правоотношений // Медицинское право. 2008. № 2.

⁴ Данные на основе изучения прайс-листов медицинских учреждений г. Москвы.

эмбрионе как о личности абсурдна, поскольку полноценное функционирование мозга наступает у человека после двух лет жизни.

Противники применения зародышей человека как источника клеток для проведения исследований встревожены тем, что это влечет к снижению уровня уважения эмбрионов человека и, следовательно, в какой-то мере обесценивает жизнь человека.

Итак, рассмотрим некоторые аргументы «за и против использования «лишних эмбрионов». Сторонники «за» использование «лишних эмбрионов» считают, что нет оснований считать, что ликвидация зародышей подрвет общественные ценности, поскольку длительное время эмбрионы создавались и использовались для такого репродуктивного метода как ЭКО, и никаких значительных модификаций в том, как общество ценит человеческую жизнь, наблюдаться не будет.

Если же это морально возможно использовать зародыши человека для лечения бесплодия, то не должно быть аморальным жертвовать эмбрионы для лечения тяжелейших заболеваний или для научных исследований.

В любом случае «лишние эмбрионы человека» уничтожаются, после истечения определенного срока хранения, вследствие этого использовать их в научных исследованиях было бы рационально, поскольку принесет только пользу людям.

Сторонники «против» указывают, что лечение с использованием эмбриональных стволовых клеток может стать «обыденной процедурой» и в итоге эмбрионы человека будут использоваться как простой материал, а это может сказаться на показателях уважения к жизни человека. Вероятно, что данный подход даст старт к нерегулируемому клонированию, использованию органов и тканей.

Третьим источником эмбриональных стволовых клеток является терапевтическое клонирование – это процесс создания эмбриональных стволовых клеточных линий по технологии переноса ядра соматической клетки. В этом процессе, ядро взрослой клетки переносится в яйцеклетку, у которой удалено ядро. Цель предоставленной процедуры - получение стволовых клеток, генетически совместимых с донорским организмом.

Эмбрион человека, развиваясь на ранней стадии, в дальнейшем используется как источник получения стволовых клеток. В будущем данный способ может стать «ключом» для получения клеток для терапии и лечения, а также получения лекарственных препаратов.

Линии эмбриональных стволовых клеток могут быть получены из клеток пациентов, страдающих редкими, сложными заболеваниями, создавая огромный ресурс, который может использоваться многими учеными и принести ощутимые результаты в лечении редких и неизлечимых до настоящего времени заболеваний. Например, из ДНК больного болезнью

Паркинсона можно получить эмбриональные стволовые клетки, которые можно использовать для его лечения, при этом они не будут отторгаться иммунной системой больного.

Министерство иностранных дел Российской Федерации¹ на этот счет высказала свое мнение, согласно которому технология клонирования весьма перспективна для сохранения и получения генетических копий живых организмов (моделей в научных экспериментах, а также воспроизводства органических тканей в целях генотерапии и конструирования органов для трансплантаций), однако опасение вызывает возможность направленной селекции и многократной репродукции людей с особыми генетическими характеристиками. На сегодняшний день какие-либо знания о рисках развития клонированных детей отсутствуют, поскольку такая технология, основанная на одиночных успешных экспериментах на животных, до конца не отработана и уж тем более не может сразу переноситься на людей.

Согласно ч. 2 ст. 18 Конвенции о правах человека и биомедицине производство эмбрионов человека специально для исследовательских целей запрещается². В большинстве зарубежных стран создание человеческих зародышей так или иначе связано с репродуктивными целями. Заметим, что если эмбрион человека, созданный для репродуктивных целей, не будет перенесен в матку, даже если он впоследствии будет подвергнут криоконсервации, есть вероятность, что он не выживет. Возникает вполне назревший вопрос: возможно ли его дальнейшее использование в научно-исследовательских целях?

Согласно ст. 21 все той же Конвенции о правах человека и биомедицине запрещено извлекать финансовую выгоду, продавая тело человека и его части. Что касается эмбриональных стволовых клеток, то коммерческий оборот зародышей человека как источников стволовых клеток также запрещен.

Сегодня, увы, как на международном, так и на национальном уровне нет единой правовой позиции по поводу изъятия стволовых клеток из эмбриона. Разработка унифицированного положения о возможности или запрете использования стволовых клеток крайне необходима. Также с правовой точки зрения нужно отчетливо обозначить понятийный аппарат, а именно: законодательно зафиксировать все понятия, которые применяются в области биомедицинских технологий, создания и использования эмбрионов человека и стволовых клеток.

В настоящее время Россия, несмотря на прогресс в медицине имеет

---

¹ URL: <http://www.mid.ru/> Министерство иностранных дел Российской Федерации (Дата обращения: 04.02.2017).

² Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS N 164) (Заключена в г. Овьедо 04.04.1997) // СПС «Консультант Плюс».

неполное и расплывчатое законодательное регулирование всех отношений, связанных с биомедициной и биотехнологиями, что может отразиться в дальнейшем отрицательно на формировании медицинских отраслей. Так, до сих пор законодательно не определен статус эмбриона человека, не имеется правового регулирования использования стволовых клеток, изъятия стволовых клеток из эмбриона, не определены легальные рамки поведения научных экспериментов в сфере клеточных технологий и т.д.

Подводя итог, отметим, что ответ на вопрос о вероятности применения эмбриональных стволовых клеток с этической точки зрения будет отрицательным, какие бы высокие цели не преследовала медицина. С правовой точки зрения при условии определения правового статуса эмбриона, признавая естественным и неотъемлемым правом право на начало жизни, как и право на саму жизнь, может дать толчок к более активным поискам других источников стволовых клеток, которые по своим свойствам и значению для регенеративной терапии не будут уступать клеткам, изъятим из эмбриона. Существенный подход в данном направлении должен быть продиктован нормами права.

Библиографический список

1. Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS N 164) (Заключена в г. Овьедо 04.04.1997) // СПС «Консультант Плюс».
2. Мохов, А.А. Клетки как объекты гражданских и иных правоотношений // Медицинское право. 2008. № 2.
3. URL: <http://www.mid.ru/> Министерство иностранных дел Российской Федерации (Дата обращения: 04.02.2017).
4. URL: <http://www.bibliotekar.ru> Библиотекар.ру. Электронная библиотека. (Дата обращения: 04.02.2017).
5. URL: <http://megabook.ru/> Мегабук.ру. Электронная библиотека. (Дата обращения: 04.02.2017).

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

*Джумаев У.Р., аспирант
Волжский университет имени В.Н. Татищева
г. Тольятти, Россия, Ulmas.9090@yandex.ru*

Институт права собственности в настоящее время имеет огромное значение в современном гражданском обороте.

Гражданский оборот предполагает не только признание за субъектами

определенных гражданских прав, но и обеспечение их надежной правовой охраны. Вещные права и право собственности, в частности, не являются исключением.

Гражданское право призвано твердо, последовательно и неукоснительно обеспечивать защиту права собственности. Именно такая защита является обязательным условием реализации в общественной жизни принципов и идеалов гражданского общества.

Конституция РФ предоставляет гражданам возможность иметь имущество на праве собственности.

Право собственности законодательно определяется тем, что собственнику принадлежит правомочия владения, пользования и распоряжения своим имуществом.

Собственником могут быть физические и юридические лица, а также РФ, субъекты РФ и муниципальные образования. В законодательстве РФ предусмотрено наличие нескольких собственников, а также деление имущества на несколько частей, над которыми каждый собственник осуществляет свои правомочия собственника.

Объектом права собственности является имущество, то есть вещи и имущественные права. Имущественные права также могут быть объектами права собственности, например, предприятие (имущественные права входят в понятие предприятие) или же ценные бумаги. Объектами права собственности не являются результаты интеллектуальной деятельности, так как интеллектуальная деятельность входит в исключительные права.

Реализация правомочий собственниками в отношении принадлежащего им имущества зачастую свидетельствует о случаях нарушения прав данных субъектов со стороны третьих лиц. Об этом свидетельствует судебная практика по данным категориям дел. Все это говорит о необходимости совершенствования норм в сфере защиты права собственности.

Общие положения о гражданско-правовой ответственности предусматривают, что нарушенные права подлежат восстановлению. Данные положения в полной мере применимы и к нормам, связанным с защитой права собственности.

Под гражданско-правовой защитой права собственности и других вещных прав понимается совокупность предусмотренных Гражданским законодательством средств, применяемых в связи с совершенными против этих прав нарушениями и направленных на восстановление или защиту имущественных интересов их обладателей. Указанные средства подразделяются на вещно-правовые и обязательственно-правовые в зависимости от правового института, на котором базируется притязание. Вещно-правовые средства направлены непосредственно на защиту права собственности, как абсолютного субъектного права не связаны с какими-либо конкретными

обязательствами и имеют целью либо восстановить владение, пользование и распоряжение собственника принадлежащей ему вещью, либо устранить препятствия или сомнения в осуществлении вышеуказанных правомочий. К вещно-правовым средствам защиты права собственности относятся:

- иск об истребовании имущества из чужого незаконного владения (виндикационный иск);

- иск об устранении нарушений, не соединенных с лишением владения (негаторный иск);

- иск о признании права собственности.

1. Важнейшим способом защиты права собственности является виндикация, т.е. истребование собственником своей вещи из чужого незаконного владения.

Виндикационный иск - это иск невладеющего собственника к владеющему несобственнику об истребовании вещи. Предметом виндикационного иска может быть только индивидуально-определенное имущество, имеющее у незаконного владельца в натуре. Если имущество уничтожено, собственник не может требовать его возврата. Но вправе предъявить иск о возмещении убытков. Собственник временно лишен возможности осуществлять все три правомочия, однако, право собственности за ним сохраняется и служит основанием для предъявления иска об изъятии вещи у незаконного владельца.

Если незаконно владеющее лицо к моменту предъявления иска передало вещь другому лицу (продал, подарил и т.п.), то иск должен быть предъявлен к тому лицу, у которого фактически эта вещь находится. При этом такой владелец должен быть незаконным. Незаконным владельцем является лицо, похитившее вещь, присвоившее находку, приобретшее вещь у лица, не управомоченного на ее отчуждение и т.д.

Гражданское законодательство различает два вида незаконного владения чужой вещью, порождающих различные правовые последствия:

1) добросовестное владение, когда фактический владелец вещи (добросовестный приобретатель) не знает и не должен знать о незаконности своего владения. Согласно п. 3 ст. 302 ГК у такого владельца невозможно истребовать деньги или предъявительские ценные бумаги. Однако имущество у добросовестного приобретателя можно истребовать:

- а) в случае если такое имущество было им получено безвозмездно (дарение, наследование и т. п.) от лица, которое не имело права его отчуждать. При этом такое изъятие не несет имущественных убытков добросовестному приобретателю, но способствует восстановлению нарушенного права собственности;

- б) в случае возмездного приобретения имущества добросовестным приобретателем у лица, которое не имело права его отчуждать, если соб-

ственник имущества или лицо, которому имущество было передано во владение, утерьял его, либо имущество было похищено или выбыло из владения последних иным путем помимо их воли;

2) недобросовестное владение, когда фактический владелец знает либо по обстоятельствам дела должен знать об отсутствии у него прав на имущество. При этом имущество у недобросовестного приобретателя может быть истребовано собственником во всех случаях без каких-либо ограничений.

Виндикационный иск может быть предъявлен лишь при отсутствии обязательственных отношений между сторонами или после того, как обязательственные отношения прекратились (до их прекращения владение вещью опирается на законное основание). Устанавливая в виде общего правила невозможность виндикации собственником своей вещи от добросовестного возмездного приобретателя, закон при этом допускает отдельные исключения.

Виндикация применяется:

1) в отношении добросовестного приобретателя, если имущество было похищено у собственника или у лица, которому имущество было передано собственником во владение;

2) в отношении добросовестного приобретателя в том случае, если имущество было утеряно собственником или лицом, которому это имущество было передано собственником во владение;

3) в отношении добросовестного приобретателя, если имущество выбыло из владения собственника или из обладания лица, которому собственник передал вещь во владение, иным путем помимо их воли.

2. Негаторный иск - это иск собственника об устранении всяких нарушений его права, помех в осуществлении его правомочий.

Направлены негаторные иски на защиту прав пользования и распоряжения имуществом. Такие иски служат основным способом защиты от действий владельца сервитута.

1) Собственник недвижимого имущества (земельного участка, другой недвижимости) вправе требовать от собственника соседнего земельного участка, а в необходимых случаях и от собственника другого земельного участка, предоставления права ограниченного пользования соседним участком (сервитута). Сервитут может устанавливаться для обеспечения прохода и проезда через соседний земельный участок, а также и других нужд собственника недвижимого имущества, которые не могут быть обеспечены без установления сервитута.

2) Обременение земельного участка сервитутом не лишает собственника участка прав владения, пользования и распоряжения этим участком.

Также негаторный иск может быть предъявлен в отношении прекра-

щения сервитута. Поэтому к подобного рода искам не применяется срок исковой давности - требование можно предъявить в любой момент, пока сохраняется правонарушение.

3. Иск о признании права собственности представляет собой еще одно вещно-правовое средство защиты права собственности и определяется как внедоговорное требование собственника имущества о констатации перед третьими лицами факта принадлежности истцу права собственности на спорное имущество, не соединенное с конкретными требованиями о возврате имущества или устранения иных препятствий, не связанных с лишением владения.

Самостоятельность подобного иска в литературе оценивается по-разному.

С одной стороны, требование о признании права собственности может входить в качестве одного из притязаний в состав виндикационного или негаторного исков, поскольку подобные иски не могут быть удовлетворены, в случае если истец не является собственником или титульным владельцем в соответствии со ст. 305 ГК РФ.

С другой стороны, истец в ряде случаев может не выдвигать конкретных виндикационных или негаторных требований, в частности, такой иск вероятен в случае, если истец желает добиться выдачи правоустанавливающих документов на имущество или предупредить незаконное владение или пользование имуществом в будущем.

Указанная выше возможность требования признания права собственности, не сопряженного с виндикационными и негаторными требованиями, позволяет признать данный иск самостоятельным средством защиты права собственности.

Истцом по данному иску выступает собственник, как владеющий, так и не владеющий имуществом, права которого оспариваются, отрицаются и не признаются третьими лицами, не находящимися с собственником в обязательственных или иных относительных отношениях по поводу оспариваемой вещи.

Ответчиком по иску выступает третье лицо, как заявляющее о своих правах на вещь, так и не предъявляющее таких прав, но не признающее за истцом вещного права на имущество.

Основанием для данного иска выступают обстоятельства, подтверждающие у истца наличие права собственности или иного права на имущество.

Необходимым условием защиты права собственности путем его признания служит подтверждение истцом своих прав на имущество. Это может быть сделано путем представления истцом правоустанавливающих документов, свидетельских показаний, а также любых иных доказательств,

подтверждающих принадлежность истцу спорного имущества. Если имущество находится во владении истца, его права на имущество защищает не отраженная в законе, но реально действующая презумпция законности фактического владения. Суть ее сводится к тому, что при невозможности принятия судом решения на основании представленных доказательств, суд может принять во внимание факт реального владения истца имуществом и удовлетворить иск.

Как и на негативные иски, срок исковой давности на иски о признании права собственности не распространяется, поскольку и те и другие основаны на продолжительных во времени незаконных действиях третьих лиц.

К защите права собственности можно отнести и иные, такие как самозащита (совершение управомоченным лицом не запрещенных законом действий фактического порядка, направленных на охрану его личных или имущественных прав и интересов), признание оспоримой сделки недействительной (недействительна сделка в силу признания ее таковой судом (оспоримая) или независимо от такого признания (ничтожная), признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Российская газета, № 7, 21.01.2009.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета, № 238-239, 08.12.1994.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Российская газета, № 23, 06.02.1996, № 24, 07.02.1996, № 25, 08.02.1996, № 27, 10.02.1996.

4. Амелина, Н.Е. Особенности иска о признании права собственности гражданина на земельный участок / Н. Е. Амелина // Цивилист. - 2008. - № 2. - С. 32-36.

5. Богатырева, Н.Г. Особенности защиты права собственности в современном гражданском законодательстве // Молодой ученый. - 2015. - № 11.1. - С. 117-118.

6. Перова, М.В. Система способов защиты права собственности в современном гражданском праве [Электронный ресурс]: автореф. дис.... канд. юрид. наук / М.В. Петрова. - Краснодар, 2007. - 177. - Режим доступа: <http://www.dissers.info>.

ЗАЩИТА ПРАВА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

*Джумаев У.Р., аспирант
Волжский университет имени В.Н. Татищева
г. Тольятти, Россия, Ulmas.9090@yandex.ru*

Собственность как общественные отношения нуждается в государственной защите.

Согласно статье 8 Конституции Российской Федерации, в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Это является одним из принципов, образующих основы конституционного строя.

Право частной собственности считается одной из главных ценностей современного демократического общества. Защита права на нее - приоритетная задача российского государства. В понятие частной собственности, кроме прочего, входит также и охрана принадлежащих собственнику прав на владение, использование и распоряжению вещью.

В России существуют следующие основные виды охраны права частной собственности:

- требование собственником своей вещи, находящейся в чужом незаконном владении;
- требование устранения любых нарушений данного права, даже если эти нарушения и не были связаны с лишением владения;
- иски о признании права собственности.

В правовых государствах защита частной собственности осуществляется с помощью закона. Например, во Франции законодательно закреплен иск о восстановлении насильственно отобранного владения (в зарубежной практике общего права владение и право собственности обычно соединены в одном лице). В Германии на этот случай существует иск о защите владения. В англо-американском общем праве существует альтернативный выбор между иском о нарушении владения и иском о восстановлении во владении недвижимостью. Важно отметить, что во всех правовых системах подобные иски доступны не только как средство защиты от насильственного лишения владения, но и как правовой инструмент против всяких действий, которые имеют своим результатом лишение владения - права собственности помимо воли владельца.

Действующим законодательством предусмотрен запрет лишения права частной собственности - жилого помещения, если для гражданина-должника и членов его семьи оно является единственным пригодным для постоянного проживания. Между тем этот запрет не распространяется на жилое помещение, являющееся предметом ипотеки, на которое в соответ-

ствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание.

Конституция Российской Федерации не исключает ограничение права частной собственности (статья 55, часть 3) и лишение этого права (статья 35, часть 3), однако возможность перераспределения собственности уравновешивается конституционно-правовым принципом неприкосновенности частной собственности. Конституционный Суд Российской Федерации в ряде своих постановлений пришел к выводу, что данный принцип может быть выведен из совокупности конституционно-правовых положений и включает в свое нормативное содержание конституционные гарантии обеспечения частным собственникам возможности свободного использования принадлежащего им имущества, стабильности отношений собственности, недопустимости произвольного лишения имущества либо несоразмерного ограничения права собственности.

В Постановлении от 14 мая 2012 г. № 11-П Конституционный Суд РФ указал на необходимость установить пределы действия запрета наложения взыскания на единственное жилое помещение должника. Установление таких пределов, по мнению Суда, важно в силу того, что часты ситуации, когда у должника в собственности имеется дорогостоящее жилье с большой площадью, а других соразмерных источников доходов и имущества, которыми можно было бы погасить обязательства перед кредитором нет. Но при этом наложить взыскание на жилье должника нельзя в силу того, что оно является для него единственным.

Минюстом России во исполнение Постановления КС РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П подготовлен законопроект, согласно которому, планируется сделать еще одно исключение из действующего правила о том, что на единственное жилье должника нельзя наложить взыскание по исполнительным документам. В соответствии с законопроектом должников будут лишать единственного жилья, если его размер составляет более двух установленных законом норм предоставления площади жилого помещения, а его стоимость превышает более чем вдвое стоимость нормы предоставления такой площади. Необходимость нововведения разработчик законопроекта объясняет тем, что в ряде случаев сложно взыскать просроченную задолженность, если у должника кроме единственного дорогостоящего жилья нет другого имущества или доходов.

Однако, необходимо отметить, что государство и органы местного самоуправления пока не готовы к реализации положений этого законопроекта по причине отсутствия маневрового жилого фонда.

Принятие этой инициативы ухудшит положение граждан. Пока государство не гарантирует должникам безусловное обеспечение жильем, такие меры принимать нельзя. Люди прибегают к получению займов, допускают долги по квартплате и коммунальным платежам, в связи с тяжелым

материальным положением, поэтому необходимо повышать уровень дохода граждан. В отношении должников государство могло бы рассмотреть возможность применять иные меры, например, направлять их на обязательные работы по решению суда. В качестве альтернативы продажи единственного жилья можно обратиться к опыту скандинавских стран, где должников не лишают права собственности на жилище. Вместо этого, в этих странах должников временно выселяют из собственной квартиры и сдают ее внаем. И уже за счет средств, полученных от аренды квартиры, погашаются долги собственника. Этот опыт применим и в нашей стране.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Российская газета, № 7, 21.01.2009.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета, № 238-239, 08.12.1994.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Российская газета, № 23, 06.02.1996, № 24, 07.02.1996, № 25, 08.02.1996, № 27, 10.02.1996.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова» // Вестник Конституционного Суда РФ, № 4, 2012.

5. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «Об исполнительном производстве» // <http://www.consultant.ru/law/review/2912583.html>

6. <http://www.garant.ru>.

О СТРУКТУРЕ И СПЕЦИФИКЕ ПРЕДМЕТЕ ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

*Карлов В.П., к.ю.н., доцент
Волжский университет имени В.Н. Татищева
г. Тольятти, Россия*

В российской науке гражданского процессуального права сформировалось относительно устойчивое понятие предмета доказывания по гражданскому делу.

Как правильно отмечается в литературе, - «классификация фактов предмета доказывания проводится в целях более глубокого познания этого института, выяснения специфики доказывания отдельных составляющих его фактов и выработки правил распределения обязанностей по доказыванию»¹.

«Предметом доказательств служат спорные юридические факты, а именно: существование или несуществование этих фактов»².

Принято традиционно включать в предмет доказывания две группы фактов - материально правовые и доказательственные факты, которые непосредственно определяют направление движение гражданского процесса и подлежат выявлению и оценке для формулирования выводов суда от доказанности или недоказанности заявленных требований.

«Юридические факты материально правового-характера.

Установление данных фактов необходимо для правильного применения нормы материального права, регулирующей спорное правоотношение, и разрешения дела по существу...

Доказательственные факты в научных источниках иногда называются выводными доказательствами. Это означает, что для установления последних используются судебные доказательства...

Предметом доказывания, согласно традиционно сложившейся точке зрения, являются только юридические факты основания иска и возражений против него.

Для обозначения всей совокупности фактов, подлежащий доказыванию, употребляется термин «пределы доказывания»³.

Однако данные теоретические положения, на наш взгляд, верны лишь для первых трёх обязательных стадий гражданского процесса, а именно при производстве в суде первой инстанции и, частично, при производстве в суде апелляционной инстанции, где суд вправе оценивать установленные и исследовать новые доказательства, а также вправе в интересах законности проверить все дело в полном объёме.

Традиционно факультативные стадии гражданского процесса принято считать проверочными.

Полагаем, что на данных стадиях имеется собственный, специфический предмет доказывания, где суд дополнительно устанавливает и проверяет материально-правовые и процессуальные факты, которые не могут быть истолкованы в своей совокупности только как пределы доказывания.

Предмет доказывания на последующих стадиях гражданского процес-

---

¹ М.К. Треушников. Судебные доказательства. М.2005, С.26

² Малышев К. Курс гражданского судопроизводства. Т.1 Изд.2 Спб.,1876, С.267

³ Там же, С.17-18

са, связанных с пересмотром вышестоящими судами решения суда, вступившего в законную силу, а также при пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам, транслируется и трансформируется, при этом он существенно изменяется и приобретает иную внешнюю конфигурацию и иное содержание фактов.

Это подтверждается следующими положениями:

При рассмотрении дела по апелляционной жалобе суд руководствуется следующим:

Статья 330. Основания для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке

1. Основаниями для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке являются:

1) неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела;

2) недоказанность установленных судом первой инстанции обстоятельств, имеющих значение для дела;

3) несоответствие выводов суда первой инстанции, изложенных в решении суда, обстоятельствам дела;

4) нарушение или неправильное применение норм материального права или норм процессуального права.

2. Неправильным применением норм материального права являются:

1) неприменение закона, подлежащего применению;

2) применение закона, не подлежащего применению;

3) неправильное истолкование закона.

3. Нарушение или неправильное применение норм процессуального права является основанием для изменения или отмены решения суда первой инстанции, если это нарушение привело или могло привести к принятию неправильного решения.

4. Основаниями для отмены решения суда первой инстанции в любом случае являются:

1) рассмотрение дела судом в незаконном составе;

2) рассмотрение дела в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания;

3) нарушение правил о языке, на котором ведется судебное производство;

4) принятие судом решения о правах и об обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле;

5) решение суда не подписано судьей или кем-либо из судей либо решение суда подписано не тем судьей или не теми судьями, которые входили в состав суда, рассматривавшего дело;

6) отсутствие в деле протокола судебного заседания;

7) нарушение правила о тайне совещания судей при принятии решения.

5. При наличии оснований, предусмотренных частью четвертой настоящей статьи, суд апелляционной инстанции рассматривает дело по правилам производства в суде первой инстанции без учета особенностей, предусмотренных настоящей главой. О переходе к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции выносится определение с указанием действий, которые надлежит совершить лицам, участвующим в деле, и сроков их совершения.

6. Правильное по существу решение суда первой инстанции не может быть отменено по одним только формальным соображениям.

При рассмотрении дела судом кассационной инстанции применяются следующие положения:

Статья 387. Основания для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке

Основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального права или норм процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

При рассмотрении дела в порядке надзора применяются следующие дуалистические положения:

Статья 391.9. Основания для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора

Судебные постановления, указанные в части второй статьи 391.1 настоящего Кодекса, подлежат отмене или изменению, если при рассмотрении дела в порядке надзора Президиум Верховного Суда Российской Федерации установит, что соответствующее обжалуемое судебное постановление нарушает:

1) права и свободы человека и гражданина, гарантированные Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации;

2) права и законные интересы неопределенного круга лиц или иные публичные интересы;

3) единообразии в толковании и применении судами норм права.

Согласно положениям ст.391.11 ГПК РФ:

Председатель Верховного Суда Российской Федерации или заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации по жалобе заинтересованных лиц или по представлению прокурора вправе внести в Президиум Верховного Суда Российской Федерации представление о пересмотре судебных постановлений в порядке надзора в целях устранения фундаментальных нарушений норм материального права или норм процессуального права, которые

повлияли на законность обжалуемых судебных постановлений и лишили участников спорных материальных или процессуальных правоотношений возможности осуществления прав, гарантированных настоящим Кодексом, в том числе права на доступ к правосудию, права на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон, либо существенно ограничили эти права.

Более того, меняется предмет доказывания и при применении норм о пересмотре дела по вновь открывшимся обстоятельствам, а именно:

Статья 392. Основания для пересмотра судебных постановлений, вступивших в законную силу (по вновь открывшимся или новым обстоятельствам)

2. Основаниями для пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений являются:

1) вновь открывшиеся обстоятельства - указанные в части третьей настоящей статьи и существовавшие на момент принятия судебного постановления существенные для дела обстоятельства;

2) новые обстоятельства - указанные в части четвертой настоящей статьи, возникшие после принятия судебного постановления и имеющие существенное значение для правильного разрешения дела обстоятельства.

3. К вновь открывшимся обстоятельствам относятся:

1) существенные для дела обстоятельства, которые не были и не могли быть известны заявителю;

2) заведомо ложные показания свидетеля, заведомо ложное заключение эксперта, заведомо неправильный перевод, фальсификация доказательств, повлекшие за собой принятие незаконного или необоснованного судебного постановления и установленные вступившим в законную силу приговором суда;

3) преступления сторон, других лиц, участвующих в деле, их представителей, преступления судей, совершенные при рассмотрении и разрешении данного дела и установленные вступившим в законную силу приговором суда.

4. К новым обстоятельствам относятся:

1) отмена судебного постановления суда общей юрисдикции или арбитражного суда либо постановления государственного органа или органа местного самоуправления, послуживших основанием для принятия судебного постановления по данному делу;

2) признание вступившим в законную силу судебным постановлением суда общей юрисдикции или арбитражного суда недействительной сделки, повлекшей за собой принятие незаконного или необоснованного судебного постановления по данному делу;

3) признание Конституционным Судом Российской Федерации не соответствующим Конституции Российской Федерации закона, примененного в конкретном деле, в связи с принятием решения по которому заявитель обра-

щался в Конституционный Суд Российской Федерации;

4) установление Европейским Судом по правам человека нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский Суд по правам человека;

5) определение (изменение) в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации практики применения правовой нормы, примененной судом в конкретном деле, в связи с принятием судебного постановления, по которому подано заявление о пересмотре дела в порядке надзора, или в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации, вынесенном по результатам рассмотрения другого дела в порядке надзора, или в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Таким образом, мы видим, что при рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции образуется смешанный расширенный предмет доказывания, который составляют материальные и доказательственные факты, определенные судом первой инстанции, а также дополнительные факты этой же природы, выявляемые в суде апелляционной инстанции, а также материально-правовые и процессуально-правовые факты деятельности суда первой инстанции, связанные с применением норм материального и процессуального права и их толкованием, а также действия суда при производстве по делу и соблюдение судом требований закона.

При производстве в суде кассационной инстанции меняется содержание фактов и внешняя конфигурация предмета доказывания, возникает усеченный предмет доказывания, куда входят факты, связанные с определением существенности допущенных нарушений норм материального и процессуального права, повлиявших на исход дела, без устранения которых невозможно достичь целей правосудия, а именно защиты права и законных интересов, а также интересов публичных.

Дополнение предмета доказывания на этой стадии фактами публичной заинтересованности экстраполируется, таким образом, на все остальные факты, презюмируя их первенство.

При производстве по делу в порядке надзора предметом рассмотрения(доказывания) становятся нормативно-правовые факты нарушения указанных выше благ, публичных интересов, а также интересы правосудия в целом, интересы обеспечения единообразия в применении и толковании норм права, фундаментальные положения материального и процессуального закон, т.е. это не только процессуальная мотивация, но именно элементы предмета доказывания на этой стадии.

При пересмотре по делу по вновь открывшимся обстоятельствам также меняется конфигурация предмета доказывания, куда включаются указанные выше факты а priori и факты а posteriori различной правовой природы.

Таким образом, мы видим, что на различных стадиях гражданского процесса имеется собственный предмет доказывания, который включает в себя прежние основания, однако при этом изменяется и приобретает специфические и присущие только в данной стадии очертания (содержание и внешнюю конфигурацию), он имеет неоднородные и не равнозначные элементы и уровни в своей структуре.

Данная процессуальная структура имеет, однако существенный изъян, т.к. на стадии апелляционного рассмотрения не могут быть востребованы основания, существующие на стадии кассационного и надзорного рассмотрения, хотя при их включении в предмет апелляционного доказывания, эффективность правосудия существенно повысилась бы.

Таким образом, по нашему мнению, теоретическое понятие предмета доказывания в гражданском процессе, которое, к тому же, законодательно не определено, требует уточнения, что впоследствии могло бы быть использовано для законодательного корректирования соответствующих процессуальных норм в системе действующего правового регулирования и при формулировании новой концепции гражданского процессуального законодательства.

Библиографический список

1. Конституция РФ
2. ГПК РФ
3. Треушников, М.К. Судебные доказательства. Москва, 2005.
4. Малышев К. Курс гражданского судопроизводства. Т.1 Изд. 2. Спб., 1876. - С.267.

ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА В СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Косенко Е.В., к.ю.н.

*Балаковский филиал ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»*

г. Саратов, Россия, e_kosenko1978@mail.ru

Семья играет важное значение в жизни каждого человека, общества и государства. Семья – это поддержка, в которой закладываются основы нравственности, духовности и терпимости. Как социальная общность это залог процветания и стабильности государства, важный элемент глобального развития.

Безусловно, государство исполняет немаловажную роль в семейных правоотношениях, поскольку действует через органы государственной власти и местного самоуправления, эффективно реализуя свои функции.

Отметим, что эффективность функций будет зависеть от того насколько законны, справедливы и своевременны действия государственных органов и должностных лиц. Принятие справедливого решения возможно лишь тогда, когда закон содержит справедливую модель регулирования правоотношения, механизм правового регулирования, а также реализации правовой формы деятельности. В этой связи следует заметить актуальность принципов правовой формы деятельности. Принципы ответственности субъектов семейных правоотношений, справедливости и превалирующего интереса должны находить отражение во всех нормах семейного права, иначе государство не создаст условий для нормальной реализации правовых форм деятельности субъектов семейного права.

Особое значение заслуживает контроль и надзор над деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей»¹ отмечается, что суды не должны оставлять без внимания выявленные при рассмотрении дел, связанных с защитой прав несовершеннолетних, факты несвоевременного принятия органами опеки и попечительства мер к защите прав и охраняемых законом интересов детей, неправильного отношения к несовершеннолетним со стороны работников детских воспитательных учреждений, школ и других учебных заведений. Пленум Верховного Суда РФ указал, что суды обязаны прореагировать на нарушения, путем вынесения частных определений в адрес соответствующих органов и организаций.

Поскольку несовершеннолетние лица являются слабо защищенными участниками семейных отношений, то их интересы подлежат приоритетной защите, поэтому государственные органы и органы местного самоуправления должны ответственно подходить к защите интересов указанных субъектов правоотношения. Отсутствие своевременной защиты может негативно сказаться на развитии несовершеннолетнего и привести к причинению вреда его здоровью или жизни.

Заметим, что крайне важными инструментами воздействия государства на реализацию правовых форм деятельности участников семейных правоотношений является участие прокурора и органа опеки и попечительства в судебных заседаниях при рассмотрении отдельных категорий дел, а также существенным является право указанных субъектов инициировать процесс для защиты прав несовершеннолетних и недееспособных

---

¹Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 N 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Российская газета. N 110. 1998.

участников семейных правоотношений.

Без правильного определения функций семейного права нельзя закрепить эффективное и справедливое регулирование семейных правоотношений. Функции семейного права - это его роль, значение в жизни общества. А.Н. Левушкин выделяет такие функции семейного права, как: регулятивная, охранительная, карательная, восстановительная, стимулирующая и воспитательная¹. Бесспорно, что регулятивная и охранительная функции являются основными, поскольку государство в лице законодателя фиксирует правовые формы деятельности, их цели, заполняет их содержанием, а также определяет механизм их реализации. Специфика семейного права определяет небольшое количество регулятивных норм.

Полагаем, что в большей степени семейное право носит охранительную направленность, так как значимая часть правовых форм деятельности органов государственной власти и местного самоуправления сконцентрирована на восстановление прав несовершеннолетних, потому как основной целью реализации охранительной функции является восстановление нарушенных прав.

Карательный элемент почти отсутствует и проявляется в негативных имущественных последствиях, а также прекращении правоотношения (между родителем и ребенком, опекуном (попечителем) и подопечным, усыновителем и усыновленным, супругами), например, в связи с ненадлежащим исполнением обязанностей или несоблюдением условий заключения брака.

Хотелось бы указать на еще одно проявление системности функций семейного права - регулятивная функция семейного права. Данная функция должна включать элементы стимулирующей функции. Смысл регулирования не только в закреплении законных форм поведения и ответственности за их несоблюдение. Бесспорно, что механизм правового регулирования гораздо сложнее и должен включать различные виды правовых ограничений, стимулов к выбору правовых форм деятельности, мер, направленных на предотвращение правонарушений, воспитание законопослушных граждан.

Осуществление стимулирующей функции семейного права обеспечивает формирование тех институтов системы семейного права, в которых в наибольшей степени заинтересованы общество и государство. В основе реализации стимулирующей функции лежат поощрения². Правовое поощрение - это форма и мера юридического одобрения добровольного обще-

---

¹ См.: Левушкин А.Н. Системный подход к определению функций семейного права. М., 2013. С. 17-23.

² См.: Малько А.В. Поощрение как правовое средство // Правоведение. 1996. № 3. С. 37.

ственно полезного поведения, в результате чего субъект вознаграждается, т.е. для него наступают благоприятные последствия.

Таким образом, можно выделить следующие признаки правового поощрения: 1) общественно полезное поведение; 2) добровольное поведение; 3) юридически одобряемое поведение; 4) поведение, взаимовыгодное для общества и субъекта, осуществляющего его; 5) стимулирующий характер¹.

Правовые поощрения в семейном праве, как правило, имеют форму льгот, привилегий и пр.² В качестве примера таких привилегий можно привести сокращенный по сравнению с иными лицами перечень документов, необходимых для усыновления ребенка отчимом (мачехой) ребенка, отсутствие требований к разнице в возрасте между усыновителем-отчимом (мачехой) и усыновляемым ребенком и т.д.

Значение воспитательной функции семейного права весьма высоко, потому как данная функция должна быть ориентиром для российских семей. Весьма заметно это выражается в случае с принципами семейного права, такими как необходимость укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов.

Воспитательная функция семейного права заключается в формировании высокого уровня семейного правосознания, обращенного на укрепление целостности семьи, защиты материнства и детства, формирования социально ориентированного позитивного поведения каждого члена семьи. Осуществление воспитательной функции семейно-правового регулирования связано в основном с социально активным правомерным поведением граждан. Воспитательная функция семейного права как часть системы семейного права имеет существенное воздействие на организацию семейных отношений, построение демократии, рост правовой культуры, правосознания в семье, правопорядка, схожих им институтов и всего государства в целом³.

Контроль государства за состоянием семейных правоотношений производится по нескольким направлениям, а именно: в нашей стране только государство в лице соответствующих органов осуществляет правовое регулирование семейных правоотношений; все важные действия и события, обуславливающие семейное состояние человека подлежат оформлению в учрежденном государством порядке; государство в ряде случаев определяет требования, которым должны соответствовать субъекты семейных правоотношений; государство вырабатывает механизм защиты тех субъектив-

---

¹ См.: Там же. С. 37.

² См.: Левушкин А.Н. Системный подход к определению функций семейного права. М., 2013. С. 17-23.

³ См.: Левушкин А.Н. Там же. С. 17-23.

ных прав и обязанностей, которыми оно наделяет участников семейных правоотношений.

Подводя небольшой итог, отметим, что государство заинтересовано в реализации правовых форм деятельности субъектов семейного права. В связи с этим оно предпринимает действия по решению государственных задач в данной сфере, по отражению в законодательном тексте функций семейного права и принципов правовой формы деятельности участников семейных правоотношений. Тем не менее, помимо государства данная проблема может быть решена и институтами гражданского общества. Здесь государство должно способствовать формированию гражданского общества и его институтов, а также создавать отдельные институты гражданского общества своими силами.

Библиографический список

1. Левушкин, А.Н. Системный подход к определению функций семейного права. М., 2013. С. 17-23.
2. Малько, А.В. Поощрение как правовое средство // Правоведение. 1996. № 3. С. 37.

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ ДОБРОСОВЕСТНОГО И НЕДОБРОСОВЕСТНОГО ВЛАДЕНИЯ

*Масалимова А.А., к.ю.н., старший преподаватель
Институт права Башкирского государственного университета
г. Уфа, Россия, institutprava@yandex.ru*

В настоящее время цивилистикой не выработан какой-либо единый подход относительно теории владения¹, однако большинство современных законодательств рассматривают владение как факт безотносительно к воле владеть вещью, например, в законодательстве Германии². Не является исключением и Россия, где Концепцией развития законодательства о вещном праве предлагается внедрение института фактического владения, которое рассматривается как фактическое господство лица над объектом владения, при этом наличие и направленность владельческой воли не имеют юридического значения³. В этой связи важным является определение различия понятий добросовестного и недобросовестного владения.

Добросовестное владение возникает в случаях, когда владелец счита-

---

¹ Синайский В.И. Русское гражданское право. - Киев, 1912. - С. 113.

² Гражданское уложение Германии. М.: Волтерс Клувер, 2008. - С. 330.

³ Концепция развития законодательства о вещном праве // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. №4. С. 102-185.

ет, что предмет его обладания никому, кроме него не принадлежит, что возможно, например, в случае отчуждения предмета по договору купли-продажи неууправомоченным лицом. Такого рода ситуации предопределили появление института защиты добросовестного приобретателя. Добросовестное владение имеет характерные только для него юридические последствия. Во-первых, добросовестное владение имуществом порождает право собственности на данное имущество в случаях, закрепленных в статье 234 ГК РФ.

Во-вторых, добросовестное владение имеет приоритет в отношении недобросовестного владения. Такое владение защищается Публициановым иском, как особым вещно-правовым иском¹.

Проводя анализ признаков добросовестного владения, можно отметить, тождественность юридического положения добросовестного владельца и собственника. В частности, добросовестное владение пользуется не только интердиктной защитой, но и особым вещным (Публициановым) иском; в случаях посягательства на вещь добросовестный владелец защищается так, будто вещь ему принадлежит; добросовестный владелец, когда он владеет одной вещью с собственником, может просить о разделе, если не желает владеть ею вместе². Кроме того, давностный владелец помимо *animus* владения имеет на своей стороне и основание владения. Такими основаниями являются дефектная продажа и другие случаи, как оправдывающие основания владения³.

Недобросовестным владением, является ситуация, когда владелец, знающий об отсутствии титула на вещь, при этом продолжает удерживать ее в своем обладании. При этом, недобросовестное владение не приводит к возникновению права собственности на вещь. Исключения составляют случаи приобретения права собственности на вещь посредством экстраординарной давности, которая не закреплена в современном российском законодательстве.

Дифференциация владения на виды зависит от основания приобретения такого владения (*causa possessionis*), учение о котором отражено в положениях римского права. Данное правило нашло отражение на примере с ситуацией добросовестного (недобросовестного) владения. Так, например, не может недобросовестный владелец стать добросовестным и приобрести имущество в собственность, исходя из давности его владения этим имуществом.

Исходя из этого, Н.Л. Дювернуа, все владельческие состояния раз-

---

¹ Дождев, Д.В. Основание защиты владения в Римском праве. - М., 1996. - С.24.

² Ефимов В.В. Догма римского права. Особенная часть. - СПб., 1894. - С. 36.

³ Санфилиппо Ч. Курс римского частного права. - М.: БЕК, 2002. - С.185.

граничивает на три разновидности:

- владельческое положение, меньшее, чем защищенное владение, – это простое держание вещи – *detentio*;

- владение большее и с большими последствиями, чем простое *possessio*;

- чистая форма владельческого состояния¹.

Критерием подобной классификации владельческих состояний является основание приобретения владения (*causa possessionis*), что возможно только с позиции субъективной теории владения, как теории о двух элементах владения. Представляется, что именно данная теория, учитывающая наличие владельческой воли на стороне лица, лишившегося имущества, поможет наиболее эффективно обосновать защиту владения и в настоящее время.

Библиографический список

1. Синайский, В.И. Русское гражданское право. - Киев, 1912. - С. 113.
2. Гражданское уложение Германии. М.: Волтерс Клувер, 2008. - С. 330.
3. Концепция развития законодательства о вещном праве // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. - 2009. № 4. - С. 102-185.
4. Дождев, Д.В. Основание защиты владения в Римском праве. - М., 1996. С. 24.
5. Ефимов, В.В. Догма римского права. Особенная часть. - СПб., 1894. – С. 36.
6. Санфилиппо, Ч. Курс римского частного права. - М., 2002. - С.185.
7. Дювернуа, Н.Л. Пособие к лекциям по гражданскому праву. - СПб, 1899. С. 9.

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ КОНСТРУКЦИИ УЧРЕЖДЕНИЯ, ВЕЩНЫХ ПРАВАХ ЛИЦ, НЕ ЯВЛЯЮЩИХСЯ СОБСТВЕННИКАМИ

Павлов К.Н., аспирант

Волжский университет имени В.Н. Татищева

г. Тольятти, Россия, kirill191@inbox.ru

Организация эффективной системы функционирования учреждений, осуществляющих деятельность на основе использования государственного и муниципального имущества является одной из важнейших государственных задач. Приоритетной в данном вопросе становится необходи-

---

¹ Дювернуа Н.Л. Пособие к лекциям по гражданскому праву. – СПб., 1899. - С. 9.

мость поиска методов совершенствования их гражданско-правового положения, анализа эффективности реализации ограниченного вещного права – права оперативного управления в целях достижения оптимального социально-экономического эффекта от их деятельности.

История института права оперативного управления в российской правовой системе связана с функционированием советской экономики, основанной на государственном имуществе. Упоминание о нем встречается в различных нормативных правовых актах советского периода: Закон СССР от 08.12.1961 «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик», Закон РСФСР от 11.06.1964 «Об утверждении Гражданского кодекса РСФСР». Право оперативного управления закрепляло правомочия не собственника имущества (государственной организации), выражалось в праве владения, пользования и распоряжения имуществом.

Со времен советского периода и до сегодняшнего дня институт права оперативного управления не претерпел серьезных изменений, позиция крупнейшего отечественного ученого-юриста Венедиктова А.В. относительно того факта, что основу права оперативного управления образует право владения, не теряет своей актуальности и по сей день. Данное утверждение подтверждает законодательное закрепление института права оперативного управления в ст. 296 гл. 19 ГК РФ.

Обращаясь к актуальности вопроса совершенствования гражданско-правового положения учреждения, рассмотрим данные Федеральной службы государственной статистики о количестве хозяйствующих субъектов (учреждений) в российской экономике по состоянию на 01.07.2016 – их общее количество составляет 56893 единицы, при этом, фонд начисленной заработной платы работников только федеральных государственных учреждений за первое полугодие 2016 года составил 804329,7 млн. рублей. Аналогичный показатель по фонду начисленной заработной платы работников акционерных обществ, акции которых находятся в федеральной собственности составил 255307,8 млн. рублей.

Приведенные данные указывают на значительный удельный вес учреждений в экономике Российской Федерации, вследствие их деятельности, которая оказывает серьезное влияние на социально-экономическое развитие.

Учитывая вышеизложенное, необходимость эффективного использования государственного имущества посредством деятельности учреждений сомнению не подлежит.

В соответствии с положениями Федерального закона от 08.05.2010 № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения

государственных (муниципальных) учреждений» и Федерального закона от 03.11.2006 № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях» от 03.11.2006 № 174-ФЗ «Имущество учреждения закрепляется за ним на праве оперативного управления в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. Собственником имущества учреждения является соответственно Российская Федерация, субъект Российской Федерации, муниципальное образование». Учреждения, являясь юридическими лицами, реализуют вещные права посредством участия в вещных отношениях. Особенность участия в вещных правоотношениях выражается в использовании, закрепленного за ними на праве оперативного управления государственного и муниципального имущества.

В соответствии со ст. 296 ГК РФ «Учреждение и казенное предприятие, за которыми имущество закреплено на праве оперативного управления, владеют, пользуются этим имуществом в пределах, установленных "законом", в соответствии с целями своей деятельности, назначением этого имущества и, если иное не установлено законом, распоряжаются этим имуществом с согласия собственника этого имущества». При этом право собственности является первичным по отношению к указанному имуществу, право оперативного управления – соответственно вторичным. По мнению Сморгачевой Л.Н. «Сущностное отличие права собственности от иных (ограниченных, производных, вторичных) вещных прав состоит в признаваемом законом конечном волеизъявлении собственника в определении юридической и фактической судьбы принадлежащего ему имущества, в проявлении в праве собственности лица (личности) собственника. Правовая природа всех производных вещных прав основывается на вторичности их происхождения от права собственности, и их экономическое обоснование имеет неестественный, а позитивный характер»¹.

Рассматривая признаки права собственности и права оперативного управления необходимо отметить, что интересы собственника имущества превалируют над интересами несобственника (учреждения), что является ключевым фактором в рамках осуществления вещных правомочий последнего.

В рамках дальнейшего совершенствования принципов реализации государственного и муниципального имущества видится возможным расширение вещных правомочий учреждения, выраженных в праве оперативного управления. Относительно данного вопроса некоторыми учеными предлагается применение правовых актов, уточняющих объем вещных правомочий, в частности, Сморгачевой Л.Н. высказывается мысль о применении административно-

---

¹ Сморгачева Л.Н. Приоритет интересов государства в правовом регулировании вещных отношений с участием военных учреждений // Вестник военного права. 2016. № 3 - С. 58.

распорядительного акта о создании учреждения, уточняющего пределы вещных правомочий в отношении передаваемого имущества.

Применение данного подхода обосновывается необходимостью с одной стороны контроля со стороны государства над вещью, с другой, расширения объема правомочия не собственника в случае необходимости. Подчеркнем, что применение данного подхода справедливо для такого рода имущества, передача которого из собственности государства в собственность учреждения невозможна в виду специфики назначения (военные объекты, объекты обеспечения обороноспособности, управление которыми носит стратегический характер обеспечения государственной безопасности). В остальных же случаях, видится целесообразным совершение гражданско-правового положения учреждений как собственников государственного и муниципального имущества. Применение указанных мер видится возможным в вопросе дальнейшего реформирования гражданского законодательства в современных условиях рыночной экономики.

Библиографический список

1. Ващенко, Ю.С. Этимология правомочий собственности в системе терминов вещного права // Евразийская адвокатура. 2016. № 5. С. 118-124.
2. Венедиктов, А.В. Государственная социалистическая собственность. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 175.
3. Лукашенко, Т.Р. Вещные права федеральных бюджетных образовательных учреждений на имущество и земельные участки // Экономика, социология и право. 2016. № 5. С. 100-107.
4. Павлов, К.Н. О некоторых аспектах в праве оперативного управления как институте реализации имущества государственных и муниципальных учреждений // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2016. Т. 1. № 4. С. 70-77.
5. Сморгочкова, Л.Н. Приоритет интересов государства в правовом регулировании вещных отношений с участием военных учреждений // Вестник военного права. 2016. № 3. С. 58-62.
6. Снеткова, Д.Н. Некоторые особенности управления федеральным имуществом // Административное право и процесс. 2014. N 2. С. 80-83.
7. Сюбарева, И.Ф. Понятие права оперативного управления и его развитие в науке и законодательстве // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 9. С. 49-54.

ВЫБОРЫ – ОДНА ИЗ ФОРМ ЗАМЕЩЕНИЯ ДОЛЖНОСТЕЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

*Поленова И.А., проректор
Волжский университет имени В.Н. Татищева
г. Тольятти, Россия*

1. Действующее трудовое законодательство России предусматривает разные формы замещения вакантных должностей преподавателями высших учебных заведений.

2. Одна из этих форм – выборы. Именно по этой процедуре (форме) замещаются должности, например, декана и заведующего кафедрой. В ч. 5 ст. 332 ТК РФ подчеркивается: «Не проводится конкурс на замещение должностей декана факультета и заведующего кафедрой», а в ч. 11 ст. 332 ТК РФ объясняется, что же в отношении них можно сделать, решая вопрос о их трудоустройстве: «Должности декана факультета и заведующего кафедрой являются выборными».

3. Что же при выборах является основанием возникновения трудовых отношений? Они должны основываться на сложном юридическом составе, который может включать в себя юридические акты.

4. Сложный юридический состав, на основе которого возникают трудовые правоотношения, как минимум, включает в себя:

- а) решение (приказ) об истечении полномочий выборного лица;
- б) подачу заявления и необходимых документов, свидетельствующих об уровне его квалификации – следующий юридический факт сложного юридического состава;
- в) процедуру избрания на факультете или вузе;
- г) процедуру утверждения выбранного лица;
- д) заключение на основе выбора трудового договора.

5. Демократический характер замещения должностей на выборах не нарушается, так как:

- например, члены кафедры имеют право не только высказаться по кандидатуре претендента на должность заведующего кафедрой, но и предложить другую кандидатуру;

- при выборах важна не столько состязательность, как это имеет место при конкурсе, сколько профессиональные качества ученого и организатора науки и учебного процесса в структурных подразделениях факультета, а потом и вуза в целом;

- эти лица должны уметь решать не только учебные, научные, но и хозяйственные вопросы.

6. Для замещения вакантных должностей по результатам выборов

необходимо использовать два уровня квалификационных требований:

1-й (общий уровень) – касается наличия высшего профессионального образования и научно-педагогического стажа;

2-й (уровень конкретизации) – предполагает наличие требуемой ученой степени, либо ученого звания или требуемой ученой степени и ученого звания одновременно.

7. Эти уровни квалификационных требований должны найти своё юридическое отражение в разных нормативных актах:

а) общие квалификационные требования первого уровня, как мы полагаем, должны отражаться в актах Министерства Российской Федерации. Они определяют равенство претендентов на выборную должность, а

б) конкретизирующие квалификационные требования второго уровня, по нашему мнению, должны отражаться в локальных нормативных актах, что позволит предъявить квалификационные требования в данном, конкретном случае, которые необходимы для данного высшего учебного заведения – уровень острепенности претендента, опыт управленческой деятельности, и т.п.

Библиографический список

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СПС "Консультант Плюс".

2. Приказ Министерства образования и науки РФ от 23 июля 2015, № 749 " Об утверждении Положения о порядке замещения должностей педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу" <http://минобрнауки.рф/документы/6658> (дата обращения: 21.02.2017)

3. Приказ Минвуза СССР от 06.01.1978 N 23. Бюллетень Министерства высшего и среднего специального образования СССР, 1978, № 3 // СПС "Консультант Плюс".

4. Приказ Минвуза СССР от 15 июня 1962 г. N 233. Бюллетень Министерства высшего и среднего специального образования СССР, 1962, № 9 // СПС "Консультант Плюс".

ПАТРОНАТНАЯ СЕМЬЯ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

*Резяпова Г.Ф., к.ф.н., доцент
Башкирский государственный университет
г. Уфа, Россия*

Общеизвестно, что в зарубежной практике патронат получил наименование "фостеровские семьи" (англ. foster care)¹. С точки зрения ученых-правоведов, фостеровская семья представляет собой форму временного

---

¹ [1]

устройства детей (ребенка) в семью, оказавшихся в сложной жизненной ситуации. Основными целями данной формы устройства являются реализация приоритетного права ребенка жить и воспитываться в семье.

В нашем государстве патронатное воспитание в существующем сегодня виде является аналогом широко применяемой за рубежом формы помещения детей в фостеровские семьи (англ. fostercare)¹.

Следует отметить, что в европейских странах и США в настоящее время фостерная семья является одним из ведущих способов устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Анализируя правовую природу фостерной семьи можно выделить следующие ее особенности: возможность возврата ребенка биологическим родителям или передачи его на усыновление, в фостерной семье не могут находиться более трех детей, под фостерную опеку подлежат передаче дети, не достигшие 16 лет.

В Великобритании в Законе о детях (ChildrenAct)², принятый в 1989 году Парламентом и вступивший в силу в октябре 1991 года, впервые был введен термин «родительская ответственность», под которой подразумеваются «все права, обязанности, моральные обязательства, функции, ответственность и полномочия родителей ребенка при общении с ним и обращении с его имуществом, закрепленные законодательно».

В отличие от Великобритании, французская система защиты детства основной упор делает на раннем вмешательстве и оказании помощи семьям группы «риска»³.

Анализ фостерного воспитания в европейских странах показывает, что система фостерного воспитания направлена прежде всего на уменьшение социальной отчужденности ребенка и его реабилитацию. Но наряду с указанными целями и задачами фостерного воспитания стран Западной Европы, одним из авторитетных направлений деятельности государств является предотвращение сиротства, осуществляемой прежде всего выявлением кризисных семей, временным помещением детей в замещающую семью для исправления ситуации в кровной семье, а при невозможности – усыновление (удочерение) ребенка либо передача его под опеку или попечительство.

Таким образом, фостерная семья в европейских странах рассматривается как форма временного устройства ребенка на период активного социального вмешательства в биологическую семью. Это достигается благодаря сохранению контактов ребенка с его кровными (биологическими) родителями.

---

¹ [2]

² [4]

³ Новый Гражданский процессуальный кодекс Франции / Пер. с франц. В. Захватаев / Отв.ред. А. Довгерт. К.: Истина, 2004. – 544 с. С.247.

Библиографический список

1. Бобылева, И.А. Фостеровское воспитание // Электронный каталог МУК "Центральная библиотечная сеть" Сорновского района г. Н. Новгород, 2007.
2. Лапина, Е.П. Правовое регулирование института фостерных семей в зарубежных странах // Семейное и жилищное право. - 2009. - N 1. - С. 7.
3. Новый Гражданский процессуальный кодекс Франции / Пер. с франц. В. Захватаев / Отв.ред. А. Довгерт. К.: Истина, 2004. – 544 с. С.247.
4. Children Act 1989. // <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1989/41/contents>.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВ ГРАЖДАН В СИСТЕМЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Романова Г.В., к.ю.н.

Конституционный суд Республики Татарстан

г. Казань, Россия

В настоящее время существующая и закреплённая нормами права система отношений в сфере защиты прав потребителя претерпела существенные изменения: разграничены работы и услуги, закреплены самостоятельные типы договоров на выполнение работ и оказание услуг, публичные договоры.

Вместе с тем отсутствие единых принципов правового регулирования в системе защиты прав потребителей приводит к проблемам реализации прав граждан.

Например, организация - производитель окон информирует потребителя о том, что на продаваемое окно не дается гарантия, если организация-продавец не выполняет работу по монтажу (установке) этого окна. С точки зрения гражданина, как потребителя в данном случае имеется нарушение его права. Но с другой точки зрения, производитель (продавец), воспользовавшись на основании п. 6 ст. 18 Закона РФ «О защите прав потребителей»¹, и не установив гарантийный срок на товар, имеет шанс избежать какой-либо ответственности. Ведь обязанность доказывания возникновения недостатков товара для потребителя достаточно сложная как в силу причин экономического, так и специального характера.

С учетом изложенного возникает проблема в механизме защиты права гражданина. В целях устранения данного законодательного пробела нам

---

¹ Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 03.07.2016)) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ, 1996, № 3, ст. 140

представляется возможным закрепить на законодательном уровне презумпции установления гарантийного срока, а также принципов независимости гарантий на товары, работы (услуги) и запрета на установление каких-либо ограничений в действии гарантии на товар в зависимости от выбора исполнителя.

На сегодняшний день в России получает развитие дистанционный способ продажи товара. В развитие данного направления законодательство содержит некоторые правила (ст. 497 ГК РФ, ст. 26.1 Закона РФ «О защите прав потребителей», Постановление Правительства РФ от 27 сентября 2007 г. № 612 «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом»¹).

Вместе с тем имеются существенные отличия российского правового регулирования дистанционного способа продажи товара от европейского. Во-первых, российский законодатель регулирует заключение на расстоянии только договоров купли-продажи (оставляя без внимания договоры об оказании услуг и иные). Во-вторых, дистанционный способ продажи товара налицо тогда, когда заключение договора осуществляется способами, исключающими возможность непосредственного ознакомления потребителя с товаром либо образцом товара при заключении такого договора (п. 2 ст. 497 ГК РФ, п. 1 ст. 26.1 Закона РФ «О защите прав потребителей»).

Таким образом, российский закон придает решающее значение тому обстоятельству, что покупатель не видит перед собой приобретаемого товара и поэтому не может оценить его. Европейский же законодатель под дистанционной торговлей понимает коммерческую деятельность, подразумевающую различные маркетинговые методы, осуществляемые посредством широкого ряда (интерактивных) способов коммуникации (через интернет-сайт, мобильные коммуникации и др.)².

На наш взгляд, достоинство российского регулирования в том, что очерченная законодателем сфера применения соответствующих правил позволяет с легкостью воссоздать *ratio legis* (потребителя защищают, так как он не может оценить товар путем его осмотра), давая тем самым правоприменителю основу для толкования закона, его применения по аналогии, телеологической редукции.

Таким образом, потребитель вправе отказаться от товара в любое время до его передачи, а после передачи товара - в течение семи дней.

В настоящее время одним из основных инструментов защиты потре-

---

¹ Постановление Правительства РФ от 27.09.2007 N 612 (ред. от 04.10.2012) "Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом" // Собрание законодательства РФ, 2007, N 41, ст. 4894

² Европейская конвенция о международной и дистанционной торговле от 27.03.2002 // КонсультантПлюс.2017

бителя является императивная фиксация в законе минимального набора прав и обязанностей сторон (особенно прав потребителя и обязанностей производителя) для определенных – «потребительских» - договорных типов.

Поскольку цель такого правового регулирования - не позволить сторонам ухудшить правовое положение потребителя по сравнению с тем, как оно закреплено в законе, соответствующие предписания приобретают характер «полуимперативных» или «односторонне императивных» норм, отступление от которых возможно только в пользу потребителя.

Как правило, императивно предписывая сторонам минимальный набор прав и обязанностей, законодатель действует в рамках определенных договорных типов или видов. Потребитель и производитель, оформляющие свое сотрудничество с использованием «потребительского» договорного типа, связаны императивным регулированием. Однако в выборе договорного типа они по-прежнему свободны. Пользуясь этой свободой, стороны могут сконструировать свои отношения так, чтобы они не отвечали признакам тех договорных типов, в рамках которых законодатель предоставляет защиту потребителю, и таким образом уйти от применения к их договору соответствующих императивных норм.

В частности, предписание такого рода содержится в абз. 1 п. 1 ст. 16 Закона РФ «О защите прав потребителей»: «Условия договора, ущемляющие права потребителя по сравнению с правилами, установленными законами или иными правовыми актами Российской Федерации в области защиты прав потребителей, признаются недействительными».

На практике возникает проблема реализации данной нормы. По своему буквальному смыслу норма, предусмотренная абз. 1 п. 1 ст. 16 Закона РФ «О защите прав потребителей» делает односторонне императивными все нормы потребительского законодательства. Судебная практика идет дальше - вплоть до распространения этого общего правила на все нормы (гражданского) законодательства, даже если для них установлена диспозитивная оговорка.

Например, банк обратился в суд с заявлением о признании недействительным постановления органа Роспотребнадзора о привлечении к административной ответственности, предусмотренной частью 2 статьи 14.8 КоАП РФ, за включение в договор условий, ущемляющих установленные законом права потребителей.

Суд установил, что оспариваемым постановлением банк был привлечен к административной ответственности за включение в кредитный договор, заключенный с гражданином-заемщиком, условия о том, что в случае просрочки уплаты очередной части кредита банк вправе выдать заемщику без дополнительных заявлений со стороны последнего новый кредит в

сумме задолженности по возврату соответствующей части кредита и уплате процентов по нему. Суд отказал в удовлетворении требования банка, поскольку спорное условие кредитного договора в совокупности с условиями договора банковского счета фактически направлено на установление обязанности заемщика в случае просрочки уплачивать новые заемные проценты на уже просроченные заемные проценты (сложный процент), тогда как из положений пункта 1 статьи 809 и пункта 1 статьи 819 ГК РФ вытекает, что по договору кредита проценты начисляются только на сумму кредита. Таким образом, спорное условие кредитного договора направлено на обход положений закона, следовательно, противоречит им и является ничтожным. Включение в кредитный договор условия, ущемляющего права потребителя, образует состав административного правонарушения, установленного частью 2 статьи 14.8 КоАП РФ. При названных условиях банк был правомерно привлечен к административной ответственности¹.

В заключение хотелось бы отметить, что защита прав граждан как потребителей законодательством регулируется, но имеются недостатки. Остается надеяться, что в законодательство о защите прав потребителей в ближайшем будущем будут внесены необходимые изменения, позволяющие усовершенствовать взаимоотношения между потребителями и производителями (продавцами) товаров и внести в них больше ясности и однозначности для последующей реализации на практике.

Библиографический список

1. Европейская конвенция о международной и дистанционной торговле от 27.03.2002 // КонсультантПлюс.2017
2. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 03.07.2016)) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ, 1996, № 3, ст. 140
3. Постановление Правительства РФ от 27.09.2007 N 612 (ред. от 04.10.2012) "Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом" // Собрание законодательства РФ, 2007, N 41, ст. 4894
4. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 N 146 Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с применением к банкам административной ответственности за нарушение законодательства о защите прав потребителей при заключении кредитных договоров // Вестник ВАС РФ, N 11, ноябрь, 2011.

---

¹ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 N 146 Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с применением к банкам административной ответственности за нарушение законодательства о защите прав потребителей при заключении кредитных договоров // Вестник ВАС РФ, N 11, ноябрь, 2011

ИНТЕРЕС И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

*Уколова Т.Н., доцент
Волжский университет им. В.Н. Татищева
г. Тольятти, Россия, ukolova_tn@mail.ru*

Вопрос о понятии интереса недостаточно исследован не только в юридической науке, но и в психологии, социологии, философии. В науке отсутствует единство мнений, относительно понятия и правовой природы интереса. Следует отметить, что недопустимо противопоставление философского, социологического, психологического, правового понимания интереса. Могут иметь место различия в аспектах, поскольку каждая наука рассматривает явление под разным углом зрения.

Интерес [лат. Interest - имеет значение, важно], 1) в социологии – реальная причина социальных действий, лежащая в основе непосредственных побуждений – мотивов, идей и т.п. – участвующих в них индивидов, социальных групп, 2) в психологии – отношение личности к предмету как к чему-то для нее ценному, привлекательному; содержание и характер интереса связаны как со строением и динамикой мотивов и потребностей человека, так и с характером форм и средств освоения действительности, которыми он владеет¹.

Основоположником теории интересов традиционно считается немецкий ученый Р. Иеринг. Он полагал, что право выступает как продукт человеческой деятельности, приводимой в движение материальными основаниями, жизненной необходимостью и давлением обстоятельств, и руководимой мотивами целесообразности. Именно деятельность, поведение человека как проявляющаяся во внешнем мире сознательная активность выступает связующим звеном между интересами и правом. Первопричину действия людей он обосновывал мотивами и интересами: материальными и духовными².

Интерес является основой мотива. Мотив [лат. – moveo - двигаю] в психологии то, что побуждает деятельность человека, ради чего она совершается. В мотиве конкретизируются, «опредмечиваются» потребности, которые не только определяют собой мотив, но, в свою очередь, изменяются и обогащаются вместе с изменением и расширением круга объектов,

---

¹ См.: Новейший словарь иностранных слов и выражений. – Мн.: Харвест, М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – с. 347.

² Зайцев О.А. Использование категории «интерес» в философско-правовых взглядах немецких ученых VIII-XIX вв. // Вестник ТГУ, выпуск 5 (109). 2012г. с.- 320.

служащих их удовлетворению, и способов их удовлетворения¹.

В гражданском праве мотив рассматривается как осознанная потребность, осознанное побуждение – фундамент на котором возникает правовая цель. По мнению Ойгензихта В.А., мотив выступает в качестве звена волевого процесса, он побуждает к постановке цели, обладая, таким образом, побудительной силой. Наряду со стремлением, желанием, хотением он импульсирует целенаправленность регуляции². Ошибочность мотива не влияет на действительность сделки (действия). Учет мотивов подрывал бы устойчивость гражданского оборота. В тоже время законом либо соглашением сторон мотиву может придаваться правовое значение. В то время как интересу законодатель придает правовое значение и обеспечивает его защиту.

Еще с одной важной категорией связаны понятия интерес и мотив – это воля. Воля – это детерминированное и мотивированное желание лица достичь правовой цели. Ойгензихт В.А. выделяет следующие концепции воли: 1) воля как преодоление препятствий, как усилие; 2) воля как способность осуществлять свои желания, поставленные перед собой цели, избирательно реагировать на внешние воздействия; 3) воля – целенаправленность; 4) воля – желание, согласие. Ойгензихт В.А. рассматривает волю как регулятивный, т.е. направляющий психологический процесс, который детерминируется потребностями и интересами. Сознание является свойством воли. Сознание обеспечивает постановку конкретной цели, определенность желаний, но с точки зрения психологической, регулятором поведения является воля³.

Содержание воли формируется под влиянием социально-экономических факторов. Вступая в гражданские правоотношения, в том числе обязательственные, участники этих отношений удовлетворяют материальные и духовные потребности. По мнению В.П. Грибанова, «потребность составляет содержание интереса»⁴.

В дореволюционном российском праве категория «интерес» рассматривалась как участие, принимаемое человеком в каком-нибудь событии или факте и вызываемое как свойством факта, так и склонностями самого человека. В более тесном смысле интерес обозначает выгоду или пользу отдельного лица или известной совокупности лиц, противопологаемые вы-

---

¹ Философский энциклопедический словарь. М. «Советская энциклопедия». 1983г. с.– 390.

² Ойгензихт В.А. Воля и вина в гражданском праве // Советское государство и право 1982. № 4. С. – 49-52.

³ Там же.

⁴ Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: «Статут», 2000. С.-234-240.

годе и пользе других лиц¹.

Значение воли и интереса в гражданском праве велико. Воля - это осознанный и целенаправленный выбор определенного поведения и его последствий. Интерес - это желание получить определенный благоприятный результат от своих действий. Воля и интерес являются необходимой предпосылкой возникновения и осуществления гражданских прав². Вступая в любой свободно заключаемый договор, стороны реализуют к нему интерес³.

В зависимости от того, какую выгоду преследует участник гражданского правоотношения реальную или идеальную, интерес может быть имущественным и неимущественным. Наиболее ярко деление интереса на имущественный и неимущественный, и связанные с этим правовые последствия, проявляется в страховом правоотношении. Возмещение убытков является имущественным интересом, который обеспечивается посредством заключения договора имущественного страхования. Возмещение убытков является индивидуализирующим признаком договора имущественного страхования⁴. В договоре личного страхования страховым интересом является сохранение жизни и здоровья застрахованного лица. Так же в страховом праве выделяют позитивный и негативный страховой интерес. У страхователя имеется позитивный интерес к возникновению права требования от страховщика возмещения убытков при наступлении страхового случая. Негативный интерес имеется у страхователя – к тому, чтобы страховой случай вовсе не наступил⁵.

Практическое значение деления интереса на имущественный или неимущественный, связано с правилами о способах возмещения вреда (компенсации интереса). Имущественный вред оценивается исходя из действительной стоимости вещи, реальных убытков и упущенной выгоды. При расчете этого интереса принимается во внимание обычное положение вещей: состояние рынка в данном месте, обычный порядок и цены сделок и т.д.⁶. Неразрешенной в настоящее время является проблема оценки неиму-

---

¹ Энциклопедический словарь. Под ред. И.Е. Андриевского, К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Перушевского. Изд-во Ф,А, Брокгауз и И.А, Ефрон. С-Петербургъ. 1890. // <http://www.onlinedics.ru/slovar/brok/i/interes.html>

² Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / отв. Ред. О.Н.Садиков. – М.: Юридическая фирма КОНТРАКТ; ИНФРА-М, М, 1998г. – с.3-4.

³ См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. – М.: «Статут», 2002. – с.535.

⁴ Там же. – с.540.

⁵ См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. – М.: «Статут», 2002. – с.536.

⁶ Энциклопедический словарь. Под ред. И.Е. Андриевского, К.К. Арсеньева,

щественного интереса, неимущественного вреда. Лишь по договору личного страхования страхователь на свое усмотрение определяет размер страховой суммы.

В большей степени неимущественный интерес связан с жизнью, здоровьем, честью, достоинством, в тоже время и в имущественных отношениях неимущественный интерес имеет место быть. Так, например, договор дарения может быть отменен, если обращение одаряемого с подаренной вещью, представляющей для дарителя большую неимущественную ценность, создает угрозу ее безвозвратной утраты (п. 2 ст. 578 ГК РФ). В данном случае законодатель устанавливает специальный способ защиты неимущественного интереса – отмена договора.

Неимущественный интерес имеется и в организационных отношениях. Этот интерес состоит в организации, т.е. в установлении взаимосвязей сторон, в устранении неопределенности относительно обязанности добросовестного поведения на стадии заключения договора¹. Однако в силу недостаточной урегулированности при заключении организационных договоров неизбежно возникают вопросы о правовых последствиях нарушения таких интересов.

Справедливость защиты неимущественных договоров и наказания за самый факт нарушения такого договора, независимо от причинения им имущественного ущерба, сама по себе не подлежит сомнению. Но к юридическому признанию такой защиты неимущественного интереса в договорах встречается препятствие во взгляде на гражданские правоотношения, как на имущественные². Дореволюционная судебная практика не признавала защиты неимущественного интереса, как в договорах, так и в деликтах, но в русской литературе были убежденные сторонники этой защиты (Муромцев, Пассек)³. В настоящее время обосновывается мнение о возможности защиты неимущественного интереса.

Важное значение в договорных обязательствах имеет положительный и отрицательный интерес. Положительным называют интерес, взыскиваемый за нарушение имеющего полную юридическую силу договора; отрицательным - интерес, взыскиваемый с виновной стороны при недействительном договоре (на основании так называемого *culpa in contrahendo*). Од-

---

Ф.Ф. Перушевского. Изд-во Ф,А, Брокгауз и И.А, Ефрон. С-Петербургъ. 1890 // <http://www.onlinedics.ru/slovar/brok/i/interes.html>

¹ Уколова Т.Н. О единообразном понимании организационных договоров // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. № 2 (82). 2015. – с.160-172.

² Там же.

³ Энциклопедический словарь. Под ред. И.Е. Андриевского, К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Перушевского. Изд-во Ф,А, Брокгауз и И.А, Ефрон. С-Петербургъ. 1890 // <http://www.onlinedics.ru/slovar/brok/i/interes.html>

на из сторон ошиблась, например, в личности контрагента или в предмете договора; вследствие ошибки договор недействителен и исполнению не подлежит; однако, другой контрагент, не знавший об ошибке, совершил уже кое-какие действия по исполнению договора, которых он не совершил бы, если бы договора не заключал; убытки, отсюда происшедшие, должны быть ему возмещены. Они и составляют отрицательный интерес, так как оцениваются не тем, что получил бы контрагент, если бы договор состоялся, а тем, чего бы он не потерял, если бы не заключал договора¹.

Взыскание убытков в виде компенсации отрицательного интереса предусмотрено п.2 ст. 507 ГК РФ - уклонение от согласования заключения договора поставки; п.3 ст. 165 ГК РФ – необоснованное уклонение от нотариального удостоверения сделки или государственной регистрации; ст. 393.1 ГК РФ, ст. 524 ГК РФ – взыскание абстрактных убытков; п.4 ст. 429 ГК РФ – уклонение от заключения основного договора на основании предварительного договора.

В цивилистике так же обращалось внимание на значение соотношения субъективного права и интереса на осуществление и защиту гражданских прав². Анализируя нормы о компенсации отрицательного и позитивного интереса можно сделать вывод о том, что нормы о компенсации отрицательного интереса стимулируют позитивный интерес участников гражданских правоотношений в надлежащем исполнении договорных обязательств. Кроме того, установление юридических санкций за правонарушение оказывает стимулирующее воздействие и создает у них интерес надлежащего исполнения обязательства.

Интерес может иметь значение и в сохранении конкретного правоотношения при изменении некоторых элементов гражданского правоотношения, что обеспечивается институтом правопреемства (универсального, либо сингулярного) (гл.24 ГК РФ), либо признании сделки действительной при наличии пороков в условиях сделки (например, сделок, совершенных к выгоде (в интересах) несовершеннолетних, недееспособных п.2 ст. 171 ГК РФ, п.2 ст. 172 ГК РФ), изменением фактических обстоятельств, либо интересов сторон, что обеспечивается институтом изменения договора (гл. 29 ГК РФ).

По вопросу о правовой природе интереса в настоящее время в науке сложилось три позиции. Согласно первой позиции, интерес является явлением «субъективным», выражающим особую направленность сознания, имеющим объективную обусловленность. Согласно второй позиции, интерес по природе своей «объективен», т.е. это не что иное, как проявление обще-

---

¹ Там же.

² Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: «Статут», 2000. С.-234-240.

ственных связей и экономических отношений между людьми; интерес представляет собой некое объективное условие человеческого существования, нечто существующее вне человека и определяющее его поведение в обществе независимо от того, осознает субъект эти интересы или нет; объективные потребности общества являются содержанием интереса. Согласно третьей позиции, интерес рассматривается как диалектическое единство объективного и субъективного аспектов, поскольку интерес зависит от многих факторов, как от субъективных (целеустремленная, направленная деятельность), так и объективных (экономических, культурных, политических, моральных и пр.). Р.Е. Гукасяна, который считает, что интересы личности существуют объективно, независимо от осознания их носителем. Будучи осознанными, интересы служат стимулом к действию. Следовательно, воля лица, в конечном счете, обусловлена его интересами. Иными словами, лицо, ставя цель и добиваясь ее, руководствуется своими интересами¹.

Анализируя нормы гражданского законодательства, раскрывающие значение интереса в гражданско-правовых отношениях, полагаю, что обоснованной является первая точка зрения. Интерес, лежащий в основе мотива, также как и мотив, выступает в качестве звена волевого процесса, побуждает к формированию мотива, постановке цели. Именно осознание интереса является основанием формирования мотива и реализации воли. Интерес всегда объективно обусловлен, но он не может находиться вне сознания человека. Если человек не осознает свой интерес, то и интереса нет. Полагаю, можно говорить о разной степени важности интереса и в зависимости от этого классифицировать интерес на активный и пассивный. При активном интересе субъект формирует мотив и реализует волю. При пассивном интересе – осознает факт, но активных действий по формированию мотива и реализации воли не предпринимает.

Интерес в праве служит его важнейшим правообразующим и правореализующим фактором. В теории права отмечается, что использование права означает реализацию субъектом своего интереса². В процессе реализации субъективного права интересы могут меняться, что может оказывать влияние на динамику гражданско-правового отношения. Интерес имеет огромное значение в правовом, в т.ч. гражданско-правовом регулировании. При осуществлении правового регулирования необходимо четкое осознание того, на что направлен интерес участников данного общественного отношения. В абзаце 1 пункта 2 статьи 1 содержится норма, определяющая в общей форме значение для гражданско-правового регулирования воли и

---

¹ Гукасян Р.Е. Избранные труды по гражданскому процессу. – М.: Проспект, 2008. С.-76-77

² См.: Матузов Н.И., Малько А.В. теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб.и доп. М.: Юристъ, 2009. С.227.

интересов субъектов гражданского права. Их воля и интересы свободны, поскольку они не противоречат законодательству. Это является одним из необходимых условий целесообразного и справедливого функционирования гражданско-правового механизма.

Библиографический список

1. Брагинский, М.И., Витрянский, В.В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. – М.: «Статут», 2002. – с.535.
2. Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: «Статут», 2000. С.-234-240.
3. Гукасян, Р.Е. Избранные труды по гражданскому процессу. – М.: Проспект, 2008. С.-76-77
4. Зайцев, О.А. Использование категории «интерес» в философско-правовых взглядах немецких ученых VIII-XIX вв. // Вестник ТГУ, выпуск 5 (109). 2012г. с.- 320.
5. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / отв. Ред. О.Н.Садиков. – М.: Юридическая фирма КОНТРАКТ; ИНФРА-М, М, 1998г. – с.3-4.
6. Матузов, Н.И., Малько. А.В. теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб.и доп. М.: Юристъ, 2009. С.227.
7. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – Мн.: Харвест, М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – с. 347.
8. Ойгензихт, В.А. Воля и вина в гражданском праве // Советское государство и право. 1982. № 4. С. – 49-52.
9. Уколова, Т.Н. О единообразном понимании организационных договоров // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. № 2 (82). 2015. – с.160-172.
10. Философский энциклопедический словарь. М. «Советская энциклопедия». 1983г. с.– 390.
11. Энциклопедический словарь. Под ред. И.Е. Андриевского, К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Перушевского. Изд-во Ф,А, Брокгауз и И.А, Ефрон. С-Петербургъ. 1890 // <http://www.onlinedics.ru/slovar/brok/i/interes.html>

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА,
ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ**

**УГОЛОВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПРОТИВ СУДЕБНОЙ
ВЛАСТИ: ИЗУЧЕНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Абдижами А.Ж., к.ю.н., доцент

ЧУ «Академия «Болашак»

г. Караганда, Республика Казахстан, aity81@mail.ru

Уголовное законодательство зарубежных стран об ответственности за преступления против правосудия отличаются большим разнообразием.

Следует согласиться с мнением профессора У.С. Джекебаева о том, что «...между различными системами уголовного права существует больше сходств, чем различий» [1, с.6].

Определенный интерес для изучения представляет уголовное законодательство США. Федеральное уголовное законодательство США состоит из раздела о преступлениях Свода законов США 1873 – 1877 годов, который был вновь систематизирован в 1909 году и реформирован в 1948 году. Раздел 19, часть 1 Свода законов США представляет собой действующий федеральный уголовный кодекс США. В дополнение к этому закону в 1984 году был принят закон о контроле над преступностью, в котором регулируются вопросы назначения и исполнения наказаний, меры борьбы с опасными преступниками и рецидивистами.

Основу уголовного законодательства штатов составляют уголовные кодексы, которые первоначально отличались чрезмерно большими и ничем не оправданными различиями. Это обстоятельство и устаревший характер многих положений кодексов большинства штатов нередко становилось серьезным препятствием в борьбе с преступностью, особенно организованной.

С целью унификации уголовного законодательства штатов и устранения некоторых недостатков институтом американского права в 1962 году был подготовлен Примерный уголовный кодекс США. Этот документ стал ориентиром, образцом для проведения реформы уголовного законодательства штатов. На его основе в штатах были подготовлены и приняты новые уголовные кодексы.

Из преступлений против правосудия по американскому уголовному законодательству заслуживает внимания вопрос об ответственности за неуважение к суду.

Вопросу об ответственности за совершение указанного правонарушения в США уделяется значительное внимание потому, что американское

правосудие пользуется заслуженным уважением в связи тем, что там судебная власть является полностью независимой. Судам предоставлены широкие полномочия толковать законы. Верховный суд США, возглавляющий судебную систему США, в процессе своей судебной деятельности осуществляет функцию конституционного надзора. В некоторых случаях он решает судьбу закона – вопрос о его соответствии Конституции [2, с.25].

Французский закон «О прессе» 1972 года предусматривает, что диффамация, совершенная путем выкрикивания или угроз в публичном месте либо путем использования изображений, рисунков, гравюр по отношению к судам, трибуналам, армии, конституционному корпусу и публичной администрации, наказывается тюремным заключением на срок от 8 дней до 1 года и штрафом в размере от 300 до 300.000 франков либо одним из этих наказаний.

В 1981 году в Великобритании приняли Закон «О неуважении к суду». Он распространил правило «строгой ответственности» на деяния, квалифицируемые как неуважение к суду. Это правило аналогично принципу объективного вменения и означает, что лицо, допустившее поведение, которое может быть расценено как неуважение к суду, отвечает за вмешательство в отправлении правосудия независимо от того, преследовало оно цель такого вмешательства или нет. Исключение составляют случаи, когда лицо не знало и не имело оснований предполагать о возбуждении процесса, который охватывает все стадии, начиная с самых первых процессуальных действий до окончания апелляционного рассмотрения. Данный закон установил также ответственность за принесение в зал суда и использование без разрешения суда машинописных и звукозаписывающих устройств, определив это как еще одну форму неуважения к суду, и предусмотрел возможность конфискации этих устройств.

Основным источником уголовного права Швейцарской конфедерации является уголовный кодекс Швейцарии 1937 года, вступивший в силу в 1942 году [2, с.19].

Краткий анализ уголовного кодекса Швейцарии об ответственности за преступления против правосудия, считаем возможным сделать следующие выводы.

В кодексе имеется семнадцатый раздел с названием «Преступления против правосудия». Однако нормы об ответственности за преступления, посягающие на интересы правосудия, в основном расположены в разделе «Об имущественных преступлениях». Некоторые статьи, предусматривающие ответственность за рассматриваемые преступления, помещены в раздел 15 «Преступления против государственной власти», а некоторые – в раздел 18 «Преступления против служебных или профессиональных обя-

занностей». Следует отметить, что в рассматриваемом законе имеется немало норм, предусматривающих ответственность за преступления против правосудия, которые отсутствуют в уголовном законодательстве других стран. Например, статьи об ответственности за самооговор, за укрывательство преступления, совершенного в зарубежных странах, и укрывательство преступника на территории иностранных государств, за ложные показания подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, за неисполнение запрета посещать рестораны.

Давая общую характеристику уголовному законодательству Голландии (Уголовный кодекс Голландии 1886 года, который действует и в настоящее время) об ответственности за рассматриваемые преступления, необходимо отметить, что отсутствует в УК раздел «Преступления против правосудия». Поэтому нормы об ответственности за эти преступления содержатся в нескольких разделах уголовного кодекса. Часть из них находится в разделе «Преступления против государственной власти», две статьи – в разделе «Лжесвидетельство». Анализ указанных норм свидетельствует о далеко неполной уголовно-правовой защите такого важного объекта, как интересы правосудия.

Но, несмотря на то, что УК Голландии действует больше века, в нем имеются нормы, сходные с которыми следовало бы иметь и в нашем уголовном законодательстве. Например, об ответственности за воспрепятствование проведению судебно-медицинского исследования трупа, за незаконное удержание имущества, на которое наложен арест или которое подлежит конфискации; за незаконное уничтожение, повреждение, изъятие, сокрытие, отчуждение вещественных доказательств.

Уголовный кодекс Китайской Народной Республики 1979 года с учетом изменений, внесенных Законом от 14 марта 1997 года, регламентирует вопросы ответственности за преступления против правосудия следующим образом [3]. В нем содержатся нормы об ответственности за совершение таких деяний, как побои, применение телесных наказаний надзирающим персоналам тюрем, мест предварительного заключения, следственных изоляторов (ст. 248 УК); предоставление убежища, оказание помощи в сокрытии или даче ложных показаний для выгораживания лица, совершившего преступление (ст. 310 УК); порча опечатанного, подвергнутого аресту имущества (ст. 314 УК); нанесение лицами, находящимися в заключении, побоев надзирающему персоналу, подстрекательство иных лиц к совершению указанных действий, организация групповых нарушений порядка в местах лишения свободы (ст. 315 УК); организация группового побега из мест лишения свободы (ст. 317 УК); незаконное снижение наказания, незаконное условное освобождение от наказания (ст. 401 УК); отказ от передачи дел в правоохранительные органы для привлечения лица к уголовной

ответственности (ст. 402 УК); невыполнение обязанностей по привлечению к ответственности лиц за деяния, связанные с производством, сбытом поддельной и некачественной продукции (ст. 414 УК); предоставление работником правоохранительных органов информации преступнику, а также оказание иного содействия для уклонения от ответственности лица, совершившего преступление (ст. 417 УК).

Пожизненное лишение свободы или смертная казнь как меры наказания предусмотрены за руководство или активное участие в бунте с побегом из тюрьмы или за захват заключенных в тюрьме с применением оружия (ч. 2 ст. 317 УК).

Подводя итог краткому анализу уголовного законодательства КНР об ответственности за преступления против правосудия, следует отметить, что там имеется немало норм, которые отсутствуют в уголовном законодательстве нашей страны. Некоторые из них заслуживают определенного внимания, и дополнение Уголовного кодекса нашей страны аналогичными нормами восполнило бы тот пробел, который имеет место в УК Республики Казахстан по уголовно-правовому регулированию проблем борьбы с уголовными правонарушениями против правосудия. В частности, представляют интерес нормы об ответственности за предоставление работником правоохранительных органов информации преступнику, а также оказание иного содействия для уклонения от ответственности лица, совершившего преступление; за незаконное освобождение содержащихся под стражей подозреваемых в совершении преступления, обвиняемых или осужденных, за безответственное отношение работников правоохранительных органов к своим обязанностям, за неправильную запись в протоколе о производстве следственных действий.

Уголовные кодексы стран СНГ, образовавшихся после распада СССР, примерно одинаково регулируют вопросы ответственности за рассматриваемые преступления, однако имеется и немало особенностей.

В УК Российской Федерации глава 31 называется «Преступления против правосудия». В отличие от УК нашей страны, по УК РФ не предусматривается ответственность за злостное неповиновение требованиям администрации уголовно-исполнительного учреждения, недонесение о преступлении и воспрепятствование законной деятельности адвокатов и иных лиц по защите граждан и оказанию им юридической помощи, а также за пытки. Норма об уголовной ответственности за дезорганизацию нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, находится в главе 32 «Преступления против порядка управления» [4, с.47].

Составы преступлений против правосудия, содержащиеся в УК Российской Федерации, в основном идентичны с аналогичными составами преступлений, имеющимися в УК Республики Казахстан.

Если сравнить УК Республики Таджикистан с Уголовным кодексом нашей страны, то в нем отсутствуют нормы об ответственности за клевету в отношении судьи, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя; за провокацию взятки либо коммерческого подкупа; за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса; за злостное неповиновение требованиям администрации уголовно-исполнительного учреждения.

Следует отметить, что норма об ответственности за воспрепятствование законной деятельности адвокатов и иных лиц по защите граждан и оказанию им юридической помощи отсутствует не только в Уголовном кодексе Республики Таджикистан, но и в уголовном законодательстве стран СНГ.

Из числа всех УК стран СНГ наибольшее количество статей, предусматривающих ответственность за преступления против правосудия, имеется в Уголовном кодексе Республики Беларусь, принятом в 1999 году.

В отличие от УК Республики Казахстан, у них нет норм об ответственности за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, и за клевету в отношении судьи, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя. В то же время в УК Республики Беларусь имеется ряд норм, подобных которым нет в уголовном законодательстве нашей страны. К их числу относятся нормы об ответственности за передачу запрещенных предметов лицам, содержащимся в местах лишения свободы (ст. 412); за уклонение от отбывания наказания в виде ограничения свободы (ст. 415); за уклонение от отбывания наказания в виде исправительных работ (ст. 416); за уклонение от уплаты штрафа (ст. 418); за уклонение от отбывания наказания в виде общественных работ (ст. 419); за несоблюдение требований превентивного надзора (ст. 421) и за уклонение от превентивного надзора (ст. 422). Кроме того, в главе 33 «Преступления против порядка управления» Уголовного кодекса Республики Беларусь имеются нормы об ответственности за вмешательство в деятельность работника милиции (ст. 365).

Уголовное законодательство зарубежных стран содержит немало интересных, на наш взгляд, норм, предусматривающих ответственность за различного рода посягательства на отношения, складывающиеся при отправлении правосудия.

Анализ уголовно-правовых норм, показывает, что за уголовные правонарушения против правосудия основным видом наказания выступает лишение свободы. Лишение свободы, как и иные виды уголовного наказания, содержащие его элементы, должно применяться лишь тогда, когда до-

стичь целей наказания другими (более мягкими) средствами невозможно.

Следовательно, лишение свободы должно быть таким наказанием, которое обеспечило бы должную кару преступнику в интересах его исправления, а также решения задач специального и общего предупреждения [4, с.107]. Но мы, безусловно, против бездумного копирования законодательства, какие бы хорошие нормы в нем не содержались. Это ни к чему хорошему не приведет, т.к. наша страна в плане экономического, политического, социального развития уникальна и не похожа ни на одну из западных стран, на которые сейчас принято равняться. К тому же мы имеем абсолютно разные уровни правовой культуры, что немаловажно особенно для определения мер защиты общественных отношений, складывающихся при отправлении правосудия.

Но полностью игнорировать опыт других стран также не стоит. Изучение норм зарубежного законодательства, условий и практики их применения должно помочь нам создать в уголовном законодательстве нормы, наиболее полно отвечающие современным потребностям. Уголовному законодательству нашей страны требуется, по-видимому, как можно более полное описание и запрещение законом всех возможных форм деяний, могущих причинить ущерб интересам правосудия [5, с. 53]. Это объясняется достаточно низким уровнем правосознания и правовой культуры не только рядовых граждан, но и тех, кому государством доверена важнейшая функция по осуществлению правосудия.

Библиографический список

1. Джекебаев, У.С. Основные принципы уголовного права Республики Казахстан (сравнительный комментарий к книге Дж. Флетчера и А.В. Наумова «Основные концепции современного уголовного права»). – Алматы: Жеті жарғы, - 256 с.
2. Имангалиев, С.С. Сравнительно-правовой анализ преступлений против правосудия // Вестник КазНПУ. –№ 4(34) –С.17-31.
3. УК КНР /Пер. на рус. яз. Под ред. и с предисл. А.И. Коробеева. – Владивосток - 1999.
4. Абдижами, А.Ж., Толеген, М.А. Лишение свободы по уголовному законодательству Республики Казахстан // Вестник Карагандинского Университета. Серия Право. – 2016. – № 1 (81) – С. 105-109.
5. Рахметов, СМ. Уголовно-правовая охрана интересов правосудия. Монография. – Алматы – 2005. –312с.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

*Амиянц К.А., к.ю.н., доцент
Северо-Кавказский федеральный университет
филиал в г. Пятигорске, Россия, aka19811982@yandex.ru*

Объект преступления – это то, на что посягает преступление, то есть, на что оно направлено, что оно нарушает и чему причиняет или может причинить вред.

Общепризнанно, что объектом преступления являются общественные отношения, охраняемые законом¹. Однако существуют и другие концепции, в соответствии с которыми объектом преступления является: 1) субъекты общественных отношений (потерпевшие от преступлений); 2) предмет преступления; 3) социальные правовые, экономические, нравственные и иные ценности общества. Необходимо заметить, что все эти концепции не отвергают существования общественных отношений, как «генератора» объекта преступления.

Именно поэтому изучение понятия и сущности общественного отношения является определяющим для характеристики объекта преступления. Как пишет И.В. Бондаренко, общественные отношения – частное проявление общей взаимосвязи окружающего нас мира объективной действительности². В отличие от всех других связей, общественные отношения – это отношения между людьми, т.е. человеческие отношения, которые могут проявляться в различных формах, таких как социальные слои, народы, коллективы, государства и т.д. Ю.Г. Ткаченко считает, что под общественными отношениями понимается, «возникающая в результате и в ходе общественно значимой предметной деятельности массовидная структурная совокупность постоянно повторяющихся конкретно – исторических социальных связей, зависимостей и разграничений между субъектами»³.

Из этих определений видно, что субъектом общественных отношений является человек, и его общественные образования (группы людей, коллектив, народ и т.д.). Именно человек как личность создает эти общественные отношения, действует в них. Посредством реализации своих идей че-

---

¹ Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М. 1958 г.; Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1976 г.; Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2003 и др.

² Бондаренко И.В. Уголовно-правовое понятие вреда причиненного преступлением и проблемы его возмещения. Дисс. к.ю.н. Рязань, 1995. - С. 38.

³ Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М. 1981. - С. 84.

рез действия люди создают новые общественные отношения, прекращают старые, укрепляют или же разрушают их. Таким образом, взаимосвязь человека и общественных отношений очевидна.

Любое общественное отношение зависимо от определенной вещи или же предмета. Именно предмет общественного отношения является основанием его возникновения. Всякое общественное отношение обусловлено продуктами человеческой деятельности, предметами. Такими предметами могут выступать овеществленные предметы материального мира – материальные предметы и так называемые социальные предметы (нормы права морали, социальные ценности), причем одно общественное отношение может быть опосредованно множеством предметов, например общественное отношение предпринимательства может содержать в качестве предметов товары, денежные средства, обязательства, законодательство регулирующее предпринимательскую деятельность и т.д.

Деятельность субъектов общественных отношений опосредованная их предметами называется содержанием общественных отношений. Проявление общественных отношений во внешней среде осуществляется в двух формах:

1) форме активных действий «возможность свободно избирать, быть избранным, жить, пользоваться здоровьем, возможность осуществлять функции по поддержанию правопорядка и т.п.»¹;

2) пассивной форме проявляющейся в том состоянии, в котором пребывает человек, коллектив, общество или государство (социальный или же правовой статус и т.д.).

Данная деятельность является внутренним содержанием взаимосвязи субъектов общественного отношения, образующим его ядро.

Таким образом, элементами внутренней структуры общественных отношений являются субъект, предмет и содержание общественного отношения. При совершении преступления, вред причиняется одному из этих элементов, разрушая тем самым общественное отношение. Общественное отношение это связь, выражающаяся в деятельности людей, обусловленная каким либо предметом. Как отмечает И.В. Бондаренко, «Любые попытки конкретизировать понятие общественного отношения с тем, чтобы найти и раскрыть содержание самого простого, первоначального, конкретного или индивидуального; выделить конкретное общественное отношение, которое изменяется преступлением не могут идти дальше пределов, определяемых самой природой общественных отношений. Как только это требование

---

¹ Фролов Е.А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность. Автореферат дис. д.ю.н. Свердловск, 1971. - С. 13.

нарушается и в качестве непосредственного объекта предлагается рассматривать «конкретную личность», «жизнь Иванова Ивана Ивановича», определенное имущество - «драповое пальто, принадлежащее Иванову Ивану Ивановичу», индивидуальную связь, где «на одном «конце» ... покупатель», а «на другом представитель торговой, организации», словом, когда утверждается, что «первичная», «простейшая», «единичная», «конкретная» взаимосвязь по крайней мере двух людей «является общественным отношением, регулируемым правом вообще и уголовным правом в частности», то действительное общественное отношение разрушается, низводится до его первичных атомов, которым для того, чтобы действительно сложиться в общественное отношение, нужно, умножаясь в миллионах элементов, образовать устойчивую структуру»¹. Преступление оказывает деструктивное влияние на общественное отношение, разрывая тем самым ранее сложившуюся общественную связь субъекта преступления с другими людьми, чем нарушается урегулированность и правопорядок, присущие законным общественным отношениям. «Каждое лицо, совершившее преступление, является субъектом того конкретного общественного отношения, на которое посягает его деяние. Само деяние, независимо от того, какие изменения оно производит во внешнем мире и какова форма его проявления, «взрывает» это отношение изнутри. Этот «взрыв» происходит непосредственно в «ядре» общественного отношения, в его содержании. Оно означает ликвидацию общественно полезной связи и установление общественно вредного отношения, вызывающего необходимость его урегулирования уголовно-правовым путем»².

Ряд ученых предлагает в качестве объекта преступления, которому причиняется вред, рассматривать субъектов общественного отношения (лиц потерпевших от совершенного преступления)³. Как отмечает С.М. Воробьев, «любой факт совершения преступления связан со страданиями людей, поскольку именно они оценивают случившееся и испытывают на себе неблагоприятные последствия преступлений. Следовательно правильнее рассматривать в качестве объекта преступления потерпевшего.»⁴ По его мнению механизм причинения вреда общественным отношениям состоит в дезорганизации общественных отношений путем измене-

---

¹ Бондаренко И.В. Уголовно-правовое понятие вреда причиненного преступлением и проблемы его возмещения. Дисс. к.ю.н. Рязань, 1995. - С.43.

² Бондаренко И.В. Указ. соч. - С. 45.

³ Уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов. Отв. ред-ры И.Я. Козаченко и З.А. Незнамова. – М., 1998. - С.153; Коряковцев В.В., Питулько К.В. Уголовное право. Общая часть. – СПб., 2004. - С. 68.

⁴ Воробьев С.М. Моральный вред как одно из последствий преступного деяния. Дис. к.ю.н. Рязань, 2003. - С. 13.

ния объекта преступления, которым является потерпевший (физическое лицо или организация). Поскольку сам потерпевший выступает участником общественных отношений, пишет С.М. Воробьев, то нарушение объекта преступления (смерть человека, нарушение каких – либо его прав) приводит к изменению общественных отношений (разрыву общественных отношений)¹. Похожую точку зрения высказывает А.А. Лакеев: «Признавая потерпевшего объектом преступления, мы исходим из того обстоятельства, что при совершении любого преступного посягательства вред причиняется физическому или юридическому лицу. Он может выражаться либо в непосредственном воздействии на организм потерпевшего, что характерно, например, для насильственных преступлений, либо в лишении или ограничении каких-либо прав и интересов, охраняемых уголовным законом. Отсутствие потерпевшего означает отсутствие объекта посягательства и соответственно преступления как такового».² Таким образом, эти авторы не отрицают оказываемого деструктивного воздействия на общественные отношения преступным посягательством. Они усматривают это воздействия через потерпевшего от преступления. Несомненно, воздействуя преступным путем на конкретного участника общественных отношений, вред причиняется самим общественным отношениям. Представляется, все же, что объектом преступления являются именно общественные отношения. Данное утверждение складывается из следующих составляющих:

1. Потерпевший, которому причиняется вред, является носителем общественных отношений, поэтому, причинив вред этому носителю, изменяются и общественные отношения.

2. Так как субъект и общественные отношения соотносятся как часть и целое, и, в конечном счете, вред причиняется общественным отношениям, в качестве объекта преступления необходимо рассматривать общественные отношения.

3. При совершении некоторых преступлений вред не причиняется конкретным субъектам общественных отношений (преступления, не имеющие потерпевших), он причиняется скорее самим общественным отношениям (например, жестокое обращение с животными ст. 245 УК РФ).

Представленные основания позволяют нам заключить, что рассматривать в качестве объекта преступления субъектов общественных отношений не целесообразно. Уголовный закон охраняет человека как элемент общественных отношений, т.е. субъекта. По справедливому замечанию Н.А. Беляева «отказ от признания человека объектом посягательства не принижает общественной ценности индивида, но означает, что нормами уголовного

---

¹ Воробьев С.М. Указ. соч. - С. 16.

² Лакеев А.А. Потерпевший от преступлений: Лекция. Рязань, 2001. - С. 14.

права охраняется не сам человек, а общественные отношения»¹. Единственным правильным и логичным объектом любого преступления являются те или иные общественные отношения.

Библиографический список

1. Бондаренко, И.В. Уголовно-правовое понятие вреда причиненного преступлением и проблемы его возмещения. Дисс. к.ю.н. Рязань, 1995.
2. Воробьев, С.М. Моральный вред как одно из последствий преступного деяния. Дис. к.ю.н. Рязань, 2003.
3. Гаухман, Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2003.
4. Коряковцев, В.В., Питулько, К.В. Уголовное право. Общая часть. – СПб., 2004.
5. Кузнецова, Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М., 1958.
6. Куринов, Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1976.
7. Курс советского уголовного права. Т. 1. Л., 1968.
8. Лакеев, А.А. Потерпевший от преступлений: Лекция. Рязань, 2001.
9. Ткаченко, Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М., 1981.
10. Уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов. Отв. редакторы И.Я. Козаченко и З.А. Незнамова. – М., 1998.
11. Фролов, Е.А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность. Автореферат дис. д.ю.н. Свердловск, 1971.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕПРОДУКТИВНОГО ПРАВА ЖЕНЩИНЫ В СТРАНАХ АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ

Бурцева В.В., аспирант

*Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Россия, victoria.perchenko@yandex.ru*

Уголовное право каждой страны, по справедливому утверждению А.В. Наумова, имеет свою специфику, которая «проявляется в содержании основных уголовно-правовых институтов (уголовный закон, преступление, наказание), обусловленных историческими, национальными и культурными

---

¹ Курс советского уголовного права. Т. 1. Л., 1968. - С. 282.

ми традициями, особенностями политического устройства общества, его экономики и многими другими факторами. Вместе с тем уголовное право определенных стран по ряду параметров и характеристик сближается, имеет общие историко-правовые корни, в связи с чем, в теории права принято говорить о системах («семьях») права» [5, с.23]. В теории права выделяют: романо-германскую, англосаксонскую семью и семью права стран СНГ и Балтии [1, 4].

Сравнительное правоведение в настоящее время занимает одно из ведущих мест в российской уголовно-правовой науке. Изучение опыта других стран по охране общественных отношений способствует моделированию новых уголовно-правовых норм отечественного уголовного законодательства или изменению действующих. Полагаем, настало время для перемен в сфере уголовно-правой охраны репродуктивного права женщины. Поэтому представляет теоретический и нормотворческий интерес изучение опыта уголовно-правовой охраны репродуктивного права в странах англосаксонской правовой семьи.

В Законе Великобритании «О преступлениях против личности» 1861 г. [6] затрагивается проблема уголовно-правовой охраны репродуктивного права женщины через призму искусственного прерывания беременности.

Ответственность за незаконное искусственное прерывание беременности установлена § 58 и § 59 Закона. Согласно § 58 «Введение лекарственных средств или использование инструментов для совершения аборта» каждая женщина, будучи беременной, которая, с намерением спровоцировать себе выкидыш, незаконно вводит себе любой яд или другое вредное вещество, или незаконно использует какие-либо инструменты или другие средства, чтобы произвести аборт, а также всякий, кто намеревается обеспечить выкидыш любой женщине, будь она беременна или нет, который незаконно дает ей любые яды или другие вредные вещества, вызывающие выкидыш, или использует для этого какие-либо инструменты и иные средства, считается виновным в совершении тяжкого преступления, и несет ответственность в виде пожизненной каторги [6].

Данная норма, по нашему мнению, существенно нарушает репродуктивное право женщины, так как под страхом уголовного наказания запрещает даже медикаментозный аборт.

Более того, в § 59 («Закупающие лекарства в целях производства аборта») Закона предусмотрена наказуемость приготовления к преступлению «искусственное прерывание беременности». Установлена также ответственность всякого, кто незаконно предоставит или обеспечит любой яд или другое вредное вещество, или любой инструмент, зная, что он предназначен для незаконного использования или используются с намерением

обеспечить выкидыш любой женщины, будь она или нет беременной, считается виновным в совершении правонарушения, и, будучи виновным, несет ответственность в виде пожизненной каторги [6].

В Великобритании репродуктивное право женщины, если судить по Закону «О преступлениях против личности» 1861 г., не принадлежит к числу прав, охраняемых уголовно-правовыми нормами. Однако в связи с принятием Закона 1967 г. «Об абортах» в Англии, Уэльсе и Шотландии произошли существенные изменения. Данный закон был призван обеспечить законное проведение аборт и исключить высокую материнскую смертность [8, с. 67]. Таким образом, репродуктивное право женщины стало подлежать уголовно-правовой охране.

Однако существенными ограничениями репродуктивного права женщины стали условия искусственного прерывания беременности: аборт должен быть выполнен доктором, на основе добросовестного мнения двух врачей, а также при наличии хотя бы одного противопоказания к беременности. Первое условие предусматривает законность аборта, где два врача полагают, что «беременность не превысила двадцать четыре недели и что продолжение беременности носит риск больший, чем если бы беременность была прервана, или что будет нанесен вред физическому или психическому здоровью беременной женщины или детям из ее семьи» [8, с. 68].

Очевидно, приведенная выше норма представляет собой заботу государства не столько о репродуктивном праве, сколько о здоровье (психическом и физическом) женщины и ее детей. Но все же и оно (репродуктивное право женщины) в указанном контексте нашло свою определенную реализацию.

Одним из прецедентных случаев регулирования репродуктивного права женщины в английской практике является дело Боне [10], сформировавшее, по сути, правовую основу для таких аборт, которые были выполнены законно до 1967 г. в Великобритании (и остается правовой основой для очень небольшого количества законных прерываний беременности, выполненных в Северной Ирландии) [8, с. 67-74]. По данному делу был оправдан компетентный врач, несмотря на то, что произвел аборт у четырнадцатилетней, забеременевшей в результате группового изнасилования. В подведении итогов судья противопоставил действия доктора другим – женщина, не имея медицинских навыков и соответствующей квалификации, за деньги провела искусственное прерывание беременности.

Данные дела различны. В деле Боне человек с самыми высокими навыками, открыто, в одной из больниц, выполняет операцию как акт милосердия, без сбора или вознаграждения и, бесспорно, веря в то, что он сделал правильную вещь, исходя из его профессиональной обязанности, посвященной облегчению человеческого страдания [10]. Во втором же

случае женщина произвела аборт из корыстных целей, не имея образования соответствующего профиля.

Апелляционный суд отметил: «Законность аборта зависит от мнения доктора. Закон об абортах ввел гарантию двух мнений: но, если они сформированы добросовестно до того времени, когда операция предпринята, аборт законен. Таким образом, большая социальная ответственность твердо помещена Законом на плечи медицинских работников» [10].

Таким образом, Закон Великобритании об абортах и судебные прецеденты можно признать важнейшими источниками обеспечения репродуктивного права британских женщин.

Как подчеркивал Ф.М. Решетников, до настоящего времени сохраняется достаточно заметная связь американского права с английской системой общего права [4, с.710].

В США нет уголовного кодекса в общепринятом его понимании. По этому поводу И.Д. Козочкин отмечает: «Актом Конгресса от 25 июня 1948 г. основная часть ранее действовавшего законодательства была, как сказано в нем, «пересмотрена, кодифицирована» и включена в форме закона в раздел 18 Свода законов США «Преступления и уголовный процесс»» [3, с.12]. По утверждению автора, «в американской и отечественной литературе раздел 18 (ч. I и II) Свода законов США нередко именуется федеральным УК» [3, с.13]. Посему в дальнейшем в данной статье нами принято наименование «Федеральный Уголовный кодекс США» или «УК США».

Кроме того, в штатах действуют свои уголовные кодексы, которые имеют между собой немалые различия, однако представляют собой систематизированные собрания уголовных законов и в принципе дают единообразную трактовку важнейших институтов уголовного права.

Особая роль принадлежит Верховному Суду США, решения которого могут существенно расширить или сузить сферу уголовной репрессии, в частности, путем новой трактовки важнейших институтов уголовного права [8, с. 189-210].

Репродуктивное право охраняется главой 90А УК США [8].

Законодатель США охраняет репродуктивное право женщин тем, что под незаконным проведением искусственного прерывания беременности подразумевает производство аборта без согласия беременной при любом сроке. § 1531 гл. 90А разд. 18 Свода законов США предусматривает ответственность для третьих лиц, производящих аборт: «кто бы ни осуществлял действий, которые нарушают любое из условий закона, содержащегося в подразделе (b) и таким образом причиняет смерть, или целиком ущерб (как определено в секции 1365) внутриутробному ребенку, считается виновным...» [7]. При этом секцией С установлены обстоятельства, исключаяющие преступность деяния – производство аборта в целях лечения женщины.

Таким образом, Федеральный Уголовный кодекс США не только предоставляет репродуктивное право каждой женщине, но и охраняет его, запрещая искусственное прерывание беременности без согласия беременной.

В решении Верховного Суда США 1992 г. по делу Организации «Запланированное материнство» в юго-восточной Пенсильвании против Кейси (Planned Parenthood v. Casey) [9] был проанализирован вопрос о конституционности закона штата Пенсильвания, установивший, что после обращения женщины к врачу в целях искусственного прерывания беременности должно пройти не менее 24 часов до того, как аборт будет совершен. Кроме того, данным законом было установлено, что несовершеннолетняя беременная женщина должна получить письменное согласие на искусственное прерывание беременности своих родителей, а замужняя беременная должна в обязательном порядке уведомить своего супруга о намерении обратиться за процедурой аборта к врачу.

Суд в деле Кейси ограничил возможность аборта сроками беременности, опираясь при этом на конституционные основы репродуктивного права. Данный подход свидетельствует о расширении женской автономии в принятии решения по реализации права на репродукцию, тем самым подтверждая факт существования уголовно-правовой охраны анализируемого права женщины.

Защита права женщин принимать свои собственные решения о материнстве основана на конституционных ценностях равенства и свободы. В подтверждении права на аборт Кейси находит свое конституционное право на репродукцию и свободу выбора, поскольку «судьба женщины должна формироваться в значительной степени от ее собственной концепции, ее духовных императивов и ее места в обществе» [9]. В деле Кейси Суд применил стандарт «непомерной ноши» и оставил в силе все процессуальные нормы Пенсильвании, за исключением предоставления факта информирования женщиной своего супруга, прежде чем она сможет прервать беременность, охарактеризовав его несогласующимся с современным пониманием женщин как равноправных граждан [9].

В Соединенных Штатах, которые конституционно гарантируют аборт по требованию (хотя и не без препятствий), Верховный Суд ставит во главу угла репродуктивное право женщины, его уголовно-правовую охрану [8, с. 32].

Таким образом, как общее, так и кодифицированное право США сохраняет репродуктивное право за каждой женщиной, не только легитимно предоставляя его, но и гарантируя.

Подводя итоги рассмотрения вопроса уголовно-правовой охраны репродуктивного права женщины в странах англосаксонской правовой семьи, можно констатировать, что законодательство отдельных стран отно-

сится к предоставляющему, гарантирующему и охраняющему репродуктивное право женщины. Вместе с тем нельзя не отметить то, что право женщины на репродукцию ограничивается определенными условиями и сроками его реализации.

Позитивный опыт США и Великобритании в данном вопросе целесообразно учесть в процессе реформирования уголовного закона России. Так, на наш взгляд, объективно необходимо конструирование уголовно-правовых норм, основной задачей которых стала бы уголовно-правовая охрана репродуктивного права женщины. При этом в качестве базовой может служить ст. 123 Уголовного кодекса Российской Федерации, закрепляющая уголовную ответственность за незаконное проведение искусственного прерывания беременности.

Библиографический список

1. Новое уголовное законодательство стран СНГ и Балтии: сб. науч. ст. / ред. Кузнецова, Н.Ф., Кругликов, Л.Л. - М., 2002.

2. Бернам, У. Правовая система США / науч. ред. Власихин, В.А.; пер. Александров, А.В., Коновалов, А.Л., Мишин, А.А. . 3-й вып. М.: Новая юстиция, 2006. – 1216 с.

3. Козочкин, И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. Серия: «Законодательство зарубежных стран». СПб.: Юридический центр пресс. 2007. – 284 с.

4. Решетников, Ф.М. Правовые системы стран мира: Справочник. М.: Юридическая литература, 1993. – 256 с.

5. Флетчер, Дж., Наумов, А.В. Основные концепции современного уголовного права. М.: Юристъ, 1998. – 512 с.

6. Offences Against the Person Act 1861 // URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/24-25/100/crossheading/attempts-to-procure-abortion> (дата обращения: 17.11.2016)

7. U.S. Code: Table of Contents.//URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1531> (дата обращения: 15.12.2016).

8. Abortion law in transnational perspective : cases and controversies / edited by Rebecca J. Cook, Joanna N. Erdman, and Bernard M. Dickens. Philadelphia, Pennsylvania: University of Pennsylvania Press. 2014. – 473 p.

9. Planned Parenthood of Southeastern Pa. v. Casey 505 U.S. 833 (1992)// URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/505/833/> (дата обращения: 20.01. 2017).

10. R. v. Bourne, (1938) 3 All E.R. 615 (Crown Court of England and Wales)// URL: http://www.womenslinkworldwide.org/wlw/admin/fileFS.php?table=decisiones_documentos&field=es_archivo&id=294 (дата обращения: 20.01. 2017).

ЕЩЕ РАЗ ОБ УСЛОВНОМ ОСУЖДЕНИИ

*Веретина Ю.А., старший преподаватель
Оренбургский государственный аграрный университет
г. Оренбург, Россия, veretin56@mail.ru*

Реализация принципа справедливости осуществляется не только при назначении наказания лицу, признанному виновным в совершении преступления, но и при применении иных мер уголовно-правового воздействия, к которым мы относим условное осуждение. Не случайно ч. 2 ст. 73 УК РФ практически полностью копирует положения ч. 1 ст. 6 УК РФ¹, указывая на обязательный учет при применении условного осуждения характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного (в том числе обстоятельств, предусмотренных ст. 61 (и не предусмотренных ею, но, по мнению суда, являющихся смягчающими) и ст. 63 УК РФ). Потому, если применение судом ст. 73 УК РФ будет соответствовать указанным обстоятельствам, данную меру следует считать справедливой.

Характер и степень общественной опасности совершенного преступления являются его объективными свойствами². В п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 года «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»³ разъяснено, что характер общественной опасности преступления определяется Уголовным кодексом РФ и зависит от признаков состава преступления, которые установил суд. Степень общественной опасности устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного. Определять харак-

---

¹ Расхождения заключаются в том, что ст. 6 УК РФ не называет в числе характеристик личности виновного смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства, а ст. 73 УК РФ не содержит указания об учете «обстоятельств совершения преступления». Если обратиться к ч.3 ст. 60 УК РФ, то помимо характеристик, указанных в ст. 73 УК РФ, при назначении наказания суд должен учесть влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. Складывается такое впечатление, что для того, чтобы реализовать принцип справедливости нужно учесть одни обстоятельства, при назначении наказания – другие, а при применении ст. 73 УК РФ – третьи. На самом деле, думается, что при применении ст. 73 УК РФ суд учитывает и обстоятельства совершения преступления и то, как повлияет условное осуждение на исправление виновного (иначе применение самой ст. 73 УК РФ окажется под вопросом) и на условия жизни его семьи. Из сказанного следует, что имеющиеся расхождения между ст. 6, 60, 73 УК РФ требуют законодательного разрешения.

² Гладких В.И., Дьяконова С.В. Условное осуждение: правовая природа и проблемы применения. М., 2009. С. 96.

³ Российская газета. 2015. 29 декабря.

тер общественной опасности рекомендуется исходя из объекта посягательства и причиненного ему вреда, а степень общественной опасности зависит от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления и роли подсудимого в преступлении.

Статья 73 УК РФ не содержит ограничений по применению условного осуждения при совершении преступлений определённой категории. Ничего об этом не говорится и в ранее указанном постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 года № 58 в отличие от постановления Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1961 года № 1 «О судебной практике по применению условного осуждения»¹, которое указывало на невозможность применения условного осуждения к лицам, виновным в совершении тяжких преступлений. Правда данный пункт имел оговорку «как правило», что допускало применение условного осуждения к указанным лицам в случае, если была установлена их второстепенная роль в совершении преступления, а также имелись данные, позволяющие считать, что реальное отбывание наказания лицом является нецелесообразным.

Отсутствие законодательной регламентации данного вопроса порождало² и порождает дискуссии. Так, некоторые авторы³ предлагают законодательно закрепить запрет на применение условного осуждения к лицам, признанным виновным в совершении тяжких и особо тяжких преступлений. Другие – предлагают ограничиться только запретом в отношении особо тяжких преступлений⁴. Третьи выступают за то, чтобы все оставалось как есть – суд сам решал, в каком случае следует применить условное осуждение, а в каком воздержаться от этого. Последние обосновывают свою позицию тем, что ограничение в применении условного осуждения, связанное с категорией совершенного преступления не позволит достичь целей уголовно-правового воздействия и индивидуализировать уголовную ответственность⁵. Мы едины во мнении с теми учеными, которые не свя-

---

¹ Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / сост. С.Г. Ласточкина, Н.Н. Хохлова.–5 - е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. С. 77.

² Кригер Г.А. Условное осуждение и роль общественности в его применении. М., 1963. С. 15; Ткачевский Ю.М. Освобождение от отбывания наказания. М., 1970. С. 34; Ломако В.А. Применение условного осуждения. Харьков, 1976. С. 33.

³ Виноградов А.Б. Условное осуждение: Законодательный, теоретический и правоприменительный аспекты. Дис. ... к.ю.н. Краснодар, 2001. С. 78; Шнитенков А. Ограничить судебское усмотрение при применении условного осуждения // Российская юстиция. 2002. № 4. С. 57; Земляной Г.Л. Реализация уголовной ответственности в форме условного осуждения. Дис. ... к.ю.н. СПб., 2006. С. 125.

⁴ Пронников В.В. Условное осуждение и его правовые последствия. Дис. ... к.ю.н. Омск, 2002. С. 71.

⁵ Вайсман Б.С. Условное осуждение в советском уголовном праве. Дис. ... к.ю.н.

зывают возможность применения указанной уголовно-правовой меры с категорией совершенного преступления.

На наш взгляд, запрет применения условного осуждения к лицам, виновным в совершении тяжких преступлений, повлечет сокращение случаев применения условного осуждения и, напротив, увеличение случаев применения реального наказания (а в качестве такового, как правило, выступает лишение свободы). Нами были изучены и проанализировали приговоры, постановленные судами г. Оренбурга и Оренбургской области, а также судами Республики Татарстан за период с 2011 по 2014 год¹. В общей сложности 2800 приговоров, из них с применением условного осуждения – 400. Чаще всего условное осуждение применялось судами именно к лицам, виновным в совершении тяжких преступлений. Случаев применения условного осуждения за совершение особо тяжкого преступления не выявлено.

Наша позиция объясняется еще и тем, что большинство санкций Уголовного кодекса РФ имеет неоправданно большой диапазон между нижним и верхним пределом. При этом суды, чаще всего, назначают наказание в средней медиане. Потому ориентир при определении характера и степени общественной опасности совершенного деяния и личности преступника только на верхний предел санкции уголовно-правовой нормы будет не оправдан. Думается, в связи с этим законодатель в ч.6 ст. 15 УК РФ предусмотрел возможность суда изменять категорию преступления на менее тяжкую.

Так, Ленинский суд г. Оренбурга признал виновным С. в совершении двух преступлений (одно из которых относится к категории тяжких преступлений), предусмотренных ч. 1 ст. 159, ч.3 ст.30, ч.3 ст. 159 УК РФ и приговорил его к наказанию в виде лишения свободы на срок 2 года со штрафом 25000 рублей. Наказание в виде лишения свободы суд постановил считать условным с испытательным сроком в 3 года. Суд обязал С. периодически – один раз в месяц с 1 по 10 число являться для регистрации по месту жительства в уголовно-исполнительную инспекцию, не менять место жительства и места работы без уведомления уголовно-исполнительной инспекции².

Л., 1954; Бурлакова И.А. Условное осуждение: теоретико-правовые и практические проблемы. Дис. ... к.ю.н. М., 2003. С 82; Гладких В.И., Дьяконова С.В. Условное осуждение: правовая природа и проблемы применения. М., 2009. С. 101.

¹Автором использовался метод случайной подборки. В качестве эмпирической базы исследования выступили приговоры, размещенные на официальном сайте «Рос Правосудие» // <https://rospravosudie.com>

² Архив Ленинского районного суда г. Оренбурга. Уголовное дело № 1-235/2014 по обвинению С. в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 159, ч.3 ст. 30, ч.3 ст. 159 УК РФ.

Прямой зависимости между наличием обстоятельств, предусмотренных ст. 61, 63 и даже 64 УК РФ, нами не установлено. Анализ судебной практики показал, что суды применяют ст. 73 УК РФ как при наличии смягчающих обстоятельств (или даже исключительных), так и в их отсутствие. То же самое можно отметить относительно обстоятельств, отягчающих наказание.

Так, Промышленный районный суд г. Оренбурга признал виновной П. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ и назначил ей наказание в виде лишения свободы сроком на 1 год условно с испытательным сроком в 1 год, возложив на осуждённую обязанность не менять постоянного места жительства без уведомления специализированного государственного органа.

Свое решение суд мотивировал отсутствием обстоятельств, отягчающих наказание П. и наличием следующих смягчающих обстоятельств: первая судимость, явка с повинной, признание вины и раскаяние, пожилой возраст виновной, а также положительные характеристики по месту жительства¹.

В другом случае, напротив, суд не усмотрел оснований для применения условного осуждения и назначил наказание в виде лишения свободы с лишением права управлять транспортным средством. И это, несмотря на то, что Ж. совершил неосторожное преступление, предусмотренное ч.3 ст. 264 УК РФ, относящееся к категории средней тяжести. Ж. вину в совершении преступления признал, в содеянном раскаялся. Из характеристики с места жительства следует, что жалоб на его поведение не поступало, спиртными напитками Ж. не злоупотребляет, приводов в полицию не имеет, по характеру скромный, доброжелательный, отзывчивый, трудолюбивый, примерный семьянин, принимает активное участие в общественных мероприятиях, положительно характеризуется соседями. Из характеристики по месту работы следует, что к трудовым обязанностям всегда относится добросовестно, нарушений трудовой дисциплины не допускал, в коллективе пользуется уважением, отличается трудолюбием и высокой работоспособностью. Обстоятельствами, смягчающими наказание, в соответствии с п. «г», «к» ч. 1 и ч.2 ст. 61 УК РФ, суд признал наличие у виновного малолетнего ребенка, добровольное возмещение имущественного ущерба, причиненного в результате преступления, признание вины и раскаяние в содеянном. Обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ не установлено².

---

¹ Архив Промышленного районного суда г. Оренбурга. Уголовное дело № 1-220/2014 по обвинению П. в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 111 УК РФ.

² Архив Новоорского районного суда Оренбургской области. Уголовное дело №

Следующий вывод, к которому нам удалось прийти – это учет судами не только при назначении наказания, но и при применении ст. 73 УК РФ обстоятельств, не предусмотренных ст. 61 УК РФ, в качестве смягчающих. Лидирующее положение по частоте применения занимают: «чистосердечное раскаяние» и «признание вины», на втором месте – «совершение преступления впервые» или иные интерпретации со схожим содержанием, а на третьем – «просьба потерпевшего не наказывать строго», «проявить снисхождение» и т.д.. Хотя трудно признать их обстоятельствами, которые свидетельствуют об уменьшении характера и степени общественной опасности совершенного деяния или личности виновного¹.

Подводя итоги, хотелось бы отметить следующее. Первое, мы солидарны с И.З. Галиуллиным, который считает, что условное осуждение придает более универсальный характер системе мер уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступные посягательства и, как следствие, востребовано практикой. Применение его в соответствии со своим истинным предназначением позволит считать его действенной мерой, альтернативной реальному лишению свободы².

Второе, общество, государство и конкретные личности ждут от судов не только соблюдения принципов, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, верной квалификации совершенного общественно опасного деяния, назначения справедливого наказания, но и применения справедливых мер уголовно-правового воздействия.

Библиографический список

1. Бурлакова, И.А. Условное осуждение: теоретико-правовые и практические проблемы. Дис. ... к.ю.н. М., 2003. 153 с.
2. Вайсман, Б.С. Условное осуждение в советском уголовном праве. Дис. ... к.ю.н. Л., 1954.
3. Виноградов А.Б. Условное осуждение: Законодательный, теоретический и правоприменительный аспекты. Дис. ... к.ю.н. М., 2001. 194 с.
4. Галиуллин, И.З. Условные меры уголовно-правового характера. Казань: Изд-во Казанск. Ун-та, 2006. 148 с.
5. Гладких, В.И., Дьяконова, С.В. Условное осуждение: правовая природа

1-99/2013 по обвинению Ж. в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст. 264 УК РФ.

¹ Дядькин, Д.С. Обстоятельства, смягчающие наказание, не указанные в законе // Российский следователь. 2008. № 11. С. 22; Скрипченко, Н.Ю. Анализ правоприменительной практики признания судами обстоятельств, смягчающих наказание, не указанных в законе // Российская юстиция. 2016. № 4. С. 27.

² Галиуллин, И.З. Условные меры уголовно-правового характера. Казань: Изд-во Казанск. Ун-та, 2006. С. 108.

и проблемы применения. М., 2009. 200 с.

6. Дядькин, Д.С. Обстоятельства, смягчающие наказание, не указанные в законе // Российский следователь. 2008. № 11. С. 22.

7. Земляной, Г.Л. Реализация уголовной ответственности в форме условного осуждения. Дис. ... к.ю.н. СПб., 2006. 208 с.

8. Кригер, Г.А. Условное осуждение и роль общественности в его применении. М., 1963. 101 с.

9. Ломако, В.А. Применение условного осуждения. Харьков, 1976. 126 с.

10. Пронников, В.В. Условное осуждение и его правовые последствия. Дис. ... к.ю.н. Омск, 2002. 183 с.

11. Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / сост. Ласточкина, С.Г., Хохлова, Н.Н.–5 - е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. 848 с.

12. Скрипченко, Н.Ю. Анализ правоприменительной практики признания судами обстоятельств, смягчающих наказание, не указанных в законе // Российская юстиция. 2016. № 4. С. 27.

13. Ткачевский, Ю.М. Освобождение от отбывания наказания. М., 1970. 237 с.

14. Шнитенков, А. Ограничить судебское усмотрение при применении условного осуждения // Российская юстиция. 2002. № 4. С. 57.

УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН В СВЕТЕ ЛИБЕРТАРНОЙ ТЕОРИИ ПРАВА

*Дубовиченко С.В., к.ю.н., доцент
Волжский университет имени В.Н. Татищева
г. Тольятти, Россия*

Была и остается весьма актуальной проблема поиска эффективных критериев оценки правового характера закона. В этой связи особый интерес представляет либертарная концепция права¹, автором которой был известный ученый, академик В.С. Нерсисянц. Он поставил очень амбициозную задачу формулировки нового типа правопонимания отличного от юснатурализма и позитивизма, но интегрирующего наиболее значимое, что есть в традиционных подходах к праву.

Автор сохраняет принципиальное различие права и закона (пози-

---

¹ Проблемы общей теории права и государства / Под ред. В.С. Нерсисянца. –М.: Изд-во НОРМА, 2002. – С.162-198; Нерсисянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. - 2002. - №3. - С.5-13; Нерсисянц В.С. Философия права. – М.: Норма, 2005.

тивного права), что сближает это понимание с естественно правовой доктриной, но в отличие от последней право понимается как «бытие и нормативное выражение (конкретизацию) принципа формального равенства»¹. Принцип формального равенства раскрывается через три компонента: «1) абстрактно-формальной всеобщности нормы и меры равенства (равной для всех нормы и меры), 2) свободы и 3) справедливости... Правовое равенство – это равенство свободных и независимых друг от друга субъектов права по общему для всех масштабу, единой норме, равной мере»². Эти компоненты трактуются формально – юридически, а не фактически, концепция тем самым преодолевает смешение права и морали, права и религии и представления о естественном, подлинном праве как симбиозе нравственно-этических социальных норм. А именно это препятствует выявлению объективной основы права, той основы которая позволит оценить правовой характер позитивного права и даст формальные критерии для оценки закона как правового или неправового. Важно понимать, что формальное равенства не означает фактической уравниловки, напротив оно противопоставляется фактическому равенству. Единый масштаб и единая мера регулирования поведения людей *«означает отрицание произвола и привилегий...»* Справедливость также трактуется как правовое начало, отличное от моральных, религиозных, социальных, политических и иных партикулярных неправовых форм³. «Справедливость, – пишет автор, - представляя всеобщее правовое начало, возвышается над всем этим партикуляризмом, «взвешивает» (на единых весах правовой регуляции и правосудия, посредством общего масштаба права) и оценивает их формально-равным, а поэтому и одинаково справедливым для всех правовым мерилom»⁴. На это качество справедливости указывали еще римские юристы: «Какие правовые положения кто-либо устанавливает в отношении другого, такие же положения могут быть применены и в отношении его самого»⁵ (D.2.2). Иными словами, юридическое понимание справедливости предполагает отсутствие привилегий, необоснованных преимуществ у субъектов права, разрушающих принцип формального равенства. Равенство, свобода и справедливость либертарно-юридическая теория рассматривает как существенные характеристики самого права, а правовой закон соответственно - это позитивное право, обладающее указанными объективными свойствами права.

---

¹ Проблемы общей теории права и государства / Под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Изд-во НОРМА, 2002. – С.137.

² Там же. – С.137, 162.

³ См.: Там же. – С.164, 168, 170-171.

⁴ Там же. – С.177.

⁵ Дигесты Юстиниана / Отв. ред. Л.Л. Кофанов. - Т.1. М.: «Статут». - С.195.

В.В. Лапаева правильно обращает внимание, что понятие права, развиваемое в рамках либертарной концепции «может объединить на своей теоретической платформе основные типы правопонимания, поскольку все они в той или иной мере рассматривают формально-правовое равенство как неотъемлемый признак права»¹.

Практическая ценность концепции заключается в том, что она ориентирует на познание сущностных характеристик права и их воплощение в законе, иными словами она формирует масштаб позитивизации права в рамках подлинного правотворчества и одновременно служит критерием для оценки правового характера действующих систем позитивного права (закона)². В.С. Нерсесянц, формулируя метод либертарно-юридической философии права писал, что «либертарный метод - это всеобщий способ правового моделирования познаваемой действительности по принципу формального равенства, способ познания действительности с позиций и в границах данного понятия права, способ правового (формально-равного) понимания, выражения, измерения, квалификации и оценки изучаемой действительности»³.

Позитивизация уголовного права с точки зрения принципа формального равенства задача довольно сложная. Современное состояние либертарной концепции права ограничено преимущественно общетеоретическим уровнем разработки. Прикладной потенциал этой теории еще предстоит оценить и конкретизировать принцип формального равенства в уголовном праве.

Формой такой конкретизации может быть требование единой меры ответственности и единой меры защиты субъектов права. Единая мера ответственности в формально-юридическом смысле не означает предъявления фактически одинаковых требований к разным субъектам, а как раз, напротив, предполагает дифференцированный подход к выстраиванию ответственности. Единство ответственности обеспечивается ее дифференциацией, которая обусловлена изначальным неравенством субъектов. Такая дифференциация обеспечивает равную меру ответственности различных субъектов, ведь абсолютно очевидно, что нельзя предъявлять одинаковые требования, к примеру, несовершеннолетним и совершеннолетним лицам. Поэтому институт уголовной ответственности несовершеннолетних,

---

¹ Лапаева В.В. Интегральное правопонимание в российской теории права: история и современность // Законодательство и экономика. – 2008. - №5 // СПС Консультант-Плюс

² См. Проблемы общей теории права и государства / Под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Изд-во НОРМА, 2002. - С. 189, 193, 196

³ Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. - 2002. - №3. - С.13.

предусматривающий более мягкую систему наказания, возможность применения принудительных мер воспитательного воздействия соответствует принципу формального равенства.

Из требования единой меры ответственности естественным образом вытекает принцип субъективного вменения, его можно рассматривать как специфическую для уголовного права форму реализации формального равенства.

Уже давно стало аксиомой, что пределы уголовной ответственности определяется степенью вины, поэтому при равных общественно опасных последствиях умышленное преступление должно влечь более строгое наказание, чем неосторожное. При умысле лицо стремится причинить преступный результат, поэтому ему должны предъявляться более строгие требования. Таким образом, реализация принципа субъективного вменения является свидетельством правового характера уголовного закона. К сожалению, действующее уголовное законодательство последовательно не проводит различие в мере наказания в зависимости от форм вины. Исходя из устоявшейся трактовки ч.2 ст.24 УК РФ, если форма вины в законе не названа, то допустим и умысел, и неосторожность¹. Установление единой санкции за умышленное и неосторожное (например, ст.110 УК РФ) преступление нарушает принцип формального равенства и является свидетельством неправового характера уголовного законодательства. Способом решения этой проблемы может быть восстановление первоначальной редакции ч.2 ст.24 УК РФ, где указывалось, что «деяние, совершенное по неосторожности, признается преступлением только в том случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса», с последующей корректировкой соответствующих норм Особенной части УК РФ, либо формализацией правил назначения наказания в зависимости от формы вины в нормах Общей части УК РФ.

Еще одним примером отступления от принципа формального равенства является закрепление в п. «о» ч.1 ст.63 УК РФ в качестве отягчающего наказания обстоятельства «совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел»². Выше мы уже отмечали, что различие

---

¹ См.: П.4 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 N 21 (ред. от 26.05.2015) "О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования"// СПС Консультант-Плюс.

² Вопрос о соответствии Конституции РФ данных положений был предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, который не усмотрел в данном случае противоречия принципу равенства всех перед законом и судом. См. например: Определение Конституционного Суда РФ от 08.12.2011 N 1623-О-О "По запросу Лабытнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности

мер ответственности не говорит о нарушении формального равенства. Сотрудник органа внутренних дел наделен полномочиями, которые могут облегчить совершение преступления, поэтому при прочих равных условиях степень опасности такого преступления будет выше, сообразно этому и должна выстраиваться мера ответственности. Однако почему в таком качестве названы только сотрудники органов внутренних дел, не меньшим объемом полномочий, а значит и возможностей их использования для совершения преступления, наделены сотрудники других правоохранительных органов, например, прокуратуры, следственного комитета, федеральной службы безопасности и т.д. Почему они здесь не названы, еслиотягчающее обстоятельство связано с опасностью использования полномочий должностного лица, то в рассматриваемой норме должны быть названы все сотрудники правоохранительных органов, а не конкретных органов правопорядка. Эта норма носит откровенно популистский характер и нарушает принцип единства мер ответственности и закрепляет правовое неравенство субъектов.

Логика принципа формального равенства диктует необходимость установления не только единой меры ответственности за поведение субъектов, но и единой меры защиты, охраняемых уголовным законом благ. Оценка действующего уголовного законодательства на предмет обеспечения единой защиты охраняемых законом благ выявляет целый ряд отступлений от принципа формального равенства. Например, ФЗ 07.12.2011 N 420-ФЗ декриминализировал общий состав оскорбления (ст.130 УК РФ). В настоящее время ответственность за эти действия наступает по ст.5.61 КоАП, но при этом законом от 29.06.2013 N 136-ФЗ изложена в новой редакции ст.148 УК РФ, сейчас она предусматривает уголовную ответственность за «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих». Таким образом, публичное оскорбление обычного гражданина – административное правонарушение, а такое же оскорбление представителя признанных конфессий – преступление. Выше, анализируя положения либертарной теории права, отмечалось, что правовой закон должен быть справедливым, то есть не допускать никаких привилегий, необоснованных преимуществ, здесь же принадлежность к официальной конфессии рассматривается как причина для более высокой степени защиты прав граждан, а имеются ли основания для введения такой привилегии? Уверены, что в светском государстве на этот вопрос может быть только отрицательный ответ. Эти положения уголовного закона также отражают правовое неравенство

субъектов права.

Полагаем, что вызывает сомнение с точки зрения реализации принципа формального равенства сохранение в уголовном законе норм об ответственности за оскорбление, участников судебного разбирательства (ст.297 УК РФ), представителя власти (ст.319 УК РФ), военнослужащего (ст.336 УК РФ) при отсутствии общей нормы об уголовной ответственности за оскорбление другого лица.

При этом сам подход, когда уголовное законодательство выделяет специальные составы, предусматривающие более высокий уровень защиты для отдельных категорий лиц, еще не свидетельствует об отступлении от принципа формального равенства. Действительно, публичные должностные лица, облеченные полномочиями, реализация которых сопряжена с опасностью для жизни и здоровья, чей уровень профессиональной виктимности намного превышает среднестатистический, нуждаются в большей охране, но этот статус не должен превращать их в привилегированное состояние. Представляется неоправданным сохранение в законе таких составов, как посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст.277 УК РФ), посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст.295 УК РФ), посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст.317 УК РФ). Для обеспечения соответствующего уровня защиты этих категорий потерпевших вполне достаточно нормы, предусмотренной п. «б» ч.2 ст.105 УК РФ («убийство лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга»). Такое решение проблемы устраняет совершенно недопустимую ситуацию, когда основным непосредственным объектом посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа признается «нормальная деятельность правоохранительных органов по охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности», а дополнительным объектом – «жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего или их близких»¹.

Эта норма противоречит и Конституции РФ, где в ст.2 закреплено, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства». Уголовный закон вопреки Конституции РФ жизнь человека расценивает как дополнительный объект охраны, а нормальную деятельность правоохранительных органов ставит выше жизни человека.

Идея принципа формального равенства всегда присутствовала в уго-

---

¹ Уголовное право России. Особенная часть. / Под ред. Ф.Р. Сундунова, М.В. Талан. М.: Статут, 2012. - С.860.

ловном праве даже на самых ранних формах его развития. Вспомнить хотя бы принцип талиона, он, конечно, отражает архаичное представление об эквивалентной ответственности, но даже в таком виде говорит о стремлении соизмерить меру ответственности тяжестью содеянного. Сейчас для уголовного права требование соответствия тяжести преступления тяжести наказания является аксиомой. Справедливости ради следует отметить, что и в этой части российский уголовный закон имеет массу погрешностей. О какой соразмерности можно говорить, когда, к примеру, за осуществление незаконной предпринимательской деятельности, сопряженной с извлечением дохода в особо крупном размере предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет и такое же наказание установлено за убийство матерью новорожденного ребенка (ст.106 УК РФ), убийство двух и более лиц, совершенное в состоянии аффекта (ч.2 ст.107 УК РФ). Перечень этот можно еще продолжить.

Известный принцип «*nullum crimen, nulla poena sine lege*» (нет преступления, нет наказания без указания на то в законе), является абсолютно необходимой предпосылкой реализации принципа формального равенства, его отсутствие порождает произвол власти, когда единая мера ответственности для всех субъектов подменяется соображениями целесообразности, революционным правосознанием и прочими явлениями, не имеющими никакого отношения к праву. И тем более выражает формальное равенство принцип *non bis in idem* (нельзя наказывать дважды за одно и то же), поскольку предотвращает удвоение ответственности.

Принцип формального равенства, отражающий сущностные свойства права интегрирует принципы уголовного права: законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости и гуманизма, поскольку все они оттеняют те или иные грани единой меры поведения, свободы и справедливости.

Прикладной потенциал либертарной теории права нуждается в фундаментальной проработке, но уже даже при очень поверхностном приближении виден и вполне применим метод позитивизации права, основанный на понимании сущности права. Очень важным является утверждение, что формальное равенство - это сущность права как явления общественной жизни и это в равной мере относится и к частному, и публичному праву. Ценность либертарной концепции еще заключается в том, что она преодолевает узкоотраслевой подход к изучению права, который сложился в современной юриспруденции. Правовая материя едина, отраслевые водоразделы условны, поэтому можно говорить только об особенностях проявления формального равенства в публичном и частном праве. Предметом науки уголовного права наряду с догматикой уголовного закона, должно стать познание форм выражения принципа формального равенства в уголовном праве.

Библиографический список

1. Дигесты Юстиниана / Отв. ред. Кофанов, Л.Л. - Т.1. М.: «Статут».
2. Лапаева, В.В. Интегральное правопонимание в российской теории права: история и современность // Законодательство и экономика. – 2008. - №5 // СПС КонсультантПлюс
3. Нерсесянц, В.С. Философия права. – М.: Норма, 2005.
4. Нерсесянц, В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. - 2002. - №3.
5. Проблемы общей теории права и государства / Под ред. Нерсесянца, В.С. –М.: Изд-во НОРМА, 2002.
6. Проблемы общей теории права и государства / Под ред. . Нерсесянца, В.С. –М.: Изд-во НОРМА, 2002.
7. Уголовное право России. Особенная часть. / Под ред. Сундурова, Ф.Р., Талан, М.В., Статут, М., 2012.

ИНСТИТУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ ПО РОССИЙСКОМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ И УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

*Ефремова И.А., к.ю.н., доцент
Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Россия*

Уголовное законодательство России и Казахстана в институте освобождения от уголовного наказания имеют много общего, как с точки зрения правовой регламентации, так и сущности видов освобождения. Так, институт освобождения от наказания в УК РФ сформулирован в главе 12 УК РФ «Освобождение от наказания» и предусматривает семь видов освобождения: условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст.79 УК РФ), замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст.80 УК РФ), освобождение от наказания в связи с изменением обстановки (ст.80.1 УК РФ), освобождение от наказания в связи с болезнью (ст.81 УК РФ), отсрочка отбывания наказания (ст.82 УК РФ), отсрочка отбывания наказания больным наркоманией (ст.82.1 УК РФ), освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда (ст.83 УК РФ). В Уголовном кодексе Республики Казахстан¹ наличествует раздел 5 «Освобождение от уголовной ответ-

---

¹ См.: Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 г. № 68. [Электронный ресурс]. – URL: http://https://online.toktom.kg/Toktom/2728-0#_=_ (дата

ственности и наказания», объединяющий нормы предусматривающие освобождение от уголовной ответственности и наказания. Данный раздел предусматривает следующие виды освобождения от наказания: условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст.72 УК РК), замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания либо сокращение срока назначенного наказания (ст.73 УК РК), отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, мужчинам, в одиночку воспитывающим малолетних детей (ст.74 УК РК), освобождение от наказания в связи с болезнью (ст.75 УК РК), освобождение от наказания и отсрочка отбывания наказания вследствие стечения тяжелых обстоятельств (ст.76 УК РК), освобождение от отбывания наказания в связи с истечением срока давности обвинительного приговора (ст.77 УК РК), освобождение от уголовной ответственности и наказания на основании акта амнистии или помилования (ст.78 УК РК).

Нормы, входящие в институт освобождения от наказания предоставляют осужденному возможность не отбывать (полностью или частично) назначенное наказание. Для этого они включают свойственные им условия и основания. Однако объединяющим их фактором выступает сниженная степень общественной опасности личности, поскольку в таком случае лицо не создает уголовно-правовой угрозы безопасности граждан и обществу в целом.

В действующем российском уголовном законе условно-досрочное освобождение от отбывания наказания регламентируется ст.79 УК РФ «Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания». Эта норма, закрепляет что лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания. Лицо может быть полностью или частично освобождено от отбывания дополнительного вида наказания. Основания освобождения от отбывания наказания могут быть формальными, материальными и процедурными. К условиям позволяющим отменить условно-досрочное освобождение относятся: совершение преступления, нарушение общественного порядка, злостное уклонение от исполнения обязанностей или принудительных мер медицинского характера.

В Уголовном кодексе Республики Казахстан условно-досрочное освобождение закрепляется в ст.72 УК РК «Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания» она указывает, что лицо, отбывающее ограничение свободы или лишение свободы, после фактического отбытия сроков,

указанных в ч.3, 4 и 5 рассматриваемой нормы, может быть освобождено судом условно-досрочно, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного наказания. Лицо, отбывающее ограничение свободы или лишение свободы, после фактического отбытия сроков, указанных в ч.3, 4 и 5 данной статьи, подлежит освобождению условно-досрочно в случае полного возмещения им ущерба, причиненного преступлением, и отсутствия у него злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания. Лицо, отбывающее лишение свободы, назначенное за террористическое или экстремистское преступление, не повлекшее гибель людей и не сопряженное с совершением особо тяжкого преступления, после фактического отбытия сроков, указанных в ч.3, 4 и 5 данной статьи, может быть освобождено судом условно-досрочно, если оно оказывает активное содействие в предотвращении, раскрытии или расследовании террористических или экстремистских преступлений, изобличении участников террористической или экстремистской группы. При этом лицо может быть полностью или частично освобождено от отбывания дополнительного вида наказания. Исходя из толкования данной нормы, можно предположить, что основания могут носить формальный, материальный и процедурный характер. Условиями позволяющими отменить условно-досрочное освобождение выступают: совершение двух и более административных правонарушений, за которые налагаются административные взыскания, уклонение без уважительной причины более двух раз от исполнения обязанностей, неявка без уважительной причины для регистрации по избранному месту жительства в течение пяти рабочих дней после освобождения из мест лишения свободы, совершение уголовного проступка, совершение преступления (умышленного, неосторожного).

Основания для замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст.80 УК РФ «Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания») такие же как и при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, за тем исключением, что полного освобождения осужденного от отбывания наказания в данном случае не происходит, а ему заменяется неотбытая часть более мягким видом уголовного наказания. Статья 73 УК РК «Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания либо сокращение срока назначенного наказания», предполагает наличие схожих оснований с УК РФ, за тем исключением, что применение данного вида освобождения исключается в отношении некоторых категорий осужденных. Интерес представляет и возможность замены штрафа лишением и ограничением свободы (возможна замена штрафа из расчета один месячный расчетный показатель за четыре дня лишения свободы либо ограничение свободы из расчета один день ограни-

чения свободы за один день лишения свободы. Условием замены на штраф является полное возмещение ущерба, причиненного преступлением).

Статья 80-1 УК РФ «Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки». Включает основания освобождения от наказания: лицо впервые должно совершить преступление, и преступление может быть только небольшой или средней тяжести. Основанием освобождения выступает изменение обстановки влекущее утрату общественной опасности лица или совершенного им преступления. Такой вид в УК РК отсутствует.

Основаниями освобождения от наказания в связи с болезнью (ст.81 УК РФ) выступает возникшее после совершения преступления психическое расстройство, лишающее возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, а также возникновение иной тяжелой болезни, возникшей после совершения преступления, которая препятствует отбыванию наказания. В отношении военнослужащих основанием освобождения выступает заболевание, делающее их негодными к военной службе. Основаниями освобождения от наказания в связи с тяжелой болезнью (ст.75 УК РК «Освобождение от наказания в связи с болезнью») выступает психическое расстройство, лишающее возможности сознавать значение своих действий (бездействия) или руководить ими, либо иная болезнь препятствующая отбыванию наказания. Исключения при возникновении иной тяжелой болезни препятствующей отбыванию наказания имеются в отношении пожизненно лишенных свободы. Существует альтернатива замены наказания более мягким видом наказания с учетом характера заболевания, тяжести совершенного уголовного правонарушения, личности осужденного и других обстоятельств.

Основаниями применения отсрочки отбывания наказания (ст.82 УК РФ «Отсрочка отбывания наказания») выступает: в отношении женщин: беременность осужденной, наличие малолетних детей, в отношении мужчин наличие малолетних детей случаи, когда он является единственным родителем. Условиями отмены отсрочки выступают обстоятельства, когда осужденный отказался от ребенка или продолжает уклоняться от обязанностей по воспитанию ребенка после предупреждения, уголовно-исполнительной инспекции. Основания применения и условия отмены отсрочки (ст.74 УК РК «Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, мужчинам, в одиночку воспитывающим малолетних детей) практически идентичные предусмотренным в УК РФ, разнятся сроки предоставления отсрочки.

Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией ст.82.1 УК РФ «Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией». Основаниями таковой выступают: заболевание наркоманией и добровольное согласие на

прохождение курса лечения от наркомании, а также медико-социальную реабилитацию. Такой подход с формальных позиций ограничен в пятилетний срок. Кроме того, условиями выступают, совершение лицом преступления впервые, и преступления связаны с посягательством на установленный законом порядок оборота наркотических средств, психотропных веществ, или их аналогов, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, указание на которые содержится в уголовном законе. Условиями отмены отсрочки являются следующие: отказ от прохождения курса лечения от наркомании, а также медико-социальной реабилитации, либо уклонение от лечения после предупреждения, объявленного органом, осуществляющим контроль за поведением осужденного, а также совершение нового преступления. Такой вид отсрочки не предусмотрен в УК РК.

Однако присутствует ст. 76 УК РК «Освобождение от наказания и отсрочка отбывания наказания вследствие стечения тяжелых обстоятельств», такой вид не присутствует в УК РФ. Основаниями его применения выступают осуждение за уголовный проступок или преступление небольшой и средней тяжести, а также наличие обстоятельств, повлекших за собой особо тяжкие последствия для семьи вследствие пожара или стихийного бедствия, тяжелой болезни или смерти единственного трудоспособного члена семьи или другие чрезвычайные обстоятельства. Отсрочка на срок до трех месяцев возможна за осуждение за тяжкое или особо тяжкое преступление, при наличии обстоятельств, повлекших за собой особо тяжкие последствия для семьи вследствие пожара или стихийного бедствия, тяжелой болезни или смерти единственного трудоспособного члена семьи или другие чрезвычайные обстоятельства. Исключается применение отсрочки в отношении лиц, осужденных за террористическое или экстремистское преступление, либо преступление, совершенное в составе преступной группы или против половой неприкосновенности малолетних.

Основаниями освобождения от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности (ст.83 УК РФ «Освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда» выступает неприведение в исполнение приговора суда, в течение установленного законом срока по обстоятельствам, которые не зависят от воли и желания виновного. Подобное основание предусмотрено в УК РК в ст. 78 «Освобождение от отбывания наказания в связи с истечением срока давности обвинительного приговора», которая закрепляет, что лицо, осужденное за уголовное правонарушение, освобождается от отбывания наказания, если обвинительный приговор не был приведен в исполнение сроки, установленные в законе, считая со дня вступления его в законную силу.

Кроме указанных видов освобождения в УК РК в разделе 5 содержатся амнистия и помилование в ст.78 «Освобождение от уголовной ответственности и наказания на основании акта амнистии или помилования».

На основании изложенного можно констатировать, что в уголовном законодательстве Республики Казахстан нормы, составляющие институт освобождения от наказания, сосредоточены в самостоятельном разделе наряду с освобождением от уголовной ответственности. Виды освобождения от наказания схожи с теми, которые предусмотрены в УК РФ, за некоторыми исключениями и имеют идентичные российскому уголовному закону основания и условия позволяющие реализовать тот или иной вид освобождения. Материальной основой освобождения от наказания, в которых является сниженная степень общественной опасности лица, которое подлежит освобождению.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ, ОТБЫВАНИЯ И СРОКИ ИСЧИСЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Ибрагимова Н.М., к.ю.н., доцент

Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова

г. Казань, Россия, nasima79@mail.ru

Отличительная особенность наказания в виде исправительных работ заключается в том, что осужденный не подвергается лишению свободы, продолжает трудиться, у него сохраняются социально-полезные связи. Следовательно, исправительные работы могут быть назначены подсудимому, обладающему определенным правовым и социальным статусом¹.

Исправительные работы назначаются осужденному, имеющему основное место работы, а равно не имеющему его (ч. 1 ст.50 УК РФ).

Это означает, что место работы должно быть расположено в том населенном пункте, где проживает осужденный, либо так, чтобы он имел возможность ежедневно возвращать домой после работы².

При этом следует отметить, что не до конца ясно, можно ли считать индивидуальных предпринимателей лицами, имеющими основное место работы. Это может вызвать определенные затруднения при назначении и организации исполнения наказания в виде исправительных работ. В соответствии с ч. 1 ст. 23 ГК РФ гражданин вправе заниматься предпринима-

---

¹ Орлов В.Н. Проблемы назначения и исполнения исправительных работ: Диссертация на соискание ученой степени канд.юрад.наук. – Ставрополь, 2000. – С. 55.

² Уголовно-исполнительное право России: учебник / под ред. В.И. Селиверстова. – М.:Норма: ИНФРА-М, 2014. – С. 180.

тельской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. По мнению М. Арзамасцева, хотя индивидуальный предприниматель и не получает заработную плату, назначить ему исправительные работы не следует¹.

Исправительные работы устанавливаются на срок от двух месяцев до двух лет (ч. 2 ст. 50 УК РФ).

Началом срока отбывания осужденным исправительных работ, не имеющим основного места работы, является день его выхода на работу, а осужденным, имеющим основное место работы, - день получения администрацией организации, в которой работает осужденный, соответствующих документов из уголовно-исполнительной инспекции (ч. 2 ст. 42 УИК РФ).

Правовой основой деятельности уголовно-исполнительных инспекций является Положение об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности, утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июня 1997 г. № 729².

Так, в юридической литературе и практике спорным является вопрос о том, засчитывается ли в срок наказания осужденному период ежегодного оплачиваемого отпуска. В соответствии с ч. 6 ст. 40 УИК РФ в период отбывания исправительных работ ежегодный оплачиваемый отпуск продолжительностью 18 рабочих дней предоставляется администрацией организации, в которой работает осужденный, по согласованию с уголовно-исполнительной инспекцией. Другие виды отпусков, предусмотренные законодательством Российской Федерации о труде, предоставляются осужденным на общих основаниях. При всей дискуссионности данного вопроса мы разделяем точку зрения тех авторов, которые отвечают - нет, так как отпускные нельзя признать заработной платой³.

В соответствии с ч. 3 ст. 42 УИК РФ время, в течение которого осужденный не работал, в срок отбывания исправительных работ не засчитывается.

На практике возникают вопросы, связанные с тем, что в некоторых организациях, связанных с особенностями производства, применяется суммарный учет рабочего времени. В этом случае срок наказания исчисляется исходя из

---

¹ Арзамасцев М. Индивидуализация наказания в виде исправительных работ // Уголовное право. – 2012. - № 6. – С. 12.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 16 июня 1997 г. № 729 «Об утверждении положения об уголовно-исполнительных инспекциях и нормативах их штатной численности» (с изм. от 23 апреля 2012 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 25. – Ст. 2947; 2012. – № 18. – Ст. 2224.

³ Гарабаев А.Ш. Проблемы законодательного совершенствования регулирования исполнения уголовного наказания в виде исправительных работ // Российская юстиция. – 2016. – № 1. – С.29.

продолжительности рабочего времени за учетный период, не превышающий установленного количества рабочих часов.

Согласно п. 83 Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, утвержденной Приказом Минюста РФ от 20 мая 2009 г. № 142¹, исчисление срока производится инспекцией на основании данных о количестве дней, подлежащих включению в срок отбывания наказания. Указанное количество дней должно быть не менее числа рабочих дней, приходящихся в соответствии с графиком работы организации на каждый месяц и установленного судом календарного срока наказания.

Расчет отбытого и неотбытого срока наказания производится инспекцией на основании документов, поступивших из организации.

Согласно п. 16 постановления Пленума Верховного суда РФ от 29 октября 2009 г. № 20 при назначении наказания по совокупности преступлений, за каждое из которых назначены исправительные работы, при применении принципа полного или частичного сложения наказаний сложению подлежат только сроки исправительных работ, но не проценты удержаний из заработной платы².

В части 2 ст. 40 УИК РФ говорится о том, что из заработной платы осужденного производятся удержания в размере, установленном приговором суда. В ч. 3 ст. 50 УК РФ предусмотрено такое же, но более конкретизированное положение, а именно, в ней определяется размер этого удержания: в пределах от пяти до двадцати процентов. Поэтому из ст. 40 УИК РФ целесообразно исключить часть вторую, поскольку в ней нет необходимости.

Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ внесены изменения в ч. 4 ст. 50 УК РФ. Ныне эта часть ст. 50 УК РФ сформулирована следующим образом: в случае злостного уклонения осужденного от отбывания исправительных работ суд может заменить неотбытое наказание принудительными работами или лишением свободы из расчета один день принудительных работ или один день лишения свободы за три дня исправительных работ.

Однако, указанные выше изменения не коснулись частей 2 и 5 ст. 46 УИК РФ, а также пунктов 102, 104 и 105 Инструкции № 142, где речь идет о замене исправительных работ в случаях нарушения и злостного уклонения осужден-

---

¹ Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 20 мая 2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» (в ред. приказа Минюста РФ от 22 августа 2014 г.) / Российская газета от 14 августа 2009 г. - № 151; от 5 сентября 2014 г. - № 202.

² Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29 октября 2009 г. № 20 (с изм. от 23 декабря 2010 г.) «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания / Российская газета от 11 ноября 2009 г. - № 211; 30 декабря 2010 г. - № 296.

ным от отбывания исправительных работ. По нашему мнению, эти части ст. 46 УИК РФ и пункты Инструкции следует привести в соответствие с действующей редакцией ч. 4 ст. 50 УК РФ, заменив в них слово «другим видом наказания» на слова «принудительными работами или лишением свободы».

Библиографический список

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 16 июня 1997 г. № 729 «Об утверждении положения об уголовно-исполнительных инспекциях и нормативах их штатной численности» (с изм. от 23 апреля 2012 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 25. – Ст. 2947; 2012. – № 18. – Ст. 2224.

2. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 20 мая 2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» (в ред. приказа Минюста РФ от 22 августа 2014 г.) / Российская газета от 14 августа 2009 г. - № 151; от 5 сентября 2014 г. - № 202.

3. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29 октября 2009 г. № 20 (с изм. от 23 декабря 2010 г.) «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания» / Российская газета от 11 ноября 2009 г. - № 211; от 30 декабря 2010 г. - № 296.

4. Арзамасцев, М. Индивидуализация наказания в виде исправительных работ // Уголовное право. – 2012. - № 6. – С. 12.

5. Гарабаев, А.Ш. Проблемы законодательного совершенствования регулирования исполнения уголовного наказания в виде исправительных работ // Российская юстиция. – 2016. – № 1. – С.29.

6. Орлов, В.Н. Проблемы назначения и исполнения исправительных работ: Диссертация на соискание ученой степени канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2000. – С. 55.

7. Уголовно-исполнительное право России: учебник / под ред. Селиверстова, В.И. – М.:Норма: ИНФРА-М, 2014. – С. 180.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АМНИСТИИ В НОРМАХ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

*Кабжанов А.Т., к.ю.н., доцент
ЧУ «Академия «Болашак»
г. Караганда, Республика Казахстан*

Вот уже двадцать пять лет Республика Казахстан проводит экономические, социальные и политические реформы. В связи с этим перед государством и гражданским обществом возникают новые задачи, требующие

своего разрешения. В их числе – обеспечение правопорядка в Казахстане, одной из важнейших направлений которого выступает борьба с преступностью.

За последние годы статистика совершенных преступлений подвержена существенным колебаниям. В Казахстане растет уровень преступности. Полицейская статистика говорит о всплеске краж и грабежей. Только в этом году количество преступлений выросло почти на 25 процентов[1]. В этих условиях все чаще звучат предложения о необходимости кардинального ужесточения мер воздействия, применяемых к лицам, совершившим преступления.

Одна из наиболее важных задач современной уголовной политики - укрепление правопорядка и совершенствование законодательства. Основными тенденциями в правовой жизни в настоящее время являются гуманизация и демократизация законодательства, ориентирование, в первую очередь, на соблюдение прав и свобод отдельной личности, обеспечение укрепления государственности, стабильности власти. Согласно этой тенденции, в Концепции правовой политики Республики Казахстан поставлены задачи, которые определяют значение амнистии и помилования в реализации принципа гуманизма и экономии уголовной репрессии в уголовном законодательстве.

В то же время опыт нашего государства и зарубежных стран свидетельствует о том, что лишь усилением уголовной репрессии проблему преступности не решить. Необходима продуманная, социально обоснованная и понятная народу дифференциация воздействия на преступников, сочетающая в себе как меры принуждения, так и меры поощрения за позитивное поведение лиц, отбывающих наказание. В числе указанных мер важное место занимают такие уголовно-правовые институты как амнистия.

Гуманизм проявляется во многих положениях, нормах и институтах, отражая направленность государства на воспитание и исправление и только потом на принуждение. Реализация принципа гуманизма и эффективность борьбы с преступностью зависят от достаточности применяемых в каждом конкретном случае мер ответственности лица за совершенное преступление. Наказание должно быть необходимым и достаточным для осознания лицом, совершившим преступление, противоправности своих деяний. В этом случае возможны смягчение положения таких лиц, освобождение от ответственности и наказания, которое создает для осужденного положительную перспективу на будущее.

Правовая природа амнистии такова, что она может быть одновременно и видом освобождения от уголовной ответственности и видом освобождения от уголовного наказания.

Амнистия представляет собой проявление гуманизма по отношению к

осужденным и также направлено на полное или частичное аннулирование юридических последствий совершения преступления, осуществляемое в несудебном порядке.

В Конституции Республики Казахстан 1995 г., в отраслевом законодательстве нашли отражение качественные изменения социальной политики государства, ориентированной на обеспечение прав и свобод человека и гражданина. Права человека и гражданина гарантируются не только Конституцией Республики, но и нормами международного права, признающими амнистию и помилование.

Применение амнистии соответствует Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., провозгласившей, что «каждый гражданин имеет право на жизнь, на свободу и личную неприкосновенность». Это положение получило четкую формулировку в ч. 3 ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах от 19 февраля 1966 г. В пункте 4 ст. 6 Пакта говорится, что «амнистия, помилование или замена смертного приговора могут быть дарованы во всех случаях».

Современная уголовная политика Республики Казахстан должна развиваться в соответствии с Концепцией правовой политики Республики Казахстан в направлении гуманизации. Категория «гуманизм» рассматривалась еще античными философами, смысл этого понятия до сегодняшнего дня практически не изменился. «Гуманизм — это добрая мысль о человеке, воплощенная в благом действии для человека» [2, с. 151]. Дж. Локк говорил, что все люди равны и независимы, никто не должен наносить вреда другому, и в этой связи гуманизм представляет собой середину, баланс собственных и общественных интересов в равной мере (насколько это возможно). Нам наиболее импонирует высказывание классика психологии С. Л. Рубенштейна о том, что «гуманизм — это новая этика отношения к человеку, когда к человеку относятся адекватно его человеческой сущности» [3, с. 59].

В современном уголовном законодательстве гуманизм проявляется через расширение спектра наказаний, альтернативных лишению свободы, через применение так называемых поощряющих норм, в первую очередь, к лицам, совершившим преступления небольшой и средней тяжести, а также к социально уязвимым группам населения - беременным и одиноким женщинам, имеющим на иждивении несовершеннолетних детей, несовершеннолетним, людям преклонного возраста. Наивысшей формой проявления гуманизма в уголовной политике является издание актов об амнистии и помиловании.

Слово «амнистия» греческого происхождения, буквально означающее забвение, прощение [4]. В специальной литературе амнистия определяется

как правовой акт, который принимается во внесудебном порядке (органом законодательной власти) и состоит в аннулировании или изменении правовых последствий вынесенных судами приговоров в отношении группы лиц, индивидуально не обозначенных, но отвечающих определенным родовым признакам. Думаем, что в определении должны быть зафиксированы все признаки амнистии, кроме того, что это акт, принимаемый высшим органом государственной власти в отношении индивидуально не определенного круга лиц, совершивших преступления, с перечислением видов амнистирования (ч. ч. 1, 2 ст. 78 УК РК). К таким признакам следует отнести то, что акт об амнистии имеет обратную силу действия, и считаем, что правильным будет определить амнистии условные и безусловные. Исходя из данных признаков амнистия - это нормативно-правовой акт, который принимается Парламентом Республики Казахстан в отношении индивидуально не определенного круга лиц, обозначенного в акте, имеющий обратную силу действия. Она осуществляется в виде освобождения от уголовного наказания, дальнейшего отбывания наказания, сокращения назначенного наказания, замены более мягким видом наказания, освобождения от дополнительного наказания, снятия судимости с лиц, отбывших наказание или освобожденных от дальнейшего его отбывания. Амнистия по усмотрению правоприменительного органа может назначаться под условием или без него.

Амнистия всегда применяется для удержания власти. Этот акт являлся и является действенным инструментом государственной политики, цель которой не только освобождение осужденных и улучшение их положения, но и решение стоящих перед государством задач.

Амнистию можно признать актом корректирующей и разгрузочной направленности. Коррекция приговоров может осуществляться применительно к преступлениям, носящим временный характер, совершенным в результате стечения неблагоприятных обстоятельств [5, с. 462].

Амнистия всегда отражает политику развития государства. Как показывает история развития современного уголовного права, перечень деяний, относящихся к преступлениям, не остается неизменным: с течением времени ответственность за отдельные преступления исключается, а за другие, наоборот, устанавливается. Неэффективность борьбы с теми или иными деяниями может быть следствием принципиального изменения характера общественных отношений. Например, Н. П. Астафьев, В. Г. Вишняков, анализируя Постановление Верховного Совета СССР от 28 ноября 1989 г. «Об объявлении амнистии совершивших преступления бывших военнослужащих контингента советских войск в Афганистане», пишут, что именно амнистия является единственным выходом в этих условиях — в условиях, когда нет четкой юридической квалификации тех действий, ко-

гда не дается четкая политическая оценка [6, с. 5, 27].

Разгрузочными можно назвать все последние амнистии. Исследователь амнистии 20-х гг. Б. С. Утеевский в качестве основания принятия актов об амнистии выделил корректирование возможной ошибки суда, «которую в обычном порядке обжалования исправить уже нельзя» [7, с. 46].

Целью применения современной амнистии, на наш взгляд, является и оптимизация правоприменительного процесса. Сегодня законодатель стремится соответствовать обозначенной в Концепции правовой политики Республики Казахстан тенденции гуманизации посредством применения жесткого наказания к лицам, обладающим повышенной общественной опасностью, и вместе с тем смягчения наказания либо полного освобождения от уголовной ответственности и наказания лиц, деяния которых не представляют большой общественной опасности для общества.

Одним из эффективных средств устранения противоречий в сфере применения права и особенно уголовного права является амнистия.

Правильное и полное решение уголовно-правовых вопросов, касающихся амнистии, во многом связано с уяснением содержания этого понятия и его основных составляющих.

Исходя из вышеперечисленных обстоятельств, можно сделать вывод, что амнистии обусловлены либо политическими мотивами, либо в совокупности с ними социально-экономическими потребностями государства.

Следует отметить, что данный перечень оснований не является и не может являться исчерпывающим, поскольку жизнь создает новые обстоятельства, которые становятся основаниями принятия актов амнистии.

Амнистия является мерой крайней государственной важности. Она приостанавливает ход правосудия, устраняет репрессию в ее различных формах. На первоначальном этапе амнистия являлась результатом чрезмерного употребления уголовной репрессии, сегодня амнистия осуществляется в соответствии с тенденциями гуманизации уголовной политики нашего государства и каждый раз подтверждает преемственность основных гуманистических положений предшествующих актов каждым последующим. Несмотря на различные основания принятия актов, прослеживается тенденция к систематическому расширению круга амнистируемых. Это подтверждает тезис о том, что развитие социальной чувствительности должно стать основой любого цивилизованного государства. Известно, что гуманные нормы поведения и гуманизация уголовного законодательства находятся в прямой взаимосвязи. Гуманные отношения между людьми обязательно проявятся и будут отражены в новых законах, выражены в поддержке применения прощения посредством амнистии, помилования или других видов освобождения от уголовной ответственности и наказания, в создании условий для адаптации осужденных в обществе, в сокращении

числа лиц, отбывающих наказания в местах лишения свободы, и т.д.

В перспективе могут возникать новые основания амнистии. Такие основания возможны при росте этической мотивации. Но при этом данное основание должно существовать наряду с политическими основаниями, без которых амнистия как акт высшего органа государственной власти невозможна [8, с. 418].

Анализ специальных источников приводит к выводу, что казахскому уголовному обычному праву, как и обычному праву других народов, было присуще прощение лиц, совершивших преступления. Это прощение давалось высшим органом государственной власти и преследовало цель предать забвению все не разрешенные на определенный момент дела.

Мы исходим из того, что в современных условиях значение институтов амнистии и помилования все более возрастает в связи с построением правового государства. Сущность амнистии заключается в отказе государства от наказания либо его смягчении, не ставя при этом под сомнение законность и обоснованность обвинительного приговора суда. То есть амнистия и помилование - нереабилитирующие виды освобождения.

Справедливость применения наказания является идеалом современной уголовно-правовой политики. В связи с этим целесообразно наряду с применением амнистии к лицам, совершившим преступления, предусмотреть ее и параллельно для лиц, совершивших правонарушения.

Гуманизм уголовной политики и уголовного права, стремление законодателя добиться максимальной экономии уголовной репрессии в отношении определенной категории правонарушителей обеспечивают последовательность предупредительного воздействия на лиц, совершивших преступления, начиная его осуществление со стадии предварительного расследования за счет реализации в сфере борьбы с криминалом идеи компромисса.

Процесс гуманизации приобрел сегодня очень большие масштабы. Институт амнистии является отражением постепенного общего смягчения уголовно-правового воздействия, прежде всего в отношении лиц, совершивших преступления небольшой общественной опасности, при сохранении строгих мер уголовно-правового воздействия в отношении лиц, виновных в совершении тяжких преступлений, и рецидивистов.

Сущность амнистии как правового регулятора не имеет однозначной оценки. Одни ученые, определяя отраслевую принадлежность амнистии, не считают ее институтом уголовного права и рассматривают ее в рамках конституционного права. Другие полагают, что ее следует рассматривать в рамках многоотраслевого института. Третьи приходят к выводу, что амнистия - своеобразная государственная мера, направленная на реализацию уголовной ответственности. Большинство же считают ее институтом уго-

ловного права.

Амнистия не означает реабилитации лица, совершившего преступление. Напомним, что это лишь акт прощения, милосердия. Поэтому освобождение конкретного лица по амнистии возможно только при отсутствии с его стороны возражений против этого. При наличии таких возражений (возможно, лицо надеется, что при рассмотрении дела в суде будет установлена его невиновность) производство по делу продолжается в обычном порядке, доводится до судебного разбирательства и суд постановляет либо оправдательный, либо обвинительный приговор, но с применением предписаний, указанных в акте об амнистии. Однако редко кто осмелится рискнуть не принять, амнистию опасаясь за еще худшие последствия для себя.

Принятый в этом году закон Республики Казахстан от 13 декабря 2016 года № 27-VI «Об амнистии в связи с двадцатипятилетием Независимости Республики Казахстан» ознаменовал очередной акт гуманизма со стороны государства в связи с такой юбилейной и значимой датой. Данная амнистия явилась девятой по счету за весь период развития Независимого Казахстана.

Количество амнистии за столь короткий срок развития страны не привело к должному пониманию сущности амнистии, напротив вызывает некоторое недоумение. Подобная реакция связана как законодательной конструкцией, так и проблемами социально-политического порядка.

Согласно части 2 статьи 98 УК РК по амнистии лица, осужденные за совершение преступлений, могут быть освобождены от наказания, либо назначенное им наказание может быть сокращено или заменено более мягким видом, либо такие лица могут быть освобождены от дополнительного вида наказания. Предлагаемая норма не разъясняет порядка ее применения, не раскрывает правовой природы амнистии, механизма ее действия.

Положения закона и существовавшая практика применения амнистии в процессе расследования не отвечали задачам уголовно - процессуального законодательства (быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден).

Отказ в возбуждении уголовного дела либо прекращение дела в досудебных стадиях процесса по амнистии по существу означал ни, что иное, как фактическое признание лица виновным в совершении преступления, а согласно ч. 3 ст. 77 Конституции Республики Казахстан это относится к исключительной компетенции суда.

В последние годы акты амнистии перестали издаваться в виде ком-

плексных актов освобождения от различных видов ответственности и предусматривают только освобождение от уголовной ответственности и наказания либо смягчение наказания. А следовало бы возродить практику освобождения по амнистии от различных видов ответственности.

Таким образом, следует отметить о том, что амнистии в стране должны быть, однако проблемные вопросы практики ее применения не мешало бы исключить из действующего законодательства.

Библиографический список

1. Уровень преступности в Казахстане вырос почти на 25 процентов. <https://www.zakon.kz/4742704-uroven-prestupnosti-v-kazakhstane-vyros.html>
2. Гивишвили, Г.В. Гуманизм и гражданское общество. – М., 2003. – 252 с.
3. Очерки, воспоминания. / Материалы к 100-летию со дня рождения Рубенштейна. / Под ред. Лумова. Сборник статей. — М., 1989. — с. 159.
4. Большой юридический словарь / Под ред. Сухарева, А.Я., Зорькина, В.Д. - М., 1997. — С.794
5. Астафьев, Н.П., Вишняков, В.Г., Финько, О.А. Политическая амнистия. — М., 1999.
6. Декрет ВЦИК «О суде» от 7 марта 1918 г. // СУ РСФСР. — 1918. — № 26.
7. Фойницкий, И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. — М., 2000. — С. 122-123; Люблинский, П.И. Общее учение о помиловании по Указу 21 февраля // Право. — 1913. — № 10. — С. 392.
8. Иванов, А.М., Корчагин, А.Г. Сравнительное уголовное право. — Владивосток, 2002. — С. 7; Серебренникова, А.В. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии). — М., 1998. — С. 24.

ВЛИЯНИЕ КРЫМСКИХ И ПОСТКРЫМСКИХ СОБЫТИЙ НА РАСШИРЕНИЕ СИСТЕМЫ ИСТОЧНИКОВ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

*Кострова М.Б., к.ю.н., доцент
Башкирский государственный университет
г. Уфа, Россия, kostrovam@mail.ru*

Жесткая реакция России на события зимы-весны 2014 года в Украине и подписание двустороннего международного договора о принятии Республики Крым в Российскую Федерацию¹, явившиеся демонстрацией

---

¹ Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Рос-

нашей страной курса на твердое отстаивание своих национальных и геополитических интересов, ответная реакция Украины, в том числе объявление ею факта воссоединения Крыма с Россией¹ вооруженной агрессией России и временной оккупацией территории Украины², повлекли весьма неожиданное последствие для сферы российского уголовного права.

Хотя Украина до настоящего времени считает Автономную Республику Крым своей неотъемлемой частью, что закреплено в Конституции Украины³ и других ее законах, тем не менее, учитывая свершившийся факт, – образование в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя, после 18 марта 2014 года России пришлось принимать решения, связанные с уголовной юрисдикцией. В тот период ученые, в частности, А.Г. Волеводз и Е.А. Копылова предостерегали от «жесткого» подхода в форме одномоментного введения в действие на территориях новых субъектов только и исключительно российских УК и УПК, поскольку это повлечет ряд трудно разрешимых проблем в части точного и неукоснительного соблюдения их нормативных предписаний. На основе изучения уже накопленного исторического опыта ими убедительно доказывалось, что полной интеграции этих двух субъектов, прежде находившихся под суверенитетом Украины, в уголовно-правовую систему РФ неизбежно должен предшествовать так называемый переходный период, основополагающий принцип которого – временное сосуществование российского и украинского уголовного права, что означает сосуществование в пределах территории одного государства доминирующего российского законодательства и остаточных украинских за-

---

сийскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов от 18 марта 2014 г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 14, ст. 1570.

¹ См.: Преамбула указанного Договора; пункт 1 ч. 2 ст. 1 Федерального конституционного закона от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 12, ст. 1201.

² См., например: Закон Украины от 15 апреля 2014 г. № 1207-VII «Об обеспечении прав и свобод граждан и правовом режиме на временно оккупированной территории Украины» (с посл. изм. и доп. от 15 сентября 2015 г. № 685-VIII); Закон Украины от 12 августа 2014 г. № 1636-VII «О создании свободной экономической зоны «Крым» и об особенностях осуществления экономической деятельности на временно оккупированной территории Украины» (с посл. изм. и доп. от 15 сентября 2015 г. № 685-VIII) // Информационная система «КОНТИНЕНТ» [Электронный ресурс]. URL:<http://continent-online.com> (дата обращения: 07.02.2017).

³ Конституция Украины от 28 июня 1996 г. № 254к/96-ВР (с посл. изм. и доп. от 2 июня 2016 г. № 1401-VIII) // Информационная система «КОНТИНЕНТ» [Электронный ресурс]. URL:<http://continent-online.com> (дата обращения: 07.02.2017).

конов. Более того, А.Г. Волеводзом и Е.А. Копыловой была разработана теоретическая модель специального федерального закона на переходный период, содержащего целый свод модельных норм, прогнозируемое введение которых позволило бы четко урегулировать ограниченное по времени и в пространстве применение иностранного уголовного закона – УК Украины¹.

Вопреки этому научно выверенному прогнозу наше государство избрало «жестко-демонстративный» подход – 5 мая 2014 г. был принят специальный Федеральный закон № 91-ФЗ², вступивший в силу в этот же день, в котором закреплено: «Преступность и наказуемость деяний, совершенных на территориях Республики Крым и города Севастополя до 18 марта 2014 года, определяются на основании уголовного законодательства Российской Федерации. Поворот к худшему при этом не допускается» (ст. 2). Ключевые слова здесь – в последнем предложении: без упоминания об уголовном законодательстве Украины, они, по сути, отсылают именно к нему – через правило о запрете обратной силы уголовного закона, устанавливающего преступность деяния, усиливающего наказание или иным образом ухудшающего положение лица, закрепленное в ст. 10 УК РФ. Иного и быть не может, так как это правило не только основывается на ст. 54 Конституции РФ, но и является общепризнанным принципом международного права (см., например: ч. 2 ст. 11 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.; ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.; ч. 1 ст. 7 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.). Соответственно, общественно опасные деяния, совершенные на территории Крыма до 18 марта 2014 года, после этой даты должны подвергаться уголовно-правовой оценке по нормам УК РФ, но при обязательном учете всех положений Общей и

---

¹ Волеводз А.Г., Копылова Е.А. К вопросу о введении в действие УК и УПК РФ в Республике Крым и городе Севастополе: проблемы, применимый опыт и пути решения // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 3(14). С. 327-347; Волеводз А.Г., Копылова Е.А. Взаимосвязь и сосуществование российского и иностранного уголовного права и процесса: проект для переходного периода в Крыму и Севастополе // Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и процесса: сборник материалов Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием (Уфа, Институт права БашГУ, 17-18 апреля 2014 г.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. С. 44-66; Волеводз А.Г., Копылова Е.А. О системе сосуществования российского и иностранного уголовного права и его процессуального применения на переходный период в Крыму и Севастополе // Евразийский юридический журнал. 2014. № 4. С. 150-158.

² Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 91-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 19, ст. 2296.

Особенной частей УК Украины – уголовного закона, который действовал на этой территории во время совершения таких деяний, с целью «не допустить поворот к худшему».

Последствие такого «жестко-демонстративного» подхода: УК Украины – иностранный уголовный закон – на долгие годы становится субсидиарным источником уголовного права России, хотя и без упоминания об этом в Федеральном законе № 91-ФЗ. Это обусловлено, например, разницей в категоризации преступлений¹, квалифицирующих признаках составов преступлений², отягчающих и смягчающих наказание обстоятельствах³, сроках давности⁴ и т.п., но самое главное – разницей в оценке преступности и наказуемости⁵ тех или иных деяний. Перечень примеров, когда российские суды в своих решениях прямо ссылаются на УК Украины, «корректируя» нормативные предписания УК РФ, уже сегодня может составить книгу внушительного объема. И столь же внушительны перечень случаев изменений вышестоящими судами состоявшихся после 18 марта 2014 года судебных решений по причине неучета положений УК Украины, для иллюстрации приведем лишь два особо показательных.

Так, изменяя приговор Краснодарского краевого суда от 21 апреля 2015 г. в отношении Юнусова, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала: «... определяя наказание Юнусову Д.Д. по совокупности преступлений, суд исходил из санкций статей Особенной части... и правил назначения наказания по совокупности преступлений, за-

---

¹ См., например: Апелляционное определение Верховного суда Республики Крым от 17 ноября 2015 г. по делу № 22-3144/2015 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL:<http://sudact.ru/> (дата обращения: 07.02.2017).

² См., например: Апелляционное определение Севастопольского городского суда от 16 декабря 2015 г. по делу № 22-890/2015 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 07.02.2017).

³ См., например: Приговор Ялтинского городского суда Республики Крым от 16 июля 2015 г. по делу № 1-14/2015 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL:<http://sudact.ru/> (дата обращения: 07.02.2017).

⁴ См., например: Постановление Феодосийского городского суда от 4 сентября 2014 г. по делу № 1-163/2014 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL:<http://sudact.ru/> (дата обращения: 07.02.2017).

⁵ См., например: Постановление Гагаринского районного суда города Севастополя от 26 июня 2014 г. по делу 1-29/14; приговор Ялтинского городского суда от 24 апреля 2015 г. по делу № 1-10/2015 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 07.02.2017).

крепленных в Общей части УК Российской Федерации, которые в ряде случаев отличаются от санкций за аналогичные преступления и правил назначения наказания по совокупности преступлений, предусмотренных УК Украины... Таким образом, по УК Украины Юнусову Д.Д. по совокупности преступлений не могло быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок, превышающий 15 лет... Поскольку при назначении наказаний за совершение всех преступлений, суд первой инстанции исходил из санкций УК Российской Федерации без учета санкций УК Украины за аналогичные преступления, Судебная коллегия считает необходимым смягчить наказания, назначенные Юнусову...»¹. Также изменяя состоявшиеся в отношении Б. и М.Э.СА. судебные решения, Президиум Севастопольского городского суда мотивировал это следующим: «Преступление... совершено 6 декабря 2013 года. Квалифицируя действия осужденных по уголовному закону Российской Федерации, суд не должен был допускать ухудшения их положения. Так, в УК Украины значительный ущерб гражданину определялся с учетом материального положения потерпевшего и если ему причинены убытки на сумму от ста до двухсот пятидесяти необлагаемых минимумов доходов граждан на момент совершения преступления (в 2013 году - 57350 гривен, или 220969 рублей). Ущерб на указанную сумму потерпевшему ФИО13 причинен не был. Таким образом, из осуждения Б. и М.Э.СА. по данному эпизоду подлежит исключению предусмотренный п."в" ч.2 ст.158 УК РФ квалифицирующий признак "с причинением значительного ущерба гражданину"»².

На материале приведенных примеров вполне очевидно, что и УК Украины, и ее иные нормативные правовые акты, выступающие в качестве составных частей содержания бланкетных норм УК Украины (что проиллюстрировано в последнем примере³), стали источниками российского уголовного права, причем на достаточно долгий период (определяемый сроками давности преступлений, установленными обоими государствами). Будучи нормативными правовыми актами иностранного государства, они расширяют существующую систему источников российского уголовного

---

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 июля 2015 г. по делу № 18-АПУ15-26СП [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление Президиума Севастопольского городского суда от 30 июня 2016 г. № 44у-21/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См. также: Постановление Президиума Верховного суда Республики Крым от 5 октября 2016 г. по делу № 44У-337/2016 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 07.02.2017).

права, которая официально объявлена состоящей из одного УК РФ (см. ч.1 ст.1), а фактически, как показывает правоприменительная практика и анализ многочисленных научных работ, включает: 1) Конституцию РФ; 2) общепризнанные нормы и принципы международного права (вариант: и международные договоры РФ); 3) решения (вариант: акты) Конституционного Суда РФ; 4) решения Европейского Суда по правам человека; 5) постановления Пленума Верховного Суда РФ и судебный прецедент (варианты: разъяснения Верховного Суда РФ, судебную практику, судебные решения); 6) оперативные уголовные законы (федеральные законы о введении в действие и (или) о порядке применения УК либо отдельных его положений); 7) федеральные законы о внесении изменений в УК; 8) законы иной отраслевой или многоотраслевой принадлежности (либо шире – нормативные акты иных отраслей права), положения которых составляют содержание бланкетных уголовно-правовых норм; 9) нормативные акты РФ, включающие уголовно-правовые предписания (в том числе УИК и УПК РФ); 10) неотмененные нормативные акты СССР, содержащие уголовно-правовые предписания; 11) постановления об амнистии¹.

Библиографический список

1. Волеводз, А.Г., Копылова, Е.А. К вопросу о введении в действие УК и УПК РФ в Республике Крым и городе Севастополе: проблемы, применимый опыт и пути решения // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 3(14). С. 327-347.

2. Волеводз, А.Г., Копылова, Е.А. Взаимосвязь и сосуществование российского и иностранного уголовного права и процесса: проект для переходного периода в Крыму и Севастополе // Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и процесса: сборник материалов Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием (Уфа, Институт права БашГУ, 17-18 апреля 2014 г.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. С. 44-66.

3. Волеводз, А.Г., Копылова, Е.А. О системе сосуществования российского и иностранного уголовного права и его процессуального применения на переходный период в Крыму и Севастополе // Евразийский юридический журнал. 2014. № 4. С. 150-158.

4. Ежова, Е.В., Кострова, М.Б., Сагитдинова, З.И., Шагеева, Р.М., Шарипова, А.Р. и др. Взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального права: монография / под общ. ред. Костровой, М.Б. 2-изд., перераб. и доп.

---

¹ См. об этом: Ежова, Е.В., Кострова, М.Б., Сагитдинова, З.И., Шагеева, Р.М., Шарипова, А.Р. и др. Взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального права: монография / под общ. ред. Костровой, М.Б. 2-изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2016. С. 78-80.

Москва: Проспект, 2016. 320 с.

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СТРАНАХ АЗИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Креховец А.В., к.ю.н.

*Нижегородская академия Министерства внутренних дел РФ
г. Н. Новгород, Россия, alexa-ha500@mail.ru*

Коррупция, как явление широко распространенное во всем мире, имеет свои собственные оттенки в разных странах, обусловленные индивидуальными особенностями в социально-экономических, политических и культурных сферах жизни. Довольно специфическое отношение к коррупции во все времена проявляли восточные страны. Азиатской модели антикоррупционного поведения, в отличие, скажем, от российской, европейской, американской и др., свойственно отношение государства и общества к коррупции как к явлению традиционному, и даже, в некоторой степени, допустимому и оправдываемому. После образцового опыта Сингапура и Китая многие азиатские страны стали обращать пристальное внимание на борьбу с коррупционными проявлениями и предпринимать в этом направлении серьезные шаги.

Довольно активную политику в вопросе противодействия коррупции в последнее время ведет Таиланд. Так, в 2015 году к Закону Таиланда о борьбе с коррупцией 1999 года был принят ряд поправок, серьезным образом ужесточающих ответственность государственных должностных лиц и иностранных должностных лиц иностранных правительственных учреждений и международных организаций за коррупционные деяния.¹ К примеру, было криминализировано деяние в виде «получения взятки за совершение должностных преступлений», и предусмотрены такие виды наказаний как лишение свободы на срок от 5 до 20 лет, пожизненное лишение свободы, либо смертную казнь, а также штраф в размере от 10.000 до 400.000 батов (около \$2,855-\$11420). Отметим, что до этого момента тайское уголовное законодательство не знало смертную казнь как наказание, которое может быть назначено иностранным должностными лицам за то или иное коррупционное преступление. Смертная казнь была предусмотрена лишь для должностных лиц - граждан Таиланда.

Реакция общественности на внесенные изменения была неоднозначной. Так, Генеральный секретарь Национальной комиссии по борьбе с кор-

---

¹ «Текст закона на тайском языке» URL: <http://www.ratchakitcha.soc.go.th/ DATA/PDF/2558/A/060/1.PDF> (дата обращения 12.01.2017 г.)

рупцией Сансерн Полджиак в интервью одному из известнейших тайских изданий BangkokPost отметил, что «нововведения вполне соответствуют общественной опасности деяний и не нарушают права человека»¹, а вот представитель крупнейшей международной неправительственной правозащитной организации Amnesty International Олаф Блумквист, наоборот заявил, что введения смертной казни - есть «огромный шаг в неправильном направлении, поскольку Таиланд должен стремиться к тому, чтобы вовсе исключить данный вид наказания из законодательства, а не расширять сферу его применения».²

Кроме того, в качестве довольно серьезной меры по борьбе с коррупцией следует отметить тот факт, что 4 октября 2016 года в Таиланде был открыт специализированный суд по делам о коррупции. Инициатива по созданию новой судебной инстанции принадлежала премьер-министру Таиланда Праюта Чан-Очи, который, придя к власти в 2014 году, сразу же пообещал полностью искоренить это социальное зло в стране в течение 20 лет. «Есть уже 70 дел, с рассмотрения которых мы начнем свою работу. Среди подсудимых будут, в том числе, высокопоставленные чиновники» - заявил Праюта Чан-Очи на одном из своих выступлений в конце прошлого года.³

Еще одной юго-восточной страной, ведущей активную антикоррупционную политику, является Индонезия. В октябре 2016 года седьмой по счету Президент Индонезии Джоко Видодо на одной из встреч в Джакарте объявил о начале масштабной борьбы с коррупцией в стране. «Закон Индонезии, - по словам Джокови (в Индонезии Джоко Видодо, как, впрочем, и во всем мире, более известен под коротким прозвищем «Джокови», представляющим собой аббревиатуру его полного имени – прим. автора), - достаточно суров по отношению к низшим классам, однако, становится весьма размытым, как только достигает вершины»⁴. Кроме того, Президент Индонезии отметил, что страна уже давно имеет проблемы с нарастающей коррупцией, хотя, опираясь на данные ряда информагентств, и не относит-

---

¹ «NACC defends death penalty for graft cases» URL: <http://www.bangkokpost.com/archive/nacc-defends-death-penalty-for-graft-cases/621376> (датаобращения 12.12.2016 г.)

² «New anti-corruption law in Thailand extends death penalty to foreigners» URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/jul/15/new-anti-corruption-law-in-thailand-extends-death-penalty-to-foreigners>(датаобращения 10.01.2017 г.)

³ «Thailand introduces new anti-corruption court - News from Al Jazeera» URL: <http://www.aljazeera.com/news/2016/10/thailand-introduces-anti-corruption-court-161002162235702.html>(датаобращения 10.01.2017 г.)

⁴ «Massive Legal Reforms Needed for Indonesia to Become a State of Law: Jokowi» URL: <http://jakartaglobe.id/news/massive-legal-reforms-needed-indonesia-become-state-law-jokowi/> (дата обращения 10.01.2017 г.)

ся к числу стран, для которых сегодня коррупция представляет серьезную опасность. Так, согласно показателям глобального индекса восприятия коррупции, составляемого широко известной международной организацией Transparency International, по итогам 2015 года Индонезия занимает 88 место среди 168 стран. Традиционной формой коррупции в Индонезии является взимание незаконных сборов государственными чиновниками, и, именно с этим, в первую очередь, намерен бороться Джоко Видодо. Среди приоритетных направлений борьбы с коррупцией Президент Индонезии обозначил прекращение незаконных поборов и взяточничества, противодействие контрабанде, реформирование пенитенциарной системы. Последнее направление, в частности, будет решаться посредством создания новых исправительных учреждений на отдаленных островах для лиц, осужденных за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и терроризм. Такая мера, по мнению главы индонезийского государства, помимо прочего, будет иметь положительный превенционный эффект, поскольку изоляция отдельных лиц позволит избежать их негативного влияния на остальных заключенных.

Довольно интересно отметить новое в борьбе с коррупцией, принятое южнокорейским законодателем. В середине 2016 года вступил в силу одобренный еще в 2015 году Президентом Южной Кореи Пак Кын Хе довольно жесткий и дискуссионный антикоррупционный закон¹, получивший название «Закон Ким Ен Рана» в честь его инициатора – бывшего члена Верховного Суда. Закон установил запрет для государственных служащих, работников государственных учреждений, преподавателей и журналистов принимать на службе любые подарки или приглашения на обеды, если их стоимость превышает определенную сумму. К примеру, в случае принятия указанными субъектами денежных средств или подарков на сумму более одного миллиона вон (около \$900) в связи с выполнением ими должностных обязанностей, наказываться их действия будут лишением свободы до трех лет, либо штрафом, равным пятикратной сумме полученного незаконного вознаграждения. Обед «за счёт заведения» теперь не может быть дороже \$27, стоимость подарка не должна превышать \$45, а максимальная сумма, отводимая на проведение торжеств и похорон, составляет около \$90. Не удивительно, почему новый закон вызвал среди тайского населения резко негативное отношение. Южнокорейская коррупция имеет свои специфические особенности и не похожа коррупционные проявления в России или западных странах. В Южной Корее традиционно было принято

---

¹ President Park Geun-hye of South Korea promulgated the Anti-Corruption Law (Act No. 13278 (Mar. 27, 2015), Korea Ministry of Government Legislation website (in Korean)). URL: <http://www.law.go.kr/lsSc.do?menuId=0&p1=&subMenu=1&nwYn=1&section=&query=> (дата обращения 10.10.2016г.)

сначала «задобрить» влиятельное лицо подарками, дорогими поездками и походами в ресторан, и только после того, как дружеские отношения между субъектами установлены, разумно было озвучивать свою просьбу государственному служащему. Наказание за взятки в законодательстве Южной Кореи существовало и раньше, однако тогда оно применялось только в случае подтвержденной связи между полученными деньгами, подарками, угощениями и действиями госслужащего. Новый же антикоррупционный закон не требует доказывать причину получения подарка. Южнокорейский институт экономических исследований в июне 2016 года опубликовал результаты прогноза, согласно которым принятый антикоррупционный закон понизит доходы в различных секторах экономики страны на 10,5 миллиардов долларов. Для того, чтобы спасти свой бизнес менеджерам ресторанов пришлось разрабатывать меню дешевле \$27, а управляющие магазинов увеличили долю подарочных наборов, стоимость которых не превышает \$45. Несмотря на массу недовольств, 28 июля 2016 года Конституционный суд отклонил требования всех инициаторов петиций и оставил закон в силе, как не нарушающий прав и свобод человека и гражданина и не противоречащий основному закону государства.

Библиографический список

1. «Текст закона на тайском языке» URL: <http://www.ratchakitcha.soc.go.th/DATA/PDF/2558/A/060/1.PDF> (дата обращения 12.01.2017 г.)
2. «NACC defends death penalty for graft cases» URL: <http://www.bangkokpost.com/archive/nacc-defends-death-penalty-for-graft-cases/621376> (дата обращения 12.12.2016 г.)
3. «New anti-corruption law in Thailand extends death penalty to foreigners» URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/jul/15/new-anti-corruption-law-in-thailand-extends-death-penalty-to-foreigners> (дата обращения 10.01.2017 г.)
4. «Massive Legal Reforms Needed for Indonesia to Become a State of Law: Jokowi» URL: <http://jakartaglobe.id/news/massive-legal-reforms-needed-indonesia-become-state-law-jokowi/> (дата обращения 10.01.2017 г.)
5. «President Park Geun-hye of South Korea promulgated the Anti-Corruption Law (Act No. 13278 (Mar. 27, 2015), Korea Ministry of Government Legislation website (in Korean))» URL: <http://www.law.go.kr/lsSc.do?menuId=0&p1=&subMenu=1&nwYn=1&section=&query> (дата обращения 10.10.2016 г.)
6. «Thailand introduces new anti-corruption court - News from Al Jazeera» URL: <http://www.aljazeera.com/news/2016/10/thailand-introduces-anti-corruption-court-161002162235702.html> (дата обращения 10.01.2017 г.).

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ОТКАЗ ОТ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЕГО ПРИМЕНИМОСТЬ НА РАЗЛИЧНЫХ СТАДИЯХ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Лапшин А.А., аспирант
Волжский университет имени В.Н. Татищева
г. Тольятти, Россия*

В соответствии с ч. 1 ст. 31 УК РФ «Добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца».

Необходимо отметить, что институт добровольного отказа - это довольно значимое и действенное средство предупреждения преступности, стимулирующее правомерное поведение, его применение на практике благоприятно влияет на криминогенную ситуацию в государстве.

Наличием института добровольного отказа законодатель дает последний шанс лицу, осуществляющему преступный умысел, в «последний момент» отказаться от выполнения преступных действий пока они не нанесли вред окружающим, тем самым избежав уголовной ответственности.

Это же мнение в своих работах выдвигали А.И. Коробеев, А.В. Усс, Ю.В. Голик, считавшие, что лицо, на которое влияет уголовный закон, вследствие вступления с ним в конфликт, должно иметь возможность при соблюдении ряда условий в любой момент выйти из этого конфликта [4, С.189].

Учеными выдвигается ряд условий на применимость добровольного отказа к различным преступлениям.

Добровольный отказ, по утверждению А.Г. Антонова, применим ко всем умышленным преступлениям, за исключением покушений на делящиеся и продолжаемые преступления [2, С.50].

Тер-Акопов А.А. придерживается другой точки зрения на некоторые преступления, полагая, что в некоторых преступлениях о добровольном отказе невозможно говорить в силу особенностей конструкции этих составов и в силу этого специфического момента их окончания, например:

- бандитизм (ст. 209 УК РФ) считается оконченным с момента организации вооруженной банды с целью нападения на государственные, общественные учреждения или предприятия либо на отдельных лиц, даже если такие нападения и не были совершены.

- дезертирство (ст. 338 УК РФ), считается оконченным преступлением с момента оставления военнослужащим воинской части с целью уклониться от военной службы и т. д. [6, С.21].

Не признаются добровольным отказом от преступления - добровольное

воздержание от нападения при бандитизме и возвращение в распоряжение части при дезертирстве, поскольку преступления уже окончены при совершении действий, направленных на достижение соответствующей цели.

При сравнении данных преступлений, можно заметить, что в обоих случаях, как в случае с бандитизмом - выполнение завершающего действия при неудавшемся посягательстве, так и в случае с дезертирством - выполнение начального преступного действия, расцениваются как оконченные преступления. В рассмотренных случаях добровольный отказ от совершения преступления наступает лишь на более ранних стадиях - в момент приготовления к преступлению либо в момент неоконченного покушения на преступление [6, С.22].

Также среди ученых существуют различные точки зрения о применимости добровольного отказа на различных стадиях совершения преступления.

В законодательстве Российской Федерации существует разграничение умышленной преступной деятельности на ряд стадий: приготовление к преступлению, покушение на преступление (эти стадии относятся к предварительной, или неоконченной преступной деятельности) и окончательное преступление.

Возможность добровольного отказа на стадии приготовления к совершению преступления не вызывает разногласий и признается учеными и практиками, тогда как некоторые учёные отстаивая свою точку зрения, утверждают, что, на стадии покушения на преступление, соблюдение ряда условий, при котором будет иметь место добровольный отказ, либо исключено, либо связано с большими трудностями.

Добровольный отказ от преступления, как утверждает профессор Н.Д. Дурманов, возможен на стадии преступления, когда совершенные действия еще не успели вызвать общественно опасные последствия [3, С.14].

В свою очередь, в теории уголовного права покушение на преступление делится на окончательное и неоконченное. В советском и российском законодательстве указанного деления нет, хотя приведенное деление имеет практическое значение, в особенности при квалификации преступлений против жизни и здоровья.

Учитывая вышесказанное, существует необходимость рассмотрения факта добровольного отказа в каждой стадии отдельно.

Так, по мнению Тер-Акопова А.А., существуют преступления, добровольный отказ от совершения которых может быть и при окончательном покушении.

Добровольный отказ на стадии окончательного покушения имеется тогда, когда преступный результат не следует непосредственно из совершенного действия и не наступает сразу после него, когда между действием и последствием лежит определенный промежуток времени, в течение которого винов-

ный имеет возможность активно вмешаться в начатый им процесс причинения общественно опасного результата и предотвратить его [6, С.23].

В таких преступлениях причинная связь между действием и окончательным результатом еще продолжает зависеть от виновного и может изменяться по его усмотрению.

Поясним данное условие на примере. Некто К., приревновав свою жену к Н, решает убить Н, заложив взрывное устройство с часовым механизмом перед воротами гаража, в который Н. ставит автомобиль. Устройство должно сработать во время, когда Н. приезжает с работы и находится непосредственно в гараже. Позже К. передумывает убивать Н., решив это слишком жестоким наказанием, и вернувшись к гаражу, убирает взрывное устройство. Таким образом, в данном случае имеет место добровольный отказ на стадии оконченного покушения.

В заключение необходимо привести мнение А. Пионтковского, который наиболее точно отразил условие существования добровольного отказа: «добровольный отказ при покушении имеет место всегда, когда лицо, совершающее преступление, сохраняет господство над совершением дальнейших действий» [5, С.95].

Таким образом, рассмотрев различные точки зрения ученых и практиков на применимость добровольного отказа на различных стадиях совершения преступления, мы пришли к выводу, что до наступления результата преступного деяния, добровольный отказ возможен на любых стадиях преступления, и это, по нашему мнению, является главным фактором.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, 2017. - 240 с.
2. Антонов, А.Г. Соотношение специальных оснований освобождения от уголовной ответственности и добровольного отказа от совершения преступления // Вестник Владимирского юридического института. – 2011. – №1(18).
3. Дурманов, Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. – М., 1989.
4. Коробеев, А.И. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы / Коробеев, А.И., Усс, А.В., Голик, Ю.В. Красноярск, 1991.
5. Пионтковский, А.А. Вопросы Общей части уголовного права в практике судебно-прокурорских органов. М., 1954.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА И СУБЪЕКТА НЕЗАКОННОГО ПОИСКА И (ИЛИ) ИЗЪЯТИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ МЕСТ ЗАЛЕГАНИЯ

*Латыпова Э.Ю., к.ю.н., доцент, зав. каф.
Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова
Гильманов Э.М., старший преподаватель
Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова
г. Казань, Россия*

Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная), подписанная в г. Валетта, 16.01.1992 г., была ратифицирована Федеральным законом от 27.06.2011 [1]. Указанная конвенция статьей второй обязывает создать с помощью имеющихся у данного государства средств правовую систему охраны объектов культурного наследия.

В соответствии с ратифицированной конвенцией были разработаны и внесены изменения в ряд нормативно-правовых актов, а именно Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 245–ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» была усовершенствована нормативная правовая база и вопросы сохранения археологического наследия, внесены соответствующие изменения в Закон Российской Федерации от 15.04.1993 № 4804–1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей», Гражданский кодекс Российской Федерации, Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ), Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и Федеральный закон от 25.06.2002 № 73–ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Вышеуказанным Федеральным законом № 245-ФЗ в УК РФ была внесена новая статья 243.2 «Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания». С момента введения данной статьи прошло уже более трех лет, однако в практике ее применения имеются значительные сложности. Более того, сама формулировка указанной статьи включает определенные неточности и противоречия.

Рассматриваемый состав преступления находится в главе 25 УК РФ, видовым объектом которой в данном случае являются общественные отношения и интересы, обеспечивающие безопасность общественной нравственности. Соответственно, непосредственным объектом можно считать общественные отношения, обеспечивающие соблюдение общественной нравственности в сфере охраны объектов археологического наследия. Объекты культурного наследия являются, в широком понимании, составной частью нравственного

воспитания подрастающего поколения, как источники материальной культуры, не только свидетельствующие о развитии государственно-правовых институтов, но и позволяющие оценить отношение общества к морально-этическим ценностям.

Круг составов преступлений, посягающих на объекты археологического наследия, в настоящее время достаточно большой. Помимо анализируемой ст. 243.2 УК РФ, к ним можно отнести ст. 243 «Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей», ст. 243.1 «Нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, либо выявленных объектов культурного наследия», а также ст. 243.3 «Уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих особую культурную ценность, или культурных ценностей в крупном размере».

Обратимся к анализу предмета рассматриваемого состава преступления. В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 25.06.2002 г. № 73 – ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [2] под археологическим предметом понимаются движимые вещи, основным или одним из основных источников информации о которых независимо от обстоятельств их обнаружения являются археологические раскопки и находки, в том числе предметы, обнаруженные в результате таких раскопок и находок. К сожалению, среди юристов редко встречаются более подробные разъяснения указанного термина «археологический предмет» [3, с. 77]. Однако с точки зрения практики определение археологического предмета представляет значительные трудности.

В частности, полагаем недопустимым признавать для целей применения ст. 243.2 УК РФ в качестве археологического предмет, изъятый у отдельного лица, и впоследствии признанный археологическим. Для признания предмета археологическим необходимо наличие специальных знаний, а также привлечение экспертов – археологов, которые определяют, являются ли предметы археологическими для лица, их нашедшего, и использовались ли для их получения какая-либо информация по изучению и выявлению археологического объ-

екта. Такой порядок позволит отграничить действия так называемых «черный копателей», деятельность которых представляет непосредственную опасность для объектов культурного наследия, от действий лица, случайно обнаружившего предмет, имеющий признаки объекта культурного наследия, о которых нашедшему ничего не известно.

Отметим, что само по себе изъятие археологизированных предметов из культурного слоя сразу влечет уничтожение культурного слоя в данном месте. Таким образом, основной особенностью археологии как процесса является необходимость изъятия археологизированных объектов из культурного слоя – носителя, и их музеефикация, тогда как само по себе это действие приводит к уничтожению культурного слоя. Однако без изъятия археологизированных предметов из культурного слоя невозможно их изучение, а зачастую и сохранение для потомков, так как немусеефицированный объект может подвергнуться уничтожению под влиянием окружающей среды, осадков, выветривания, воздействия тепла или холода, повышенной влажности или сухости, и т.п.

Изъять археологические предметы из культурного слоя можно только в результате проведения археологических изысканий, к которым можно отнести комплекс исследований, ставящих задачей выявить, имеются ли на месте строительства или реконструкции каких-либо объектов археологические памятники, обладающие значительной историко-культурной ценностью, которые не должны быть утеряны безвозвратно.

Археологические изыскания можно проводить только в рамках археологических полевых работ, на которые в обязательном порядке получается специальное разрешение – открытый лист, выдаваемый федеральным органом охраны объектов культурного наследия на основании заключения Российской академии наук. Специально выделим тот факт, что открытый лист выдается на археологические изыскания, проводимые конкретным археологом на точно обозначенной в открытом листе территории и в оговоренные сроки. При этом специфика археологических изысканий как вида научно-исследовательской деятельности предполагает, обозначение территории в виде конкретного объекта исследования (археологический памятник), иного объекта, уже имеющего статус объекта культурного наследия, а также допускает определение данной территории, ограничивая ее пределами территории, предполагаемой к хозяйственному освоению по конкретному объекту хозяйственной деятельности. Нарушение территориальной или временной принадлежности может повлечь для археолога, получившего открытый лист, дисциплинарную, административную или уголовную ответственность в зависимости от тяжести наступивших последствий.

В контексте получателя открытого листа, т.е. археолога, можно рассмотреть проблемы субъектного состава ст. 243.2. УК РФ. Так, субъекты состава незаконного поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест из за-

легания обладают достаточно специфическими признаками. Эти особенности связаны с тем, что лицо без специальных познаний в области истории и (или) археологии не имеет возможности достаточно успешно проводить работы по изъятию археологических предметов из мест их залегания, в силу незнания определенных особенностей залегания и изъятия культурного слоя, а также его местонахождения. В подавляющем большинстве случаев такие изъятия совершаются лицами, имеющими специальное образование, нередко занимающимися археологической деятельностью в качестве основной трудовой деятельности.

Обращаясь к проблеме определения понятия «культурный слой» можно обратиться к примечанию к ст. 243.2. УК РФ, в котором говорится, что применительно к целям данной статьи под культурным слоем понимается культурный слой в земле или под водой, содержащий следы существования человека, время возникновения которых превышает сто лет, включающий археологические предметы.

Традиционно культурный слой рассматривается только в контексте возможного его повреждения или уничтожения [3, с.78]. Однако, в настоящее время проведение любых поисковых работ археологическими методами приравнивается к археологическим исследованиям. Изъятие объекта археологического наследия из места его нахождения может повлечь утрату данного объекта; изъятый предмет без надлежащего исследования, описания, консервации и маркировки перестает быть объектом археологического наследия, так как невозможно установить место его нахождения, возраст находки и др. данные, необходимые для установления археологической и культурной ценности объекта, соответственно, возможна квалификация данного деяния по ст. 243 УК РФ (Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей).

В соответствии с указанной выше пересмотренной Европейской конвенцией об охране археологического наследия, государство, являющееся стороной конвенции, обязуется, среди прочего, обеспечивать проведение археологических раскопок и изысканий научными методами при условии применения, где это возможно, неразрушающих методов исследования, а также недопущения оставления незакрытыми или незасыпанными объектов археологического наследия во время или после раскопок без обеспечения их надлежащей сохранности, консервации и контроля и др. Заметим, однако, что проведение раскопок занимает обычно значительное время, а само по себе вскрытие объекта культурного наследия (его выкапывание из

почвенного слоя, вынимание из воды и т.п.) само по себе представляет значительную опасность для его целостности и целостности, так как контакт с воздухом (если предмет находился в воде или глубоко в земле), или с повышенной влажностью (в случае осадков) может привести к утрате объекта культурного наследия. Так, при археологических работах на Билярском городище (Республика Татарстан) археологи столкнулись со значительными сложностями, связанными с сохранением выявленных (раскрытых в ходе проведения археологических раскопок) древних строений, используемых в качестве жилищ, так как дома строились из необожженного кирпича (кирпич из сырой глины, высушенной на солнце), и при контакте с влажным воздухом или после дождя практически «растворялись».

Традиционно считается, что субъект преступления в составе, предусмотренном в ст. 243.2. УК РФ, является общим [3, с. 79], т.е. достаточно достижения возраста уголовной ответственности (шестнадцати лет), наличия признаков физического лица и вменяемости. Однако представляется, что для привлечения к уголовной ответственности виновное лицо должно обладать признаками специального субъекта, т.е. специальными познаниями, хотя бы на минимальном уровне, чтобы представлять, что может относиться к археологическим предметам. Как мы уже отмечали ранее, лицо, не имеющее специальных познаний, может не отличить археологический предмет от обычной старой железяки или обломка старой посуды. Соответственно, в таком случае, если изъятие произошло случайно (например, подобрали кусок железа на дороге, а это оказался старинный гвоздь), не должно влечь уголовную ответственность, при условии, что лицо передало данный предмет в соответствующие органы. Полагаем, что исправить положение может указание в части первой ст. 243.2 УК РФ на заведомость. В таком случае часть первая ст. 143.2. УК РФ может принять следующий вид: «Заведомый поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания...» (далее по тексту).

Считаем необходимым усилить ответственность за незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания путем, тем более, что, по оценкам экспертов, в ближайшее время большая часть памятников исторического и археологического наследия может быть полностью или в значительной степени утрачена.

Вышеозначенные проблемы вызывают необходимость скорейшего их разрешения, для чего считаем необходимым инициировать подготовку соответствующих Разъяснений для судов Российской Федерации о применении ст. 243.2 УК РФ.

Библиографический список

1. О ратификации Европейской конвенции об охране археологическо-

го наследия (пересмотренной): Федеральный закон от 27.06.2011 № 163-ФЗ // Российская газета. 2011. № 139.

2. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 № 73 – ФЗ // Российская газета. 2002. № 116 – 117.

3. Одоева, И.В. Уголовная ответственность за незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания: некоторые вопросы теории и практики // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2016. № 3 (26). С. 77 – 79.

ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ ПОБОЕВ: ЗА И ПРОТИВ

*Милова И.Е., к.ю.н., доцент, Милова Е.А., магистрант
Самарский государственный экономический университет
г. Самара, Россия*

Юридическое сообщество активно обсуждает вопросы, связанные с декриминализацией побоев. Начало дискуссии было положено тем, что законодатель инициировал исключение уголовной ответственности за подобные деяния для лиц, не состоящих в родстве между собой. Соответствующие изменения были внесены в УК РФ. При этом уголовная ответственность за аналогичные действия для близких родственников была сохранена.

Возникла ничем необъяснимая двойственность подходов, когда за одно и то же деяние – устанавливается и уголовная, и административная ответственность.

На недопустимость этого стали указывать правозащитники, которые в массовом порядке направили обращения к депутатам Государственной Думы Российской Федерации, настаивая на коррекции уголовного закона.

Исходя из этого, представителями депутатского корпуса был подготовлен законопроект Федерального закона «О внесении изменений в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Следует отметить, что уголовная ответственность за побои законодателем в ряде случаев сохранена. В частности, если они сопряжены с причинением физической боли; совершены из хулиганских побуждений; по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Данный законопроект достаточно быстро прошел обсуждение в нижней палате парламента. 11 января 2017 года депутаты приняли его в первом чтении. 25 января состоялось второе чтение. 27 января 2017 года прошло третье окончательное чтение, завершившее его принятием.

Нам кажется, такая эффективная работа парламентариев связана с мнением Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина, высказанным им на конференции по итогам 2016 года. Глава государства однозначно заявил о недопустимости вмешательства власти в дела семьи, в том числе, и таким способом как привлечение к уголовной ответственности за деяния, не представляющие большой общественной опасности. Такое понимание построено на общей направленности уголовно-правовой политики, направленной на декриминализацию малозначительных деяний.

После одобрения данного закона Советом Федерации 07 февраля 2017 года Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин подписал закон о декриминализации побоев в семье. Однако дискуссия об обоснованности его положений продолжается по настоящее время.

Следует отметить, что в период обсуждения законопроекта генеральный секретарь Совета Европы Турбьерн Ягланд, направил в адрес нижней палаты российского парламента письмо. В нем он выразил озабоченность предстоящими законодательными изменениями относительно декриминализации побоев в семье. Свое обращение он построил на тезисе о высоком уровне домашнего насилия в нашей стране.

Депутаты выразили недоумение относительно попытки косвенного вмешательства во внутренние дела России. Не вызывает сомнений, что либерализация национального уголовного законодательства – это, безусловно, положительный момент, который демократическая общественность и международные структуры напротив должны приветствовать. Очевидно, что вопрос внесения изменений в отечественное законодательство наш парламент вправе решать самостоятельно, без рекомендаций извне.

В средствах массовой информации постоянно обсуждаются проблемы ювенальной юстиции, печальные примеры грубого государственного диктата. В результате страдают, прежде всего, дети. Вряд ли целесообразно под видом борьбы с семейным насилием разлучать их с родителями, разрушать родственные связи.

Главе Совета Европы следовало бы уделить внимание этим вопросам, а не давать рекомендации российским парламентариям.

Критикуя законопроект, некоторые оппоненты высказывают опасения, что его принятие приведет к росту насилия в семье. Они убеждены, что вследствие таких новаций, в опасное для жизни и здоровья состояние, будут поставлены самые незащищенные члены семьи (пожилые родители, женщины, несовершеннолетние дети, инвалиды).

Нам представляется, что оснований для соответствующих опасений нет, так как в разряд административных проступков попадают только побои, нанесенные первично. Для лиц, которые совершают подобные деяния

системно, продолжая заниматься рукоприкладством в течение года, сохранена уголовная ответственность¹. Подобный взвешенный подход позволяет исключить безнаказанность для семейных дебоширов.

При этом следует учитывать, что для подобных деяний характерен высокий уровень латентности. Как правило, жертвы домашнего насилия не обращаются в правоохранительные органы, поскольку отсутствует вера в их реальную помощь. Сотрудники полиции весьма неприветливо встречают таких заявителей, рекомендуя самим разбираться в семейных спорах. При рассмотрении подобных дел мировыми судьями чаще всего все сводится также к вынужденному примирению со стороны жертвы.

Если же даже дело доходит до обвинительного приговора, то штрафы, назначенные виновному судом, ложатся тяжелым бременем на саму семью. Получается, что пострадавшие сами себя материально наказывают². Кроме того, в случае осуждения домашнего тирана для него следует такое негативное последствие, как судимость. Данный фактор сказывается на дальнейшей судьбе детей, создавая им проблемы в учебе, трудоустройстве, ограничивая их в возможности занимать некоторые должности в государственной и муниципальной службе.

Все эти факторы взвешиваются потерпевшим лицом, останавливая его от обращения с соответствующим заявлением.

Женщины также опасаются обращаться в правоохранительные органы и суд из соображений, что после этого им будет еще хуже (анализ следственной и судебной практики показывает, что это действительно так). Многие из них неоднократно подают заявления, потом их забирают, говорят, что простили обидчика. К сожалению, такое долготерпение нередко заканчивается трагедиями, когда они становятся жертвами более тяжких преступлений, в том числе, убийств.

В то же время российская ментальность по отношению к рукоприкладству в семье связана с пресловутыми традициями: «Сор из избы не выносить», «Бьет, значит, любит». Некоторые почитатели «Домостроя», славянофилы призывают нас вернуться к патриархальным устоям. Они предлагают восстановить институт большака в семье. Данный человек будет силой своего авторитета вершить свой собственный суд над близкими людьми, наказывая их по своему усмотрению. Однако от условий цивилизации как-то не хотелось бы сползать в каменный век.

При этом наша правовая культура в этом смысле демонстрирует

---

¹ См.: Шагвалиев Р.М. Ответственность за побои и истязание по уголовному праву России и зарубежных стран: Дисс. ... к. ю. наук. Казань, 2011. С. 26 – 38.

² См.: Галюкова М. И. Особенности ответственности за причинение вреда здоровью человеку в уголовном законодательстве европейских стран // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2013. Т. 13. № 3. С. 27.

неоднозначные подходы. В ней есть не только лояльность, но и жесткие карательные подходы к домашним тиранам. Так, по Уставу Ярослава Владимировича о церковных судах сыновей, которые били своих родителей, просто казнили. Мы, конечно, не призываем к столь радикальным мерам, тем не менее, считаем рукоприкладство среди родственников недопустимым.

У нас вызывает обоснованное беспокойство, что общество достаточно миролюбиво настроено к таким проявлениям нравственного уродства. Зачастую они воспринимаются, как норма. Социальные оценки должны быть переориентированы от равнодушного созерцания к нетерпимости, особенно, если жертвами становятся старики и малолетние.

Последнее время много говорится о создании кризисных центров, где члены семьи, ставшие жертвами домашнего насилия, могут получить психологическую и медицинскую помощь, временно пожить до трех месяцев. Однако это не решение проблемы, а лишь возможность получить небольшую передышку. За такой короткий промежуток женщинам-потерпевшим сложно найти себе жилье¹, трудоустроиться, решить юридические вопросы, связанные с расторжением брака, взысканием алиментов, разделом имущества.

В условиях экономического кризиса семья первая попадает под удар, что, несомненно, изменяет и психологический климат в ней. Постоянное нахождение в условиях стресса приводит к вспышкам неконтролируемого гнева, жертвами которого становятся близкие люди.

Полагаем, что побои в семье достаточно общественно опасны. Если при их совершении в отношении посторонних людей, в общественных местах, подобные действия в силу их публичности, как правило, пресекаются неравнодушными гражданами, не перерастая в более тяжкие преступления. То в ситуации, когда те же действия совершаются в домашней обстановке, как правило, без свидетелей, то возникают вопросы по доказанности². Тем более, что Акт судебно-медицинского освидетельствования доказывает лишь факт наличия побоев, при этом он не подтверждает нанесение их одним членом семьи другому.

В любом случае декриминализация побоев представляет собой инте-

---

¹ См.: Болгова, В.В., Новопавловская, Е.Е. Выселение из жилых помещений и проблемы обеспечения социальной и демографической безопасности в России // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. - Тольятти. - № 4. 2016. Том 1. Юридические науки. - С. 49.

² Милова, И.Е. Следственный судья: возрождение института // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. Тольятти. № 2. 2016. Том 1. Юридические науки. С. 201.

ресное правовое явление¹, насколько оно обоснованно покажет время.

Библиографический список

1. Багун, Э.А. Ответственность за побои и истязание по Уголовному кодексу Российской Федерации // Автореф. дисс. канд. юрид. наук. – Оренбург, 2007. 216 с.

2. Болгова, В.В., Новопапловская, Е.Е. Выселение из жилых помещений и проблемы обеспечения социальной и демографической безопасности в России // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. - Тольятти. - № 4. 2016. Том 1. Юридические науки. - С. 49.

3. Галюкова, М.И. Особенности ответственности за причинение вреда здоровью человеку в уголовном законодательстве европейских стран // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2013. Т. 13. № 3. С. 27.

4. Милова, И.Е. Следственный судья: возрождение института // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. - Тольятти. № 2. 2016. Том 1. Юридические науки. С. 201.

5. Милова, Е.А. Частное и публичное право: историческая традиция и современное значение // Перспективы развития научных исследований в 21 веке: сборник материалов 12-й международной науч.-практ. конференции (г. Махачкала, 30 октября, 2016г.). – Махачкала: Издательство «Апробация», 2016. С. 63 – 64.

6. Скобликов, П.А. Кто имеет право на насилие? // Закон. 2016. № 11. С. 75 -82.

7. Шагвалиев, Р.М. Ответственность за побои и истязание по уголовному праву России и зарубежных стран: Дисс. ... кандидат. юрид. наук. - Казань, 2011. С. 26 – 38.

ПРОБЛЕМАТИКА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Некрасов А.П., д.ю.н., профессор
Самарский юридический институт ФСИИ России
г. Самара, Россия*

Противодействие экстремисткой деятельности осуществляется по направлениям: 1) принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и

---

¹ См.: Милова, Е.А. Частное и публичное право: историческая традиция и современное значение // Перспективы развития научных исследований в 21 веке: сборник материалов 12-й международной науч.-практ. конференции (г. Махачкала, 30 октября, 2016г.). – Махачкала: Издательство «Апробация», 2016. С. 63 – 64.

последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности; 2) выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц (ст. 3 ФЗ № 114)¹.

Экстремизм и терроризм является серьёзной опасностью нашего времени, с которой сталкивается все мировое сообщество. Опасность этого явления может быть связана с политическими, религиозными, социальными движениями, представлять собой насилие и открытую террористическую деятельность, которая применяется для достижения определённых целей. Экстремизм посягает на целостность государства, свобод и прав граждан, разжигает националистические, религиозные, расовые ненависти.

Число организаций, связанных с экстремистской деятельностью, неустанно растёт. Так в 2015 году насчитывалось 1028 случаев проявления деятельности экстремизма. Рост количества преступлений в данной сфере за последние пять лет с 2010 по 2015 возрос с 656 до 1028 зафиксированных случаев. Данные показатели говорят, о том, что необходимы более эффективные меры по предупреждению, и устранению экстремистски направленных организации в нашей стране и пресечению их возникновения.

Так как экстремистские сообщества зачастую выступает открыто, то он представляет собой угрозу не только отдельному региону, области, в которой появилась данная организация, но и всему мировому сообществу. (Давайте вспомним Северный Кавказ, Сирию, Ливию, Афганистан). Такая связь характерна в условия современной глобализации, в которой экстремистская деятельность способна превратить локальные угрозы возникновения в общемировые, посредством интернета, СМИ и других источников общения, без которых уже трудно представить настоящую действительность нашего существования. Яркий пример тому на сегодняшний день Европа, особенно Германия, Франция, Бельгия и др. страны.

Чтобы экстремизм не продолжал своё дальнейшее развитие, необходимы определенные правовые механизмы регулирования способов борьбы с экстремистской деятельностью. Для борьбы с незаконной деятельностью существуют следующие механизмы:

- административно-правовые механизмы, которые направлены на меры по профилактике и правовому воспитанию граждан страны и других лиц;
- гражданско-правовые;
- дисциплинарные;

---

¹ Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» ФЗ от 25.07.02 г. № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) // Российская газета. 2002. 30 июля

– уголовно-правовые механизмы.

Анализ состояния противодействия экстремизму позволяет выделить несколько основных проблем требующих своего разрешения¹.

1. Прежде всего, хотелось бы отметить потребность изучения эволюции экстремизма. Изменяется его содержание, формы, а главное – трансформируется характер общественной опасности, исходящей от экстремисткой деятельности.

Экстремизм – сложное, многоплановое явление. В нем соединяются:

а) попытки зарубежных центров подорвать стабильность российского общества, нарушить территориальную целостность Российской Федерации.

б) внутренние проблемы нашего развития в сфере политики, экономики, культуры, в области межнациональных и межрелигиозных отношений.

В проблеме противодействия экстремизму концентрируется столкновения двух противоположных явлений:

- с одной стороны, патриотизма;

- с другой – политического авантюризма, агрессивного национализма и религиозной нетерпимости.

Для многонациональной и поли религиозной России обострение межнациональных и меж религиозных отношений представляет особую опасность, оно несет опасность раскола и распада страны.

Но лидеры экстремистских структур не желают понять эту простую истину человеческого общежития, они не хотят считаться с достоинством, правами и интересами других народов, с приверженцами иных религий и конфессий.

Усиление агрессивного национализма в ряде регионов России свидетельствует о том, что ксенофобия, т.е. ненависть к другим нациям и народам, публично заявляет о себе. Национальные интересы России требуют недопущения националистической истерии, решительного пресечения экстремистских акций.

Необходимо более детально изучить ряд характеристик современного экстремизма к ним относятся:

- причины, условия и факторы, стимулирующие развитие экстремизма, его изменения на уровне всей страны, на уровне субъектов Федерации;

- определение «лица», своеобразия экстремизма на региональном уровне, в каждой республике в составе России, в каждом крае и области.

Например, в ряде республик Северного Кавказа наблюдается усиление позиций религиозно-политического экстремизма, который все актив-

---

¹ Воронцов С.А. О необходимости совершенствования государственной политики и управления в сфере безопасности // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2013. № 4. С. 10.

нее вторгается в сферу политических и межнациональных отношений. В краях и областях центральной России популярностью пользуется лозунг: «Россия – для русских!», возрастает «градус» ксенофобии по отношению к мигрантам из ближнего зарубежья, усиливаются позиции ультраправых организаций.

- следует четко определить: какие слои, группы выступают объектом воздействия экстремистских организаций и лидеров; каковы основные лозунги, установки этих организаций.

- более внимательно необходимо проанализировать состав, структуру экстремистских группировок, организаций, лидеров, активистов, их «уличный людской ресурс», способный спровоцировать массовые беспорядки. Ряд индикаторов указывает на то, что ультраправые экстремистские организации располагают значительным влиянием на «улице», они могут создать серьезные проблемы в ряде городов и населенных пунктов Российской Федерации.

Конечно же, в этой связи следует уделить самое серьезное внимание к анализу усиления общественной опасности экстремизма стимулированию межнациональных, межэтнических конфликтов.

По мнению аналитиков, в ряде субъектов Федерации происходит обострение межнациональных отношений. Об этом, в частности, говорит отток русскоязычного населения из республик Северного Кавказа¹.

2. Серьезной проблемой выступает дальнейшее совершенствование правовых основ деятельности правоохранительных органов по противодействию экстремизму. По мнению значительного, числа работников органов внутренних дел, вызывает множество вопросов юридическая квалификация правонарушений на почве экстремизма.

Очевидно, назрела необходимость создания постоянно действующих экспертных структур, предназначенных для определения смысловой направленности текстов публикаций, лозунгов, кино-, фото-, аудио- и видеоматериалов. Отсутствие таких структур, поиск научных учреждений в центре и на местах для получения экспертной оценки приводит к серьезным ошибкам и просчетам, к затягиванию сроков расследования.

Перечень проблем, существующих в юридической квалификации правонарушений экстремистской направленности, можно и нужно продолжать.

Необходимо находить пути и средства их разрешения.

3. Актуальной проблемой выступает дальнейшая разработка и последовательная реализация комплексного подхода к организации противодей-

---

¹ Вехов И.В. Экстремизм как объект социологического исследования // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2016. № 111. С.284.

ствия экстремизму.

Экстремизм порождается «суммой» внешних и внутренних факторов, в том числе экономическими, социально - политическими, культурно - идеологическими и правовыми отношениями¹.

Следовательно, стратегия противодействия экстремизму призвана охватывать все сферы, начиная от нейтрализации причин и условий его питающих и заканчивая ликвидацией последствий экстремистских акций.

Такая стратегия требует комплексного подхода к организации противодействия экстремизму, тесного взаимодействия государственных органов и общественных структур. Правоохранительные органы – один из субъектов противодействия экстремизму. Они призваны вместе со всеми правоохранительными органами предупреждать и пресекать преступления и административные правонарушения на почве экстремизма.

Применение мер принуждения должно умело сочетаться с действиями органов власти и управления в сфере экономики, политики и культуры. Безусловно, актуальной проблемой выступает повышение эффективности деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия экстремизму во всех формах.

4. Совершенствование организации и управления деятельностью правоохранительных органов по предупреждению и пресечению правонарушений экстремистской направленности включает ряд направлений, каждое из которых нуждается в конкретизации.

Противодействие экстремизму должно быть «адресным», четко обращено к конкретным организациям, группировкам экстремистского толка, предупреждать их воздействие на определенные слои населения и прежде всего – на молодежь.

Основной акцент следует сделать на гибкое сочетание мер профилактики, предупреждения и пресечения.

Очевидно, что одним из основных направлений выступает повышение уровня подготовки сотрудников правоохранительных органов к практическому предупреждению и пресечению правонарушений экстремистской направленности. Часть главных управлений внутренних дел уже разработала свои методические рекомендации по организации и осуществлению противодействия экстремизму. И это оказывает свою помощь работникам правоохранительных органов всех уровней.

Также мы нуждаемся в разработке и внедрении нововведений в организационные и тактические меры противодействия политическому, нацио-

---

¹ Сергун Е.П. Правовое обеспечение противодействия экстремистской деятельности в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2015. № 2. С. 16.

налистическому и религиозному экстремизму. В основе этих нововведений может находиться как российский, так и зарубежный опыт¹.

5. Следующим направлением повышения эффективности противодействия экстремизму является повышение уровня взаимодействия оперативных подразделений в целях обеспечения своевременной изначимой информацией об экстремистской деятельности лиц, групп, организаций.

Особо необходимо подчеркнуть, что действенный механизм предупреждения и пресечения правонарушений на почве экстремизма требует тесного взаимодействия органов внутренних дел со структурами гражданского общества².

Мы еще не сумели повсеместно наладить плодотворного взаимодействия с прогрессивными партиями, общественными организациями, авторитетными общественными и религиозными деятелями в сфере противодействия экстремизму.

Эти прогрессивные структуры способны сдерживать и ограничить проявления экстремизма на «глубинном» уровне общества в сфере бытовых, повседневных отношений.

Надо подчеркнуть, что коренные интересы государства и гражданского общества объективно совпадают, ибо права и свободы человека являются высшей ценностью. Их признание, соблюдение и защита – обязанность государства и всего общества.

Итак, основными условиями выполнения этих задач выступают:

- строгая правовая обоснованность действий правоохранительных органов;
- их политическая целесообразность;
- а также высокий профессионализм при предупреждении и пресечении противоправных действий экстремистских группировок и лиц.

Библиографический список

1. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» ФЗ от 25.07.02 г. № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) // Российская газета. - 2002. - 30 июля.
2. Афанасьев, Н.Н. Идеология терроризма / Афанасьев, Н.Н. // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 1. – С. 24-29.
3. Воронцов, С.А. О необходимости совершенствования государственной политики и управления в сфере безопасности / С.А. Воронцов

---

¹ Степанов Н.В. Криминологические проблемы противодействия преступлениям, связанным с политическим и религиозным экстремизмом: дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Степанов. М., 2015. С.52.

² Афанасьев Н.Н. Идеология терроризма // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 1. С. 24.

// Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. - 2013. - № 4. – С. 10-19.

4. Вехов, И.В. Экстремизм как объект социологического исследования / Вехов, И.В. // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. - 2016. - № 111. - С.284-289.

5. Залужный, А.Г. Правовые гарантии и противодействия экстремистской деятельности в политической, религиозной и других сферах общественной жизни / А.Г. Залужный // Закониправо. - 2012. - № 9. – С. 28-36.

6. Кочегаров, П. В России вдвое выросло количество экстремистских преступлений / Кочегаров, П. // Известия. – 2015. - № 13. – С. 9.

7. Сергун, Е.П. Правовое обеспечение противодействия экстремистской деятельности в Российской Федерации / Сергун, Е.П. // Правовая политика и правовая жизнь. - 2015. - № 2. - С. 15-20.

8. Степанов, Н.В. Криминологические проблемы противодействия преступлениям, связанным с политическим и религиозным экстремизмом: дис. канд. юрид. наук / Степанов, Н.В. - М., 2015. – 163 с.

ТИПЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Нечаев А.Д., научный сотрудник
Научно-исследовательский институт
Академии Генеральной прокуратуры РФ
г. Москва, Россия, a.d.nechaev@mail.ru*

Процесс установления (устранения) уголовно-правовых запретов или (де)криминализации¹ в сфере экономической деятельности является одним из наиболее репрезентативных примеров, отражающих общую направленность уголовной политики в Российской Федерации. Ежегодно в главу 22 УК РФ федеральным законодателем вносится множество изменений, в результате которых смещаются границы между преступным и не преступным отклоняющимся экономическим поведением.

Цель, которая была поставлена нами в настоящей работе, состоит в том, чтобы на конкретных примерах изменений, вносимых в указанную главу продемонстрировать различные типы (де)криминализации деяний. Допущенная нами хронологическая непоследовательность является наме-

---

¹ Далее при указании на криминализацию и декриминализацию применяем сокращение: «(де)криминализация» (см.: Жалинский, А.Э. Уголовная политология: становление и развитие // Избранные труды. – Т. 3 Уголовная политология. – М., 2015. – С. 20).

ренной и направлена на более адекватное отражение и восприятие соответствующей типологии.

Дифференцирующая криминализация и унифицирующая декриминализация. При дифференцирующей криминализации не только расширяется уголовно-правовой запрет, но и осуществляется дифференциация ответственности в связи с тем, что некогда криминообразующий признак состава преступления становится квалифицирующим.

В 2014 г.¹ законодателем были внесены изменения в ст. 171² УК РФ («Незаконная организация и проведение азартных игр»), в результате которых признак «сопряженные с извлечением дохода в крупном размере» был переведен из числа конститутивных (ч. 1 ст. 171² УК РФ) в разряд квалифицирующих (п. «б» ч. 2 ст. 171² УК РФ). В результате подобной «манипуляции» уголовно-правовой запрет расширился, приводя к тому, что незаконная организация и проведение азартных игр стали считаться преступными безотносительно к размеру извлеченного дохода.

Обращаясь к статистике, следует отметить, что в 2014 г. по ст. 14.1¹ КоАП РФ привлечено к административной ответственности 13 577 лиц (5 % – юридические лица)². В 2015 г. ситуация изменилась следующим образом: административному наказанию подвергнуто 2 184 лица (19 % – юридические лица), что отразило общее снижение числа привлеченных к административной ответственности более чем в 6 раз (или на 84%)³, а численность привлеченных к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 171² УК РФ составила 244 лица⁴. Ключевым в данном случае выступает вопрос о том, неужели уголовно-правовой запрет на незаконные организацию и проведение азартных игр оказался настолько эффективным, что привел к снижению числа лиц, совершающих указанные деяния.

Адекватен ли такой запрет? Думается, что нет. Общая сумма назначенных административных штрафов по ст. 14.1¹ КоАП РФ в 2014 г. составляла чуть более 500 млн. руб., а в 2015 г. – около 270 млн. руб. (практически, в 2 раза меньше). Если учесть, что из 244 лиц штраф в порядке уголовного наказания был назначен в 81 случае (до 5 тыс. руб. – 6 лиц, от 5

---

¹ Федеральный закон от 22.12.2014 № 430-ФЗ // СЗ РФ. – 2014. – № 52 (Ч. I). – Ст. 7541.

² Отчет Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 12 месяцев 2014 г. (форма №1-АП).

³ Отчет Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 12 месяцев 2015 г. (форма №1-АП).

⁴ Отчет Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2015 г. (форма 10.3).

до 25 тыс. руб. – 23 лица, от 25 до 100 тыс.руб. – 39 лиц, от 100 до 300 тыс. руб. – 12 лиц, от 300 до 500 тыс. руб. – 1 лицо), то в денежном выражении сумма поступления от штрафов в бюджет должна была бы «по верхним границам» составить около 8,5 млн. руб., то есть потери бюджета от подобной криминализации очевидны.

Следует отметить, что и прохождение этого законопроекта не было «безупречным». Используя методы контент-анализа, можно отметить ряд интересных обстоятельств. В пояснительной записке к законопроекту, инициатором которого выступил ряд депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, отмечалось, что «одним из основных барьеров, влияющих на эффективность противодействия незаконному игорному бизнесу, является сложность, а зачастую невозможность доказывания факта извлечения от незаконной организации и проведения азартных игр дохода в установленных крупном (1,5 млн. руб.) и особо крупном (6 млн. руб.) размерах»¹. Иными словами, узко ведомственные интересы некоторых правоохранительных органов, связанные с облегчением процесса доказывания по соответствующим уголовным делам, послужили ключевой причиной для внесения указанного законопроекта и принятия закона.

Резко раскритикован законопроект был Верховным Судом Российской Федерации, указавшим в своем отзыве на то, что «...криминализация деяния при отсутствии оснований для таковой влечет за собой отрицательные последствия – привлечение к уголовной ответственности лиц, деяния которых не представляют значительной общественной опасности... представляется необоснованным отказ от использования ... административно-правовых мер, которые позволяют оперативно выявлять, пресекать правонарушения, обеспечивать быстрое рассмотрение административных дел»². В качестве альтернативы Верховным Судом Российской Федерации предлагалось снизить крупный размер дохода до величины, при которой общественная опасность деяния будет сохраняться. Несмотря на постановку подобного вопроса, в процессе обсуждения и принятия законопроекта он фактически был проигнорирован³. Ранее предлагался альтернативный вариант преюдиционной криминализации⁴.

---

¹ Пояснительная записка к законопроекту № 478806-6 // Официальный сайт ГД ФС РФ. – URL: <http://asozd2.duma.gov.ru> (дата обращения: 30.12.2016).

² Официальный отзыв Верховного Суда Российской Федерации на законопроект № 478806-6 // Официальный сайт ГД ФС РФ. – URL: <http://asozd2.duma.gov.ru> (дата обращения: 30.12.2016).

³ Стенограмма обсуждения законопроекта №478806-6 // Официальный сайт ГД ФС РФ. – URL: <http://api.duma.gov.ru> (дата обращения: 30.12.2016).

⁴ Законопроект № 341471-6 // Официальный сайт ГД ФС РФ. – URL: <http://asozd2.duma.gov.ru> (дата обращения: 30.12.2016).

Унифицирующая декриминализация – противоположность дифференцирующей криминализации. Так, например, в 2011 г.¹ законодатель внес изменения в ст. 191 УК РФ («Незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга»), переведя квалифицирующий признак «в крупном размере» (п. «б» ч. 2 ст. 191 УК РФ) в числе конститутивных (ч. 1 ст. 191 УК РФ). В пояснительной записке к законопроекту Президента Российской Федерации указывалось, что эти деяния «... по степени общественной опасности ... более соответствуют деяниям, предусмотренным Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях»². Обращение к судебной статистике позволяет отметить следующую тенденцию: в 2007 г. было осуждено по ч. 1 ст. 191 УК РФ 549 лиц, в 2008 г. – 545 лиц, в 2009 г. – 476 лиц, в 2010 г. – 386 лиц, в 2011 г. – 301 лицо³. Действительно, число лиц снижалось, но лишь этим невозможно объяснить причины подобного решения.

Наиболее рациональным вариантом объяснения подобных процессов дифференцирующей криминализации и унифицирующей декриминализации представляется изменение вектора уголовной политики в сфере экономической деятельности. Если 2011 г. характеризовался общей либерализацией политики, в том числе и уголовной (устранение нижних порогов санкций, декриминализация клеветы, оскорбления и т.д.), то в 2014 г. отражался явно консервативно-репрессивный характер принимаемых решений. Достаточно вспомнить вызывающую критику в научной среде ст. 354¹ УК РФ («Реабилитация нацизма»).

Рекриминализация и смешанная (де)криминализация. Полагаем, что главное отличие этих понятий состоит в том, что смешанная (де)криминализация имеет либо криминализационную, либо декриминализационную направленность, в то время как при рекриминализации сочетаются процессы криминализации и декриминализации.

Так, в 2015 г.⁴ наблюдалась *смешанная криминализация* в ч. 1 ст. 187 УК РФ («Неправомерный оборот средств платежей»⁵), а именно запрет был расширен за счет указания альтернативных вариантов деяния (приобретение, хранение, транспортировка), цели (использование) и пред-

---

¹ Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ // СЗ РФ. – 2011. – № 50. – Ст. 7362.

² Пояснительная записка к законопроекту № 559740-5 // Официальный сайт ГД ФС РФ. – URL: <http://api.duma.gov.ru> (дата обращения: 30.12.2016).

³ Отчеты Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2007, 2008, 2009, 2010 и 2011 г. (форма 10.3).

⁴ Федеральный закон от 08.06.2015 № 153-ФЗ // СЗ РФ. – 2015. – № 24. – Ст. 3380.

⁵ Ранее статья имела наименование «Изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов».

мета (поддельные платежные карты, распоряжения о переводе денежных средств, документы или средства оплаты, а также электронные средства, электронные носители информации, технические устройства, компьютерные программы, предназначенные для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств).

В 2002 г.¹ в ч. 1 ст. 189 УК РФ («Незаконные экспорт из Российской Федерации или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники»²) имели место:

- криминализация по деянию (передача иностранной организации или ее представителю, незаконное выполнение работ для иностранной организации или ее представителя, незаконное оказание услуг иностранной организации или ее представителю);

- декриминализация по субъекту («лицо, наделенное правом осуществлять внешнеэкономическую деятельность»);

- дифференцирующая криминализация по предмету («которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки»);

- декриминализация по вине (указано на «заведомость»).

Это характеризовало такой тип (де)криминализации как *рекриминализация*.

Преюдиционная криминализация. В 2009 г.³ элементы преюдиционной криминализации были использованы при внесении изменений в ст. 178 УК РФ («Ограничение конкуренции»⁴) через конструкцию «неоднократности» при указании на злоупотребление доминирующим положением на рынке. Преюдиционная криминализация сегодня в литературе оценивается достаточно неоднозначно, имея как своих сторонников⁵, так и противников⁶. При этом следует признать, что законодатель применяет эту конструкцию все более интенсивно, но не в сфере экономической деятельности.

---

¹ Федеральный закон от 07.05.2002 № 50-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 19. – Ст. 1795.

² Ранее статья имела наименование «Незаконный экспорт технологий, научно-технической информации и услуг, сырья, материалов и оборудования, используемых при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники».

³ Федеральный закон от 29.07.2009 № 216-ФЗ // СЗ РФ. – 2009. – № 31. – Ст. 3922.

⁴ Ранее статья имела наименование «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции».

⁵ Безверхов, А.Г. Возвращение административной преюдиции в уголовное законодательство России // Рос. юстиция. – 2012. – № 1. – С. 52.

⁶ Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестн. Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. – 2011. – № 3. – С. 70.

Примечательная (де)криминализация. В сфере экономической деятельности данный тип характеризуется количественной направленностью. Все те многочисленные изменения величины крупного размера, осуществляемые на постоянной основе в примечаниях к статьям главы 22 УК РФ, являются его примеры. Например, в 2014 г.¹ был введен п. 1 прим. К ст. 171¹ УК РФ, определивший нижний порог «крупности» в 250 тыс. руб. (ранее по прим. к ст. 169 УК РФ – 1,5 млн. руб.), что отразило примечательную криминализацию. Однако, наиболее часто данный тип отражает декриминализацию. Так, в 2016 г.² изменение прим. к ст. 169 и введение прим. к ст. 170² УК РФ с повышением нижнего порога «крупности» с 1,5 до 2,25 млн. руб. свидетельствовало о декриминализации (ч. 1 ст. 170², ч. 1 ст. 171, ч. 1 ст. 171¹, ч. 1 ст. 172, ч. 1 ст. 172², ч. 1 и 2 ст. 176, ст. 177, ч. 1 ст. 191, ч. 1 ст. 192, ч. 1–3 ст. 195, ст. 196, ст. 197, ст. 199² УК РФ). Однако, следует учитывать, что не всякое изменение крупного размера есть результат (де)криминализации. В последнем примере изменение крупного размера для некоторых уголовно-правовых запретов (в частности, п. «б» ч. 2 ст. 175, ч. 3 ст. 183, ч. 2 ст. 186, ст. 171², 193¹ УК РФ) отразило не декриминализацию, а дифференциацию ответственности.

Выделенные шесть типов (де)криминализации характерны не только для сферы экономической деятельности, но и для других групп общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Использование предложенной в настоящей работе типологии позволяет на более глубоком уровне осмыслить происходящие в уголовном законодательстве изменения, определить реальную направленность уголовно-политической деятельности.

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НОВЫХ ПОТЕНЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ В СФЕРЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Никифорова А.А., адъюнкт
Нижегородская академия МВД России
г. Н. Новгород, Россия, luckyalenka@rambler.ru*

Ни для кого не секрет, что одной из глобальных проблем 21 века является наркомания. По информации Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков ежедневно в России от наркотиков гибнут более 80

---

¹ Федеральный закон от 31.12.2014 № 530-ФЗ // СЗ РФ. – 2015. – № 1 (Ч. I). – Ст. 83.

² Федеральный закон от 03.07.2016 № 325-ФЗ // СЗ РФ. – 2016. – № 27 (Ч. II). – Ст. 4258.

человек, и более 250 человек становятся наркозависимыми¹. В целях минимизации угрозы реализуется комплекс мероприятий, осуществляемых, в частности, специальным конгрессом антинаркотических сил².

Значительный интерес на современном этапе представляет проблема борьбы с незаконным оборотом новых потенциально опасных психоактивных веществ или иначе «спайсов». Спайсы – это курительные смеси, поставляемые в продажу в виде травы с нанесённым химическим веществом, которые обладают психоактивным действием³. Привлекательность такие смеси приобретают за счет их стоимости, что способствует активному распространению среди населения⁴. Пик активности в торговле такими средствами произошел осенью 2014 года, когда было зафиксировано более 700 фактов отравления, из которых порядка 30 – с летальным исходом⁵. Химические вещества поставляют к нам в большинстве случаев из юго-восточных стран, чаще всего из Китая, Мьянмы, Таиланда и Индонезии⁶, что свидетельствует об активном перемещении запрещенных веществ через границу нашего государства.

Законодательная инициатива в решении сложившейся ситуации проявилась чуть позднее, и в феврале 2015 года был принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁷. В соответствии с этим законом в УК РФ была внесена ст. 234¹, охраняющая отношения в сфере оборота новых потенциально опасных психоактивных веществ, под которыми согласно ст. 1 Федераль-

---

¹Ежедневно в России от наркотиков гибнут 80 человек [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/society/20090212/161898045.html> (дата обращения: 04.12.2016).

²«В XXI веке без наркотиков. Мировое сообщество – нет наркотикам» [Электронный ресурс]. URL: http://www.narkotiki.ru/5_5532.htm (дата обращения: 04.12.2016).

³Spice. [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Spice_\(курительная_смесь\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Spice_(курительная_смесь)) (дата обращения: 04.12.2016).

⁴«Выбраны так называемые «дизайнерские наркотики» наркодельцами не случайно. При минимуме затрат на приобретение концентрированных наркотиков с последующим изготовлением в бытовых условиях тех же курительных смесей (спайсов) на основе обычных лекарственных трав преступники получают миллионные прибыли от реализации изготовленных одурманивающих веществ», — пояснили «ОМСКРЕГИОНУ» в УФСКН России по Омской области. Информационное агентство «ОМСКРЕГИОН» [Электронный ресурс]. URL: http://omskregion.info/news/26735-fskn_spays_epidemiya_v_rossii_ostanovlena/ (дата обращения: 04.12.2016).

⁵ФСКН заподозрила иностранные спецслужбы в причастности к массовым отравлениям «спайсами» в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsru.com/russia/14jul2015/inosled.html> (дата обращения: 16.01.2017).

⁶В 100 тысяч раз сильнее героина [Электронный ресурс]. URL: <http://news.tut.by/society/388874.html> (дата обращения: 16.01.2017).

⁷Федеральный закон от 03.02.2015 № 7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 24. 2015.

ного закона № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» понимаются вещества синтетического или естественного происхождения, включенные в Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен¹.

Ст. 234¹ УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ, содержит также ответственность за их незаконный ввоз на территорию Российской Федерации и вывоз с нее в целях сбыта. Согласно ст. 1 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах»², под оборотом новых потенциально опасных психоактивных веществ понимается их производство, изготовление, переработка, хранение, перевозка, пересылка, приобретение, использование, ввоз на территорию Российской Федерации, вывоз с территории Российской Федерации, а также сбыт. В п. 2 ст. 2.2 того же Закона закреплен запрет на оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ в Российской Федерации. Таким образом, формулировка «незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ» не имеет законодательного подтверждения, так как законного оборота таких веществ Российским законодательством не предусмотрено, что свидетельствует о нарушении законодателем логики при формулировании нормы уголовного закона.

Исходя из положений ст.234¹ УК РФ следует, что при ввозе на территорию Российской Федерации и вывозе с нее новых потенциально опасных психоактивных веществ осуществляется их незаконное перемещение через границу Российской Федерации, что представляет собой контрабандный провоз. Контрабанда изначально является преступлением, посягающим на внешнеэкономические отношения, так как главной целью незаконного перемещения товаров через границу государства является получение материальной выгоды за счет дальнейшей реализации перемещенных товаров и услуг.

Не составляет труда выделение цели получения прибыли у лиц, перевозящих новые потенциально опасные психоактивные вещества через границу Российской Федерации. Начнем с того, что размеры таких перевозимых веществ составляют сотни килограмм³. Периодически те, кто реализуют эти вещества, изначально проводят бесплатные дегустации, тем самым обеспечивая

---

¹ Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»// Собрание законодательства РФ. 1998. № 2.Ст. 219.

² Там же.

³ ФСКН: деньги от продажи спайсов в РФ поступали на счета "Приватбанка" украинского олигарха Коломойского[Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/incident/2015/02/06/fskn-vykhodcy-s-zapadnoy-ukrainy-torgovali-spaysami-v-rf-dengi-postupali-na-scheta-privatbanka-kolomoyskogo.html> (дата обращения: 16.01.2017).

себе клиентов в будущем и гарантируя доход¹. Несмотря на низкую стоимость одной дозы таких веществ, их оборот приносит торговцам миллионы долларов. Так, только в день их прибыль может составить 500 тысяч рублей. К примеру, прибыль от такой деятельности одного из наркосиндиката, члены которого были задержаны в июне 2015 года, составила порядка 4 миллионов долларов². Подобные цифры свидетельствуют о том, что действия, связанные с незаконным оборотом новых потенциально опасных психоактивных веществ, влекут причинение значительного ущерба государству.

Таким образом, при совершении действий, предусмотренных ст. 234¹ УК РФ, связанных с незаконным перемещением через границу Российской Федерации психоактивных веществ, необходимо говорить о причинении вреда отношениям в сфере внешнеэкономической деятельности. Безусловно, нельзя утверждать, что в результате совершения таких действий не страдает здоровье населения. Однако, на наш взгляд, говоря о цели лиц, совершающих данные деяния, первоочередным фактором является желание получить материальную выгоду, а затем уже причинение урона здоровью населения, что является определяющим в данном случае при определении объекта преступного посягательства.

Мы считаем, что более логически верным и справедливым было бы указание новых потенциально опасных психоактивных веществ в ст. 229¹ УК РФ в качестве предмета преступления, исключив из ст. 234¹ УК РФ указаний на их ввоз на территорию Российской Федерации и вывоз с территории Российской Федерации. Такое законодательное решение повлечет за собой следующие правовые последствия: во-первых, будет разрешен вопрос с подменой понятий, таких как «незаконные ввоз на территорию России и вывоз с нее» и «контрабандой», так как ст. 234¹ УК РФ на сегодня, безусловно, содержит в себе признаки именно контрабандного провоза опасных веществ.

На сегодня действующее уголовное законодательство способствует уходу преступников от привлечения их к более строгой уголовной ответственности. Необходимо понимать, что отсутствует четкая граница, определяющая вещество наркотиком или психоактивным веществом. Учитывая, что новые потенциально опасные психоактивные вещества не включе-

---

¹ Спайсы: цена дозы – жизнь.[Электронный ресурс]. URL: <http://salda.ws/video.php?id=Hj8xHg23vek>(дата обращения: 16.01.2017). Были случаи, говорят в милиции, когда наркотик в Минске раздавали бесплатно - привлекали клиентуру [Электронный ресурс]. URL: <http://news.tut.by/society/388874.html> (дата обращения: 16.01.2017).

² «По самым скромным подсчетам, общий доход наркогруппировки составил 4 млн долларов», - сказал глава ФСКН России[Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsru.com/russia/14jul2015/inosled.html> (дата обращения: 16.01.2017).

ны в предмет преступления, предусмотренного ст. 229¹ УК РФ, то можно любые психоактивные вещества, включенные в перечень таковых, перевозить через границу и подвергаться наказанию, предусмотренному ст. 234¹ УК РФ. Вполне возможно, что такое психоактивное вещество будет очень схоже по составу с наркотическим средством, психотропным веществом или их аналогами, однако на сегодня гораздо «выгоднее» наркоторговцу приблизить состав перевозимого вещества к новому потенциально опасному психоактивному веществу. Причиной этому служат санкции, предусмотренные за совершение преступления, предусмотренного ст. 234¹ УК РФ. Это и является второй проблемой, которая будет решена при расширении предмета контрабанды, предусмотренного ст. 229¹ УК РФ.

Наказание, предусмотренное ч. 1 ст. 234¹ УК РФ, представлено в виде штрафа до 30 тысяч рублей либо ограничением свободы, тогда как за совершение контрабанды ч. 1 ст. 229¹ УК РФ предусмотрено лишение свободы на срок до 7 лет со штрафом в 1 млн. рублей. На лицо санкционные различия, позволяющие обходить уголовный закон и избегать суровых наказаний. Это лишний раз подтверждает необходимость включения новых потенциально опасных психоактивных веществ в предмет контрабанды.

Таким образом, мы ни в коем случае не идем в разрез с мнением законодателя в вопросе определения объекта посягательства при обороте новых потенциально опасных психоактивных веществ, которым является здоровье населения. Однако мы пришли к выводу о том, что ввоз в Россию и вывоз из нее новых потенциально опасных психоактивных веществ представляет собой посягательство на отношения в сфере внешнеэкономической деятельности. Также, на наш взгляд, данные действия являются ничем иным как контрабандным провозом, в связи с чем необходимо расширить предмет посягательства в ст. 229¹ УК РФ, включив в него такие вещества.

Библиографический список

1. Ежедневно в России от наркотиков гибнут 80 человек [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/society/20090212/161898045.html> (дата обращения: 04.12.2016).
2. «В XXI веке без наркотиков. Мировое сообщество – нет наркотикам» [Электронный ресурс]. URL: http://www.narkotiki.ru/5_5532.htm (дата обращения: 04.12.2016).
3. Spice. [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Spice_\(курительная_смесь\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Spice_(курительная_смесь)) (дата обращения: 04.12.2016).
4. Информационное агентство «ОМСКРЕГИОН» [Электронный ресурс]. URL: http://omskregion.info/news/26735-fskn_spays_epidemiya_v_rossii_ostanovlena/ (дата обращения: 04.12.2016).
5. ФСКН заподозрила иностранные спецслужбы в причастности к

массовым отравлениям «спайсами» в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsru.com/russia/14jul2015/inosled.html> (дата обращения: 16.01.2017).

6. В 100 тысяч раз сильнее героина [Электронный ресурс]. URL: <http://news.tut.by/society/388874.html>(дата обращения: 16.01.2017).

7. Федеральный закон от 03.02.2015 № 7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 24. 2015.

8. Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 219.

9. ФСКН: деньги от продажи спайсов в РФ поступали на счета "Приватбанка" украинского олигарха Коломойского [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/incident/2015/02/06/fskn-vykhodcy-s-zapadnoy-ukrainy-torgovali-spaysami-v-rf-dengi-postupali-na-scheta-privatbanka-kolomoyskogo.html> (дата обращения: 16.01.2017).

10. Спайсы: цена дозы – жизнь. [Электронный ресурс]. URL: <http://salda.ws/video.php?id=Hj8xHg23vek> (дата обращения: 16.01.2017). Были случаи, говорят в милиции, когда наркотик в Минске раздавали бесплатно - привлекали клиентуру [Электронный ресурс]. URL: <http://news.tut.by/society/388874.html> (дата обращения: 16.01.2017).

11. «По самым скромным подсчетам, общий доход наркогруппировки составил 4 млн долларов», - сказал глава ФСКН России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsru.com/russia/14jul2015/inosled.html> (дата обращения: 16.01.2017).

ИДЕЯ ПРЕСТУПНОГО СОСТОЯНИЯ ДЛЯЩЕГОСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ТЕОРИИ РУССКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

*Ораздурдыев А.М., к.ю.н., доцент, нач. юр. отдела
Индивидуальное предприятие «Täze Toprak»
г. Ашхабад, Туркменистан, ashirbeyavukat@mail.ru*

Теоретическая разработка длящегося преступления в русском уголовном праве началась в середине XIX-го столетия. В российском Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в статье 162-й говорилось о непрерывно продолжающихся преступлениях, в которых теоретики уголовного права впоследствии усмотрели феномен длящегося преступления. Статья не давала определения понятия непрерывно продолжающегося преступления, но в этом и не было особой необходимости, ибо само название понятия даёт, если не исчерпывающую, то во всяком случае достаточ-

ную характеристику подобного рода преступлениям.

В самом деле, главной особенностью длящихся преступлений является их «бесперывная продолжаемость», чем они, кстати, отличаются от других видов сложных преступлений, известных в ту пору, таких, как продолжаемые, ремесловые, привычные и другие, которые также характеризуются длительностью совершения, но уже посредством периодической повторяемости преступной деятельности и в силу именно этого состоящей из целого ряда отдельных преступных актов.

Статья 162 Уложения о наказаниях содержала перечень тех видов непрерывно продолжающихся преступлений, в отношении которых устанавливался особый порядок применения давности. В ней, в частности, говорилось: «Сила постановлений о давности не распространяется на вину перешедших из церкви православной в другое, хотя и пользующееся свободой богослужения в России, христианское вероисповедание, и тем не менее ещё на преступление отпадших вовсе от веры христианской, как непрерывно продолжающееся, доколь они не обратились к долгу. На сём же основании давность не распространяется и на вступивших заведомо в противозаконный брак, и на виновных в присвоении себе не принадлежащих им состояния, должности, чина, ордена, почётного титула или имени, а также на лиц, уклонившихся от воинской повинности»¹.

Сама теория русского уголовного права находилась в этот период в стадии становления и формирования. До выхода в свет Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в российском уголовном праве насчитывалось всего несколько пособий, использовавшихся в качестве учебного и практического руководства, в которых давалось весьма поверхностное представление об основных вопросах общей и особенной части уголовного права, к числу которых никак нельзя было отнести вопрос о длящемся преступлении. Именно таковыми являлись пособия по уголовному праву О.Горегляда², П.Гуляева³, Л.Цветаева⁴. Особое положение среди этих ра-

---

¹ Обращает на себя внимание то, что перечень приведённых в этой статье преступлений является исчерпывающим, хотя Н.С.Таганцев полагает, что «этот перечень употреблён в законе только в виде примеров и не имел исчерпывающего значения, так как в особенной части можно было найти много деяний того же значения». Разумеется, особенная часть Уложения не ограничивалась перечисленными видами длящихся преступлений, но ввиду того, что в статье не использованы типичные текстовые обозначения такие как «и т.п.», «и т.д.», «и др.» или «и пр.», трудно назвать этот перечень примерным.- См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекций. Часть Общая. Том II. Спб., 1902. С.1287.

² Горегляд О. Опыт начертания русского уголовного права. Часть 1-я. О преступлениях и наказаниях вообще. Спб. 1815.

³ Гуляев П. Российское уголовное право. Спб. 1833.

⁴ Цветаев Л. Начертание теории уголовных законов. М. 1825.

бот занимало пособие профессора Г.И.Солнцева¹, которое отличалось известной полнотой, но и оно не давало ни малейшей информации о том, что из себя представляют непрерывно продолжающиеся преступления. Лишь в порядке разграничения от совокупности преступлений Г.И.Солнцев в нескольких словах упомянул о так называемых “допущенных преступлениях”, примерами которых послужили некоторые преступления, отнесённые более поздними теоретиками к числу длящихся (дезертирство, несоблюдение церковного благочиния)². Однако, учитывая, что автор всё же обращал внимание не на их непрерывность и продолжительность, а на кратность совершения преступлений, то следует сделать вывод, что в пособии речь идёт не о длящихся преступлениях, а о повторных преступных деяниях, разновидностью которых, по мнению Г.И. Солнцева, являются преступные деяния допущенные.

Более пристальное внимание проблемам единичного преступления стало уделяться с начала шестидесятых годов XIX-го столетия, когда в печати стали появляться основательно разработанные курсы, подготовленные авторами на основе лекций, читанных ими в университетах и юридических учебных заведениях. Именно такой характер имели пособия В. Спасовича, Н.Д. Сергеевского, Н.С. Таганцева. Но следует заметить, что проблема единства преступлений в тот период находилась ещё и до того в зачаточном состоянии, что теоретикам даже не удавалось выработать точной терминологии и разработать конкретно-определённой системы видов единичных преступлений. П.Д. Калмыков, к примеру, единственный из всех авторов для обозначения длящегося преступления избегал употребления русскоязычного названия этого понятия, а пользовался термином “les delits successifs”, что в переводе с французского так и означает “преступления непрерывные”³. А. Лохвицкий длящиеся преступления называет продолжающимися, а продолжаемые преступления – длительными;⁴ Н.Д. Сергеевский продолжаемые преступления называет длящимися, а длящиеся преступления - продолжаемыми⁵. Н.А. Неклюдов и продолжаемые, и длящиеся преступления объединяет в одну группу под общим названием

---

¹ Солнцев Г. Российское уголовное право. Казань. 1820. Под ред.и вступит. статьёй о Г.И.Солнцева Г.С. Фельдштейна. Ярославль. 1907.

² Солнцев Г. Российское уголовное право. Казань. 1820. С.96.

³ Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. Части: общая и особенная. Спб. 1866. С.396.

⁴ Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. 2-ое испр.и доп.изд. Спб. 1871. С.197.

⁵ Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. Изд. 2-ое. Спб. 1890. С.338. См., также: Сергеевский Н.Д. О значении причинной связи в уголовном праве. Ярославль. 1880. С.151-169. Здесь автор всё же использовал правильную терминологию.

“продолжающихся преступлений“. При этом продолжаемые преступления он именует многоактными, длящиеся преступления - непрерывными состояниями. Некоторые из длящихся и продолжаемых преступлений, отличающихся «многократными преступными актами, проистекающими из нарушения одной и той же обязанности», к коим он причисляет “прелюбодейное и кровосмесительное сожитие“, он относит к третьему виду продолжающихся преступлений и называет их “нарушениями одного и того же запрета“¹. Подводя итог сказанному Н.А.Неклюдов впадает в ничем не объяснимое заблуждение и всю группу продолжающихся преступлений, включая преступные деяния продолжаемые, ошибочно приравнивает к беспрерывно продолжающимся преступлениям. «Преступления продолжающиеся,- пишет он по этому поводу,- известны и нашему законодательству под именем преступлений беспрерывно продолжающихся (ст.162)»².

В. Спасович в общей системе единичных преступлений предпочтение отдаёт продолжаемым преступлениям и отрицает существование длящихся преступлений³. В противоположность ему В. Саблер защищает длящиеся преступления и отрицает существование продолжаемых преступлений⁴. При этом длящиеся преступления В. Спасович относит к числу простых преступлений и называет их “преступлениями с продолжающимися последствиями“⁵; В. Саблер продолжаемые преступления относит к разряду совокупности преступлений⁶ и называет их “однородными преступлениями“⁷. Позиции отрицания продолжаемых преступлений в этот период придерживался и проф. А.С. Жиряев⁸.

Не стабильными были взгляды учёных и в вопросе о понятии и признаках длящегося преступления. По мнению В. Саблера, преступная деятельность виновного в длящемся преступлении выражается «не в отдельных преступных актах, а скорее виновным создаётся известное законопротивное отношение, с прекращением которого только и может начаться те-

---

¹ Неклюдов Н.А. Общая часть уголовного права. (Конспект). Спб. 1875. С.149-150.

² Неклюдов Н.А. Общая часть уголовного права. (Конспект). С.150.

³ Спасович В. Учебник уголовного права. Том 1. Вып.2. Спб. 1863. С.310.

⁴ Саблер В. О значении давности в уголовном праве. М. 1870. С.179.

⁵ Спасович В. Учебник уголовного права. Том 1. Вып.2. Спб. 1863. С.310-311.

⁶ Саблер В. О значении давности в уголовном праве. М. 1870. С.181.

⁷ Саблер В. О значении давности в уголовном праве. М. 1870. С.185.

⁸ Жиряев А.С. Уголовное право. Лекций.- В ж-ле: Юридический вестник, издаваемый Николаем Калачовым. Вып.41. 1863. № 11. Спб., 1864. С.23. Подробно о взглядах русских юристов на проблему единства преступлений см. мою работу «Проблема единства преступлений в уголовном праве. Ашхабад: Изд-во «Магарыф». 1995».

чение давности»¹. В. Саблер полагает, что отличительной чертой этих преступлений является постоянное воспроизводство их объективного и субъективного состава до момента их окончания². В преступлениях длящихся, пишет он, «преступная деятельность виновного воспроизводится ежеминутно, составляя одно целое, неподлежащее никакому раздроблению».³ В противоположность ему А. Лохвицкий утверждал, что продолжающиеся преступления «обыкновенно состоят из целого ряда действий одного и того же рода, из которых каждое в отдельности взятое есть полное преступление»⁴. Такую же позицию занимал П.Д. Калмыков, говоря, что преступные деяния эти «состоят из последовательного ряда действий»⁵. В отличие от всех этих авторов И.Я. Фойницкий утверждал, что длящееся преступление всё же состоит из одного преступного акта, но растянутого во времени⁶.

Н.А. Неклюдов, пожалуй, первым в теории русского уголовного права применил категорию “непрерывного состояния” к преступлениям этого рода. Тогда как А.фон-Резон первым употребил термин “преступного состояния”. В 1875 г. в статье, специально посвящённой продолжаемому преступлению, он дал исключительно точную и большей частью безупречную характеристику длящегося преступления. Он, в частности, писал: «...названные в 162 ст. улож. преступления, хотя и признаются совершившимися, коль скоро виновный совершил одно известное действие, т.е. перешёл в другое христианское вероисповедание, отпал от христианской веры, вступил в противозаконный брак, присвоил себе непринадлежащее состояние и т.д.,- но совершением одного этого действия не оканчиваются; напротив, после его совершения начинается, как необходимый и неотразимый результат, беспрерывно продолжающееся противозаконное или *преступное состояние* или *положение* виновного; напр., после отпадения от православия или христианской веры – пребывание в неправославном или нехристианском вероучении, после вступления в противозаконный брак – сожитие в таковом, и т.д., так что означенные преступления оканчиваются лишь с окончанием сего *преступного состояния*. Следовательно, под пре-

---

¹ Саблер В. О значении давности в уголовном праве. С.180.

² Саблер В. О значении давности в уголовном праве. С.187-188.

³ Саблер В. О значении давности в уголовном праве. С.189.

⁴ Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. С.197. В качестве примеров таких преступлений А. Лохвицкий приводит принятие чужой фамилии, звания, ношение ордена, кровосмешение, пристанодержательство, и т.п.

⁵ Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. Части: общая и особенная. С.396.- Примерами “les delits successifs” у П.Д.Калмыкова являются «похищение кого-либо и заключение, двоежёнство».

⁶ Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. Спб. 1889. С.120.

ступлениями (беспрерывно) продолжающимися или длящимися, - пишет далее А.фон-Резон, - ...следует понимать те преступления, которые хотя и совершаются одним определённым действием, так что преступник уже за одно действие подлежит наказанию, как за совершённое преступление, однако совершением этого действия не оканчиваются, а длятся, продолжают-ся в том отношении, что подсудимый остаётся в том *преступном состоянии*, которое он создал своим преступным действием, - и оканчиваются лишь окончанием сего *состояния*»¹ (курсивы мои – А.О.). Таким образом, А.фон-Резон первым в теории и истории русского уголовного права использовал категорию «преступного состояния» при определении понятия длящегося преступления. Он не говорит, что состав преступления “постоянно воспроизводится“ или “ежеминутно повторяется“. Не говорит он и о том, что длящееся преступление оканчивается “с последним преступным действием“. Преступное состояние, по его мнению, является результатом совершения преступного действия и это было единственным упущением, в котором можно было упрекнуть А.фон-Резона. Ведь преступное состояние может быть не только результатом совершения действия, оно может возникнуть и в результате совершения преступного бездействия. Статья 162 Уложения, на которую он ссылается, в перечне беспрерывно продолжающихся преступлений в качестве примера приводит уклонение от выполнения воинской повинности, состав которого не исключает совершения преступного бездействия в чистом виде (к примеру, в форме неявки к месту призыва), результатом которого будет длительное пребывание виновного в состоянии неисполнения воинской повинности.

В 1878 г. концепцию «преступного состояния» в длящемся преступлении поддержал известный русский учёный, проф. Н.С. Таганцев. По его мнению, длящимися являются «те преступления, которые, раз совершившись, неоднократно и непрерывно повторяются виновным и образуют, благодаря этому, как бы преступное состояние, или уже и при первом своём совершении являются моментом такого правонарушительного состояния, длящегося до наступления какого-нибудь противоположного факта»². В отличие от А.фон-Резона, Н.С. Таганцев заметил, что «подобная форма может встретиться как при преступных содеяниях, так и при бездействии»³. Тем самым длящееся преступление в интерпретации Н.С. Таганцева полностью обрело свойственные ему объективные черты. Но вместе с тем, концепция Н.С. Таганцева имела и серьёзные недостатки. Наряду с

---

¹ Фон-Резон А. О продолжаемом преступлении//Журнал гражданского и уголовного права. Кн.1. Спб. 1875. С.8-9.

² Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Кн.1-я. Учение о преступлении. Спб. 1878. С.258.

³ Там же.

признаком «непрерывности», присущим дящемуся преступлению, ему были приданы свойства, никак не отражающие его истинную природу и юридически безразличные для его характеристики. Это - признаки «неоднократности» и «повторности» совершения преступных действий в рамках уже осуществлённого состава дящегося преступления. Развивая эту мысль далее Н.С. Таганцев приходит к выводу, что каждый акт подобного деяния представляет собою «полный состав преступления», хотя в то же время, благодаря непрерывности деяния, «подобное нарушение представляет тип единичного преступления»¹. С такой точкой зрения едва ли можно согласиться.

Непрерывный характер дящегося преступления исключает возможность повторения преступных актов. Если же Н.С. Таганцев имел ввиду совершение виновным различных действий, направленных для поддержания созданного виновным преступного состояния, к примеру, лицо, уклоняясь от несения воинской повинности, периодически меняет место жительства, либо лицо, совершая двоежёнство, систематически оказывает знаки внимания второй супруге, то эти действия никоим образом не могут образовать полный состав преступления, ибо состав уже образован первоначальным действием или бездействием по выполнению уклонения от несения воинской службы (повинности) либо созданию второго брака при наличии нерасторгнутого первого. Последующие действия, направленные для поддержания преступного состояния, лишены какого-либо юридического значения, ибо они не создают и не изменяют изначально осуществлённого состава преступления. С точки зрения уголовного закона они лишены всякого смысла. Они лишь подтверждают намерение виновного продолжать начатое преступление в течение неопределённого периода времени, показывают и доказывают существование изначально возникшего преступного состояния, хотя последнее продолжало бы существовать и без совершения виновным подобных действий.

Идею «преступного состояния» в определении понятия дящегося преступления поддержал и проф. Л.Е. Владимиров. В главе учебника по общей части русского уголовного права под названием «Юридическое единство сложного преступного действия», он сформулировал следующее определение: «Дящимся преступлением называется такое, которое создаёт известное преступное состояние, пребывание субъекта в состоянии преступности»². Также, как и Н.С. Таганцев, Л.Е. Владимиров полагает, что здесь «много однородных моментов, из которых каждый составляет то же

---

¹ Там же.

² Владимиров Л.Е. Учебник русского уголовного права. Общая часть. Харьков. 1889. С.128.

самое самостоятельное преступление; но все эти моменты не считаются совокупностью преступлений, а объединяются юридически в одно преступное действие»¹. Очевидно, что под однородными моментами он имел в виду повторное совершение одних и тех же действий. Такая позиция Н.С. Таганцева и Л.Е. Владимирова ко всему прочему ведёт к стиранию граней между длящимися преступлениями и преступлениями продолжаемыми, для которых характерны признаки неоднократности, повторяемости и возобновляемости преступных актов, образующих их содержание.

К концепции «преступного состояния» в 1890 г., примкнул и проф. Н.Д. Сергеевский. Называя длящиеся преступления продолжаемыми, он, в своих «Пособиях к лекциям», писал, что в этих преступлениях «известное преступное состояние, например, сожительство в незаконном браке, присвоение не принадлежащего титула или звания и т.д., сколь бы долго оно ни продолжалось, во скольких бы актах оно ни выражалось, представляет собою всегда одно преступное деяние»². Говоря о множестве актов, в которых может выразиться длящееся преступление, Н.Д. Сергеевский частично приблизился к позиции Н.С. Таганцева и Л.Е. Владимирова. Но это и понятно, ведь коль скоро длящееся преступление названо продолжаемым, то и характеристика его должна не исключать, а допускать известную повторяемость преступных актов, соответствуя своему названию. Эта ошибочная точка зрения проводилась автором во всех изданиях «Пособия к лекциям» по общей части русского уголовного права вплоть до 1915 г.³

В 1902 г. в двухтомнике «Лекций» по русскому уголовному праву Н.С. Таганцев вновь затронул вопрос о длящемся преступлении. Вопрос этот был рассмотрен в обоих томах «Лекций», где в первом он изложен в параграфе под названием «Простое и осложнённое преступное деяние», во втором – в параграфе под названием «Осложнённое преступное деяние». В первом томе Н.С. Таганцев повторил точку зрения, изложенную им в «Курсе русского уголовного права». Отмечая сходство с повторными преступлениями, он, в частности, писал: «Особенно своеобразными представляются те типы осложнённых преступных деяний, в которых *неоднократно воспроизводится полный состав преступления* и которые, благодаря

---

¹ Там же.

² Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть общая. Изд. 2-ое. Спб. 1890. С.338.

³ См.: Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть общая. Изд. 11-ое. Пт. 1915.- В кн.: Чучаев А.И. Уголовно-правовые взгляды Н.Д. Сергеевского. Монография. М.: «ПРОСПЕКТ». 2015. С.459; см., также: Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть общая. Изд. 10-ое. Спб. 1913. С.332.

тому, всего ближе подходят к понятию повторной деятельности»¹ (*курсив мой – А.О.*). Наряду с продолжаемыми, ремесловыми и привычными преступлениями Н.С. Таганцев сюда же отнёс и «преступные деяния длящиеся или обращающиеся в преступное состояние, когда посягательство на норму, раз совершившись, *непрерывно повторяется* до наступления какого-либо противоположного события»² (*курсив мой – А.О.*).

Во втором томе лекций Н.С. Таганцев несколько изменил свою точку зрения. «Длящимся преступлением,- писал он,- считается такое, которое, раз совершившись, не оканчивается этим моментом, но постоянно и непрерывно возобновляется, образуя как бы преступное состояние лица, связующее в глазах закона всю его деятельность в единое целое, длящееся до окончания этой деятельности, до наступления какого-либо обстоятельства, указывающего на его прекращение»³. Нетрудно заметить, что в новом изложении уже отсутствуют ранее отмечавшиеся признаки «неоднократности» и «повторяемости» преступных актов, каждое из которых, к тому же, образующих «полный состав преступления». Но вместо них в определение понятия длящегося преступления включён признак «возобновляемости» деятельности, которое также ведёт к некоторому его сближению с преступлениями, имеющими характер повторяемости преступных актов. Несмотря на то, что «возобновляемость» подкреплена свойствами «постоянства» и «непрерывности», всё же она известным образом искажает истинную природу длящегося преступления. Любое возобновление деятельности означает, на мой взгляд, повторение того же самого, но в обновлённой форме. Предлог “воз” или “вос” в подобных случаях придаёт словам значение повторного выполнения уже однажды совершённого действия. Именно таков смысл слов «возрождение», «воспроизводство», «восстановление» и т.д. Правильно говорит Н.С. Таганцев, что «для признания известного преступного деяния длящимся, безусловно необходимо, чтобы непрерывно возобновлялась та составная часть деяния, в которой закон видит его преступную сущность», хотя точнее было бы сказать не «возобновлялась», а «совершалась» или «осуществлялась». В этом случае из понятия длящегося преступления исключается элемент «повторяемости» преступных актов, сохраняется и удерживается однажды возникшее «преступное состояние».

Идею «преступного состояния» в понятии длящегося преступления в канун и после принятия Уголовного уложения России дооктябрьского пе-

---

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекций. Часть Общая. Том I. Спб. 1902. С.679.

² Там же.

³ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекций. Часть Общая. Том II. Спб. 1902. С.1288.

риода поддержали Г.Е. Колоколов¹, А.К. Вульферт², Л.С. Белогриц-Котляревский³, С.В. Познышев⁴, А.А. Пионтковский (старший)⁵. Тем самым, взгляд на понятие длящегося преступления как на беспрерывно продолжающееся *преступное состояние* в теории русского уголовного права занял господствующие позиции.

В принятом в 1903 г. Уголовном уложении России ничего не сказано о преступном состоянии, но оно и не исключалось им. В частности, статья 70-я уложения гласила: «Для преступного деяния, состоящего из нескольких действий, давностные сроки исчисляются со дня совершения последнего действия, а для преступного деяния, непрерывно продолжающегося, - со дня его прекращения». Известно, что непрерывно продолжающимся может быть однажды начатое преступное деяние, совершение которого может длиться неопределённо долгое время. И всё это время виновный находится в состоянии непрерывного совершения преступления, которое и является ни чем иным как преступным состоянием.

Концепция «преступного состояния», таким образом, прочно утвердилась в теории русского уголовного права и, как мы уже убедились, является исключительно порождением классической школы уголовного права, её творением. Она не имеет ничего общего ни с идеей «врождённой преступности» антропологической школы (Ч. Ломброзо), ни с идеей «личного состояния преступности» и «личного состояния опасности», выдвинутой представителями социологической школы уголовного права (В.В. Есипов, И.Я. Фойницкий). Каждая школа вкладывала своё содержание в понятие преступного состояния. Антропологическая школа под этим разумела постоянную потенциальность совершения преступлений отдельными лицами, начиная от рождения ввиду наличия в них врождённых инстинктов, подталкивающих на совершение преступления. Состояние преступности у антропологов, таким образом, не связано с совершением конкретного преступления, речь идёт о врождённой наклонности лица к совершению преступлений вообще. То же самое следует сказать и о «личном состоянии преступности» и «личном состоянии опасности»⁶ у социологов, под кото-

---

¹ Колоколов Г.Е. Уголовное право. Курс лекций. М. 1894-1895 г. С.633.

² Вульферт А.К. Лекций по общей части уголовного права. Спб. 1895. С.515.

³ Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев-Петербург-Харьков. 1903. С.202.

⁴ Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. Изд. 2-е, испр.и доп. М. 1912. С.647.

⁵ Пионтковский Анд.Ант. Уголовное право. (Пособие к лекциям). Часть Общая. Вып.2. Казань. 1916. С.187.

⁶ См. об этом: Есипов В.В. Очерк русского уголовного права. Часть Общая: Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. Спб. 1898. С.87-89.

рыми понималось особое состояние волевой способности человека и привычки, сформировавшие его характер и оказывающие влияние на его волевою способность¹. Также, как у антропологов, состояние преступности у социологов не связано с совершением конкретного преступления. Речь идёт о совокупности внутренних и внешних условий, способствовавших совершению преступлений вообще. Понятие же преступного состояния, выдвинутого представителями классической школы, обращено к конкретным преступлениям, по природе своей наделённых способностью непрерывного продолжения на стадии оконченого преступления. И в этом случае никакого юридического значения не имеют ни социальные условия преступности, ни врождённые наклонности преступника. «Преступное состояние» у классиков связано с конкретным составом преступления и само это состояние складывается исключительно из признаков состава преступления. Есть ещё одна деталь, отличающая “преступное состояние” классиков от “преступного состояния” антропологов и социологов.

Преступное состояние с точки зрения представителей антропологической школы обнаруживается в человеке задолго до совершения им преступления, начиная даже от его рождения. Преступное состояние с точки зрения социологической школы выявляется в человеке уже после совершения им преступления в целях избрания ему соответствующего вида наказания и решения задач общего и специального предупреждения преступлений. Преступное состояние, о котором говорит классическая школа уголовного права, обнаруживается в момент совершения преступления, оно сопровождает его, придавая преступлению особую форму совершения, оно “включено” в механизм осуществления состава преступления и образует саму преступную сущность длящегося деяния. Поэтому попытки некоторых советских криминалистов объяснить преступное состояние длящегося преступления ориентированностью авторов на антропологическую² либо социологическую³ школу уголовного права следует признать беспочвенными.

Библиографический список

1. Белогриц-Котляревский, Л.С. Учебник русского уголовного права.

---

¹ См. об этом подробно: Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. С.42-43.

² Правильно говорит Н.А.Стручков, что выражение “преступное состояние” «по своему смыслу ничего общего не имеет с понятием “преступного состояния”, употребляемым антропологической школой».- См.: Стручков Н.А. Назначение наказания при совокупности преступлений. М.: Госюриздат. 1957. С.42 (в примечании).

³ См.: Зыков В. Нужно ли понятие длящихся преступлений.- Социалистическая законность. 1984. №9. С.52.

Общая и особенная части. Киев-Петербург-Харьков. 1903.

2. Владимиров, Л.Е. Учебник русского уголовного права. Общая часть. Харьков. 1889.

3. Вульферт, А.К. Лекций по общей части уголовного права. Спб. 1895.

4. Горегляд, О. Опыт начертания российского уголовного права. Часть 1-я. О преступлениях и наказаниях вообще. Спб. 1815.

5. Гуляев, П. Российское уголовное право. Спб. 1833.

6. Есипов, В.В. Очерк русского уголовного права. Часть Общая: Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. Спб. 1898.

7. Жиряев, А.С. Уголовное право. Лекций.- В ж-ле: Юридический вестник, издаваемый Николаем Калачовым. Вып.41. 1863. № 11. Спб. 1864.

8. Калмыков, П.Д. Учебник уголовного права. Части: общая и особенная. Спб. 1866.

9. Колоколов, Г.Е. Уголовное право. Курс лекций. М. 1894-1895 г.

10. Лохвицкий, А. Курс русского уголовного права. 2-ое испр.и доп.изд. Спб. 1871.

11. Неклюдов, Н.А. Общая часть уголовного права. (Конспект). Спб. 1875.

12. Ораздурдыев, А.М. Проблема единства преступлений в уголовном праве. Ашхабад: Изд-во «Магарыф». 1995.

13. Пионтковский Анд.Ант. Уголовное право. (Пособие к лекциям). Часть Общая. Вып.2. Казань. 1916.

14. Познышев, С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. Изд. 2-е, испр.и доп. М. 1912.

15. Саблер, В.О значении давности в уголовном праве. М. 1870.

16. Сергеевский, Н.Д. О значении причинной связи в уголовном праве. Ярославль. 1880.

17. Сергеевский, Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. Изд. 2-ое. Спб. 1890.

18. Сергеевский, Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть общая. Изд. 10-ое. Спб. 1913.

19. Солнцев, Г. Российское уголовное право. Казань. 1820. Под ред.и вступит.статьей о Солнцева, Г.И., Фельдштейна, Г.С. Ярославль. 1907.

20. Спасович, В. Учебник уголовного права. Том 1. Вып.2. Спб. 1863.

21. Таганцев, Н.С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Кн.1-я. Учение о преступлении. Спб. 1878.

22. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Лекций. Часть Общая. Том I. Спб. 1902; Том II. Спб. 1902.

23. Фойницкий, И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. Спб. 1889.

24. Фон-Резон, А. О продолжаемом преступлении//Журнал гражданского и уголовного права. Кн.1. Спб. 1875.

25. Цветаев, Л. Начертание теории уголовных законов. М. 1825.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В СТРАНАХ БАЛТИИ

Пелевина А.В., аспирант

Нижегородская академия МВД России

г. Нижний Новгород, Россия, allochka_90@bk.ru

В настоящее время проблема обеспечения безопасности компьютерной информации уголовно-правовыми средствами входит в число наиболее острых в большинстве развивающихся стран. Уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации в зарубежных странах не отличается единым подходом. Для того чтобы выработать унифицированный подход к законодательной регламентации данных общественных отношений необходимо рассмотреть зарубежное законодательство по группам стран. В данной статье рассмотрим особенности уголовной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации в странах Балтии (Литва, Латвия и Эстония).

Литовская Республика. В уголовном кодексе Литовской Республики¹ в главе XXX «Преступления против информатики», которая аналогично с Уголовным кодексом Российской Федерации включает три статьи: ст. 196 «Уничтожение либо изменение компьютерной информации», ст. 197 «Уничтожение либо изменение компьютерной программы» и ст. 198 «Присвоение и разглашение компьютерной информации». Квалифицированным признаком данной главы является только крупный ущерб. Ответственность за деяния, предусмотренные данными статьями Уголовного кодекса Литовской Республики, назначается в виде: публичных работ, штрафа, ареста, лишения свободы. Максимальный срок лишения свободы устанавливается в пределах четырех лет. Ответственность за данные преступления несет также и юридическое лицо.

Таким образом, указанная группа преступлений отнесена законодателем к категории средней тяжести, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от трех до шести лет.

Латвийская Республика. Глава XX уголовного кодекса Латвийской Республики² «Преступные деяния против общественной безопасности и

---

¹ http://www.pravo.vuzlib.su/book_z794_page_34.html (дата обращения 01.02.2017).

² http://www.pravo.lv/likumi/07_uz.html (дата обращения 01.02.2017).

общественного порядка» включает в себя 33 статьи, из которых 5 статей криминализируют такие общественно опасные деяния, посягающие на информационную безопасность, как: «Самовольное вхождение в компьютерную систему» (ст. 241), «Несанкционированное приобретение программного обеспечения компьютерной техники» (ст. 242), «Повреждение программного обеспечения компьютерной техники» (ст. 243), «Распространение компьютерного вируса» (ст. 244), «Нарушение правил безопасности информационной системы» (ст. 245).

Уголовная ответственность за совершение этих преступных деяний назначается в виде: ареста, принудительных работ, денежного штрафа, лишения свободы на срок от одного года до пяти лет. Более суровое наказание – в виде лишения свободы на срок до 10 лет – предусмотрено только за распространение компьютерного вируса, причинившее существенный вред¹.

Эстонская Республика. Эстонская Республика по уровню развития информационных технологий занимает двадцать четвертое место в рейтинге, состоящем из ста сорока стран, что является лучшим показателем в Европе². В связи с этим большое внимание уделяется противодействию преступлениям в сфере компьютерной информации.

В Пенитенциарном кодексе Эстонской Республики³ в подразделе 2 «Причинение вреда» имеются четыре статьи посвященных компьютерной преступности: – вмешательство в компьютерные данные (ст. 206); – незаконное удаление и изменение средств идентификации терминальных устройств (ст. 206¹); – воспрепятствование функционированию компьютерной системы (ст. 207); – распространение программ-шпионов, вредоносных программ и компьютерных вирусов (ст. 208).

Подраздел 3 «Незаконное пользование» включает три статьи занимающиеся приготовлением к данным противоправным деяниям: – подготовка компьютерного преступления (ст. 216¹), – незаконное получение доступа к компьютерной системе (ст. 217), – пользование терминальными устройствами с незаконно удаленными или измененными средствами идентификации (ст. 217¹).

В структуре указанных статей предусмотрены обстоятельства отягчающие наказание, а именно, деяние, совершенное группой лиц, против дан-

---

¹ См.: *Волеводз А.Г.* Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества. – М.: ООО «Издательство «Юрлитинформ», 2001. С. 94-95.

² http://www.syl.ru/article/208213/new_stranyi-baltii-spisok-istoriya-razvitie-stran-baltii (дата обращения 01.02.2017).

³ <http://www.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru-seadused> (дата обращения 01.02.2017).

ных компьютерной системы жизненно важной области, в сфере оказания публичных услуг, причинившие существенный вред и препятствующие функционированию компьютерной системы. В соответствии со ст. 83 данного Кодекса суд может применить конфискацию предмета, являвшегося непосредственным объектом виновных деяний, предусмотренных ст. 216¹ и ст. 217¹.

Необходимо отметить, что за деяния, предусмотренные ч. 1 указанных статей законодатель предусматривает ответственность в виде денежного взыскания, тюремного заключения на срок до трех лет. А за деяния, предусмотренные ч. 2 данных статей – предусматривается ответственность в виде тюремного заключения на срок до пяти лет или денежного взыскания.

Юридическое лицо несет уголовную ответственность в виде денежного взыскания.

Указанные преступления законодателем отнесены к преступлениям второй степени тяжести, за которые предусмотрено наказание в виде тюремного заключения на срок до пяти лет или денежное взыскание.

С учетом отмеченных особенностей законодательства Эстонии представляет интерес правовое регулирование вопросов уголовной ответственности за совершение компьютерных преступлений¹.

Вывод. Проведенное исследование уголовного законодательства стран Балтии (Литвы, Латвии и Эстонии) показало, что отношения в сфере компьютерной информации связаны со всеми сферами жизнедеятельности людей и поэтому их защита является одной из приоритетных.

Несмотря на различные подходы в конструировании данных норм, законодатель выделил их в самостоятельную группу отношений в сфере компьютерной информации, определил уголовную ответственность для каждого участника, будь это физическое или юридическое лицо. Но, несмотря на все разногласия, законодатель стремится обеспечить безопасность более жесткими методами и способами, которые имеются у него в запасе в пределах норм уголовного закона.

Библиографический список

1. Волеводз, А.Г. Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества. – М.: ООО «Издательство «Юрлитинформ», 2001. 496с.
2. http://www.pravo.vuzlib.su/book_z794_page_34.html (дата обращения 01.02.2017).

---

¹ См.: Волеводз А.Г. Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества. – М.: ООО «Издательство «Юрлитинформ», 2001. С. 92-94.

3. http://www.pravo.lv/likumi/07_uz.html (дата обращения 01.02.2017).
4. http://www.syl.ru/article/208213/new_stranyi-baltii-spisok-istoriya-razvitiya-stran-baltii (дата обращения 01.02.2017).
5. <http://www.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru-seadused> (дата обращения 01.02.2017).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РОЗНИЧНУЮ ПРОДАЖУ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

*Передерин Д.А., аспирант
Волжский университет имени В.Н. Татищева
г. Тольятти, Россия*

Защита жизни, здоровья детей, охрана семьи и несовершеннолетних являются важнейшими задачами нашего государства – Российской Федерации и мирового сообщества в целом.

Проблемы охраны здоровья несовершеннолетних, в мире, в том числе и в нашей стране стоят достаточно остро, в связи с чем, Распоряжением Правительства Российской Федерации N 2128-р от 30 декабря 2009 г. была утверждена «Концепция государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года».

Федеральным законом от 21.07.2011 N 253-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации были внесены изменения, в соответствии с которыми была введена в действие новая норма, а именно статья 151.1, предусматривающая уголовную ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, если вышеуказанное деяние совершено неоднократно.

При этом наказание за вышеуказанное преступление, согласно санкции статьи 151.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, является сравнительно незначительным (запрещенное деяние наказывается штрафом в размере от пятидесяти тысяч до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трех до шести месяцев либо исправительными работами на срок до одного года с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового), но в наказании, конечно, играет большую роль и сам факт привлечения к уголовной ответственности за преступление, подразумевая в том числе и пре-

вентивную функцию закона.

Важным является также и момент применения так называемой административной преюдиции, в рамках которой, лицо, дважды совершившее административное правонарушение в предусмотренный законом период привлекается к уголовной ответственности.

Имеет важное значение и декриминализация определенных видов преступлений, в том числе и преступления, предусмотренного соответствующими уголовно-правовыми нормами, рассматриваемыми в настоящей работе, при этом необходимо обратить внимание на то, что лицо, совершившее такое правонарушение один раз, к уголовной ответственности не привлекается, но должно осознавать такую возможность в случае повторения деяния в определенный период времени, и соответственно понимая возможность наступления более суровой ответственности и наказания не допустить более совершения такого противоправного деяния.

Сравнительно недавно, был принят Федеральный закон от 28.11.2015 N 346-ФЗ «О внесении изменения в статью 151.1 Уголовного кодекса Российской Федерации», в соответствии с которым примечание к вышеуказанной статье изложено в следующей редакции:

«Примечание. Розничной продажей несовершеннолетнему алкогольной продукции, совершенной лицом неоднократно, признается розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию».

Таким образом, значение также имеет и анализ статьи 4.6. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию), редакция которой гласит, что лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления.

Исходя из анализа вышеуказанных норм, можно говорить о существенной необходимости наличия ответственности за преступления в отношении семьи и несовершеннолетних, в том числе за неоднократную розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции.

Такое законодательное решение соответствует и общемировым тенденциям усиления борьбы с детским алкоголизмом, противодействия росту алкоголизации несовершеннолетних, в том числе путем усиления мер ответственности за реализацию алкогольной продукции этой категории населения. Так, в Стратегиях сокращения вредного употребления алкоголя (проект Глобальной стратегии принят на 63 сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения А63/13

от 25 марта 2010 г.) обращается особое внимание на важность «правовых основ сокращения физической доступности алкоголя, что включает ограничения как продажи, так и подачи алкогольных напитков клиентам», а также необходимость создания «барьеров против продажи алкогольных напитков подросткам и установления ответственности в целях недопущения продажи алкогольной продукции подросткам»¹.

Тем не менее имеются также и проблемы правоприменения норм Уголовного кодекса РФ.

Вопросы возникают и в отношении самой формулировки о привлечении к ответственности именно за «неоднократную розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетним», в то время как в некоторых случаях, в том числе и при эмансипации, несовершеннолетние могут иметь возможность заниматься предпринимательской деятельностью, либо работать у индивидуального предпринимателя или в организации, имеющей соответствующий разрешенный вид деятельности и прошедшей лицензирование для продажи алкогольной продукции в рамках действующего российского законодательства. При этом такой работник, или индивидуальный предприниматель имеет возможность, даже будучи лицом, не достигшим 18 лет, оптом приобретать алкогольную продукцию, при этом неясно, подлежит ли при этом продавец привлечению к административной, а в случае неоднократной продажи – уголовной ответственности, и судя по нормам законодательства скорее всего не подлежит.

В разных правовых системах существует соответственно и разное применение законодательства в области продажи алкогольной продукции несовершеннолетним, при этом важную роль играет именно возраст покупателя, поскольку возраст, при достижении которого лицо считается совершеннолетним в разных правовых системах и странах вообще, является различным.

Согласно известной классификации французского учёного Рене Давида, выделяются следующие общеизвестные правовые системы (семьи): романо-германская, англосаксонская, религиозная (мусульманская, иудейская и др.), социалистическая, традиционная, другие правовые семьи (системы)².

Некоторые исследователи выделяют самостоятельную «славянскую группу» (правовые системы Болгарии, Македонии, России, Сербии, Черногории и др.)³

Кратко рассмотрим некоторые зарубежные страны, в которых установлен

---

¹ Артеменко Н. В., Шимбарева Н. Г., «Установление уголовной ответственности за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции: оправдаются ли надежды?», «Вопросы ювенальной юстиции», Ростов-на-Дону, 2012, N 4

² Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 39-48.

³ Лафитский В.И. Сравнительное правоведение в образах права. — М.: Статут, 2010-2011.

возрастной ценз при продаже алкогольных напитков и соблюдение его охраняется нормами уголовного законодательства.

В большинстве стран установлено возрастное ограничение - 18 лет. В некоторых странах с 18 лет можно употреблять крепкие алкогольные напитки, а распитие пива допустимо с 16 лет. Самое высокое ограничение, а именно 21 год, установлено в США, Индонезии, Фиджи. В Японии запрещено продавать алкогольные напитки лицам, не достигшим 20-летнего возраста. Повышение возрастного ограничения может послужить положительным опытом в борьбе с молодежным алкоголизмом в России¹.

К примеру, статья 136 Уголовного кодекса Швейцарии 1937 г. гласит: «Кто дает ребенку, не достигшему 16 лет, алкогольные напитки или другие вещества в количестве, которое может угрожать его здоровью, или наркотические вещества, или предоставляет их в распоряжение для потребления, по смыслу Федерального закона от 3 октября 1951 г. «О наркотических веществах», - наказывается тюремным заключением или штрафом»².

Как мы видим, указанная норма не содержит понятий «торговля» или «продажа», а оперирует более широким понятием «выдача», которое, безусловно, включает и продажу. Это расширяет круг лиц, подлежащих ответственности. Часто несовершеннолетние получают доступ к алкоголю через старших товарищей или случайных прохожих, приобретших спиртные напитки для них по их просьбе, что не образует состава ст. 151 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции», но и не подпадает под действие ст. 151.1 УК РФ³.

Несмотря на необходимость совершенствования норм уголовного законодательства России, в том числе и рассматриваемого в настоящей работе, судебная система начала формировать судебную практику по применению статьи 151.1 УК РФ. Например, 30 сентября 2014 года мировым судьей судебного участка №54 судебного района Рыбновского районного суда Рязанской области был вынесен обвинительный приговор, которым обвиняемая была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ст.151.1 Уголовного Кодекса РФ и ей было назначено наказание в виде 6 (шести) месяцев исправительных работ с удержанием 10%

---

¹ Берндт А.А. «Сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства об уголовной ответственности за продажу алкогольной продукции несовершеннолетним», «Адвокатская практика», 2015, N 2, информационный банк «Юридическая пресса».

² Уголовный кодекс Швейцарии / МГУ им. М.В. Ломоносова; пер. с нем. А.В. Серебрякова. М., 2001. С. 169.

³ Берндт А.А., «Сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства об уголовной ответственности за продажу алкогольной продукции несовершеннолетним», «Адвокатская практика», 2015, N 2, информационный банк «Юридическая пресса»

заработка в доход государства.

По результатам сравнительного анализа уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции в Российской Федерации и в зарубежных странах, можно прийти к выводам о том, что процесс совершенствования законодательства в вышеуказанной области должен продолжаться, поскольку данная область правоприменения нуждается в многостороннем комплексном научно-практическом анализе, обсуждению в научных кругах, доработке и дальнейшем совершенствовании.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации, (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // СПС Консультант плюс.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации, 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2015 г.) // СПС Консультант плюс.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ (ред. от 30.12.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.01.2016) // СПС Консультант плюс.

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации N 2128-р от 30 декабря 2009 г. об утверждении «Концепции государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года».

5. Судебная практика. Приговор мирового судьи судебного участка №54 судебного района Рыбновского районного суда Рязанской области от 30 сентября 2014.

6. Артеменко, Н.В., Шимбарева, Н.Г., «Установление уголовной ответственности за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции: оправдаются ли надежды?», «Вопросы ювенальной юстиции», Ростов-на-Дону, 2012, N 4.

7. Берндт, А.А., «Сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства об уголовной ответственности за продажу алкогольной продукции несовершеннолетним» ,»Адвокатская практика», 2015, N 2, информационный банк «Юридическая пресса».

8. Козочкин, И.Д., «Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: Учебное пособие» / Под ред. и с предисл. — М.: Омега-Л, Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, 2003. - 576 с.

9. Лафитский, В.И. Сравнительное правоведение в образах права. — М.: Статут, 2010-2011.

10. Саидов, А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые

системы современности) / Под ред. Туманова, В.А. — М.: Юристъ, 2003. — 448 с.

11. Тихомиров, Ю.А. Курс сравнительного правоведения. — М.: НОРМА, 1996. — 432 с.

К ВОПРОСУ ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ

Романов В.И., к.ю.н., доцент

Казанский (Приволжский) федеральный университет

*Романов А.В., капитан юстиции, старший следователь
следственного отдела управления федеральной службы безопасности
Российской Федерации по Республике Татарстан
г. Казань, Россия*

В России первое упоминание о проверке показаний на месте относится к XV веку под названием «выход на место»¹. В разное время данное следственное действие называлось по-разному: «сопоставление показаний с обстановкой на месте», «проверка и уточнение показаний на месте», «воспроизведение показаний на месте», «выход (выезд) на место». К исследованию вышеназванного следственного действия обращались Р.С. Белкин, М.В. Власенко, В.В. Степанов, С.С. Степичев, В.Н. Уваров, М.Н. Хлынцов и др. Но лишь в 2001 году проверка показаний на месте была законодательно закреплена и получила процессуальную основу своего производства (ст. 194 УПК РФ).

Сущность проверки показаний на месте состоит в том, что ранее допрошенное лицо воспроизводит на месте обстановку и обстоятельства исследуемого события, указывает на предметы, документы, следы, имеющие значение для уголовного дела, демонстрирует определенные действия².

Проверка показаний на месте по своей структуре является сложным, комплексным следственным действием, соединяющим в себе элементы некоторых других следственных действий: следственного эксперимента, осмотра места происшествия, допроса, предъявления для опознания.

Полагаем, что есть необходимость систематизировать тактические приемы, используемые в ходе проверки показаний на месте, с учетом организационно-тактических, тактико-криминалистических и технико-

---

¹ См.: Васильев А.Н., Степичев С.С. Воспроизведение проверки показаний на месте при расследовании преступлений. — М., 1959.

² См.: Криминалистика: Конспект лекций: учеб. пособие / В.П. Лавров, Р.Р. Рахматуллин, В.И. Романов, А.Н. Шалимов. Под общ. ред. В.П. Лаврова. — М.: Проспект, 2016. — С.131

криминалистических особенностей.

Организационно-тактические приемы позволяют определить задачи, спланировать проведение мероприятия, определить последовательность действий, распределить участников с учетом их функций и задач с максимальной тактической выгодой повысить эффективность следственного действия для сбора доказательственного материала.

К организационно-тактическим приемам, на наш взгляд, следует отнести:

Готовность технических средств фиксации. В данном случае мы имеем в виду видеосъемку, поскольку процесс действия проходит в динамике, а, следовательно, это наиболее приемлемо в данной ситуации.

Добровольность участия в проведении проверки показаний на месте подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля, показания которых проверяются. Здесь следует учитывать, что дача согласия на участие в проверке показаний на месте, особенно подозреваемым и обвиняемым, может быть обусловлена не только желанием оказать помощь следствию, но и другими причинами. Например, побега из-под стражи; выдвижения своей версии события с целью направления следствия по ложному пути; уничтожить следы преступления на месте его совершения или убедиться, что они еще не обнаружены; сменить обстановку следственного изолятора на пребывание в другом месте. Возможность осуществления таких намерений должна быть устранена.

Оптимальное размещение участников следственного действия. Полагаем, что размещение участников должно быть таким, чтобы действия проверяемого не сковывались плотным размещением иных участников, осуществлялись свободно. Большое значение имеет также инструктаж всех участвующих по прибытии на место проведения следственного действия.

Предоставление инициативы в показе лицу, чьи действия проверяются. Ему должно быть предоставлено право свободно выбрать направление движения, участки и предметы, требующие каких-либо пояснений. Остальные участники не должны мешать и противодействовать ему. В то же время следует исключить возможность побега, нападения его на присутствующих.

Соблюдение последовательности действий при проведении проверки. Проверяемое лицо должно совершать и осуществлять все свои действия последовательно, как это было запланировано и отражено в ходе допроса.

Тактико-криминалистические приемы строятся с учетом достижения оптимального ее результата. Основные из них сводятся к следующему.

Предложение лицу показать место, где его показания будут проверяться, то есть самостоятельно указать направление движения или путь следования на место проверки показаний на месте. В связи с этим мы не

согласны с предложением, что проверка показаний на месте должна всегда начинаться на некотором удалении от того места, где будут проверяться показания¹. Проверяемый может ошибиться, забыть ориентиры, детали, а также отвечать на вопросы фразами: «вроде бы здесь», «кажется здесь», «может быть» и т.д., которые могут трактоваться многозначно.

Сочетание показа на месте с рассказом и демонстрацией действий. Данный тактический прием заключается в том, что следователь может убедиться в фактической достоверности сведений посредством детализации. Проверяемое же лицо имеет возможность за счет воспоминания отдельно взятых обстоятельств восполнить отдельные детали проверяемого события.

Сравнение показаний проверяемого лица с обстановкой конкретного и ранее собранными доказательствами. Данный прием позволяет следователю сделать вывод о причастности проверяемого к преступлению, определить его роль в совершении конкретного преступления.

Детализация показаний проверяемого лица с обстановкой на месте. В ходе данного приема могут быть заданы вопросы – уточняющие или детализирующие те или иные обстоятельства события преступления, его отдельно взятые моменты. Наводящие вопросы не допустимы.

Учет профессиональных навыков, знаний лица, показания которого проверяются. Этот прием важен как в процессе подготовки, так и при проведении самого следственного действия. Так, в ходе расследуемого уголовного дела по факту проникновения в квартиру подозреваемый в ходе допроса пояснил, что использовал набор отмычек, которые изготовил сам и охотно согласился продемонстрировать их в ходе проверки показаний на месте.

Наблюдение за поведением лица, чьи показания проверяются. Это позволит судить об уверенности его действий на месте проверяемого события. При этом не следует вмешиваться в ход проверки и лишать проверяемое лицо инициативы. Наблюдение должно проводиться с учетом ряда требований: уверенно ли проверяемое лицо показывает маршрут движения; ориентируется ли он на месте; последовательны ли его действия; насколько конкретно он демонстрирует свои действия.

Сочетание проверки показаний с исследованием мест и предметов. Здесь следует учитывать материальную обстановку на момент проведения данного следственного действия. Сопоставление сведений, получаемых от лица, чьи показания проверяются, с данными в протоколе осмотра места происшествия и с реально существующей обстановкой на месте проведе-

---

¹ См.: Следственные действия: учебник для магистров / М.В. Савельева, А.Б. Смушкин. – М.: Юрайт, 2012. – С. 212

ния следственного действия позволит сделать логически построенные умозаключениями по существу проверяемых показаний.

Определенную тактическую значимость в ходе проверки показаний на месте может принести участие в следственном действии потерпевшего (свидетеля). Их участие может выражаться в восприятии хода осуществляемого следственного действия и даче последующих пояснений относительно обстоятельств преступного события, которые ему известны. Этот прием способствует разоблачению самоговора.

Технико-криминалистические приемы. Использование технических средств криминалистики – важный этап в ходе проверки показаний на месте. Решается эта задача наиболее эффективно с помощью видеозаписи. С появлением цифровой видеозаписывающей техники, обладающей малыми габаритами, большим объемом памяти и высоким качеством записи, автономностью питания, возможностью копирования кадров на персональный компьютер, значение видеосъемки еще более возрастает. Разумеется, нельзя исключать роль и значение других технических средств криминалистики. Например, поисковой техники, осветительных средств, приборов, если при этом удастся обнаружить какие-либо предметы, на которые указывает лицо, чьи показания проверяются, то они осматриваются, исследуются как на месте их обнаружения, так и на ином месте. Результат осмотра их в ходе проверки и сопоставление полученной информации с материалами дела позволяет дополнительно получить сведения о достоверности ранее данных показаний.

Выбор тактики применения технических средств криминалистики должен сопровождаться выбором тактики проведения следственного действия, в данном случае тактикой проверки показаний на месте, в зависимости от ее вида, следственной ситуации и поставленных задач.

Применение видеосъемки в ходе проверки показаний на месте, как нам представляется, можно разделить на несколько рабочих этапов.

Первый этап – рассказ о месте происшествия и маршруте движения к нему и сам процесс движения.

При движении в основном применяется обзорная съемка, но из поля фиксации камеры не следует упускать всех участников процесса. В большинстве случаев проверка показаний на месте связана с необходимостью видео-фиксации маршрута движения преступника (или их группы) с одновременным осуществлением действий последнего, повторяющих обстоятельства совершенного преступления. В этом случае действует техническое правило – будучи допрошенным относительно маршрута и путей подхода к месту совершения преступления, обвиняемый (подозреваемый) сам должен показать маршрут, по которому он прибыл на место совершения преступления. Поэтому сначала снимается рассказ лица о маршруте, а за-

тем, как оно показывает путь к месту происшествия. Огромное доказательное значение, в данном случае, имеет, скажем, уверенная ориентация обвиняемого в обстановке места происшествия, обнаружение им ранее не найденных следствием скрытых вещественных доказательств (выброшенные преступником орудия преступления, ценные вещи, предметы).

Второй этап – непосредственная проверка показаний на месте.

На месте, имеющем отношение к расследуемому событию, видеосъемка ведется по правилам осмотра места происшествия. При этом объект, на который обращает внимание лицо, дающее информацию, фиксируется с помощью такого приема, как «наезд камеры». Однако важнейшим правилом видеосъемки этого следственного действия является такая его организация, когда рассказ опережает показ той обстановки о которой идет речь в показаниях. При необходимости проверки показаний по нескольким эпизодам преступной деятельности следует проводить проверку каждого эпизода отдельным следственным действием с их последующей фиксацией.

Третий этап – заключительная часть съемки.

Как уже отмечалось, по завершению данного следственного действия, а значит, и видеосъемки осуществляется просмотр видеозаписи, после чего на видеокамеру фиксируется сообщение следователя о том, что все участники следственного действия просмотрели данную видеозапись. Участники по очереди свидетельствуют, что все записано верно, дополнений и замечаний нет, или высказывают свои замечания. В заключении указывается, как производилась съемка, технические данные видеокамеры, дискета, флэш-карта.

Таким образом, проведение данного следственного действия, его эффективность, во многом предопределяется фиксацией его хода и результатов с помощью видеозаписи.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что при правильном понимании сути тактических приемов проверки показаний на месте и активном использовании можно достичь определенных положительных результатов в установлении обстоятельств исследуемого события.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ. – М.: Проспект, КноРУС 2016;
2. Васильев, А.Н., Степичев, С.С. Воспроизведение проверки показаний на месте при расследовании преступлений. – М., 1959;
3. Криминалистика: Конспект лекций: учеб. пособие / Лавров, В.П., Рахматуллин, Р.Р., Романов, В.И., Шалимов, А.Н. Под общ. ред. Лаврова, В.П. – М.: Проспект, 2016. – С.131;
4. Следственные действия: учебник для магистров / Савельева, М.В.,

Смушкин, А.Б. – М.: Юрайт, 2012. – С. 212;

5. Криминалистика: учебник и практикум для бакалавров и магистратуры / Егоров, Н.Н., Ищенко, Е.П. – М.: Юрайт, 2015.

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ АМНИСТИИ

*Саркисян А.Н., аспирант
Волжский университет имени В.Н. Татищева
г. Тольятти, Россия, 2256@paso.ru*

Институты амнистии и помилования были и остаются предметом пристального внимания не только российского законодателя, но и многих российских ученых. Исследованию этих институтов были посвящены работы таких выдающихся ученых, как: Н.Д. Дурманов, О.С. Зельдова, В.Е. Квашиш, В.А Якушин, С.Г. Келина, С.И. Комарицкий, И.Л. Марогулова, А.С. Михлин и других.

Институт амнистии в Российском уголовном законодательстве охватывается лишь одной единственной статьей 84 Уголовного кодекса РФ, из части 1 которой следует, что «амнистия объявляется *в отношении неопределенного круга лиц* Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации».

Понятие амнистии, закрепленное в Российском уголовном законодательстве, имеет схожесть с понятием амнистии в уголовном законодательстве других стран как дальнего, так и ближнего Зарубежья. Например, согласно ч. 1 ст. 74 УК Кыргызской Республики «Жогорку Кенеш Кыргызской Республики (кирг. Верховный совет — законодательный орган (парламент) Киргизии)¹ издает акт об амнистии в отношении также *индивидуально неопределенного круга лиц*».

В некоторых странах имеется и иной подход к понятию амнистии. Согласно ч. 1 ст. 84 УК Украины «амнистия объявляется *относительно определенной категории лиц*». Мы полагаем, что такое определение амнистии является более правильным. Оно в большей мере отражает суть данного института и границы его применения.

Кстати этот круг лиц, в отношении которых может быть применена амнистия, косвенно регламентирован и в законодательстве Российской Федерации. В ч. 2 ст. 84 УК РФ подчеркивается, что актом об амнистии могут быть освобождены от уголовной ответственности лица, *совершившие*

преступления, а лица, осужденные за совершение преступлений,

---

¹ Примечание автора

могут быть освобождены от наказания, либо назначенное им наказание может быть сокращено или заменено более мягким видом наказания, либо такие лица могут быть освобождены от дополнительного вида наказания, с лиц, **отбывших наказание**, актом об амнистии может быть снята судимость.

Таким образом, образуется существенное противоречие, выражающееся в том, что в ч.1 ст. 84 УК РФ подчеркивается, что лица, в отношении которых применяется амнистия, индивидуально не персонифицированы, в то время как в части 2 данной статьи указаны типовые признаки адресатов, когда Российский законодатель, на наш взгляд, говорит об обратном, подразделяя субъектов амнистии на группы:

- 1) *«совершившие преступления»*;
- 2) *«осужденные за совершение преступлений»*;
- 3) *«отбывшие наказание»*.

По данным субъектам различают и сферу применения амнистии, а именно:

1) *«совершившие преступления»* могут быть освобождены от уголовной ответственности;

2) *«осужденные за совершение преступлений»* могут быть освобождены от наказания (в том числе и от дополнительного) либо назначенное наказание может быть сокращено или заменено более мягким видом наказания;

3) с *«отбывших наказание»* может быть снята судимость.

В связи с этим представляется, что существующее в ч. 1 ст. 84 УК РФ понятие субъектов амнистии как *«неопределенного круга лиц»* представляется слишком общим. Видимо именно поэтому законодатель вынужден был конкретизировать круг амнистируемых в ч. 2 ст. 84 УК РФ.

В ч. 2 ст. 84 УК РФ также имеется еще одна неувязка – амнистия распространяется на круг лиц, *совершивших преступления*, и они освобождаются от уголовной ответственности.

Понятие лиц, как *«совершивших преступления»* встречается также и в других нормах уголовного права. Например, в ст. ст. 75-76.2 УК РФ и прочих.

В ч. 1 ст. 14 УК РФ подчеркивается, что «преступлением признается **виновно совершенное** общественно опасное деяние, запрещенное настоящим кодексом под угрозой наказания».

В этой связи вытекает одно очень важное положение о том, что «никто не может быть признан виновным **в совершении преступления** и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в порядке, установленном настоящим кодексом», содержащееся в ч. 2 ст. 8 УПК РФ.

Получается, что законодатель игнорирует тот преюдициальный факт,

что для применения акта амнистии обязательна виновность субъекта амнистии («*лица, совершившего преступление*»), она должна быть доказана и установлена ни кем иным, как Судом РФ. Только такой единственный установленный порядок признания вины в *совершении преступления* должен действовать на территории Российской Федерации.

Согласно ч. 1 ст. 29 УПК РФ, «только суд правомочен признать лицо виновным в *совершении преступления* и назначить ему наказание». Согласно ч. 1 ст. 14 УПК РФ, а именно презумпции невиновности, «обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в *совершении преступления* не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда».

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. N 55 г. "О судебном приговоре" указано, что «в соответствии со ст. 302 УПК обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в *совершении преступления* доказана. В связи с этим судам надлежит исходить из того, что обвинительный приговор должен быть постановлен на достоверных доказательствах, когда по делу исследованы все возникшие версии, а имеющиеся противоречия выяснены и оценены».

Исходя из анализа ст. 302 УПК РФ следует, что для подтверждения и констатации вины лица в *совершении преступления*, которые производятся только одним установленным образом – судом Российской Федерации по правилам, изложенным в законодательстве, суду необходимо установить событие преступления, причастность того или иного лица к *совершению преступления*, а также состав данного преступления. Установление вины лица в *совершении преступления* не может быть основано на предположениях, равно как и на догадках, должно быть подтверждено совокупностью тех доказательств, которые были исследованы непосредственно в суде.

Таким образом, мы не можем говорить *о лице, как о совершившем преступление*, пока его виновность не будет доказана в суде.

Акт об амнистии не может быть основанием отказа в возбуждении уголовного дела, так как согласно ст. 140 УПК РФ, поводом для возбуждения уголовного дела могут служить не только явка с повинной, но и другие основания, в том числе: заявление о преступлении, сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, что свидетельствует о том, что на стадии уголовной проверки устанавливаются лишь те факты, которые в последующем, при их

наличии, могут являться основанием, для возбуждения уголовного дела при том единственном условии, что они тем или иным образом указывают на признаки того или иного деяния как преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ. Таким образом, на стадии уголовной проверки лишь устанавливаются те факты, которые в последующем могут явиться основанием для возбуждения уголовного дела по тому или иному преступлению.

Получается, что амнистия может являться основанием для прекращения уголовного преследования в отношении конкретного лица, а не для отказа в возбуждении уголовного дела.

Поэтому она может быть применена органами следствия и дознания на стадии уголовного преследования путем освобождения от уголовной ответственности, вынесения постановления о прекращении уголовного преследования, а по уголовным делам, которые уже поступили для рассмотрения в суд, в том числе по которым был вынесен обвинительный приговор и назначено наказание, путем вынесения постановления судьи о применении к лицу акта об амнистии с освобождением от наказания, сокращением или заменой ранее назначенного наказания, освобождением от дополнительного вида наказания либо снятием судимости, если она не была погашена или снята в порядке, установленном ч. 3-6 ст. 86 УК РФ.

Акты об амнистии могут применяться и применяются органами предварительного расследования, которыми являются органы следствия либо дознания, как установлено ч. 1 ст. 151 УПК РФ и исходя из подследственности, четко регламентированной ч. 2 данной статьи. Не смотря на то, что органы предварительного расследования зачастую заинтересованы в том, чтобы передать расследованное ими уголовное дело с устоявшимся обвинительным заключением в суд, такая практика существует. То есть в данном случае актом об амнистии прекращается уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого либо обвиняемого в **совершении преступления**, но никак не **совершившего**, что опять же противоречит той трактовке субъекта амнистии, которую дает нам законодатель.

Не смотря на то, что амнистия может применяться на стадии предварительного расследования, мы не можем говорить о субъекте амнистии как о лице, «**совершившем преступление**». Да, он подвергается уголовному преследованию, которое согласно ст. 20 УПК РФ, от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляют прокурор, а также следователь и дознаватель, но вину в **совершении преступления** может установить только суд, и поэтому одного **совершения общественно опасного деяния** недостаточно для того, чтобы говорить о субъекте амнистии как о лице, **совершившем преступление**, так как вина его должна быть доказана и подтверждена совокупностью имеющих-

ся доказательств, должно быть проведено предварительное расследование в виде следствия или дознания.

Таким образом, на практике получается, что субъектом амнистии является лицо, как подвергшееся уголовному преследованию, так и признанное виновным *в совершении преступления*, то есть в отношении которого был вынесен обвинительный приговор, а также отбывшее наказание по обвинительному приговору суда, а не просто «лицо, *совершившее преступление*», как выразился в данном случае законодатель.

Обращаясь к принципам Уголовного права, а именно к принципу законности, который гласит о том, что «применение уголовного права по аналогии не допускается» (ч. 2 ст. 3 УК РФ), не позволяет проводить аналогию также между субъектом уголовного преследования и «лицом, *совершившим преступление*» и субъектом амнистии. Самое понятие «лицо, *совершившее преступление*», которое содержится в ч. 2 ст. 84 УК РФ и других нормах уголовного права, никак не закреплено и не обозначено в уголовном законодательстве.

Существуют такие жесткие критерии лиц, подлежащих уголовной ответственности, строго регламентированные главой 4 УК РФ, как возраст и вменяемость. Не смотря на то, что совершить общественно опасное деяние может как и лицо, не осознающее фактический характер и общественную опасность своих действий или бездействий либо неспособный руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики, а также лицо, не достигшее возраста с которого наступает уголовная ответственность, согласно ст. 20 УК РФ, оно не подлежит уголовной ответственности и соответственно не может быть признано амнистированным.

Ч. 4 ст. 133 УПК РФ говорит о том, что «правила настоящей статьи (а это право на реабилитацию)¹ не распространяются на случаи, когда примененные в отношении лица меры процессуального принуждения или постановленный обвинительный приговор отменены или изменены ввиду издания акта об амнистии», тем самым подтверждая, что амнистия ни в коем случае не оправдывает и не исключает виновность, а может только освободить от уголовной ответственности и (или) от наказания, в том числе путем сокращения либо замены его более мягким, освободить от дополнительного вида наказания, актом амнистии может сниматься судимость.

Таким образом, проведенный анализ ст. 84 УК РФ, сопоставление данной статьи с другими нормами уголовного, уголовно-процессуального законодательства России и других стран, позволяет сделать вывод о том,

---

¹ Примечание автора

что назрела острая необходимость усовершенствования законодательства об амнистии, в частности необходимы уточнения.

Полагаем, что *«лица, совершившее преступление»*, согласно нормам уголовного и уголовно-процессуального права – это те лица, вина которых уже доказана и в отношении которых вынесен обвинительный приговор, а это исключает применение амнистии на стадии предварительного расследования путем освобождения от уголовной ответственности, что предусматривается в ч.2 ст. 84 УК РФ. Вопрос виновности относится к исключительной компетенции суда и мы не имеем права говорить о лице, как о *совершившем преступление*, даже в случае признания лицом своей вины в инкриминируемом ему общественно-опасном деянии, так как его вина должна быть доказана совокупностью имеющихся по делу доказательств, нередки и случаи самооговора подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления.

В связи с этим предлагаю заменить слова *«совершившие преступления»* в ч. 2 ст. 84 УК РФ на слова *«подлежащие уголовной ответственности и подвергшиеся уголовному преследованию»*, так как на практике *совершение преступления* еще не является основанием применения амнистии и должны учитываться другие факторы, как достижение лица возраста уголовной ответственности, вменяемость, осуществление уголовного преследования в отношении данного лица, которое осуществляется в форме предварительного расследования.

Также хочу еще раз заметить, что исходя из проведенного мною анализа, а также практики применения амнистии, следует, что круг лиц, в отношении которых объявляется амнистия, определен теми нормами права, которые нашли отражение в моей работе.

Таким образом, полагаю, что ст. 84 УК РФ должна быть изложена в новой редакции:

«Статья 84. Амнистия.

1. Амнистия объявляется Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в отношении лиц, указанных в ч.2 настоящей статьи.

2. Актом об амнистии лица, *подлежащие уголовной ответственности и подвергшиеся уголовному преследованию*, могут быть освобождены от уголовной ответственности. Лица, осужденные за совершение преступлений, могут быть освобождены от наказания, либо назначенное им наказание может быть сокращено или заменено более мягким видом наказания, либо такие лица могут быть освобождены от дополнительного вида наказания. С лиц, отбывших наказание, актом об амнистии может быть снята судимость».

Библиографический список

1. «Конституция Российской Федерации», принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ).
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 07.02.2017).
3. «Уголовный кодекс Украины» от 05.04.2001 № 2341-III (с учетом изменений и дополнений по состоянию на 06.12.2016).
4. «Уголовный кодекс Кыргызской республики» от 01.10.1997 № 68 (с учетом изменений и дополнений по состоянию на 24.11.2016).

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРИЧИНЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА ПУТЕМ ОБМАНА ИЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОВЕРИЕМ БЕЗ ПРИЗНАКОВ ХИЩЕНИЯ

*Толстая М.-В. Е., адъюнкт
Казанский юридический институт МВД РФ
г. Казань, Россия, tolstayakazan@yandex.ru*

В современных условиях экономической нестабильности в Российской Федерации, а также политических и социальных изменений, следует обратить особое внимание на посягательства в сфере экономики, а в частности на имущественные отношения, совершаемые путем обмана или злоупотребления доверием.

Обман и злоупотребление доверием получили в последнее время широкое распространение в качестве совершения целого ряда преступлений против собственности. При совершении преступлений с использованием вышеуказанного способа материальный ущерб причиняется не только отдельным физическим лицам, но и государственным, коммерческим и иным организациям. В научной среде указывается на слабую защищенность прав и законных интересов собственников в различных сферах производства, распределения и потребления материальных благ, что порождает социальную напряженность в обществе, также связанной и с невысоким уровнем материального благосостояния значительной части населения¹.

По данным ГИАЦ МВД России в последние годы наблюдается снижение количества зарегистрированных преступлений, предусмотренных

---

¹ Сычева, Н.В. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: уголовно-правовой и криминологический аспекты (По материалам Уральского федерального округа): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Сычева Наталья Викторовна. - Челябинск, 2006. - 26 с.

ст. 165 УК РФ. В частности, на территории Российской Федерации и в Приволжском Федеральном округе было зарегистрировано следующее количество преступлений, предусмотренных ст. 165 УК РФ: в 2010 г. – 12065 и 1469 преступлений; в 2011 – 7815 и 913; в 2012 – 1173 и 305; в 2013 – 809 и 129; в 2014 – 741 и 130; в 2015 – 834 и 106; в 2016 – 883 и 129. Так, резкое снижение наблюдалось в 2012 году, когда было зарегистрировано 1173 указанных преступлений, что в пять раз меньше, чем было зарегистрировано в 2011 году¹.

Динамика преступлений, предусмотренных ст. 165 УК РФ, в целом в России с 2010 года имеет устойчивую тенденцию снижения, достигнув минимального количества в 2014 году (в абсолютных цифрах – с 12065 преступлений до 741). Представляется, что на это повлияло общее снижение числа преступлений против собственности в стране и законодательные изменения, произошедшие в декабре 2011 года, в результате которых причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества путем обмана или злоупотребления доверием совершенное без причинения крупного размера, равного 250 тыс. руб., с введением статьи 7.27.1 в Кодекс об административных правонарушениях, было отнесено в разряд административных правонарушений.

Думается, что на снижение числа рассматриваемых преступлений в определенной степени влияют конструктивные особенности статьи 165 УК РФ, а также неоднозначное толкование ее объективных и субъективных признаков.

Уголовно-правовое противодействие с данным видом преступлений является одним из приоритетных направлений в деятельности правоохранительных органов. Вместе с тем необходимо отметить, что в теории уголовного права уделяется достаточно много внимания проблемам квалификации мошенничества и совершенно недостаточно исследованы вопросы, связанные с уголовно-правовой оценкой причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения.

В научной среде идет активная полемика среди ученых-юристов, например, таких как, А.Г. Безверхов, Н.А. Лопашенко, А.И. Бойцов и др., о проблемах конструирования диспозиции ст. 165 УК РФ, а также неоднозначности в понимании практическими работниками данной нормы.

Известно, что при совершении данного преступления, виновный не производит изъятия чужого имущества, как при хищениях. Таким образом, механизм причинения ущерба потерпевшему состоит в передаче винов-

---

¹ Состояние преступности за январь – декабрь 2010 - 2014 года // Статистика и аналитика МВД РФ: [сайт]. URL: <https://mvd.ru/> (дата обращения: 15.02.2016).

ным лицом имущества, которое он должен был бы передать собственнику, и, соответственно, непоступление этого имущества во владение последнего. Следовательно, ущерб по данному по данному преступлению причиняется не в виде утраты имущества, а в виде неполученных доходов или упущенной выгоде.

Виновный для достижения своей цели, так же как и при хищении в форме мошенничества, использует обман или злоупотребление доверием. Но их направленность различная: в мошенничестве – на незаконное и безвозмездное завладение чужим имуществом, а при совершении преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, – на незаконное удержание имущества.¹ Исходя из законодательной формулировки не совсем ясно, что понимать под «обманом» и «злоупотреблением доверием».

Представляется, что под обманом следует понимать такой способ совершения преступления, при котором виновное лицо вводит в заблуждение потерпевшего путем сообщения заведомо ложных сведений либо несообщения сведений с целью незаконного удержания.

Под злоупотреблением доверием следует понимать умышленное использование доверительных отношений, основанных на юридических или фактических обстоятельствах, во вред правам и законным интересам собственника или иного законного владельца с целью незаконного удержания имущества.

В науке вызывает полемику и вопрос, касающийся предмета преступления. Предмет анализируемого преступления может существенно отличаться от предмета хищения. Это положение вытекает из буквального толкования диспозиции ст. 165 УК («при отсутствии признаков хищения»). Иная точка зрения высказана профессором А.И. Рарогом, который считает, что помимо реально существующих на момент совершения преступления имущественных ценностей предметом преступления может являться упущенная выгода².

В данном споре целесообразно обратиться к Постановлению Пленума Верховного суда РФ № 51 от 27 декабря 2007 г., в п. 16 которого указано: «При решении вопроса о том, имеется ли в действиях лица состав преступления, ответственность за которое предусмотрена статьей 165 УК РФ, суду необходимо установить, причинен ли собственнику или иному владельцу имущества реальный материальный ущерб либо ущерб в виде упущенной

---

¹ Бабушкина Е.А. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления при отсутствии признаков хищения // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 356. – С.113.

² Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. А.И. Рарога - 10-е изд. – М.: Проспект. – 2014. – С. 256.

выгоды».¹ Но и указанные в Постановлении разъяснения не проясняют сложившуюся ситуацию.

В частности, остается не выясненным, исключает ли Верховный суд РФ возможность вменения ст. 165 УК РФ при причинении реального ущерба или нет. Неоспоримым представляется лишь то, что неполучение должного не рассматривается как некий третий вид имущественного ущерба, отличный от двух видов убытков, выделяемых в гражданском законодательстве (в виде реального ущерба и в виде упущенной выгоды).

По мнению Ботвина И.В., понятие «неполучение должного» шире и его следует определять как упущенную выгоду, которая возникает в результате незаконного обращения и / или удержания виновным предмета преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, который он должен был передать кредитору в силу закона или иного нормативно-правового основания.²

Нам представляется это мнение правильным, поскольку понятие «неполучение должного» более точно описывает суть ущерба в составе преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ.

Можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день существуют недостатки законодательной регламентации, которые порождают различные толкования всей нормы и отдельных ее положений не только учеными, но и практическими работниками. Все эти недостатки делают затруднительным применение ст. 165 УК РФ.

Библиографический список

1. Сычева, Н.В. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: уголовно-правовой и криминологический аспекты (По материалам Уральского федерального округа): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Сычева Наталья Викторовна. - Челябинск, 2006. - 26 с.

2. Состояние преступности за январь – декабрь 2010 - 2014 года // Статистика и аналитика МВД РФ: [сайт]. URL: <https://mvd.ru/> (дата обращения: 15.02.2016).

3. Бабушкина, Е.А. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления при отсутствии признаков хищения // Вестник Томского государственного университета. –

---

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 // Российская газета. – 2008. – № 4

² Ботвин, И.В. Общественно опасные последствия как структурный элемент состава причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 382. С. 140–143.

2012. – № 356. – С.113.

4. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. Рарога, А.И. - 10-е изд. – М.: Проспект. – 2014. – 960с.

5. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 // Российская газета. – 2008. – № 4

6. Ботвин, И.В. Общественно опасные последствия как структурный элемент состава причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 382. С. 140–143.

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ УЛЬЯНОВСКОГО ГАРНИЗОНА В ВОЕННЫЙ ПЕРИОД (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ 1941-1945 ГОДОВ)

Хохлов В.И., к.ю.н., доцент

*Ульяновский государственный педагогический университет
имени И.Н. Ульянова*

г. Ульяновск, Россия, krimlab16@mail.ru

После начала **Великой Отечественной войны**, ввиду усложнения задач, стоящих перед правоохранительными органами Красной Армии, было принято решение о создании во всех крупных гарнизонах штатных военных прокуратур.

Это обусловлено возросшими требованиями к военнослужащим по дисциплине и организованности. Повысилась значимость основных промышленных центров, где была сосредоточена оборонная промышленность. Ульяновск являлся именно таким городом. В Поволжье были сосредоточены основные места дислокации запасных, учебных частей, военных училищ и школ. Поэтому Поволжье стало главным объектом засылки шпионских и диверсионных групп.

В Ульяновском гарнизоне были размещены некоторые вновь сформированные воинские части и учреждения. Наряду с размещенными частями 1 стрелковой дивизии в гарнизоне была сформирована 154 стрелковая дивизия, образованы Орловское и гвардейское военно-командные танковые училища, военное командное училище связи. Курсы командного состава были переформированы в курсы переподготовки и усовершенствования младшего комсостава. Наряду с существующим гарнизонным военным госпиталем, в городе были сформированы еще 2 военнo-лечебных учреждения. В городе также был сформирован полк НКВД, который выполнял задачи по охране наиболее важных военных и государ-

ственных объектов. Появились многочисленные арсеналы, в том числе и 31 арсенал ВМФ, размещенный в Заволжском районе города Ульяновска, 3 полевые базы хранения военного имущества, танкоремонтная и военно-автомобильная мастерские.

Крупные военные соединения размещались и в городах области. В г. Инзе находилась 42 запасная стрелковая бригада и 318 стрелковая дивизия, в г. Мелекесе дислоцировалась 431 стрелковая дивизия. В указанных соединениях были военные прокуратуры, однако общая координация их деятельности по соблюдению законности в войсковых частях Ульяновской области была возложена на военную прокуратуру Ульяновского гарнизона.

Военная прокуратура Ульяновского гарнизона была образована на основе шифротелеграммы НКО СССР № 2067 от 7 января 1942 года. Ей был присвоен штат 041750, в ее состав входили 4 военнослужащих и 1 секретарь-вольнонаемный¹.

Ему было присвоено воинское звание военного юриста 2 ранга. До призыва в органы военной прокуратуры он исполнял обязанности районного прокурора. Петр Семенович Бусаров родился в крестьянской семье в Симбирской губернии в 1903 году. После завершения учебы в юридическом институте он был направлен в правоохранительные органы. Исполнял обязанности следователя, помощника и заместителя районного прокурора. В 1927 году вступил в ряды ВКП(б). Война застала его на посту районного прокурора в Средневолжской области. После начала войны его призвали на военную службу, поручили формирование военной прокуратуры Ульяновского гарнизона. С порученным делом он успешно справился. 18 марта 1942 года начальник организационно-штатного управления Главной военной прокуратуры доложил Народному Комиссару Обороны СССР о том, что военная прокуратура в г. Ульяновске сформирована.

Если кадровый военный юрист Соколов Николай Николаевич был на должность военного следователя по предписанию военного прокурора округа, то военные следователи техник-интендант 1 ранга Василий Яковлевич Коновалов и Александр Давидович Демидюк были призваны из запаса.

Личный состав вновь образованной в январе 1942 года военной прокуратуры Ульяновского гарнизона:²

---

¹ Архив ГВП, Дело: Штаты военных прокуратур ГВП по состоянию на начало-середину 1942 года, л. 40.

² Составлено по данным на 15 мая 1942 года: Архив ГВП, д. 443, л. 19.

№ п/ п	Воинское звание	Должность	Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Образование	Партийность	Национальность, происхождение	Откуда прибыл
	1	2	3	4	5	6	7	8
1	Военный юрист второго ранга	Военный прокурор Ульяновского гарнизона	Бусаров Петр Семенович	1903	Высшее юридическое	Член ВКП (б)	Русский, из крестьян	Ранее возглавлял прокуратуру
2	Техник-интендант первого ранга	Военный следователь	Коновалов Василий Яковлевич	1899	Незаконченное среднее	Б/п	Украинец, из служащих	Призван из запаса
3	Без звания	Военный следователь	Демидюк Александр Давидович	1908	Среднее	Член ВКП (б)	Русский, из служащих	Призван из запаса
4	Военный юрист третьего ранга	Военный следователь	Соколов Николай Николаевич	1908	Среднее юридическое	Член ВКП (б)	Русский, из служащих	Кадровый военный юрист

Практика работы военной прокуратуры Ульяновского гарнизона в 1941, наиболее тяжелом году показала, что война сплотила народ и армию в единую семью. Подавляющее большинство военнослужащих старались честно и добросовестно выполнить свой воинский долг. Большинство происшествий, которые пришлось расследовать в этом году, были связаны с авариями и катастрофами военной техники, обморожениями личного состава, вспышками опаснейших инфекционных болезней. Например, зимой 1941-1942 годов на станции Майна было зарегистрировано массовое обморожение личного состава аэродромной команды. Проведенное расследование позволило установить, что командование части заставило работать личный состав в сильный мороз в летнем обмундировании. По ходатайству военного прокурора виновные командиры были отстранены от занимаемых должностей¹.

Нередко имели место аварии и катастрофы военной техники. Зачастую причинами их совершения выступала халатность. Так,

¹ Центральный архив Министерства Обороны РФ (далее ЦАМО РФ), ф.198. оп. 480348, д. 5, л.2.

30 марта 1942 года прокуратура гарнизона расследовала случай, когда по вине техников-лейтенантов Шлыкова и Карачуна штормом сорвало и повредило слабо закрепленные самолеты, находящиеся на аэродроме¹.

Имели место случаи, когда дорогостоящую учебно-боевую технику в учебно-летних школах разбивали неопытные курсанты. Только по своей халатности и личной недисциплинированности курсант 8 авиашколы Нигрей серьезно повредил самолет У-2. Он отказался выполнить приказ инструктора и в результате разбил дорогостоящую технику. Этот военнослужащий был осужден к длительному сроку лишения свободы². Проведенное по факту катастрофы учебного самолета УТ-2 расследование показало, что летчик Сорокин погиб только в результате личной халатности. Из-за халатности руководителя занятий лейтенанта Сарсенгалиева на боевой гранате подорвались три красноармейца³.

Другой проблемой, с которой пришлось столкнуться прокурорским работникам, были случаи побегов и дезертирства из воинских частей. В 1941-1942 годах этих случаев было достаточно много. Имели место факты, когда дезертировали не только рядовые красноармейцы, но и младшие командиры. Так, 6 января 1942 года из расположения 21 отдельного запасного полка связи дезертировали младший сержант Ситников и курсант Козубенко. Нередко красноармейцы дезертировали с оружием⁴. Военная прокуратура гарнизона вместе с комендатурой организовывала поиски бежавших дезертиров, привлекая к этой работе милицию и вооруженных местных жителей.

Случаи дезертирства наблюдались и среди курсантов военных училищ. 25 апреля 1942 года по докладу начальника Ульяновского пехотного училища Стеньшинского было возбуждено дело о дезертирстве курсантов Артемова и Куценко, которые покинули свои посты с оружием⁵.

В то время с дезертирами не церемонились. Самой мягкой мерой наказания, которую задержанным военнослужащим определял военный трибунал, была отправка в штрафные части, которые использовали на самых сложных участках фронтов⁶. Нередко приходилось разбираться также с красноармейцами, которые в преступных целях совершали самострелы

---

¹ Там же. - Л. 38.

² Там же. - Л. 47.

³ Там же. - Л. 48.

⁴ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее ЦАМО РФ), ф.198. оп. 480348, д. 5, л. 3-4.

⁵ Там же. - Л. 40.

⁶ Военная практика показывала, что срок жизни рядового красноармейца в штрафных батальонах составлял 7 дней, а младшего офицера – 12.

для того, чтобы уклониться от отправки на фронт¹.

В июле 1942 года вместо военного юриста П.С. Бусарова, откомандированного в распоряжение Главного военного прокурора, на должность военного прокурора Ульяновского гарнизона был назначен военный юрист второго ранга В.А. Шатохин, которому впоследствии было присвоено воинское звание подполковника юстиции.

Он принял дела и активно включился в работу по обеспечению законности в войсковых частях гарнизона.

Прокурорским работникам нередко приходилось участвовать в поисково-розыскных мероприятиях по поимке вражеских шпионов и диверсантов, которые немецкая разведка регулярно забрасывала в среднее Поволжье.

В начале 1942 года сотрудники военной прокуратуры Ульяновского гарнизона приняли участие в задержании группы вражеских диверсантов, заброшенных в районе Ставрополя на Волге (ныне Тольятти). В итоге усилиями контрразведки и личного состава истребительных батальонов группа диверсантов, выброшенная на парашютах, была задержана. Военный прокурор Ульяновского гарнизона военный юрист 2 ранга В.А. Шатохин принял активное участие в расследовании. Оказалось, что группу диверсантов составляли бывшие военнопленные красноармейцы, которые на почве недовольства Советской властью перешли на сторону врага. Среди них были бывшие старшие лейтенанты Евстюхин, Атрахин, красноармеец Тихонов. Впоследствии военный трибунал Куйбышевского гарнизона приговорил всех троих к расстрелу².

В 1942 году качественная характеристика преступлений несколько меняется. Появляются случаи самоубийства военнослужащих. Имеют место факты хищения материальных и других ценностей различными должностными лицами. Нередко участие в подобных преступлениях принимали и офицеры. 17 апреля 1942 года военная прокуратура гарнизона возбудила уголовное дело по обвинению лейтенантов Ульяновского танкового училища Ханникова и Томина в хищении со склада пистолетов «Наган»³.

В июле 1942 года военной прокуратурой гарнизона расследовалось уголовное дело по обвинению должностных лиц 59 отдельной танковой бригады в хищении продуктов со склада. Как показало проведенное расследование, хищение продуктов со склада организовал капитан Сухов⁴. В это же время на 503 продовольственном складе была выявлена и арестована группа расхитителей материальных ценностей, которую возглавлял ин-

---

¹ ЦАМО РФ, ф. 198, оп. 480348, д. 5. л. 123.

² ЦАМО РФ, ф. 198, оп. 480348, д. 5. л. 25.

³ Там же. - Л. 43.

⁴ Там же. - Л. 105.

тендант 2 ранга Власов С.Ф.

В следственной практике работников военной прокуратуры Ульяновского гарнизона встречались и дела особого рода. Нередко приходилось разбираться с фактами, когда некоторые военнослужащие в кругу товарищей допускали высказывания антигосударственного, антиармейского, пораженческого характера. Восхваляли силу и мощь вермахта, негативно истолковывали временные неудачи Красной Армии на фронте. Эти факты имели крайне негативное влияние на настроения красноармейцев, младших командиров в самый тяжелый период Великой Отечественной войны. Поэтому эти факты тщательно расследовались и жестоко пресекались командованием и военной прокуратурой гарнизона.

В подавляющем большинстве случаев по указанным преступлениям военный трибунал приговаривал виновных к расстрелу.

Приведем некоторые примеры. 2 июня 1942 года с санкции военного прокурора В.А. Шатохина был арестован красноармеец 153 танковой бригады Воронов С.А. Он открыто восхвалял гитлеровскую армию, высказывал скепсис в победе Красной Армии, клеветал на Совинформбюро, называя все, что говорилось им «ложью». Красноармеец 12 понтонно-мостового батальона Кондрашов М.Н. был арестован за то, что «высказывал террористические настроения к командно-политическому составу РККА», говоря о том, что «там кругом одни бездари и трусы». Подобные суждения высказывали и некоторые рабочие оборонных предприятий. Так, по ходатайству дирекции одного из ульяновских предприятий 5 августа 1942 года был арестован рабочий Димитрович В.М. за то, что он «восхвалял гитлеровскую армию, высказывал пораженческие настроения»¹. 7 августа 1942 года за высказывание пораженческих настроений был арестован рабочий стройколонны УВСП Алешко И.Ф.²

Нередко в высказывании подобных настроений были замечены курсанты военных училищ и даже офицеры. 12 августа 1942 года были арестованы курсанты Ульяновского пехотного училища Гайдич В.И. и Киселев И.И., курсант Ульяновского танкового училища Захаров В.Ф. за «высказывание пораженческих настроений, контрреволюционную агитацию среди сокурсников». По этим и другим делам военные трибуналы практиковали проведение открытых заседаний с вынесением жестоких мер наказания, зачастую с вынесением смертной казни, которые имели немаловажное воспитательное значение для других военнослужащих³.

В августе 1942 года военный прокурор гарнизона В.А. Шатохин лично

---

¹ ЦАМО РФ, ф. 198, оп. 480348, д. 5. л. 72-73.

² Там же. - Л. 76-77.

³ Там же. - Л. 74.

расследовал дело по обвинению слушателя офицерских курсов «Выстрел» младшего политрука Могилевского И.С., который высказывал не просто пораженческие настроения, а «вражеские взгляды», открыто проводил антивоенную, профашистскую агитацию среди своих офицеров-сокурсников. Он не только восхвалял фашистскую армию, но и предрекал «скорые бои на улицах Ульяновска». Говорил о том, что наши «фанерные истребители немцы сбивают одним выстрелом». Нередко утверждал, что немецкие офицеры подготовлены лучше. Предрекал, что как части Красной Армии сдадут Ростов и Сталинград, Советскому государству придёт «конец». Кроме того, в ходе допросов, которые проводил вместе со следователем лично военный прокурор, со слов бывшего политрука выяснилось, что «... все казачество враждебно к Советской власти и только ждёт прихода немцев, чтобы поднять восстание». Высказывал он также и недовольство бытовыми условиями, говоря о том, что «нас кормят хуже, чем свиней».

Военный трибунал приговорил Могилевского к расстрелу.

По итогам этого дела командование ульяновских курсов «Выстрел» по представлению военной прокуратуры было отстранено от занимаемых должностей и отдано в полном составе под суд военного трибунала¹.

Факты антивоенной, профашистской пропаганды и агитации были не просто безобидным «ворчанием» уставших от тягот военной службы красноармейцев и офицеров, а имели серьезные последствия. Как показало проведенное следствие в 26 отдельном учебном танковом полку под воздействием антивоенной агитации и неудовлетворительных социально-бытовых условий перед отправкой на фронт сразу дезертировало 11 курсантов². И такие случаи были далеко не единичны. А опыт развала русской армии в период Февральской революции наглядно говорил о том, насколько в период войны антигосударственная пропаганда в армии может быть опасна.

Однако, наиболее опасным фактом антивоенной агитации можно считать случай, произошедший в 12 инженерном полку. 15 августа 1942 года сразу несколько красноармейцев попытались в групповых беседах высказать антивоенные и антисоветские настроения, где они не только восхваляли фашистский режим и принижали мощь Красной Армии, но и подбивали сослуживцев дезертировать перед отправкой на фронт. Военной прокуратуре гарнизона при участии особого отдела «Смерш» пришлось в этом полку проводить серьезную чистку, несколько десятков красноармейцев и младших командиров были арестованы и отданы под суд военного трибу-

---

¹ Там же. - Л. 81.

² ЦАМО РФ, ф. 198, оп. 480348, д. 5. л. 112.

нала¹.

Работникам военной прокуратуры Ульяновского гарнизона пришлось заниматься и преступлениями, связанными с грубым нарушением уставных правил несения гарнизонной и караульной службы. Так, часовой курсант в гвардейском танковом училище застрелил на посту случайно забредшего в охраняемую зону пьяного краснофлотца Московченко².

Особую остроту в тяжелейший военный период имели случаи бесчинств по отношению к местному населению, которые допускали военнослужащие гарнизона.

11 августа 1942 года выпускник 2 Ульяновского танкового училища лейтенант Седов Г.С. в пьяном виде в городе затеял драку с демобилизованными красноармейцами-инвалидами. В результате двое из них были ранены ножом, оказавшимся в разгар возникшей драки в руках у лейтенанта. Этот случай стал предметом серьезного разбирательства в данном училище, командование которого неоднократно предупреждалось прокуратурой гарнизона о неудовлетворительной организации политико-воспитательной работы. По представлению военной прокуратуры гарнизона командование училища было отстранено от занимаемых должностей и с большим понижением отправлено в действующую армию³.

В последующий период деятельность военной прокуратуры гарнизона постепенно перестраивалась с чрезвычайного на нормальный режим работы. Если в 1941-1943 годах главное внимание уделялось оперативно-розыскной и следственной работе, то начиная с 1944 года, идет постепенный переход в сторону надзорной деятельности.

С 30 октября 1943 года военная прокуратура Ульяновского гарнизона была переведена на новый штат. В составе военной прокуратуры теперь проходили службу 6 военнослужащих и 5 лиц гражданского персонала. Были введены должности заместителя военного прокурора гарнизона и старшего помощника военного прокурора⁴.

Прокуратура Ульяновского гарнизона с конца 1943 года, наряду с расследованием преступлений, активно занималась общим надзором за соблюдением в частях гарнизона действующего законодательства, осуществляла надзор за судебными органами.

В приоритете работы прокуратуры появляется новое направление – организация работы офицерских судов чести. Как показала проверка, суды слабо отчитываются о своей деятельности перед офицерами, своевременно не организуют выборы, а также выносят решения, которые неправомочны

---

¹ Там же. - Л. 115.

² Там же. - Л. 108.

³ Там же. - Л. 113.

⁴ Архив ГВП, оп. 01658, д. 4, л. 6

согласно их статусу¹.

На завершающем этапе Великой Отечественной войны личный состав воинских частей, дислоцированных в глубоком тылу, несколько «расслабился». Участились случаи хищения и разбазаривания материальных ценностей. Прокурорские проверки тыловых служб 411 окружного склада и окружных курсов младших лейтенантов позволили выявить хищения и нецелевое использование материальных средств на суммы, превышающие 1 миллион рублей. Офицеры тыловых служб Борисов, Иванов, Несменко в ходе расследования, организованного прокуратурой, были изобличены в организации хищений. Судом военного трибунала гарнизона они все были по закону от 7 августа 1932 года осуждены на длительные сроки лишения свободы².

По итогам 1944 года наибольшее количество преступлений и происшествий в гарнизоне было совершено в 26 учебном танковом полку, выведенном на переформирование из района боевых действий. Процветали случаи самовольного оставления части, дезертирства. Было зарегистрировано 93 случая грубых нарушений воинской дисциплины. 26 из них составили нарушения, совершенные офицерами. Военной прокуратурой в этом полку было возбуждено 6 уголовных дел. В адрес командира полка полковника Коробицина было отправлено несколько прокурорских представлений о слабой работе по укреплению воинской дисциплины. Некоторые офицеры в подразделениях, где наблюдалось наибольшее количество грубых нарушений воинской дисциплины, были отстранены от занимаемых должностей. Позднее подобные представления о положении дел в полку были направлены и в адрес вышестоящего командования³.

В победном 1945 году в центре внимания гарнизонной прокуратуры оказалось положение дел в Ульяновском пехотном училище. Участились случаи дезертирства среди курсантов, имели место факты, связанные с хищением оружия и боеприпасов, суицида. В подразделениях училища процветало пьянство. Офицеры училища далеко не все являлись примерами в соблюдении уставных требований. Пьянствовали лейтенанты Юрьев и Матвиенко. Старший лейтенант Аббеков в пьяном виде затеял на улицах г. Ульяновска стрельбу из табельного оружия по окнам мирных граждан. Только по счастливой случайности никто не пострадал. Другой офицер, лейтенант Гайдаров, находясь в пьяном виде в наряде, потерял табельное оружие.

Военный прокурор Ульяновского гарнизона подполковник юстиции

---

¹ ЦАМО РФ, ф. 198, оп. 480348, д. 3. л. 1.

² Там же. - Л. 2.

³ ЦАМО РФ, ф. 198, оп. 480348, д. 3. л.5.

В.А. Шатохин организовал в училище прокурорскую проверку. В результате было выяснено, что командование училища после победы в результате эйфории ослабило контроль за соблюдением требований воинской дисциплины среди личного состава, упустило воспитательную работу с офицерским составом, пустило на самотек организацию гарнизонной и караульной службы. По итогам прокурорской проверки, в военное училище прибыла специальная комиссия штаба ПриВО. Все вскрытые нарушения подтвердились. В результате предпринятых вышестоящим командованием мер положение дел в училище было нормализовано¹.

В годы войны военная прокуратура Ульяновского гарнизона занималась не только расследованием происшествий, преступлений и борьбой с грубыми нарушениями воинской дисциплины. В ходе проводимых прокурорских проверок в воинских частях проверялось состояние партийно-политической и воспитательной работы, организация бытового обеспечения личного состава, доведение до него положенных норм вещевого и продовольственного обеспечения, состояние медицинского обеспечения в гарнизоне, и даже такие вопросы, как организация в воинских частях противопожарной охраны. По всем выявленным фактам военный прокурор в виде специальных представлений информировал начальника гарнизона генерал-майора Ф.И. Маркова²

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно с полной ответственностью отметить, что военная прокуратура Ульяновского гарнизона, созданная в начальный период Великой Отечественной войны внесла огромный вклад в поддержание на высоком уровне воинской дисциплины, законности, правопорядка и организованности в воинских частях и учреждениях Ульяновского гарнизона.

7 января 2017 года военной прокуратуре Ульяновского гарнизона исполнилось 75 лет.

Библиографический список

1. Архив ГВП. Дело: Штаты военных прокуратур ГВП по состоянию на начало-середину 1942 года, л. 40.
2. Архив ГВП. оп. 01658. д. 4. л. 6.
3. ЦАМО РФ. ф. 198. оп. 480348. д. 3.
4. ЦАМО РФ. ф.198. оп. 480348. д. 5.

---

¹ Там же. - Л. 11-13.

² ЦАМО РФ, ф. 198, оп. 480360, д. 3. л.15.

СПЕЦИФИКА ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СОСТАВАХ С АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИЕЙ

*Чемеринский К.В., к.ю.н., доцент
Северо-Кавказский федеральный университет
(филиал в г. Пятигорске)
г. Пятигорск, Россия, chemerinsky@mail.ru*

С момента возрождения составов с административной преюдицией в уголовном законодательстве России споры относительно целесообразности, возможности и правомерности их существования не утихают в среде научной общественности и на страницах юридической печати.

Институт административной преюдиции не является новшеством современного уголовного законодательства. Несмотря на отсутствие в первоначальной редакции УК РФ норм с административной преюдицией, подобные нормы имелись еще в дореволюционном уголовном законодательстве России и во всех уголовных кодексах советского периода.

На сегодняшний момент УК РФ насчитывает девять норм с составом административной преюдиции – статьи 116.1, 151.1, 157, 158.1, 212.1, 215.4, 264.1, 284.1, ч. 2 ст. 214.1 УК РФ. Представляется, что количество подобных составов преступлений в будущем будет неуклонно увеличиваться.

Необходимо отметить, что один из основных аргументов противников существования составов с административной преюдицией сводится к тому, что совершение двух или более административных проступков не способны изменить их социальную сущность и трансформироваться в новое свойство, характерное именно для преступления, - в общественную опасность. Д.С. Чикин по этому поводу отмечает: «административное правонарушение, сколько бы оно ни повторялось, не приобретает сущностных, материальных свойств преступления»¹.

Известно, что общественная опасность как основное материальное свойство преступления и основание криминализации объективна по своей сущности, т.е. не зависит от усмотрения кого-либо, в том числе, законодателя. Задача законодателя состоит в правильной оценке конкретного поведения как общественно опасного и фиксации наличия этого свойства у криминализируемого деяния, в результате чего общественная опасность получает объективное выражение. Как справедливо отмечает Л.Н. Кривоченко: «Роль законодателя заключается в том, чтобы выявить, правильно отразить и закрепить в норме пра-

---

¹ Чикин Д.С. Преступление с административной преюдицией как вид сложного единичного преступления // Российский следователь. - 2012. - № 23. - С. 17.

ва это объективное свойство».¹

В свете изложенного, актуальным становится вопрос о содержании общественной опасности в деяниях, описанных в уголовном законе с помощью составов с административной преюдицией.

В теории уголовного права и законодательстве выделяется два критерия общественной опасности – характер и степень. При этом, в понимании содержания характера и степени общественной опасности в уголовно-правовой доктрине и правоприменительной деятельности единообразия не наблюдается.

В теории уголовного права содержание общественной опасности раскрывается неоднозначно. По мнению П.С. Тоболкина общественная опасность деяния определяется объективным критерием, отражающим особенности объекта преступления, и субъективным критерием, определяемым виной, отражающей степень проявленности отрицательного отношения лица, совершившего преступление, к наиболее важным ценностям общества.²

Пленум Верховного Суда РФ по вопросу о содержании общественной опасности преступления отмечает: «При учете характера и степени общественной опасности преступления надлежит исходить из того, что характер общественной опасности преступления зависит от установленных судом объекта посягательства, формы вины и отнесения Уголовным кодексом преступного деяния к соответствующей категории преступлений (ст. 15 УК РФ), а степень общественной опасности преступления определяется обстоятельствами содеянного (например, степенью осуществления преступного намерения, способом совершения преступления, размером вреда или тяжестью наступивших последствий, ролью подсудимого при совершении преступления в соучастии)».³

Исходя из данной позиции, вытекает, что совершение нескольких тождественных административных проступков неспособно породить новое качество – общественную опасность.

В то же время, существует и иная позиция. Так, Ю.А. Демидов указывает, что «общественная опасность преступления складывается из общественной опасности деяния (действия или бездействия), общественной опасности последствий этого деяния и общественной опасности личности виновного (выделено автором – К.Ч.)».⁴ Эта позиция разделяется и иными авторами. К при-

---

¹ Кривоченко Л.Н. Классификация преступлений. – Харьков: ХарЮОИ, 1983. - С. 33.

² Тоболкин П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1983. - С. 73-78.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 1999 г. № 40 «О практике назначения судами уголовного наказания» // Российская газета. 1999. 07 июля. №129.

⁴ Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. - М.: Юридическая литература, 1975. - С. 68.

меру, П.Д. Фризен справедливо отмечает, что переход административного правонарушения в уголовное преступление происходит через субъекта, совершившего деяние, то есть конструкция административной преюдиции предполагает не переход из количества совершенных правонарушений в их качество, а приобретение нового качества лицом, совершившим правонарушение или уже преступление.¹ Аналогичного мнения придерживается и В.А. Якушин.²

Действительно, лицо, совершившее административное правонарушение после назначения ему административного наказания, будучи предупрежденным о возможных уголовно-правовых последствиях в случае повторного совершения им аналогичного правонарушения, демонстрирует не только более стойкую антиобщественную направленность, но и субъективно оценивает совершаемое повторно деяние именно как преступление, осознавая его уголовную противоправность.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 10 февраля 2017 года также отметил: «Совершение подвергнутым административному наказанию, т.е. находящимся в состоянии административной наказанности, лицом однородного или, более того, аналогичного правонарушения свидетельствует, что примененные к нему меры административного принуждения не дают должного предупредительного эффекта, а потому отнесение повторности (неоднократности) административных правонарушений к ... основаниям криминализации соответствующих деяний не лишено разумной целесообразности».³

Таким образом, общественная опасность преступлений, состав которых сконструирован посредством административной преюдиции, в первую очередь, определяется особым статусом субъекта посягательства.

В то же время, необходимо отметить, что Конституционный Суд РФ в указанном постановлении сформулировал и достаточно спорное положение о том, что при осуществлении криминализации деяния путем формулирования составов с административной преюдицией «важно учитывать, что в правовой системе России преступлению - в отличие от иных правонарушений - должна быть присуща криминальная общественная опасность, при отсутствии которой даже деяние, формально подпадающее под признаки уголовно наказуемого, не может считаться таковым». Представ-

---

¹ Фризен П.Д. Административно-правовое предупреждение отдельных видов преступлений: Дисс. ... канд. юрид. наук. - Барнаул, 2004. - С. 12-14.

² Якушин В.А. Административная преюдиция в уголовном праве // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2015. № 4(83). - С. 136.

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision261462.pdf>

ляется, что введение в научный оборот и правотворческую деятельность дополнительной категории «криминальная общественная опасность», предполагающей наличие и «некриминальной» общественной опасности, очевидно, присущей административно-правовым деликтам, не будет способствовать цели повышения качества уголовного и административного законодательства и его применения, а на теоретическом уровне способно привести к возобновлению схоластических нерациональных дискуссий.

Библиографический список

1. Демидов, Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. - М.: Юридическая литература, 1975.
2. Кривоченко, Л.Н. Классификация преступлений. – Харьков: Хар-рЮИ, 1983.
3. Тоболкин, П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1983.
4. Фризен, П.Д. Административно-правовое предупреждение отдельных видов преступлений: Дисс. ... канд. юрид. наук. - Барнаул, 2004.
5. Чикин, Д.С. Преступление с административной преюдицией как вид сложного единичного преступления // Российский следователь. 2012. № 23.
6. Якушин, В.А. Административная преюдиция в уголовном праве // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2015. № 4(83).
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision261462.pdf>
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 1999 г. № 40 «О практике назначения судами уголовного наказания» // Российская газета. 1999. 07 июля. №129.

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Шурыгина И.И., аспирант

Казанский (Приволжский) федеральный университет

г. Казань, Россия, irina_aim@mail.ru

Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном процессе представляет собой соглашение, согласно которому подозреваемый или обвиняемый принимает на себя обязательства по оказанию помощи следствию в раскрытии и расследовании преступления путем изобличения лиц, участ-

вовавших в его совершении, розыска имущества, добытого в результате преступления, в обмен на возможность существенного смягчения наказания. Данная возможность является одним из направлений правовой природы института досудебного соглашения о сотрудничестве. Именно аспект смягчения наказания виновного лица послужил истоком возникновения современных норм института уголовно-процессуального законодательства. Вместе с тем, появление данной нормы в Уголовно-процессуальном кодексе РФ вряд ли свидетельствует о её революционном характере, институт досудебного соглашения о сотрудничестве имеет давнюю историю. В частности, отдельные его проявления наблюдались с самого раннего периода зарождения как отечественного уголовно-процессуального законодательства, так и зарубежного законодательства.

Так, первый свод законов князя Ярослава Мудрого «Русская правда» предусматривает возможность освобождения от наказания в связи с раскаянием¹. Виновный в краже, добровольно возвращал похищенное законному владельцу, освобождался от ответственности, при условии, если против такого решения не возражал потерпевший².

Следующим правовым актом является Двинская уставная грамота 1397 года, преподнесенная в дар Двинской земле великим князем московским Василием I Дмитриевичем. Грамота содержит первое упоминание об институте примирения сторон, закрепляя положение о том, что примирившиеся лица, повздорившие в пиру, до обращения за защитой в суд, при условии чистосердечного раскаяния в содеянном, взамен освобождает их от уплаты штрафа в пользу князя³. Правосознание народа прежде всего формировалось на фундаменте морально-нравственных принципов. Поэтому понятие добровольного раскаяния рассматривалось в качестве морального наказания, подменявшее собой физическое. Оно было направлено на исправление, которое достигалось путем душевных страданий и мук совести⁴.

Анализ законодательных актов «петровской» эпохи России свидетельствует о формировании института смягчения наказания по основанию добровольной явки с повинной. Указ Алексея Михайловича 16 августа 1655 года предписывал отмену смертной казни всем воровским людям, которые сдались властям и добровольно покаялись в совершенном деянии. Артикул воинский 1715 года содержал нормы, устанавливающие смягче-

---

¹ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. / под общ. ред. О.И. Чистякова – М.: Юридическая литература, 1984. – С. 57.

² Свердлов, М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. – М.: Юридическая литература, 1988. – С. 123–124.

³ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 1. – С. 57.

⁴ Мачульская, Е.А. Юридические аспекты явки с повинной // Журнал Российского права. – 2008. – № 9. – С. 142–151.

ние наказания вернувшимся и раскаявшимся дезертирам. Решение вопроса о размере наказания оставалось за судьей. Указ Петра от 7 марта 1721 года объявлял помилование убийцам, явившимся с повинной: вместо казни их отправляли на каторгу на 10 лет¹.

Более близкие очертания к существованию института досудебного соглашения о сотрудничестве принимали положения актов России дореволюционного периода - Уголовных уложений 1845, 1866 и 1903 годов. Особенная часть Уголовного уложения 1845 года предусматривала деятельное раскаяние в качестве смягчающего обстоятельства. Нормы о деятельном раскаянии применялись в следующих случаях:

- явки с повинной к начальству (относится ко всем случаям деятельного раскаяния);
- предотвращение последствий совершенного им деяния (касается подлога документов и взятки);
- возмещения убытков (при присвоении и растрате).

Явка с повинной должна была быть добровольной – «по своему побуждению»².

Статья 319 Уложения предусматривала возможность деятельного раскаяния при подлоге указов и иных актов царской власти – виновные вместо бессрочной ссылки на рудники направлялись в Сибирь на поселение. Санкция Статья 322 Уложения устанавливала наказание за совершение подделки губернских и судебных указов и документов – в случае деятельного раскаяния – вместо ссылки в Сибирь с лишением всех прав назначалось в виде ареста на срок от одной до трех недель. Аналогичные положения в части смягчения наказания при наличии деятельного раскаяния содержала статья 320 Уложения. При подделке указов вместо ссылки в Сибирь с лишением всех прав наказание смягчалось до заключения в тюрьму на срок от шести месяцев до одного года³.

Уложение 1866 года дополнило основания освобождения при деятельном раскаянии (статья 153) выдачей сообщников. И раскрытием иного планируемого преступления.

Положение статьи 127 Уложения 1903 года регламентировало новые по

---

¹ Коллманн, Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени / Нэнси Шилдс Коллманн; пер. с англ. П.И. Прудовского (Введение, гл. 1, 4, 5, 7, 9—14, 16, Заключение) при участии М.С. Меньшиковой (гл. 6, 8, 14, 15), А.В. Воробьева (гл. 1—5), Е.А. Кирьяновой (гл. 14, 18), Е.Г. Домниной (гл. 17); науч. ред. А.Б. Каменский. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 616 с.

² Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. / под общ. ред. О.И. Чистякова – М.: Юридическая литература, 1988. – С. 251–277.

³ Там же. – С. 251.

сравнению с предыдущими актами основания смягчения наказания и освобождения от уголовного наказания – сообщение о преступном сообществе его участником до обнаружения такого сообщества. Смягчение наказания при наличии такого основания предусматривалось за совершение присвоения имущества (ст. 574), воровства (ст. 581) и мошенничества (ст. 591).

Анализ УК РСФСР в постреволюционный советский период свидетельствует о расширении перечня норм смягчающих наказание лицам, сотрудничающим с правоохранительными органами. В 1921 году была принята норма об исключении уголовной ответственности в случае выдачи в установленные сроки оружия и взрывчатых веществ¹. УК РСФСР 1996 года расширяет перечень видов освобождения от уголовной ответственности. Так, появляется самостоятельный раздел «Освобождение от уголовной ответственности и наказания», где каждый вид освобождения выделен в отдельную главу. Впервые за всю историю сотрудничество в раскрытии преступления с правоохранительными органами стало предусматривать возможность не только смягчения, но и освобождения от уголовной ответственности. Указанное положение было регламентировано ч. 4 ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» 1995 года².

Согласно исследованию статистики с 1989 года по 2005 год увеличено число преступлений, совершенных организованной группой. В ноябре 2006 года на Всероссийском координационном совещании руководителей правоохранительных органов по борьбе с преступностью и коррупцией Президент России Владимир Путин заявил о необходимости принятия законодательных решений, позволяющих заинтересовать привлекаемых к уголовной ответственности лиц в сотрудничестве с правоохранительными органами. Пояснительная записка к проекту федерального закона 2007 года № 485937-4 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» закрепляет положения законопроекта в качестве реальной меры по противодействию организованным формам преступности³.

При проведении анализа исторического становления института досудебного соглашения о сотрудничестве, установлено наличие предпосылок

---

¹ Собрание узаконений РСФСР. – 1921. – № 70. – Ст. 564.

² Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 10.07.2012 № 114-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

³ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (о введении особого порядка вынесения судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве)» [Электронный ресурс]: проект федерального закона от 29 октября 2007 г. № 485937-4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

его становления с древних времен зарождения отечественного уголовно-процессуального законодательства. Таким образом, появление данной нормы в Уголовно-процессуальном кодексе РФ носит в большей степени эволюционный характер.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 10.07.2012 № 114-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 349.
2. Собрание узаконений РСФСР. – 1921. – № 70. – Ст. 564.
3. Коллманн, Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени / Нэнси Шилдс Коллманн; пер. с англ. П.И. Прудовского (Введение, гл. 1, 4, 5, 7, 9—14, 16, Заключение) при участии М.С. Меньшиковой (гл. 6, 8, 14, 15), А.В. Воробьева (гл. 1—5), Е.А. Кирьяновой (гл. 14, 18), Е.Г. Домниной (гл. 17); науч. ред. А.Б. Каменский. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 616 с.
4. Мачульская, Е.А. Юридические аспекты явки с повинной // Журнал Российского права. – 2008. – № 9. – С. 142–151.
5. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. / под общ. ред. О.И. Чистякова – М.: Юридическая литература, 1984. – С. 57.
6. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. под общ. ред. О.И. Чистякова – М.: Юридическая литература, 1988. – С. 251–277.
7. Свердлов, М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. – М.: Юридическая литература, 1988. – С. 123–124.
8. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (о введении особого порядка вынесения судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве) [Электронный ресурс]: проект федерального закона от 29 октября 2007 г. № 485937-4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ЦЕЛИ СОЗДАНИЯ БАНДЫ

*Шутемова Т.В., старший преподаватель
Волжский университет имени В.Н. Татищева
г. Тольятти, Россия*

*Самарский государственный экономический университет
г. Самара, Россия, shutemtv2015@rambler.ru*

Содержание уголовно-правовой категории «цель» основано на обще-

философском понимании цели как конечном результате деятельности человека(или коллектива людей), предварительное идеальное представление о котором и желание его достигнуть определяют выбор соответствующих средств и системы специфических действий по его достижению¹. Н.С. Таганцев писал, что «где в состав преступного деяния вводится по тексту закона указание на определенную цель или определенный план, т.е. указывается на выбор известного способа или средства действия, закон всегда предполагает, что виновный не только сознавал то, что он делает, и то, что может произойти из его действий, и сознательно направил себя по этому пути, но, кроме того, что он исходил именно из указанных законом побуждений и сознательно пользовался тем способом, которым выполнено преступное деяние»². Цель преступления входит в субъективную сторону преступления и является представлением о желаемом результате, к достижению которого стремится лицо, совершающее преступление³. Все преступления, в состав которых введен элемент специальной цели действий, могут быть совершены лишь с прямым умыслом⁴. Применительно к бандитизму (ст. 209 УК РФ) эти положения означают, что создание устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан или организации осуществляется только с прямым умыслом.

Доказывание специальной цели создания банды имеет важное значение, т.к. по содержанию этой цели возможно разграничение бандитизма с другими преступлениями. Л.В. Глазкова обоснованно пишет, что при отсутствии в действиях лиц цели совершить нападение отсутствует состав бандитизма, а это означает, что цель нападения является обязательным признаком состава. По делу И., осужденного 18 сентября 2006 г. Верховным судом Чеченской республики, государственный обвинитель просил переqualифицировать действия подсудимого с ч.2 ст.209 УК РФ на ч. 2 ст. 208 УК РФ, поскольку в суде не было доказано, что целью вступления И.в незаконное вооруженное формирование являлось нападение на граждан или организации и это формирование было создано для этих целей, а не для решения военно-политических задач. Суд разделил позицию обвинителя⁵.

---

¹ Философский словарь /под ред. И.Т.Фролова.7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. С.646

² Русское уголовное право. Лекции Н.С. Таганцева. Часть Общая. Том 1. С-Петербург, 1902. С. 635

³ Уголовное право России. Общая часть. Том 1.Учение о преступлении. Учебник//под общ. ред. Н.Ф. Кузнецовой. М. : Зерцало, 2002. С. 186

⁴ Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права в 6 т. Часть Общая. Том 2. Преступление. М.: Издательство «Наука», 1970. С.292

⁵ Глазкова, Л.В. Бандитизм и преступное сообщество : вопросы разграничения :

Нами ранее отмечалось, что степень сложности доказывания цели создания банды зависит от времени ее выявления — до того, как банда начала осуществлять свою преступную деятельность, или после. Если банда выявлена до начала ее преступной деятельности, то о цели ее образования будет свидетельствовать конспиративность создания устойчивой группы и обеспечения ее оружием, установление направленности предполагаемой деятельности такой группы путем определения «специализации». Выявление банды после начала ее преступной деятельности облегчает доказывание цели ее создания, поскольку цель фактически реализована и возможно установление тех или иных следов такой реализации¹.

Бандитизм считается окончательным преступлением с момента создания банды независимо от того, как указывается в п.7 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 17 января 1997 года « О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм», были ли совершены планировавшиеся ею преступления. На момент создания банды, таким образом, определяется ее готовность к совершению нападений. Для устойчивой организованной группы, создаваемой как банда или преобразующейся в банду, момент готовности к совершению нападений, с учетом положений п. 5 названного выше постановления Пленума Верховного Суда РФ, определяется моментом появления в такой группе оружия хотя бы у одного из ее членов и осведомленности об этом других членов банды. Доказательствами, свидетельствующими на момент создания банды о ее цели как нападения на граждан и организации, могут выступать показания лиц, ее создавших и членов банды, показания иных лиц, так или иначе информированных о действиях по созданию банды, вещественные доказательства (например, изъятое оружие, боеприпасы, материальные следы пристреливания оружия (пули, гильзы), записи об объектах нападения и их отслеживанию), результаты проведенных оперативно-розыскных мероприятий.

В отличие от разбоя, при котором целью нападения является хищение чужого имущества, для бандитизма не предусмотрено конкретных целей совершаемых бандой нападений и, как отмечено в п. 12 указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ, это может быть не только непосредственное завладение имуществом, деньгами или иными ценностями гражданина либо организации, но и убийство, изнасилование, вымогательство, уничтожение или повреждение чужого имущества и т.д.

То же постановление Пленума Верховного Суда РФ дает толкование

монография. Юрлитинформ, 2013. С. 57

¹ Шутемова, Т. Особенности доказывания создания банды // Законность, 1999. № 9. С.16

понятия нападения, как действий, направленных на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшим либо создания реальной угрозы его немедленного применения (п.6). Однако в уголовно-правовой науке единого понимания содержания нападения нет и это связано, в основном, с разными позициями по соотношению «нападение-насилие». А.И. Рарог, Т.И. Нагаева предложили выделить свойства нападения, имманентно присущие ему как разновидности преступного деяния (поведенческого акта). По их мнению, стремительность, интенсивность (опасность), открытость, вооруженность, направленность умысла (цели) являются факультативными признаками нападения, а как видовое понятие, нападение - это неспровоцированное внезапное агрессивно-насильственное воздействие на потерпевшего или на охраняемые уголовным законом объекты¹. Полагаем, что такое понимание нападения больше восходит к способу действия, а также пониманию личности бандита, выраженному С.В. Познышевым: «Бандит открыто заявляет о своем господстве над физической личностью другого человека, преодолевает физической силой сопротивление последнего или парализует его страхом, угрожая физическим насилием. Это грубое проявление физической силы - первый характерный признак бандитского нападения²», а в свете современного законодательства господство физической силы подкреплено оружием. Следы реального применения насилия при нападении - это следы нарушения целостности как самого объекта, так и окружающей его среды, обстановки. Эти следы появляются при причинении физическому лицу смерти или телесных повреждений; при повреждении(уничтожении) одежды, другого личного имущества; при повреждении(уничтожении) транспортных средств, транспортных сооружений, зданий и т.п.; при создании беспорядка и др. Материальные следы примененного насилия устанавливаются при проведении осмотра места происшествия, осмотра трупа, освидетельствовании потерпевшего. Стоимостное выражение ущерба определяется путем проведения товароведческих экспертиз, экспертной оценки имущества, допросов потерпевших и свидетелей, анализа иных документов (паспортов, ярлыков, ценников, чеков и др.). Характер примененного при нападении насилия можно доказать путем сопоставления фотоснимков одного и того же объекта, сделанных до и после нападения, фиксацией беспорядочного или иного необычного расположения предметов обстановки после

---

¹ Рарог, А.И., Нагаева, Т.И. Нападение как вид преступного деяния //Lex Russica (Научные труды МГЮА), 2012, № 2. С. 345, 357

² Познышев, С.В. Криминальная психология: преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности / Сост. и предисл. В.С. Овчинского, А.В. Федорова. М.: ИНФРА-М, 2007. С. 78-79

нападения (перевернутые столы, стулья, выдвинутые ящики и т.п.).

Библиографический список

1. Глазкова, Л.В. Бандитизм и преступное сообщество: вопросы разграничения: монография. М., Юрлитинформ, 2013. 200 с.
2. Пионтковский, А.А. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Том 2. Преступление. М.: Издательство «Наука», 1970. 516 с.
3. Познышев, С.В. Криминальная психология: преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности / Сост.и предисл. В.С. Овчинского, А.В. Федорова. М.: ИНФРА-М, 2007. 302 с.
4. Парог, А.И., Нагаева, Т.И. Нападение как вид преступного деяния // Lex Russica (Научные труды МГЮА), 2012, № 2. С. 342-358
5. Русское уголовное право. Лекции Н.С. Таганцева. Часть Общая. Том 1. С-Петербург, 1902. 857 с.
6. Философский словарь /под ред. И.Т. Фролова / М.: Республика, 2001. 719 с.
7. Шутимова, Т.В. Особенности доказывания создания банды // Законность, 1999. № 9. С.15-16

РАСПРОСТРАНЕНИЕ СВЕДЕНИЙ КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Шутова А.А., адъюнкт

Нижегородская академия МВД РФ

г. Нижний Новгород, Россия, Shutova1993@inbox.ru

Объективную сторону многих информационных преступлений составляют деяния, которые осуществляются путем распространения сведений, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях. Однако, по нашему мнению, квалификация преступных деяний с использованием указанного способа вызывает определенные сложности в правоприменительной практике.

В конструкции норм Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)¹ термин «распространение, как способ объективной стороны используется в ст. 179, 185³, 242, 242¹, 273, 354¹ УК РФ. При этом отметим, что в ст. 242 УК РФ и ч. 1 ст. 242¹, ч. 1 ст. 242² УК РФ в качестве предметов распространения выступают материалы или предметы. В ч. 1 ст. 128¹,

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №25. – Ст. 2954

137, ч. 1 ст. 185³, ч. 2 ст. 283¹ и ч. 3 ст. 354¹ рассматривается распространение сведений, в ч. 3 ст. 137 – распространение информации, в ч. 1 ст. 273 – распространение компьютерной информации, а в ч. 1 ст. 249 УК РФ – распространение эпизоотий. Исходя из темы исследования, интерес представляет распространение сведений, выступающий способом совершения ряда уголовно-наказуемых деяний.

Под распространением сведений в доктрине уголовного права понимается их сообщение, т. е. «активные волевые действия лица по передаче информации вовне»¹. Передача может осуществляться любым способом, позволяющим воспринимать информацию.

Так, в толковом словаре С.И. Ожегова под глаголом «распространить» понимается «сделать доступным, известным для многих»². Исходя из доктринального понимания, под распространением подразумевается в первую очередь передача какой-либо информации неопределенному кругу лиц.

В практической деятельности вызывает достаточные сложности факт совершения деяния с использованием способа в виде распространения, а также определения того, какие действия подпадают под признаки распространения.

В Белоруссии правоприменительная практика по данному вопросу исходит из того, что под распространением понимаются такие действия, как копирование, «лайк», репост материалов социальных сетях, пересылка указанных материалов в мессенджерах (таких как Skype или Viber), добавление видео на собственные страницы, передача на другие устройства посредством беспроводных сетей (Bluetooth, wi-fi), а также отправка порнографии личным сообщением в социальной сети или электронной почты³.

В России же в правоприменительной практике в Постановлении ФАС ВСО от 14 ноября 2006 г. N А33-19382/05-Ф02-5935/06-С2 по делу N А33-19382/05 судом разъясняется, что под распространением сведений, порочащих честь и достоинство граждан или деловую репутацию юридических лиц, следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, а также с использованием *иных средств телекоммуникационной связи*, изложение в служебных характеристиках, публичных выступ-

---

¹ Крылов В.В. Информация как элемент криминальной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: leges.newmail.ru.

² Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М: Азбуковник, 1999.

³ В Белоруссии за «лайк» может грозить до 4 лет тюрьмы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.currenttime.tv/content/article/27226062.html>

лениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу¹.

Однако, изучение судебно-следственной практики позволило сделать вывод о том, что суды не всегда учитывают данные обстоятельства при квалификации деяния. Чаще всего к ответственности привлекают за размещение электронных файлов в социальных сетях с видеозаписями интимных сцен, содержащей в себе порнографические материалы, а также рассылка ссылок на указанный файл. Правоохранительные органы и суды не всегда учитывают действия по распространению в виде репостов, комментарии в социальных сетях, пересылки указанных материалов в мессенджерах (таких как Skype или Viber), содержащие в себе признаки составов уголовно-наказуемых деяний. Одной из причин, как нам кажется, является отсутствие сложившейся судебно-следственной практики, а также разъяснений судов по квалификации деяний.

Несомненно, позиция законодателя о внесении постепенных изменений в УК РФ, касающихся преступлений в информационном пространстве, соответствует современным реалиям действительности. Уголовно-правовые меры по контролю за противоправной деятельностью в сети «Интернет» ужесточились. За последнее время принимаются многочисленные изменения в УК РФ, касающийся криминализации различного противоправного поведения в средствах массовой информации или в сети «Интернет», связанного с распространением различных сведений.

По нашему мнению, принятые поправки в уголовный закон скорее всего облегчат процесс доказывания вины в подобных случаях правоохранительным органам. Практика привлечения к уголовной ответственности за репосты записей в социальных сетях начинает складываться. Так, Центральный районный суд г. Челябинска приговорил местного жителя К. Жаринова к двум годам лишения свободы условно, за репост в социальной сети «Обращения «Правого сектора» к народам России». Тем самым блогера признали виновным по части 1 ст. 280 УК РФ (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности)².

Несомненно, судебно-следственная практика должна быть единообразной на всей территории Российской Федерации. Ключевую роль в данном вопросе играет Верховный Суд, который, выносит разъяснения в целях обеспечения единства практики. Дальнейшая информатизация общественных отношений, несомненно, должна учитываться законодателем путем внесения изменений в действующее уголовное законодательство. Это-

---

¹ Постановление ФАС ВСО от 14 ноября 2006 г. N А33-19382/05-Ф02-5935/06-С2 по делу N А33-19382/05.

² Челябинский блогер получил 2 года условно. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://jenkers.com/ru#!t=7998113>

му способствует разъяснения судов по квалификации деяний, связанных с распространением сведений, влекущих уголовную ответственность, а также указание на всевозможные способы осуществления данных деяний. Считаем, что под распространением сведений в диспозициях уголовно-правовых норм следует понимать выражение в любой форме представления информации хотя бы к одному лицу (устной, письменной, с использованием информационных технологий, СМИ или информационно-телекоммуникационных сетей).

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №25. – Ст. 2954
2. Крылов, В.В. Информация как элемент криминальной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: leges.newmail.ru.
3. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. М: Азбуковник, 1999. – 944с.
4. Постановление ФАС ВСО от 14 ноября 2006 г. N А33-19382/05-Ф02-5935/06-С2 по делу N А33-19382/05.
5. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. – 2006. – 29 июля.

ТРАНСПОРТНОЕ «ЛИХАЧЕСТВО» - УМЫСЕЛ ИЛИ ЛЕГКОМЫСЛИЕ?

*Якушин В.А., д. ю. н., профессор
Волжский университет имени В.Н. Татищева
г. Тольятти, Россия*

1. Общеизвестно, что формы вины отличаются друг от друга различным соотношением интеллектуальных и волевых моментов. Это соотношение различно и в видах умысла и неосторожности.
2. На протяжении длительного времени в науке уголовного права идет дискуссия о том, какими интеллектуальными и волевыми моментами преступное легкомыслие отличается от косвенного умысла.
3. Если детально «разложить» интеллектуальные и волевые моменты преступного легкомыслия, то можно констатировать, что интеллектуальные её моменты проявляются:

а) в осознании характера общественной опасности совершенных действий;

б) в осознании противоправности (упречности) этих действий;

в) в предвидении возможности наступления общественно опасных последствий от совершаемых действий;

г) в самонадеянном расчете на какие-то, но реальные, обстоятельства, с помощью которых лицо надеется избежать этих возможных предвидимых последствий;

д) личностный смысл совершаемых действий (для чего они ему нужны и что с и помощью этих действий он решает?).

Волевой момент преступного легкомыслия проявляется, на наш взгляд, в активном нежелании наступления возможных предвидимых последствий.

4. Если с этих позиций посмотреть на транспортное преднамеренное «лихачество», то напрашивается вывод – действия «лихача», определяемые собственным интеллектом и волей, *под конструкцию преступного легкомыслия не подпадают*. Нет здесь ни расчета, ни стремления не допустить последствия.

В действиях «лихачей» есть прямой умысел не только на нарушение правил дорожного движения, но и на совершение хулиганских действий - действий на грубое нарушение общественного порядка.

Это наглядно подтверждают поступки, так называемой, «золотой молодежи» - думаю, что их можно было бы смело назвать иначе, например, «социальной мразью», что в большей мере раскрывает их суть.

5. По отношению к возможным последствиям таких хулиганских действий у этих людей «классический» неопределенный умысел. А это значит, что им необходимо помимо хулиганства вменять те последствия, которые наступают. Например, если в результате этих действий наступает смерть потерпевшего, то это хулиганство, сопряженное с убийством из хулиганских побуждений.

6. С учетом высказанных положений, считаем целесообразным Уголовный кодекс Российской Федерации дополнить ч. 3 ст. 105, в которой бы отражались эти особенности подобных преступных действий.

Как вариант, это можно отразить комплексно в ст. 264¹ УК РФ.

**О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ
ГРАЖДАНИНА БЕЗ ЕГО СОГЛАСИЯ**

*Грязев А.О., магистрант
Научный руководитель: Федяев С.В., доцент
Вятский государственный университет
г. Киров, Россия, ag43@ya.ru*

В настоящее время получило повсеместное распространение нарушение права гражданина на охрану его изображения. Изображение человека, являясь важнейшим атрибутом личности, зачастую используется другими лицами без получения согласия изображенного. В данной работе пойдет речь о тех случаях, в которых все-таки возможно обнародовать и использовать изображение гражданина без получения на то его согласия.

В настоящее время изображение гражданина рассматривается законодателем как нематериальное благо, защищаемое по правилам гл. 8 ГК РФ. Право гражданина на охрану изображения закреплено федеральным законом от 18.12.2006 N 231: глава 8 ГК РФ была дополнена статьей 152.1 «Охрана изображения гражданина».

Следует подчеркнуть, что ссылка на нормы действующего законодательства значительно упрощает и обеспечивает эффективность защиты лицам, чьи права нарушены. Представляется необходимым указать некоторые правовые источники, направленные на охрану изображения:

- п. 9 ст. 1483 ГК РФ (использование изображения гражданина в товарных знаках возможно только с его согласия)¹;

- п. 4 ст. 24 УИК РФ (кино-, фото- и видеосъемка осужденных возможны с их согласия в письменной форме)²;

- ст. 53 Основ законодательства РФ о культуре (организации культуры могут изготавливать и реализовывать продукцию (в т.ч. рекламную) с изображением деятелей культуры, при наличии официального разрешения изображаемых лиц; плата за такое использование устанавливается догово-

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) [Электронный ресурс]: федеральный закон от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 03.07.2016, с изм. от 13.12.2016, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017). – Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 28.11.2015, с изм. от 15.11.2016, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016). – Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

ром)¹;

- п. 2 ст. 5 Закона РФ N 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (все лица, страдающие психическими расстройствами, при оказании им психиатрической помощи имеют право на предварительное согласие и отказ на любой стадии от фото-, видео- или киносъемки)²;

- п. 1 ст. 11 ФЗ N 152 «О персональных данных» и Разъяснения Роскомнадзора от 30.08.2013 «О вопросах отнесения фото- и видео- изображения, (...) к биометрическим персональным данным и особенности их обработки» (к биометрическим персональным данным относится изображение человека (фотография и видеозапись), которые позволяют установить его личность и используются оператором для установления личности субъекта³; могут обрабатываться только при наличии согласия в письменной форме данного субъекта⁴ (исключения – п. 2 вышеуказанной статьи));

- Закон РФ N 2124-1 «О СМИ» (запрещено распространение в СМИ сведений о личной жизни граждан, если от них самих или от их законных представителей не было получено на то согласие, за исключением случаев, когда это необходимо для защиты общественных интересов (п. 5 ч. 1 ст. 49), а также установлена обязанность журналиста при получении информации от граждан и должностных лиц ставить их в известность о проведении видеозаписи, кино- и фотосъемки п. 6 ч. 1 ст. 49)⁵;

- ряд специальных законов, посвященных избирательным правоотношениям, в которых закрепляется необходимость получения исключительно письменного согласия гражданина на использование его изображения в агитационных материалах; другие правовые акты.

---

¹ Основы законодательства Российской Федерации о культуре [Электронный ресурс] : закон РФ от 09.10.1992 N 3612-1 (ред. от 28.11.2015, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016). – Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

² О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании [Электронный ресурс]: закон РФ от 02.07.1992 N 3185-1 (ред. от 03.07.2016, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017). – Режим доступа : [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

³ О вопросах отнесения фото- и видео- изображения, дактилоскопических данных и иной информации к биометрическим персональным данным и особенности их обработки [Электронный ресурс] : разъяснения Роскомнадзора от 30.08.2013. – Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

⁴ О персональных данных [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 03.07.2016). – Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

⁵ О средствах массовой информации [Электронный ресурс]: закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 03.07.2016, с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2016). – Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

В соответствии с п. 1 ст. 152.1 ГК РФ «обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина»¹. Соответственно во всех случаях использования, кроме предусмотренных законом исключений, предполагается, что гражданин знал об использовании его изображения и был согласен на это.

Итак, возникает вопрос, в каких же случаях на законных основаниях возможно использование изображения без получения согласия запечатленного на нем лица?

Так, в п. 1 ст. 152.1 ГК РФ предусмотрен закрытый исчерпывающий перечень случаев, в которых обнародование и использование изображения гражданина являются правомерными: 1) в государственных, общественных или иных публичных интересах; 2) изображение гражданина получено при съемке, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях (собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях, спортивных соревнованиях и т. п.), за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования; 3) гражданин позировал за плату².

В литературе высказано мнение, что данные изъятия обусловлены публичными нуждами, имущественной компенсацией и представляют собой минимальное вторжение в интимную сферу изображенных лиц³.

Что же следует понимать под государственными, общественными и иными публичными интересами? В законодательстве нет определения данным понятиям. Ввиду возможного различного толкования вышеназванных интересов, в литературе предлагается конкретизировать эти основания указанием о том, что без согласия гражданина его изображение может использоваться только в случаях, прямо предусмотренных законом⁴. Среди таких действующих правовых актов можно отметить Закон РФ «О СМИ», п. 2 ч. 1 ст. 50 которого допускает распространение сообщений и материалов, подготовленных с использованием скрытой видеозапи-

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 07.02.2017). – Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

² Там же.

³ Микрюков, В.А. О дифференцированном согласии гражданина на обнародование и использование его собственного изображения [Электронный ресурс] / В.А. Микрюков // Право и экономика. – 2013. – N 2. – Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

⁴ Дианова, О.С. Право на собственное изображение: понятие и защита [Электронный ресурс] / О.С. Дианова // Сибирский юридический вестник. – 2004. – N 4. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18215054&>

си, кино- и фотосъемки, если это необходимо для защиты общественных интересов и приняты меры против возможной идентификации посторонних лиц¹; ФЗ «О полиции» (ч. 3 ст. 11; пп. 19 и 33 ч. 1 ст. 13); ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ст. 6); Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности в РФ» (ч. 2 ст. 5; пп. 4 ч. 1 ст. 7).

На наш взгляд, понятия государственного, общественного или иного публично значимого интереса не следует толковать слишком широко. Не любой интерес аудитории будет признаваться общественным или публичным. Зачастую речь может идти об обыкновённом любопытстве публики в отношении подробностей частной жизни лица. Указанные выше интересы противостоят интересам относительно небольших групп.

К государственным интересам, по нашему мнению, представляется возможным отнести обеспечение суверенитета, территориальной целостности и безопасности государства, а также функционирование аппарата власти. Пленум ВС РФ в п. 44 Постановления от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» (далее Постановление N 25) разъяснил, что «не требуется согласия на обнародование и использование изображения гражданина, если оно необходимо в целях защиты правопорядка и государственной безопасности (например, в связи с розыском граждан, в том числе пропавших без вести либо являющихся участниками или очевидцами правонарушения)»². В таких случаях имеет место необходимость довести до сведения населения информацию о внешнем облике соответствующего гражданина³. Суды также отмечали, что в подобных случаях информация о гражданине, так или иначе, затрагивает интересы общественной и государственной безопасности (*Определение Волгоградского областного суда от 31.05.2012 N 33-4699/2012; Определение Санкт-Петербургского городского суда от 23.07.2013 N 33-10712/2013*).

Ответ на вопрос, что представляют собой «общественные» интересы дает Постановление Пленума ВС РФ от 15.06.2010 N 16 «О практике применения судами Закона РФ «О СМИ», в п. 25 которого разъяснено, что к таковым следует относить не любой интерес, проявляемый аудиторией, а,

---

¹ О средствах массовой информации [Электронный ресурс]: закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 03.07.2016, с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2016). – Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

² О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25. – Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

³ Бычков, А. Использование налицо [Электронный ресурс] / А. Бычков // ЭЖ Юрист. – 2013. – N 5. – Режим доступ : [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

например, потребность общества в обнаружении и раскрытии угрозы демократическому правовому государству и гражданскому обществу, общественной безопасности, окружающей среде¹.

Примерами, когда судом было признано допустимым обнародование и использование изображения в рассмотренных интересах, являются обстоятельства следующих судебных дел:

- наличие общественного интереса в сохранении безопасности окружающей среды (производилась съемка утечки нефти, попадающей в водозабор) (*Определение Приморского краевого суда от 01.06.2015 N 33-4416/2015*);

- важные общественно значимые вопросы безопасности жизни, здоровья, собственности (например, проблемы на рынке жилой площади, связанные с мошенническими действиями застройщиков, риэлторов, проблемы коррупции в сфере психиатрической помощи), без преследования цели опорочить репутацию гражданина, имевшего непосредственное отношение к сюжету (цель – отразить объективную информацию) (*Определение Московского городского суда от 28.10.2010 по делу N 33-30915*);

- в целях освещения деятельности службы судебных приставов по исполнению решения суда об освобождении помещений, где объектом видеосъемки был общий фон места исполнения решения и приезд на место исполнения старшего судебного пристава ОССП по городу. В ходе съемки в кадре был запечатлен истец, осуществляющий вынос имущества. По мнению суда, обнародование и использование изображений лиц, попавших в кадр съемки, осуществлялось в общественных интересах, у сотрудников телекомпании отсутствовала цель отразить в сюжете деятельность только истца (*Определение Вологодского областного суда от 18.04.2012 N 33-1422/2012*).

Что же касается «иных публичных интересов», то данная, во многом оценочная категория, долгое время не находила своего определения. Общий смысл нормы ст. 152.1 ГК РФ дает основания полагать, что «иные публичные интересы» связаны с государственными или общественными, как противоположность частным, узкогрупповым².

С принятием Постановления N 25 ситуация прояснилась. Теперь наличие публичного интереса предполагает, в частности, что гражданин

---

¹ О практике применения судами Закона РФ «О средствах массовой информации» [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 N 16 (ред. от 09.02.2012). – Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

² Николаева, А.А. Изображение гражданина: проблемы правового регулирования, использования, охраны и защиты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 [Электронный ресурс] / А.А. Николаева. – Москва, 2014. – Режим доступа: http://dis.rgiis.ru/files/dis/d40100102/nikolaeva-230415/dis_nikolaevoj.pdf

является публичной фигурой (занимает государственную или муниципальную должность, играет существенную роль в общественной жизни в сфере политики, экономики, искусства, спорта или любой иной области), а обнаружение и использование изображения осуществляется в связи с политической или общественной дискуссией или интерес к данному лицу является общественно значимым¹. В названных выше Разъяснениях Роскомнадзора говорится о том, что сообщение подробностей частной жизни лица, не занимающегося какой-либо публичной деятельностью, под указанное исключение не подпадает². Согласие необходимо, если единственной целью обнаружения и использования изображения лица является удовлетворение обывательского интереса к его частной жизни либо извлечение прибыли³. Публикация фотографий и статей с целью удовлетворения любопытства определенных читателей в отношении подробностей частной жизни лица, не может считаться вкладом в обсуждение вопросов общественной значимости, несмотря на то, что заявитель широко известен общественности (*Определение Верховного Суда РФ от 29.09.2015 N 5-КГ15-122*).

В науке высказывается схожая точка зрения. Так, нельзя не согласиться с Э.И. Кадыровым, который исходит из того, что при обнаружении изображений публичных персон необходимо учитывать те обстоятельства, при которых было получено изображение, поскольку даже в сфере публичных интересов у гражданина остается право на неприкосновенность частной жизни⁴. Данное утверждение полностью соответствует сложившейся правоприменительной практике.

Так, по рассмотренным делам, суды указывали, что из ст. 152.1 ГК РФ не следует, что публичность профессии либо иных занятий гражданина

---

¹ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25. – Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

² О вопросах отнесения фото- и видео- изображения, дактилоскопических данных и иной информации к биометрическим персональным данным и особенности их обработки [Электронный ресурс]: разъяснения Роскомнадзора от 30.08.2013. – Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

³ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25. – Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

⁴ Кадыров, Э.И. Особенности правового регулирования охраны изображения гражданина [Электронный ресурс] / Э.И. Кадыров // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. – 2010. – N 4-5. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15617577>

сама по себе является основанием для использования изображения гражданина другими лицами без согласия изображенного (*Определение Кировского областного суда от 02.07.2015 N 33-2719/2015; Определение Московского областного суда от 20.07.2015 N 33-15973/2015*). По другому делу судебная коллегия аналогичным образом исходила из того, что публичность граждан, исходя из равенства всех перед законом, не влияет на подход суда при решении вопросов о правах, обязанностях и ответственности, закрепленных в правовых актах; действующее законодательство не предусматривает освобождение от ответственности за нарушение порядка сбора и распространения сведений о личной жизни граждан по принципу общезвестности лица (*Определение Московского городского суда от 22.05.2015 N 33-17432/2015; см. также схожее Определение Московского городского суда от 26.09.2014 N 33-25081*).

Европейский Суд также отметил, что даже известный политик может воспользоваться защитой от публикации своего изображения, если оно составляет нарушение неприкосновенности его личной жизни, изображение искажено либо оно сопровождается оскорбительными выражениями (*Решение ЕСПЧ от 21.02.2002 «По вопросу приемлемости жалобы N 42409/98 «Вольфганг Шюссель (Wolfgang Schussel) против Австрии»*). Более того, Европейский Суд счел, что у общественности нет правомерного интереса в получении информации о том, где находится гражданин и как он обычно ведет себя в частной жизни, даже если он появляется в местах, которые не всегда можно назвать уединенными, несмотря на тот факт, что такой гражданин хорошо известен общественности (*Постановление ЕСПЧ от 24.06.2004 «Дело «Фон Ганновер против Германии» (жалоба*

N 59320/00)). А также «что решающим фактором при установлении баланса между защитой частной жизни и свободой выражения мнения должен являться вклад, который опубликованные фотографии и статьи вносят в обсуждение, представляющее интерес для общественности» (*Постановление ЕСПЧ от 24.06.2004 «Дело «Фон Ганновер против Германии» (жалоба N 59320/00)*).

Примером может служить дело, по обстоятельствам которого, использование изображения госслужащего, полученного во время его общения с посетителями в служебном кабинете, в передаче, посвященной вопросу соблюдения жилищных прав лиц, нуждающихся в улучшении жилищных условий, было признано судом, осуществленным в публичных интересах. Публичный интерес заключался в том, что в передаче обсуждался социально-значимый вопрос, и видеозапись с изображением истца использовалась в целях информирования зрителей о социальной политике, проводимой в субъекте (*Определение Московского городского суда от 02.07.2013*

по делу N 11-20251).

Вторым случаем использования изображения гражданина без его согласия в соответствии с п. 1 ст. 152.1 ГК РФ является изображение, которое получено в местах, открытых для свободного посещения или публичных мероприятиях. Законодателем приведен ряд примеров публичных мероприятий, однако определение понятия «места, открытые для свободного посещения» в данной норме не содержится. Логичной представляется точка зрения, согласно которой, к таким местам можно отнести место, куда гражданин попадает беспрепятственно (например, парк)¹. В указанных случаях предполагается, что граждане, находящиеся в таких местах, осознают возможность их фото-, видеосъемки, и, поскольку это место (мероприятие) они не покидают, подразумевается, что они согласны на использование изображений². В тоже время, как верно подчеркивает К.Г. Вивчарук, не все открытые места являются пригодными для съемки. Автор приводит в качестве примера, такие места как баня, сауна, являющиеся открытыми для посещения, полагая, что вряд ли кто-либо из посетителей желает использования подобного рода изображений³. Посещение же публичного мероприятия может свидетельствовать об отсутствии намерения сохранить указанное обстоятельство в тайне.

Исключение из данного правила – ситуация, когда изображение является основным объектом использования. В этом случае согласие изображенного требуется независимого от места съемки. Основной объект использования акцентирует на себе внимание и несет всю смысловую нагрузку. В таком случае, как верно отмечено, изображение человека может занимать большую часть фотографии, внимание может быть сфокусировано на его эмоциях⁴.

Изображение гражданина на фотографии, сделанной в публичном месте, не будет являться основным объектом использования, если в целом фотоснимок отображает информацию о проведенном публичном мероприятии.

---

¹ Кадыров, Э.И. Особенности правового регулирования охраны изображения гражданина [Электронный ресурс] / Э.И. Кадыров // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. – 2010. – № 4-5. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15617577>

² Там же.

³ Вивчарук, К.Г. К вопросу об охране изображения гражданина [Электронный ресурс] / К.Г. Вивчарук // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2013. – № 7-1. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id>

⁴ Кадыров, Э.И. Особенности правового регулирования охраны изображения гражданина [Электронный ресурс] / Э.И. Кадыров // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. – 2010. – № 4-5. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15617577>

ятии, на котором он был сделан (п. 45)¹. Однако может быть так, что изображение гражданина получено в общественном месте, но является единственным на фотографии, выполнено крупным планом, что будет исключать возможность его использования без согласия гражданина (*Определение Красноярского краевого суда от 12.01.2015 N 33-72/2014*). В тоже время, в ряде случаев, когда изображение гражданина является основным объектом использования, общественное место (например, пляж), в котором было получено изображение истца, может быть расценено как фон фотоснимка (*Определение Санкт-Петербургского городского суда от 23.07.2013 N 33-10712/2013*).

К местам, открытым для свободного посещения ВС РФ особо относит также открытые судебные заседания (п. 45)². Высшие суды в совместном Постановлении Пленума ВС РФ N 5, Пленума ВАС РФ N 29 от 26.03.2009 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой ГК РФ» указали, что съемка, осуществляемая в ходе проведения открытых судебных заседаний должна проводиться в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством. Согласие на использование такой записи от участников судебного заседания не требуется (п. 7)³ (за исключением случаев, когда такое изображение – основной объект использования). Так, по обстоятельствам одного из дел, судебная коллегия не приняла во внимание позицию ответчика о том, что фото истцов были получены в ходе открытого судебного заседания, участие в котором якобы предполагало их согласие на фотосъемку. К тому же истец заявлял ходатайство о запрете фото- и видеосъемки в ходе заседания, которое было удовлетворено (*Определение Омского областного суда N 33-2700/2015*).

Последним случаем возможного использования изображения гражданина без его согласия является изображение, полученное при позировании за плату. Представителями юридической науки высказаны во многом схожие мнения относительно неясностей по данному основанию. Так, И. Вишнепольская отмечает возникающий вопрос: «...кому непосредственно, каким образом гражданин выражает свое согласие при позирова-

---

¹ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25. – Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

² Там же.

³ О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 5, Пленума ВАС РФ N 29 от 26.03.2009. – Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

нии?»¹. Соглашаемся с утверждением автора, что для подтверждения факта согласия гражданина на использование его изображения и установления пределов такого согласия имеет значение, для каких целей и в какой обстановке производилась фиксация изображения позирующего гражданина².

Например, гражданин, приняв участие в фотосъемке и дав согласие на использование своего изображения в конкретном журнале, обратился в суд за защитой своих прав, когда обнаружил, что видеозапись с его изображением, полученная при указанной фотосъемке, была использована на телеканале и размещена в сети интернет в периодическом издании. В данном случае такое использование изображения было признано неправомерным (*Определение Московского городского суда от 04.04.2012 N 33-9880*; также см.: *Определение Московского городского суда от 02.10.2015 N 33-28292/2015*).

Такой же позиции придерживается и К.Г. Вивчарук, утверждая, что если изображение было использовано не по назначению, как предполагалось, то можно говорить о том, что согласие на такое распространение не давалось, и его получение является обязательным, так как имеет значение, каким образом будут использованы изображения³. Здесь очевидна проблема возможного неправомерного использования такого изображения третьими лицами, так как позирование за плату было, а в статье не дано конкретизации (кто и где может их использовать)⁴. С этими авторами солидарна и А.А. Николаева, в своем труде отмечая, что чаще всего гражданин позирует за плату конкретному лицу с конкретной целью, не предполагая, что в дальнейшем его изображение будет использовано другим лицом и для другой цели (других обстоятельств), и не давая согласия на это другое использование⁵.

С целью повышения степени определенности правового регулирования отношений, которые складываются в обществе по поводу использова-

---

¹ Вишнепольская, И. Использование изображения гражданина: проблемы и риски [Электронный ресурс] / И. Вишнепольская // Хозяйство и право. – 2013. – N 9. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24298063>

² Там же.

³ Вивчарук, К.Г. К вопросу об охране изображения гражданина [Электронный ресурс] / К.Г. Вивчарук // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2013. – N 7-1. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24373100>

⁴ Там же.

⁵ Николаева, А.А. Изображение гражданина: проблемы правового регулирования, использования, охраны и защиты: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 [Электронный ресурс] / А.А. Николаева. – Москва, 2014. – Режим доступа: http://dis.rgiis.ru/files/dis/d40100102/nikolaeva-230415/dis_nikolaevoj.pdf

ния изображений граждан, и как следствие совершенствования правоприменения, с целью предупреждения рассматриваемой категории судебных споров, считаем необходимым внести соответствующие изменения в ст. 152.1 ГК РФ.

Предлагаем изменить пп. 3 п. 1 ст. 152.1 ГК РФ. В результате чего данный подпункт изложить в следующей редакции:

«... 3) гражданин позировал за плату, а использование данного изображения осуществляется в строгом соответствии с целями позирования, которые могут быть определены договором».

Подобные изменения позволят устранить существующие противоречия в толковании ст. 152.1 ГК РФ, облегчить защиту права гражданина на охрану его изображения, а также решить указанные выше проблемы возможного неправомерного использования изображения.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 07.02.2017). – Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 28.11.2015, с изм. от 15.11.2016, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016). – Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

3. О персональных данных [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 03.07.2016). – Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) [Электронный ресурс]: федеральный закон от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 03.07.2016, с изм. от 13.12.2016, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017). – Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

5. О средствах массовой информации [Электронный ресурс]: закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 03.07.2016, с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2016). – Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

6. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании [Электронный ресурс]: закон РФ от 02.07.1992 N 3185-1 (ред. от 03.07.2016, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017). – Режим доступа : [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

7. Основы законодательства Российской Федерации о культуре [Электронный ресурс]: закон РФ от 09.10.1992 N 3612-1 (ред. от 28.11.2015, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016). – Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

8. О вопросах отнесения фото- и видео- изображения, дактилоскопи-

ческих данных и иной информации к биометрическим персональным данным и особенности их обработки [Электронный ресурс]: разъяснения Роскомнадзора от 30.08.2013. – Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

9. Бычков, А. Использование налицо [Электронный ресурс] / А. Бычков // ЭЖ Юрист. – 2013. – N 5. – Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

10. Вивчарук, К.Г. К вопросу об охране изображения гражданина [Электронный ресурс] / К.Г. Вивчарук // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2013. – N 7-1. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24373100>

11. Вишнепольская, И. Использование изображения гражданина: проблемы и риски [Электронный ресурс] / И. Вишнепольская // Хозяйство и право. – 2013. – N 9. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24298063>

12. Дианова, О.С. Право на собственное изображение: понятие и защита [Электронный ресурс] / О.С. Дианова // Сибирский юридический вестник. – 2004. – N 4. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18215054&>

13. Кадыров, Э.И. Особенности правового регулирования охраны изображения гражданина [Электронный ресурс] / Э.И. Кадыров // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. – 2010. – N 4-5. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15617577>

14. Микрюков, В.А. О дифференцированном согласии гражданина на обнаружение и использование его собственного изображения [Электронный ресурс] / В.А. Микрюков // Право и экономика. – 2013. – N 2. – Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

15. Николаева, А.А. Изображение гражданина: проблемы правового регулирования, использования, охраны и защиты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 [Электронный ресурс] / А.А. Николаева. – Москва, 2014. – Режим доступа: http://dis.rgiis.ru/files/dis/d40100102/nikolaeva-230415/dis_nikolaevoj.pdf

16. О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 5, Пленума ВАС РФ N 29 от 26.03.2009. – Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

17. О практике применения судами Закона РФ «О средствах массовой информации» [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 N 16 (ред. от 09.02.2012). – Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

18. О применении судами некоторых положений раздела I части пер-

вой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25. – Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ СДЕЛКИ

Задорин С.В., магистрант

Научный руководитель: Фольгерова Ю.Н., к.ю.н.

Вятский государственный университет

г. Киров, Россия, sergia.07.93@mail.ru

Согласно статье 153 Гражданского кодекса Российской Федерации, сделка – действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. В связи с широким распространением сделок в гражданских правоотношениях, они имеют определяющую роль в развитии хозяйственной жизни общества, благодаря им, обслуживаются все сферы имущественного оборота, закрепляются и формируются гражданско-правовые линии социальных отношений.

В гражданском праве допускается совершение любых сделок, не противоречащих закону, но ввиду того, что сделки играют очень важную роль в гражданских правоотношениях, законодатель предъявляет определенные требования к ним, которые позволяют признать ту или иную сделку недействительной.

Недействительность сделки означает, что те действия, которые были совершены в виде сделки, не обладают качеством юридического факта и не порождают тех гражданско-правовых последствий, которых ожидали стороны. Данная сделка не влечет юридических последствий для субъектов, кроме тех, которые связаны с ее недействительностью. Согласно п. 1 ст. 166 Гражданского кодекса Российской Федерации, сделка считается недействительной по основаниям, установленным законом, в силу признания таковой судом (оспоримая сделка), либо независимо от такого признания (ничтожная сделка)¹.

Среди ученых уже очень долгое время вводится дискуссии о том, чем же является недействительная сделка. В науке представлено несколько мнений по поводу правовой природы недействительной сделки, одни ученые считают, что недействительная сделка является противоправным действием (правонарушением), другие - что недействительная сделка является

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 07.02.2017)

просто сделкой, третьи считают что недействительная сделка сочетает в себе признаки и юридических сделок, и правонарушений,

Одним из главных элементов, по поводу которого возникают споры, является ли недействительная сделка правомерным или неправомерным действием. В случае, если посмотреть на ст. 153 Гражданского Кодекса Российской Федерации, то мы увидим, что в понятии сделка нет ни каких указаний на то, что данные действия должны быть правомерными или неправомерными, а также не указывается, что сделкой считается правомерное действие, вызывающее правовые последствия, желаемые сторонами. Так И. Данилов¹ писал: "В законе не указывается, что сделка должна вызывать именно те последствия, на которые была направлена воля сторон, главное, чтобы действие обладало определенной направленностью. Таким образом, понятие недействительности по своему определению, прежде всего, относится к юридическим последствиям, а не к самой сделке как к юридическому факту". Автор считал, что юридические действия должны подразделяться не на правомерные и неправомерные, а на сделки и поступки; сделки могут являться действительными и недействительными; поступки могут создавать правовой результат или являться правонарушениями. Таким образом, признак неправомерности - это разнопорядковый, более низкий по отношению к направленности критерий, что позволяет в системе юридических фактов отнести недействительные сделки к классу сделок, а не правонарушений.

Противоположное мнение имеют сторонники мнения о том, что недействительная сделка является правонарушением и сделкой быть не может. Некоторые ученые считают, что сделка должна соответствовать требованиям закона и вызывать только те последствия, на которые рассчитывали стороны. В случае, если сделка влечет не те последствия, которые хотели стороны и нарушает требования закона, то такая сделка является правонарушением, несмотря на то, что по содержанию и форме она возникла как сделка. Сторонниками этой, например, являются такие ученые, как Ф.С. Хейфец и В.А. Тархов.

Ф.С. Хейфец² считал, что недействительная же сделка, которая не соответствует требованиям закона, не является сделкой, а по своей правовой природе представляет собой правонарушение, несмотря на то, что по содержанию и форме она возникла как сделка.

Так же существует мнение, что недействительные сделки сочетают в

---

¹ Данилов И. Понятие недействительности сделок, обоснование различий в правовой природе действительных и недействительных сделок // Арбитражный и гражданский процесс. - 2009. - № 8. С. 21-25.

² Хейфец Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву / - 2-е изд., доп. - М.: Юрайт, 2000. - 162 с.

себе признаки и сделки и правонарушения. Н.В. Рабинович писал: "Недействительная сделка является сделкой по своему содержанию, форме и направленности. В то же время она представляет собой правонарушение, поскольку нарушает норму закона, установленный правопорядок"¹. При этом он считал, что правонарушение нужно понимать в широком смысле этого слова. И.Б. Новицкий² относил часть недействительных сделок к правонарушениям, а другую часть собственно к сделкам. Он утверждал, что недействительные сделки являются правонарушением, так как они не обладают признаком правомерности и несоответствуют правовым предписаниям. Но при этом он указывал, что не все недействительные сделки являются правонарушениями, а только те которые нарушают законодательство,

Анализ мнения различных выше приведенных авторов показывает, что подход к понятию сделки и недействительной сделки, а равно, к их правовой природе, неоднозначен. Так, ряд авторов придерживается мнения о том, что недействительная сделка является правонарушением и сделкой, данное утверждение стирает границы между сделкой и правонарушением, создает сложности при отграничении данных понятий друг от друга. Ученые считающие, что недействительная сделка является правонарушением не учитывают того факта, что данное понятие состоит из таких элементов, как: противоправность, общественная опасность, причинная связь между противоправностью поведения и причиненным ущербом и вина. Единственный элемент, который присущ каждой недействительной сделке, является противоправность, остальные же элементы могут встречаться, а могут и не встречаться. Так, например, стороны могут заключить сделку, которая в будущем может быть признана недействительной по ошибке из-за невнимательности или недопонимания.

Критика мнения о том, что недействительная сделка не является сделкой, сводится к тому, что сделка должна отвечать всем требованиям закона и приводит к тем правовым последствиям, которые желали её стороны. Данное суждение имеет место быть в том случае, если принять тот факт, что сделка является только правомерным действием.

Исходя из всего перечисленного, больше всего представляется верным теория о том, что недействительная сделка является сделкой. Так как, если мы посмотрим на определение сделки в Гражданском кодексе Российской Федерации, то мы не увидим там, что указания на то сделка это только правомерное действие. Таким образом, можно сделать вывод о том,

---

¹ Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия / - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. - 171 с.

² Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность / - М.: Госюриздат, 1954. - 247 с.

что как действительная, так и недействительная сделка по своей сути являются сделками. Только в случае, если сделка является действительной, то она порождает те правовые последствия, которые желали стороны, а в случае, если сделка является недействительной, то наступают последствия, которые предписаны законом.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 07.02.2017)
2. Данилов, И. Понятие недействительности сделок, обоснование различий в правовой природе действительных и недействительных сделок // Арбитражный и гражданский процесс. - 2009. - № 8. С. 21-25.
3. Новицкий, И.Б. Сделки. Исковая давность / - М.: Госюриздат, 1954. - 247 с.
4. Рабинович, Н.В. Недействительность сделок и ее последствия / - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. - 171 с.
5. Хейфец, Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву / - 2-е изд., доп. - М.: Юрайт, 2000. - 162 с.

ОСОБЕННОСТИ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЛИЦОМ С ПСИХИЧЕСКИМИ АНОМАЛИЯМИ

Камалдинов Л.И.

*Научный руководитель: Сафаргалиева О.Н., к.ю.н., доцент
Кемеровский государственный университет
г. Кемерово, Россия, kamaldinovlev@mail.ru*

В рамках данного исследования используется авторская дефиниция понятия «психические аномалии», данная на основе анализа трудов Г. Биндера¹, Ю.М. Антоняна и С.В. Бородина², и других учёных. Психические аномалии – это расстройства психической деятельности, которые не достигли болезненного, психотического уровня, но которые ввиду определённых личностных изменений ограничивают способность индивида осознавать фактический характер и общественную опасность своего поведения или руководить своим поведением. К числу психических аномалий относятся неврозы; алкоголизм, наркомания, токсикомания; психопатия; психозы; аффект; олигофрения; психические расстройства вследствие органических заболеваний центральной

---

¹ Биндер Г. Стойкие психопатические состояния, патологические реакции и развития // Клиническая психиатрия / Под ред. Г. Грулле. М., 1967. С.115.

² Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступное поведение и психические аномалии / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Издательство «Спарк», 1998. С.98.

нервной системы.

При совершении преступного деяния лицом, имеющим психические аномалии, характерные особенности имеют ряд элементов совершённого преступления.

Как правило, лицо с психическими аномалиями редко использует специальные средства совершения преступления, либо в силу недостаточного интеллектуального развития (например, при олигофрении), либо в силу внезапности умысла (например, при аффекте). Поэтому орудием совершения преступления, чаще всего, являются подручные предметы обихода, если преступление совершено в помещении, или находящиеся рядом предметы (палки, осколки стекла, обломки труб), если преступление совершено на открытой территории. Исключением из этого правила может являться совершение насильственно-корыстных преступлений при наличии аномалий, характеризующихся непреодолимым влечением к алкоголю, наркотическим средствам или токсикологическим веществам. Например, совершение разбоя с целью получения денег для последующего приобретения наркотиков. В данном случае преступник может подготовиться к совершению преступления, найдя нож для применения насилия. Но, даже закрывая глаза на приведённое исключение, нельзя забывать про категорию бытовых преступлений, выполнение объективной стороны которых также обусловлено использованием подручных предметов, используемых в качестве оружия. Исходя из этого, только лишь по характеру орудия следователь не может судить о наличии или отсутствии психических аномалий у лица, совершившего преступление.

Обстановка совершения преступления при наличии у лица психических аномалий детерминируется абстрагированностью места и времени. Преступник не выбирает место реализации своего преступного замысла, потому что он редко у него имеется. Поэтому разновидности места совершения таких преступлений хаотичны: это может быть квартира, ресторан, улица, парк и любое другое место, где *внезапно* (курсив автора) проявляется расстройство психики, будь то приступ агрессии (например, при психопатиях) или неадекватность поведения по отношению к ситуации (например, при психозе). При этом в обязательном порядке в данных местах должны присутствовать другие люди, потому как без межличностного конфликта (с точки зрения сознания преступника) не может проявиться деформация и не будет совершено преступление, и, чем больше скопление людей, тем выше вероятность печального исхода. Кроме того, стоит отметить, что место преступления в том виде, в котором его застаёт следователь или оперативные работники, если это закрытое помещение, характеризуется разрушением окружающих предметов (обилие разрушенной мебели, испорченные обои, битое стекло свидетельствует о психической неуравновешенности преступника). Время реализации преступного деяния также не имеет привязанности к какой-либо причине. Однако, чаще всего, временем

преступления выступает вечер и ночь, когда эмоционально лицо накопило раздражённость за весь день, усталость достигла своего апогея и степень контролируемости поведения всё более и более снижается. Таким образом, для данного вида деяний характерно отсутствие привязанности совершённого преступления к какому-либо месту или времени, и разгромом места совершения преступления.

Повреждения, нанесённые потерпевшему, как правило, имеют хаотичный характер. Так как у лица ослаблено осознание происходящего или ослаблен контроль над собственным поведением, нередко при совершении деяний, принадлежащим к группе насильственной или насильственно-корыстной преступности, присутствует множественность ранений и различный характер их локализации. Лицо, нанося удар ножом, неспособно остановиться. Психическая энергия, получив выход, проявляется в полной мере. На примере судебных решений по составу преступления, закреплённого ст. 107 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающего убийство в состоянии аффекта, видно, что преступники наносят «множество ранений»¹.

При совершении преступления лицом, имеющим любую психическую аномалию, кроме аффекта, поведение потерпевшего признаётся обществом (в целом) и свидетелями преступления (в частности) социально нормальным или социально одобряемым. Подобная агрессия при социальной приемлемости поведения потерпевшего объясняется деформированностью личности преступника: проблемы восприятия поведения других людей или жизненных явлений приводят к совершению преступления, вполне мотивированного для преступника, но необоснованного с точки зрения общественной морали и нравственности. Например, при психозе у лица наблюдается резкое несоответствие поведения жизненной ситуации. Преувеличенная грубость собеседника или его якобы враждебность и агрессия выступают достаточным «поводом» для того, чтобы переступить через нормы поведения и совершить преступление. Исключением является аффект, закреплённый законодателем в Уголовном кодексе Российской Федерации: он предусматривает насилие, издевательство или тяжкое оскорбление со стороны потерпевшего либо иное противоправное или аморальное поведение потерпевшего, а равно длительную психотравмирующую ситуацию, возникшую в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего. В этом случае поведение потерпевшего оценивается обществом как социально неприемлемое и недопустимое, что, однако, не оправдывает деяния преступника, более того, законом предусмотрена уголовная ответственность за него, что лишний раз демонстри-

---

¹ Решение по делу 22-6877/2015 (30.10.2015, Верховный Суд Республики Татарстан (Республика Татарстан)) // <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-tatarstan-respublika-tatarstan-s/act-500357334/>

рует восприятие законодателем лиц с психическими аномалиями как субъекта преступления.

Таким образом, о наличии психических аномалий у лица, совершившего преступление, можно сделать вывод по совокупности элементов:

- орудие преступления представляет собой подручные предметы;
- случайность времени и места: отсутствует логическое обоснование совершения преступления в определённом месте и в определённое время;
- обстановка в закрытых помещениях характеризуется необоснованным разрушением;
- нанесённые повреждения имеют хаотичный и множественный характер;
- поведение потерпевшего представляет собой норму человеческого поведения с точки зрения общественного мнения, кроме случаев совершения преступления преступником в состоянии аффекта.

При этом обязательна именно совокупность элементов, так как каждый отдельно взятый элемент может иметь место и при совершении преступления лицом, не имеющим психических аномалий.

Библиографический список

1. Антонян, Ю.М., Бородин, С.В. Преступное поведение и психические аномалии / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Издательство «Спарк», 1998. - С. 98.
2. Биндер, Г. Стойкие психопатические состояния, патологические реакции и развития // Клиническая психиатрия / Под ред. Г. Грулле. М., 1967. - С. 115.
3. Решение по делу 22-6877/2015 (30.10.2015, Верховный Суд Республики Татарстан (Республика Татарстан)) // <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-tatarstan-respublika-tatarstan-s/act-500357334/>

ФЕНОМЕН СОВЕСТИ В ПРАВЕ

Кузьмин Р.И., магистрант

Научный руководитель: Степаненко Р.Ф., д.ю.н.

Университет управления «ТИСБИ

г. Казань, Россия, [rusllankuzmin@mail.ru](mailto:russllankuzmin@mail.ru)

Право изменяется, его доктринальное основание, подходы правопонимая, способы правотворчества, механизмы реализации и восприятие окружающими.¹

Движения права и его восприятия со времен 90-х годов изменилось во

---

¹ Стратегии правового развития России: монография / коллектив авторов; под ред. О.Ю. Рыбакова. – М. : ЮСТИЦИЯ, 2015. – 624с.

многим. Право приобретает различные смыслы и служит целью различных замыслов. К сожалению, право не всегда служит благим целям и как парадоксально это не звучало, право можно использовать в плохих делах. Мы говорим о таком феномене в праве как его “спекуляция”.

Под спекуляцией правом мы понимаем использование права с расчетом и умыслом, направленным на использование чего-либо для достижения корыстных целей.

Феномен спекуляции права не является причиной низкого уровня правосознания у субъектов права. Мы считаем, что данный феномен возникает абсолютно на всех уровнях правосознания, начиная от обыденного и заканчивая профессиональным. Порой, в ходе юридической практики данный феномен возникает чаще, соответственно, у лиц с профессиональным правосознанием.

Субъекты, обладающие профессиональным правосознанием – это лица, осуществляющие юридическую деятельность, и выступают, не только как правоприменители, но и как правотолкователи.

Определившись с тем, кто такие субъекты с профессиональным уровнем правосознания, мы можем сказать, что сотрудник ГИБДД является таковым. Со стороны сотрудников ГИБДД спекуляция правом возникает, к примеру, в произведение неправомерных и безосновательных остановок участников движения (водителей) для проверки документов, хотя для остановки в целях проверки документов вне стационарного поста имеется три¹:

1. Нарушение правил дорожного движения;
2. поступившая ориентировка на транспортное средство;
3. Осуществление на определенной территории специальных операций.

В данном случае, сотрудники ГИБДД осуществляют такой способ спекуляции для повышения личностных показателей, и порой приводящий к более общественно-опасным правонарушениям, в данном случае, речь идет о коррупции.

Анализируя указанный выше пример спекуляции права можно сделать следующий вывод: в соответствии с законом о полиции сотрудники ГИБДД обязаны проходить профессиональную аттестацию, соответственно, с регламентом указанным выше они ознакомлены. Причиной этого служит отсутствие четкого понимания своих действий и, чаще всего, моделирование поставленной цели не позволяет дать оценку производящим действиям.

Зарубежный психолог, современник Джеймс Холлис в своих исследова-

---

¹ Приказ МВД России от 02.03.2009 N 185 (ред. от 22.12.2014) "Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения"/ Первоначальный текст документа опубликован в издании "Российская газета", N 122, 07.07.2009 (опубликован без приложений 2 - 18 к Регламенту).

ниях приводит следующее утверждение: “Совершение плохих поступков людьми, чаще всего, возникают по причине отсутствия осознанности наших решений и действий”.

Осознанность наших решений и действий с позиций права нам придает такой феномен как Совесть. Данный феномен является привычкой и способностью индивида к нравственному самоконтролю, самооценке своих поступков, проявлению социальной сущности человека.

В философии Совесть рассматривается как категория этики, выражающая способность личности осуществлять моральный самоконтроль, определять с позиций добра и зла отношение к своим и чужим поступкам, линии поведения.

Анализ указанных выше позиций позволяет сделать следующий вывод:

1. Совесть является категорией морали, которая определяется для индивида как точка опоры, складывающиеся как лично мнение. Соответственно, в пересечении совести и права в сознании индивида должно сложиться личное убеждение на основе правовых ценностей, таких как: справедливость и свобода;

2. С правовых позиций совесть должна приводит к внутреннему порицанию спекуляции правом в соответствие с ценностями права, которые служат точкой опоры в личном мнении применения права.

Примером именно такого участия феномена совести в праве служит пункт 1 статьи 17 Уголовно-процессуального кодекса РФ: «Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему *убеждению*, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью».

Соответственно, законодатель в данной статье определяет, что убеждения в праве должны строиться на букве закона и совести, которая несет в себе ценности права справедливость и свободу, а именно в данной статье справедливость. От оценки доказательства в первую очередь зависит исход уголовного дела, и таким образом, справедливая оценка доказательств приводит к справедливому решению.

Помимо этого, совесть имеет и иное отображение в праве. В соответствии со статьей 28 Конституции РФ каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Так же, данная норма отображается в Европейской конвенции по правам человека.

В данном случае, свобода совести – это естественное право человека формировать свои убеждения. Свобода совести – более широкое понятие, чем

свобода вероисповедания¹.

Свобода совести - душевное свойство человека, проявление нравственного самосознания, самоконтроля, признания необходимости соблюдения тех или иных правил жизни. Соответственно, о чем мы говорили ранее, для религиозного человека совесть, прежде всего, связана с догмами веры. Для атеистов совесть основывается на моральных критериях разграничения добра и зла.

Таким образом, феномен совести в праве и в правосознании субъектов права – это способность складывавшиеся на ценностях права (справедливость и свобода) внутреннее убеждение, направленное на порицание, самоконтроль и осознанность действий в ходе применения норм права, и противопоставленная спекуляции правом.

Библиографический список

1. Приказ МВД России от 02.03.2009 N 185 (ред. от 22.12.2014) "Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения"/ Первоначальный текст документа опубликован в издании "Российская газета", N 122, 07.07.2009 (опубликован без приложений 2 - 18 к Регламенту).

2. Котляревский, С. Свобода совести // Свободная совесть. Литературно-философский сборник. М., 1906. С. 193.

3. Стратегии правового развития России: монография / коллектив авторов; под ред. О.Ю. Рыбакова. – М.: ЮСТИЦИЯ, 2015. – 624 с.

МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Перегудова В.С., студент

*Научный руководитель: Калентьева Т.А., к.ю.н., доцент
Самарский государственный экономический университет
г. Самара, Россия, advok_tak@mail.ru*

На сегодняшний день происходят активные процессы развития компьютерных технологий, информационно – телекоммуникационных сетей. Достижения современной техники, в том числе и компьютерной, повсеместно внедряются во все сферы жизни человека, общества и государства.

---

¹ Котляревский С. Свобода совести // Свободная совесть. Литературно-философский сборник. М., 1906. С. 193.

Успешное и прогрессирующее функционирование жизнедеятельности предпринимательства, бизнеса, повседневной жизни индивидов уже нельзя представить без сети Интернет, IT-технологий и т.д.

Расширение производства компьютерных устройств и сравнительно легкая степень их доступности кроме повышения удобства технологических и бытовых процессов, также способствует появлению новых видов преступлений, объектами которых становятся имущество, компьютерная информация, компьютерно – телекоммуникационные блага.

Право собственности на имущество является важнейшим социальным и экономико-правовым институтом, гарантированным Конституцией Российской Федерации (далее - РФ).

Одним из многих феноменов Уголовного кодекса (далее - УК) РФ, бросающим серьезный вызов сложившимся общественным отношениям, является мошенничество в сфере компьютерной информации. В теории остается еще множество спорных вопросов толкования признаков данного преступления¹.

Согласно ст. 159.6 УК РФ мошенничество в сфере компьютерной информации представляет собой хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Важно отметить, что по составу данной статьи компьютерная информация выступает средством осуществления преступления.

Любые действия над компьютерной информацией, включая ее ввод, удаление, блокирование, модификацию, составляющей государственную тайну или содержащейся в компьютерных сетях, управляющих системами военного, жизнеобеспечивающего или крупного производственного назначения, могут повлечь за собой самые непредсказуемые негативные последствия.

Правовая норма о мошенничестве в сфере компьютерной информации является бланкетной, поэтом при анализе и квалификации преступления необходимо определить нормативно-правовую базу. Прежде всего, следует обратить внимание на примечание к ст. 272 УК РФ, в котором дается понятие компьютерной информации, а именно «сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи»². Помимо этого, действует также Фе-

---

¹ Шевелева, С.В. Концепция свободы воли и принуждения в уголовном праве. – М.: Юрлитинформ, 2014.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ, Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

деральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹ и другие нормативно - правовые акты.

Как отмечается в пояснительной записке к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 05.04.2012 № 6, в отличие от других видов мошенничества, данная категория преступлений совершается не путем обмана и злоупотребления доверием, а путем получения доступа к компьютерной системе и совершения иных вышеуказанных действий, которые в итоге приводят к хищению чужого имущества или приобретению права на чужое имущество.

Рассматривая данную статью с правоприменительной точки зрения можно отметить неточность формулировки некоторых ее положений, а именно «иное вмешательство в функционирование...». Законодатель в самом УК РФ, каких-либо иных нормативно - правовых актах не конкретизировал, что под этим понимается. Следствием этого может стать широкое, расплывчатое и неточное толкование нормативно-правовой нормы в целом.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о существовании объективной необходимости изменения формулировки ст. 159.6 УК РФ, в целях недопущения неточного и неправильного толкования положений нормативно-правовой нормы. Для достижения данной цели представляется важным принятие Постановления Пленума Верховного Суда, которое бы разъясняло особенности данной статьи, практику ее применения судами и иными органами государственной власти.

Библиографический список

1. Шевелева, С.В. Концепция свободы воли и принуждения в уголовном праве. – М.: Юрлитинформ, 2014.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ, Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3448.

---

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3448.

СОЗДАНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПОТЕРЬ И ХИЩЕНИЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ И ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ В ЭКСПЛУАТАЦИИ

Шмелева А.Б., конструктор

ЗАО «Точэнерго»

Научный руководитель: Андреев И.П., к.т.н., доцент

г. Самара, Россия

Приоритетные направления данной работы

Следующие направления, развивающие содержание моей статьи [1], являются приоритетными для Самарской области»:

1. **Нанотехнологии** (новые структуры электронных систем и **авиационные технологии** форсажа с изобретениями и применением новых высокоточных турбинных расходомеров).

2. **Конверсионные технологии** (конверсия технологии измерения форсажа Ту-160 в калибровку учета энергоресурсов в трубах).

3. **Рациональное природопользование** с мониторингом окружающей среды и потоков топлива.

4. Энергосберегающие технологии (с балансом и **калибровкой приборного учета** энергоресурсов).

5. **Новое направление: криминалистическая техника** (контроль) как обязательный раздел криминалистики и уголовного права по массовым потерям и хищениям энергетических и природных ресурсов на трубах в эксплуатации.

6. **Новое направление: единая технология** по гл. 77 ГК РФ на основе личных базовых (прорывных) 6 патентов на изобретения и 2-3 патентных заявок автора.

Рисунки из статьи [1] не повторяются.

Проблема получения результатов и ее решения

Единая технология (ЕТ) конструкторской компоновки и калибровки систем приборного учета лесных и трубопроводных энергетических ресурсов. По смыслу ЕТ соответствует главе 77 ГК РФ и новейшей криминалистической технике для расследования потерь и хищений энергетических и природных ресурсов в эксплуатации (по профилям ЗАО «Точэнерго» и Самарского юридического института).

Компоновка (сборка) разнородных систем имеет решающее значение при конструировании изделий. При компоновке технических систем криминалистической техники нельзя удалить обязательные звенья цепи (например, калибровку, лишь после нее следуют измерение, понимание, управление, улучшение), потому что цепь вещественных доказательств со-

вершаемых преступлений обрывается, а результат экономического развития РФ остается равным нулю.

По опыту компоновки систем в Самарском ОКБ двигателей НК конструкторские задачи, поставленные в 70-80-е годы, я занимаюсь получением конструкторских результатов от 5 до 100 раз. Это немного, если сравнивать старый ламповый триггер емкостью в 1 бит с флешкой емкостью 1 Терабайт, что в пересчете на биты разница на 13 порядков.

Из известных изобретений Т. Эдисона можно напомнить компоновку системы освещения от лампочки до электросчетчика. Акад. Н.Д. Кузнецов выполнил переход двигателей самолета Ту-156 на дешевый метан (Л. Лазарев. Сотворение мотора. 1990 – с. 213-220). Ракетный двигатель НК-33 после испытаний был востребован лишь через 40 лет, что позволило решить текущие проблемы ракетостроения Илоном Маской.

Основное содержание работы:

1. ПРЕДЫСТОРИЯ КАЛИБРОВКИ РАСХОДА ТОПЛИВА И ДРУГИХ ТЕКУЧИХ СРЕД

В соответствии с названием и решением Миннауки РФ базовый проект (см. фото) победил единственный в конкурсе от Самарской области в 2000 г, но не был профинансирован при реконструкции министерства с измененным названием в Минпромторг РФ.

Выяснилось, что метрология касается счетчиков энергоресурсов, но не как не узлов учета с «методиками измерений». Поэтому я использую для криминалистической техники конструкторские программы на сборку и испытание «узлов калибровки и поверки» в эксплуатации. Этого достаточно для обучения и выполнения оперативно-розыскных работ по хищениям офицерами, например, МВД РФ. Тем более, что в метрологии систем имеется застой и нет никаких патентов и перспектив развития.

Проект перешел мне как правопреемницы конверсионного направления проекта по форсажу сверхзвукового самолета Ту-160. Особенность задачи «форсажного» проекта: снижение погрешности турбинного расходомера топлива от 0,5% до 0,075% при любой вязкости и температуры топлива и недопущение увеличения габаритов расходомера (обычно с заменой на высокоточную трубошаровую установку) до 1 млн. раз. Для авиации и космоса такие размеры не нужны.

Гражданские варианты проекта точности на трубопроводах приведены в моих новых патентах RU 2506597 и RU 2577554, у каждого свои преимущества. Как и остальные мои патенты см. проще не в реестрах Росстандарта, а напрямую по номеру и страны RU патента на ссылке <https://patents.google.com/> или Google patents. Текст дан в русском переводе, но имеется и ссылка на перевод.

Калибратор по 1 варианту исполнения состоит из 2 блоков с желтой

стрелкой, который не является составной частью расходомера, а используется для калибровки в эксплуатации. Из эффектов экспериментально измерено скольжение вертушки по точке перегиба во 2-й гармонике сигнала. По 2 (запасному) варианту конструкции патент имеет 2 вертушки с разными углами атаки и обтекания лопастей. Этот вариант не показан, но описание есть во 2-м патенте.

2. КАЛИБРОВКА ТЕПЛА И ВОДЫ

С квартирным приборным учетом воды не всё так просто. Имеется, по меньшей мере, 7 открытых мест хищений воды (на фотографии рисунок 1 показано 5, из которых 2 справа идут от кухни), а домовые потери ЖКХ скрывают в счетах на коммунальные услуги. Если убрать потери, то при капремонте водопровода достаточно проложить новые трубы методом «труба в трубе».

Рисунок 1 – Дефекты учета воды

Есть и верное решение задачи, реализованное в 1994 году успешно на 3 многоквартирных домах Тольятти. Из-за коррупции мы не тиражировали своих решений, но на всякий случай в журнале «Реформа ЖКХ» опубликовали. У конструкторов и чиновников несовместимые квалификации.

Намного сложнее решение проблемы расследования хищений тепла и горячей воды с осуществлением 100% поверки.

Мои патенты RU 2567433, 2602748, 2578046 и по ним полученные типовые результаты. Термостат и переключки переносные. Калибровку тепла можно совместить с холодной водой одним и тем же оборудованием. Время на сборку и поверку одного объекта занимает в среднем 30 минут.

3. ТЕПЛОСБЕРЕЖЕНИЕ И ПЕРЕОСНАЩЕНИЕ СТАРЫХ ТЕПЛОСЕТЕЙ

Отопление с экономией в 40 раз на базе Водоканал Тольятти и крупнейшей (Сызранской) нефтебазы мы давно (с 1999 г.) не считаем пробле-

мой. Нужно только поднять сбережение в 5 раз и прекратить хищения в 8 раз, итого в 40 раз. По «правилам» не получится, а калибровка и дисбаланс потери и хищения сразу показывают.

Здесь 2 направления развития:

3.1. «Теплосбережение в 40 раз» (см. по заголовку видео в <https://www.youtube.com/> или на прямой ссылке https://www.youtube.com/watch?v=hl_xBaO0iwc&t=9s).

3.2. Оснащение метода «труба в трубе» с учетом дополнения локального «подъездного» отопления.

Первая проблема нами решена, но объяснений по тепловым режимам и калибровке мы не даем. Судя по закрытию 3 специализированных журналов подряд в 2014 году, разъяснения не нужны. Когда копируют чужие конструкции, то получают результат в 2 раза, он их устраивает.

Мой патент RU2594149 дает 5-ратный эффект по строительству, но менеджерам снижение смет и объемов работ невыгодно. На каждый подъезд многоквартирного дома требуется котел 13 на уровне окна верхнего этажа подъезда с разводкой дополнительного тепла по квартирам 11 (рисунок 2). Ничего лишнего, просто это лучше, чем затыкать фонтаны, перекапывать весь город и мешать народу. А еще надо суточный расход воды уменьшать в 5 раз, как в 1994 г., что нами сделано.

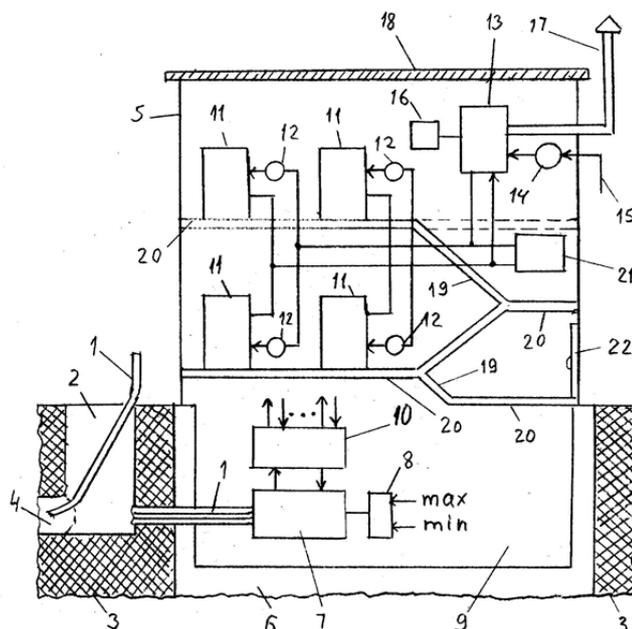

Рисунок 2 – Схема оснащения методом «труба в трубе» с учетом дополнения локального «подъездного» отопления

4. МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ ЛЕСА

Это тема кандидатской диссертации по профилю криминалистической техники, которая очень несовершенна с точки сбора вещественных доказа-

тельств. Пока подана основная патентная заявка RU 2017100967 на СПОСОБ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ СПИЛЕННОГО ЛЕСА И УСТРОЙСТВО ДЛЯ ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ с приоритетом 10.01.2007. Заявка предполагает оригинальное и удобное использование влагомера и газоанализатора в одном просверленном неглубоком отверстии нужной конфигурацией в древесине (рисунок 3).

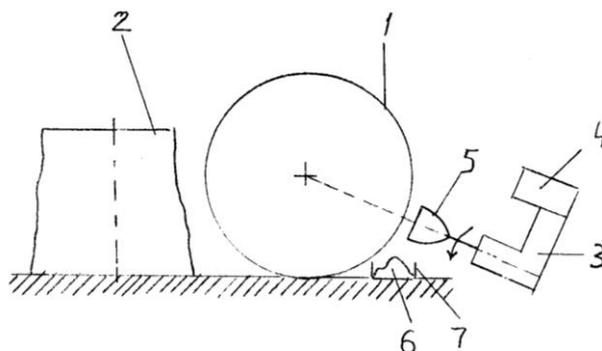

Рисунок 3 – Схема использования влагомера и газоанализатора

5. ГЛУБИННАЯ РАЗВЕДКА НЕФТИ

По патентной заявке RU 2015143036. Способ (адаптивной) фильтрации ... отличается тем, что от локальных акустических сигналов формируют всплеск жидкости в зоне предполагаемого месторождения и настраивают частоту и форму волн жидкого месторождения в резонанс и на передачу резонансного сигнала наружи к приемнику сигнала. (43) Дата публикации заявки: 10.08.2016. Бюл. № 22, реестр Роспатента. Отчет об информационном поиске 2016.12.15. Уведомление о результатах проверки патентоспособности 2016.12.15. Срок для ответа на запрос 6 месяцев.

Добыча нефти в Арктике с разливом в океан и хищениями по пути транспортировки являются корыстными правонарушениями. Скорее всего, заявка носит информационный и предупредительный предаварийный характер в явно опасной зоне, чтобы отсечь вредительство.

Изобретение требует доводки.

Библиографический список

1. Шмелева, А.Б. Криминалистическая калибровка систем коммерческого учета и доводки изделий ВПК // Материалы XIII Международной научно-практической конференции «Татищевские чтения 2016». Актуальные проблемы юридической науки. В 5 томах. Том 3. - Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2016. – с. 338-343.

2. Шмелева, А.Б. Криминалистическая калибровка для адаптации к потеплению климата <https://goo.gl/5qheuC> // Проект для конкурса Google от 18.05.2016. – Эффект снижения затрат в 4 млн. раз в разделе «Вывод и

отчет».

3. Шмелева, А.Б. Способ криминалистического контроля спиленного леса и устройство для его осуществления // Патентная заявка на изобретение RU 2017100967 от 10.01.2017 – нет публикации после сроков проведения патентной экспертизы

4. Шмелева, А.Б. Способ теплоснабжения с реконструкцией подземных сетей и устройство для его осуществления // Патент на изобретение RU 2594149 с приоритетом 27.04.2015, действующий до 2035 г. - Монтаж настенных котлов от 14 до 110 кВт над верхними окнами подъездов жилых домов.

5. Шмелева, А.Б. Способ измерения скорости потока и устройство для его осуществления // Патент на изобретение RU 2506597 от 27.03.2012, действующий до 2032 г. – Поверка в эксплуатации. Погрешность $\gamma = 0,075\%$.

6. Шмелева, А.Б. Способ калибровки и поверки системы измерения тепловой энергии и теплоносителя // Патент на изобретение RU 2567433 от 25.12.2013, действующий до 2033 г. – Полная метрология (поверка) в эксплуатации.

7. Шмелева, А.Б. 2-турбинный расходомер с противоскольжением по разности осевых сил и способы его изготовления и испытания // Патент на изобретение RU 2577554 от 29.12.2014 г., действующий до 2034 г. $\gamma = 0,075\%$.

8. Шмелева, А.Б. Способ калибровки и поверки измерительной системы узла учета тепловой энергии и теплоносителя с возмущениями и устройство для его осуществления // Патент на изобретение RU 2578046 от 25.12.2013 г., действующий до 2033 г. - Учет 25 влияний.

9. Шмелева, А.Б. Способ калибровки систем учета тепловой энергии и поверки счетчиков жидкости и устройство для его осуществления // Патент на изобретение RU 2602748 от 25.12.2013, действующий до 2033 г. – Одновременная поверка счетчиков воды и узлов учета тепла.

10. Шмелева, А.Б. Способ фильтрации сейсмических сигналов в системе сейсморазведки жидкости, например, нефти и воды // Заявка RU 2015143036 частично опубликована. - Разведка с глубин 150 м - 5 км без бурения грунта.

11. Шмелева, А.Б. Способ совокупных измерений расхода и контроля неоднородности текучей среды и устройство для его осуществления // Заявка 2014150184 опубликована и отозвана без экспертизы патентоспособности. – Контроль влажности пара и топлива на взлете.

ПРИМЕЧАНИЕ. Все описания патентов и заявок Шмелевой, А.Б. размещены в Google patents на русском языке и в реестрах Роспатента.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Функциональное значение религии в цивилизационном подходе к типологии обществ А. Тойнби	
Агафонова Г.Ю.....	3
К вопросу о дискреционных полномочиях как проявлении диспозитивности в праве	
Демин А.В.	5
Некоторые предпосылки юридической политики Российской империи по сохранению местного обычного права присоединенных в XVII-XIX вв. народов	
Диулина О.А.	11
Соотношение функций юридической ответственности: общетеоретический аспект	
Кабанов П.А.	14
Имущественные санкции в налоговой сфере	
Кабанова Л.Н., Кабанов П.А.	20
Об основных методологических концепциях разграничения естественных и позитивистских подходов в российской юридической науке	
Крылов А.Д.	25
К вопросу о соотношении материального и процессуального компонентов в праве	
Кутько В.В.	32
Либеральная концепция конституционного государства	
Ф.Ф. Кокошкина	
Лапаева А.В.	37
Сравнительно-правовой анализ функций правореализационной нотариальной практики	
Моисеева О.В.	40
Актуальные проблемы правового регулирования прав граждан в системе защиты прав потребителей	
Романова Г.В.	45
Исторические особенности правового регулирования неправомерного поведения	
Солдатов Я.В., Солдатова А.В.	49
Источники канонического и международного права как средства глобального и аддитивного правового регулирования	
Спирин М. Ю.	52

Законотворчество как особая форма реализации права (общетеоретические и методологические проблемы)	
Степаненко Р.Ф.	56
Стадии правоинтерпретационной деятельности	
Терехов Е.М.	60
Вопросы правопонимания в современной теории права	
Юн Л.В.	67

***АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО,
МЕЖДУНАРОДНОГО, АДМИНИСТРАТИВНОГО,
МУНИЦИПАЛЬНОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА***

Актуальные международно-правовые проблемы обеспечения защиты и сохранения мирового океана	
Валиуллина К.Б.	72
Транспортное средство как источник повышенной опасности	
Полякова С.В.	75
К вопросу о правовом регулировании реализации конституционного права на образование инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья	
Пынчук В.А.	79
Финансовое обеспечение деятельности образовательных организаций: правовой аспект	
Сюбарева И.Ф.	84
Соотношение международного информационного права и международно-правовой охраны интеллектуальной собственности	
Талимончик В.П.	88

***АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
И ПРОЦЕССА***

Особенности гражданско-правовой ответственности по договору об оказании трансплантационных услуг	
Алсынбаева Э.М.	94
Понятие и признаки консультационной услуги как гражданско- правовой категории	
Ахтямова Е.В.	97
К вопросу о защите прав потребителей в сфере оказания телематических услуг связи	
Балякина Е.Б.	99

Проблемные вопросы нотариального удостоверения завещания Бурдаева В.Н.	101
Некоторые проблемы определения заказчика в договорах возмездного оказания медицинских услуг с применением вспомогательных репродуктивных технологий Горбунова О.В.	106
Оборот эмбриональных стволовых клеток: юридические аспекты Демкина Е.А.	110
Особенности защиты права собственности Джумаев У.Р.	114
Защита права частной собственности Джумаев У.Р.	120
О структуре и специфике предмета доказывания в гражданском процессе Карлов В.П.	122
Функции государства в семейных правоотношениях Косенко Е.В.	128
К вопросу о разграничении понятий добросовестного и недобросовестного владения Масалимова А.А.	132
Об актуальности развития гражданско-правовой конструкции учреждения, вещных правах лиц, не являющихся собственниками Павлов К.Н.	134
Выборы – одна из форм замещения должностей преподавателей высшей школы Поленова И.А.	138
Патронатная семья: зарубежный опыт Резяпова Г.Ф.	139
Актуальные проблемы правового регулирования прав граждан в системе защиты прав потребителей Романова Г.В.	141
Интерес и его значение в гражданско-правовом регулировании Уколова Т.Н.	145

***АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА,
ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ***

Уголовные правонарушения против судебной власти: изучение зарубежного законодательства Абдижами А.Ж.	152
--	-----

Проблемы определения объекта преступления в уголовном праве Амиянц К.А.	158
Уголовно-правовая охрана репродуктивного права женщины в странах англосаксонской правовой семьи	
Бурцева В.В.	162
Еще раз об условном осуждении	
Веретина Ю.А.	168
Уголовный закон в свете либертарной теории права	
Дубовиченко С.В.	173
Институт освобождения от наказания по российскому уголовному законодательству и уголовному законодательству Республики Казахстан	
Ефремова И.А.	180
Особенности исполнения, отбывания и сроки исчисления уголовного наказания в виде исправительных работ	
Ибрагимов Н.М.	185
Проблемы правового регулирования амнистии в нормах уголовного законодательства	
Кабжанов А.Т.	188
Влияние крымских и посткрымских событий на расширение системы источников российского уголовного права	
Кострова М.Б.	195
Приоритетные направления противодействия коррупции в странах Азии на современном этапе	
Креховец А.В.	201
Добровольный отказ от совершения преступления и его применимость на различных стадиях преступной деятельности	
Лапшин А.А.	205
Особенности предмета и субъекта незаконного поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания	
Латыпова Э.Ю., Гильманов Э.М.	208
Декриминализация побоев: за и против	
Милова И.Е., Милова Е.А.	213
Проблематика предупреждения экстремизма в Российской Федерации	
Некрасов А.П.	217
Типы криминализации и декриминализации в сфере экономической деятельности	
Нечаев А.Д.	223
Незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ как преступление в сфере внешнеэкономической деятельности	
Никифорова А.А.	228

Идея преступного состояния длящегося преступления в теории русского уголовного права	
Ораздурдыев А.М.....	233
Ответственность за преступления в сфере компьютерной информации в странах Балтии	
Пелевина А.В.	245
Сравнительный анализ уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции в Российской Федерации и в зарубежных странах	
Передерин Д.А.....	248
К вопросу тактико-криминалистического обеспечения проверки показаний на месте	
Романов В.И., Романов А.В.....	253
К вопросу о субъекте амнистии	
Саркисян А.Н.	258
О некоторых вопросах причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием без признаков хищения	
Толстая М.-В. Е.	264
Организация работы военной прокуратуры Ульяновского гарнизона в военный период (историко-правовой анализ 1941-1945 годов)	
Хохлов В.И.....	268
Специфика общественной опасности преступлений в составах с административной преюдицией	
Чемеринский К.В.....	278
Становление института досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе Российской Федерации	
Шурыгина И.И.....	281
Особенности доказывания цели создания банды	
Шутемова Т.В.....	285
Распространение сведений как способ совершения информационных преступлений	
Шутова А.А.....	289
Транспортное «лихачество» - умысел или легкомыслие?	
Якушин В.А.	292

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЁНОГО

О возможности использования изображения гражданина без его согласия	
Грязев А.О., Федяев С.В.....	294

Правовая природа недействительной сделки	
Задорин С.В., Фольгерова Ю.Н.	306
Особенности совершения преступления лицом с психическими анамалиями	
Камалдинов Л.И., Сафаргалиева О.Н.	309
Феномен совести в праве	
Кузьмин Р.И., Степаненко Р.Ф.	312
Мошенничество в сфере компьютерной информации: теоретический аспект	
Перегудова В.С., Калентьева Т.А.	315
Создание криминалистической техники для расследования потерь и хищений энергетических и природных ресурсов в эксплуатации	
Шмелева А.Б., Андреев И.П.	318

**Материалы
XIV Международной научно-практической конференции
«ТАТИЩЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
НАУКИ И ПРАКТИКИ»**

В 4-х томах

Том 2

***АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ***

Компьютерная верстка и дизайн

И.А. Чиргадзе

Сдано в набор 23.03.2017.

Подписано к печати 31.03.2017.

Формат 60x84/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Times ET.

Печать оперативная. Усл. п.л. 20,7. Уч.-изд. л. 19,2.

Тираж 100 экз. Заказ № 76.

Отпечатано в типографии ВУиТ.